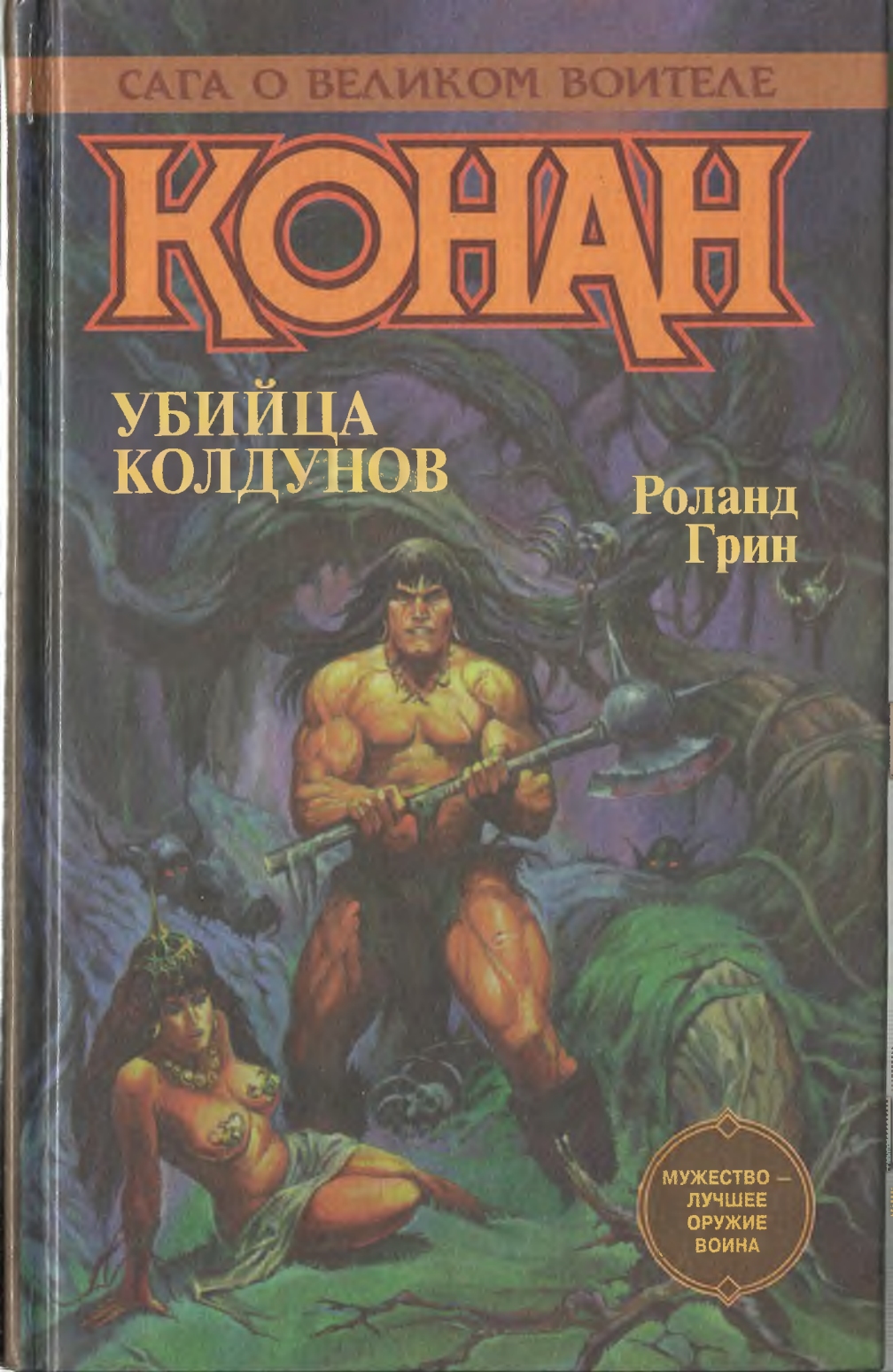

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

УБИЙЦА
КОЛДУНОВ

Роланд
Грин

МУЖЕСТВО —
ЛУЧШЕЕ
ОРУЖИЕ
ВОИНА

МОРЕ ЗАПАДА

ВАНАХЕЙМ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ТАУРАН
ДЕБРИ ПИКТОВ
Р. Черная
Р. Грозовая
Р. Ширка

АСГАРД
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
НЕМЕДИЯ

ГИПЕРБОРЕЯ
Халого
БРИТУНИЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ
КХИТАЙ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ

Кордава
Мессантия
Аргос
РАБИРИЙСКИЕ ГОРЫ
Р. Хорот
УАНТЕН
Р. Алмалык
Шамар
Тарантия
Велитриум
Галпаран
Танасул

Офир
Ианта
Хоршемиш
Хорайя
Хоршеш
Аренджун
Карпашские горы
Бельверус
Нумалия

ХАУРАН
Ажит
Аграпур
Самарра
Шангара
Хорезм
остров Железных Идолов
остров Ксапур
Р. Запорожная

СТИГИЯ
Куш
Дарфар
Кешан
Пунт
Зембабве
Иранислан
Вендия
Р. Стикс
Р. Зархеба
Кассали
Ксухотл
Кешла
Ксугал
Сухмет
Луксур
Кеми
Птейон

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА

**И снова
мы вместе!**

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

УБИЙЦА КОЛДУНОВ

Роланд Грин

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
Г 85

Roland Green

Conan the valiant.

Copyright © 1988 by Conan Properties, Inc.

Conan & the mists of doom.

Copyright © 1995 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Грин Р.
Г 85 Убийца колдунов: Романы / Пер. с англ. — СПб.:
Терра—Азбука, 1996. — 448 с.
ISBN 5-7684-0131-8

Роланд Грин — один из создателей саги о Конане. В
своих чудесных романах он уводит нас в древний мир, где
отважное сердце и сталь побеждает черное колдовство.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0131-8

Волшебные камень Курага

РОМАН

Пролог

Заходящее солнце позолотило снега Повелителя Ветров, владыки Ильбарских гор. Нижние склоны тонули в тени, в ущельях уже царила тьма.

Бора, сын Рафи, укрывшись за валуном, изучал лежавшие перед ним долины, тремя лучами отходившие от подножия каменного великана. Туман сплетал над ними немыслимые формы; плотные облака его походили на тела чудовищных тварей, выпедших на ночную охоту.

Бора не обращал на них ни малейшего внимания, — он вырос в горах, и потому все здесь было привычно и знакомо ему. Еще бы! Его предки пасли в этих местах скот еще тогда, когда прародители великого царя Йалдиза Туранского были мелкими князьками.

С недавнего времени об этих долинах стали ходить странные слухи. По ночам в одной из них вспыхивали диковинные зеленые огни, природа которых была неизвестна горцам, ибо из всех смельчаков, отправившихся туда, удалось вернуться лишь одному, — понять же что-либо из его рассказов было невозможно — бедняга тронулся умом и говорил разве что о демонах.

Через какое-то время из деревень стали исчезать люди. Вначале это были дети — девочка, отправившаяся за водой к источнику, мальчик, несший обед работавшему в поле отцу, младенец, на минуту оставленный в колыбельке. Разыскать разбойников горцам так и не удалось, однако замечены были следы странного существа с длинными, как пальцы, когтями. Затем стали исчезать и взрослые — как женщины, так и

мужчины. Деревни опустели: люди боялись выходить из своих домов в одиночку и старались держаться вместе даже днем. Поговаривали, что среди пропавших были и воины царя Йалдиза, посты которых стояли на перевалах.

Мугра-Хан, полководец армии Йалдиза, не верил этим историям. Происходящее слишком уж походило на смуту, которая в любой момент могла распространиться и на другие уделы.

Он был не настолько глуп, чтобы арестовывать людей наудачу, — поступи он так, и все семнадцать его наместников тут же почувствовали бы себя бунтовщиками, ибо были они ничуть не глупее его самого. Мугра-Хан повел себя иначе: он ввел строжайшую дисциплину, арестовал недовольных и стал ждать, когда же враг выдаст себя.

Надеждам его не суждено было сбыться. Люди продолжали пропадать, как и прежде, но считать их исчезновение проявлением бунтарского духа он уже не мог — изуродованные трупы воинов, найденные на заставах, свидетельствовали о том, что у царя Йалдиза действительно появился неведомый грозный враг. Наличие внешнего врага никоим образом не означало того, что внутреннего врага не существует. Мугра-Хан послал в Аграпур нарочных, которые должны были вернуться с подмогой, сам же решил остаться в горах.

Бора не знал дальнейшей судьбы посыльных полководца, но она его особенно и не интересовала. Куда больше заботила его судьба собственного отца. Рафи, его отец, обвинил солдат в том, что они увели его овец. На следующий день он был арестован как опасный смутьян.

Бора знал, как поступает царь с бунтовщиками, но он знал и о том, что Йалдиз Туранский умеет быть и благодарным. Именно по этой причине Бора пришел сюда — если ему удастся раскрыть тайну демонов, царь может освободить его отца.

Хорошо, если Рафи вернется домой еще до свадьбы Аримы. Конечно, Арима не так хороша, как ее младшая

сестра Карайя, но в том, что она принесет плотнику из Сухого Лога прекрасных сыновей, можно было не сомневаться.

Бора лег поудобнее. За этим валуном он мог провести и всю ночь.

Мастер Эремиус властным жестом подозвал к себе слугу, сжимавшего в руках резные серебряные сосуды, в которые была налита кровь. Слуга подбежал к нему и застыл в низком поклоне. Руки у него были грязными.

Эремиус положил сосуды в шелковый кошель, висевший на его алом кожаном поясе, ударил посохом оземь и выбросил ладонью вперед свою левую руку. Из скалы забили водяные струи, сбившие неряшливого слугу с ног и отмывшие его добела.

— Это будет для тебя уроком, — процедил Эремиус сквозь зубы.

— Такого больше со мной не повторится, мой Мастер! — ответил насмерть перепуганный слуга и тут же юркнул за скалу.

Быстрым шагом Эремиус стал спускаться в долину. Длинные пальцы его ног находили опору на самых крутых местах. Внизу его ожидали двое слуг с факелами. Факелы были сделаны из обычного тростника, однако пламя их имело странный красноватый цвет.

— Все в порядке, Мастер.

— Вот и прекрасно.

В сопровождении слуг Эремиус стал взбираться на противоположный склон, туда, где находился Алтарь Трансформации. Судя по всему, дела там шли гладко, хотя из объяснений слуг можно было понять лишь то, что Алтарь не был утащен грифами, и то, что ни одной из сегодняшних Трансформ не удалось убежать.

Будь Иллъяна и поныне его союзницей, он сумел бы забрать у нее и второй Камень Курага. Прежде чем она смогла бы напасть на него, он, завладевший всем Сокровищем, стал бы непобедимым.

Эремиус почувствовал, что им овладевает гнев, и тут же подавил этот импульс. Магия, используемая им в Трансформации, требовала предельной концентрации. Однажды во время Трансформации ему довелось чихнуть, вследствие чего одному из существ удалось покинуть Алтарь. Для поимки и умерщвления этой частично трансформированной твари ему пришлось прибегнуть к помощи прочих Трансформ.

Алтарь казался частью склона и являлся таковым на деле. Эремиус воплотил его в ничем не примечательной каменной плите, доходившей человеку до пояса и имевшей двенадцать шагов в поперечнике. На боковых стенах плиты были вырезаны руны древнего охранительного заклинания. Они — так же как и руны, вырезанные на золотом кольце, украшавшем левое предплечье Эремиуса, — были древним Ванирским переводом Атлантиской сакральной формулы, ведомой лишь единицам. Камни Курага и все, с ними связанное, казались пустой выдумкой не только людям обычным, но и велемудрым магам, и это не могло не нравиться Эремиусу — во что не верят, того не ищут.

Он приблизился к Алтарю и стал наблюдать за процессом Трансформации. Пред ним лежала молодая деревенская женщина, которую — занимая Эремиуса эта сторона жизни — можно было бы счесть крайне привлекательной. Она была совершенно нагой. К рукам и ногам ее были пристегнуты серебряные цепочки, на голову надет серебряный обруч. Цепочки были натянуты достаточно туго, не позволяя жертве шевельнуть ни ногой, ни рукой. Несмотря на ночную прохладу, женщина обливалась потом. Глаза ее то становились черными, как эбеновое дерево, то вдруг начинали отсвечивать серебром.

Пока все шло нормально — можно было не волноваться. Этой же ночью должно было произойти еще восемь Трансформаций, — армия Эремиуса таким образом должна была пополниться сразу девятью воинами.

В скором времени сила его должна была существенно возрасти — недовольных при дворе туранского власти-

теля было немало, опереться же он собирался именно на них. Своих новых союзников он намеревался послать на поиски второго Камня. Уйти далеко Илльяна не могла, и потому Сокровище рано или поздно должно было оказаться у него. Тогда мир потеряет свою власть над ним и он, Мастер Эремиус, станет полновластным его, мира, владыкою.

Волшебник поднял свою левую руку и стал читать заклинание. Камень Курага тут же вспыхнул изумрудным светом, озарившим собой всю долину.

Бора замер. Туман над западной долиной засиял зеленым светом. Туда он мог добраться и за час, но спешить сейчас не следовало. Волею Митры Бора превратился из пастушка в охотника, в волка, выслеживающего добычу, — волку же надлежит быть осмотрительным.

Бора сел и снял с себя пращу. Кожаные ремни ее были целы, на них не было ни трещинки. Удовлетворенно хмыкнув, Бора подвязал ее к поясу и стал осматривать прихваченные с собою пять голышей. Сколов на них не было. Мальчик вернул их в суму, сшитую из козлиной шкуры, легко поднялся на ноги и направился к долине. Кроме камней в суме его лежали кусок сыра да краюха хлеба.

Больше всего Камень Курага походил на огромный, размером в детский кулачок, изумруд. Люди, видевшие его, таковым его и считали. Однако изумрудом сей камень не был. Никто из людей не знал, чем он является на деле — порождением оккультных сил или естественным образованием. Тайна его покоилась на дне морском — среди поросших кораллами развалин древней Атлантиды. Мастера Эремиуса она не интересовала — с него достаточно было и того, что ему ведомы секреты одного Камня.

Он пропел первую часть заклинания и тут же ощутил тепло, исходившее от сосудов с кровью. Теперь, когда

защитные чары были сняты, он мог обратить эту кровь в орудие Трансформации.

Он поставил первый сосуд рядом с распятой на камне женщиной, рот которой был заткнут кляпом. Глаза ее округлились от ужаса, когда она увидела, что кровь, налитая в сосуд, начинает светиться. Она еле слышно застонала.

Эремиус произнес нараспев три слога, и крышка сосуда, взлетев вверх, исчезла во тьме. Он пять раз ударил своим посохом по алтарному камню и повторил эти слоги еще дважды.

Сосуд взлетел в воздух и повис над женщиной. Эремиус поднял свой посох. Свет, излучаемый камнем, сошелся в тончайший луч, блеском своим походивший на солнце. Легким движением кисти Эремиус направил его на сосуд. Тот дрогнул и, перевернувшись, залил тело молодницы кровью. Эремиус провел посохом над ее телом так, что изумрудный луч прошелся по нему от головы до пят. Отступив назад, маг стал наблюдать за Трансформацией.

Кожа молодницы стала темнеть на глазах, еще через минуту она обратилась в чешую, покрывавшую тело иссиня-черной кольчугой. Изменилось и само тело: теперь на камне лежала не женщина, но грозный исполин, на лапах которого поблескивали длинные острые когти. Глаза у исполина были кошачьими, уши — заостренными, зубы — тонкими и острыми, словно иглы.

Эремиус снова взмахнул посохом, и тут же цепи, сковывавшие исполина, распались. Чудовище неуверенно стало на четвереньки и, понурив голову, приблизилось к магу. Эремиус возложил руку ему на голову и легким движением смахнул с нее и длинные косы, и серебряный обод.

Трансформацию можно было считать законченной.

Из-за Алтаря вышли три Трансформы, некогда бывшие мужчинами. Они помогли своему новому товарищу встать на ноги, на что тот ответил им грозным рыком. Одна из Трансформ ударила новобранца по щеке и тоже оскалила зубы. Эремиус хотел уже было вмешать-

ся, но тут новая Трансформа пришла в себя. В чудищах, стоявших рядом с нею, она узнала таких же, как она сама, слуг Мастера Эремиуса. Отныне единственным ее повелителем и господином был только он — Эремиус Владыка Камня.

Для того чтобы заметить стражей, охранявших вход в долину, не нужно было обладать слишком острым зрением. Присутствию их Бора несколько не удивился, — демон, живший там, вряд ли обрадовался бы гостям.

Бора взобрался на южный склон долины и, стараясь держаться чуть пониже гребня, направился к тому месту, от которого, как казалось, изливался свет. Источник его, судя по всему, находился на открытом месте, а не в одной из пещер, как думал до недавнего времени Бора.

Мальчик стоял над круто уходящей вниз скалой, на которую не осмелились бы ступить и горные козлы. Однако Бору это не пугало — в умении лазать по скалам с ним не мог сравниться никто. Конечно, по таким крутым склонам он еще не ходил, но прежде в этом не было и надобности. Теперь же от его мужества и ловкости зависели и жизнь отца, и его собственная судьба. Мугра-Хан был известен своей суровостью и нетерпимостью к малейшим проявлениям непослушания — семейство Рафи ожидало либо изгнание из страны, либо — смерть.

Бора хорошо рассмотрел скалу и, стараясь не спешить, полез вниз. К тому времени, когда половина пути была пройдена, с ним стало происходить что-то странное: члены его стали дрожать, ладони внезапно вспотели. Устать так быстро он не мог, вызвать эту слабость могли только колдовские чары.

Он тут же отогнал от себя эту мысль, понимая, что страх лишит его и остатка сил. Нашупав ногою опору, Бора остановился и перевел дух.

Изумрудный свет то вспыхивал, то погасал. Мальчик ясно видел луч, выхватывавший из мрака неясные

фигуры, стоявшие вокруг огромного камня. На людей они не походили.

Бора спустился еще ниже и оказался на достаточно широкой каменной полке. Справа от него скала отвесно уходила вниз, слева же крутой спуск сменялся полого спускавшимся склоном. Откуда-то несло падалью. Мальчик поморщился и стал всматриваться во тьму. У основания скалы расхаживал дюжий страж, вооруженный коротким луком и тонкой изогнутой саблей.

Бора осторожно снял пращу с пояса. Стражника следовало убить. Если ему и удастся каким-то чудом проскочить мимо этого грозного воина, он, этот воин, станет на пути, когда Бора пойдет обратно.

До стража было добрых сто пятьдесят шагов, однако и в метании из пращи Бора не имел равных. Воин рухнул наземь, так и не узнав, откуда же к нему пришла смерть. Сабля его со звоном упала на камни.

Бора застыл, ожидая, что товарищи убитого поднимут тревогу. Но те, похоже, ничего не заметили. Мальчик пополз дальше вниз.

Вонь становилась все сильнее. К зловонию, источаемому падалью, примешивалось что-то настолько тошнотворное, что дышать становилось решительно невозможно. Мальчик вновь вспомнил о колдовских чарах.

Возможно, именно эта мысль и спасла ему жизнь — чувства его напряглись, и он увидел выходящих из пещеры демонов. Не заметить их было нельзя: они светились тем же изумрудным светом, который и привел его в эту долину. Демоны были куда крупнее людей — выше и шире в плечах, — тела же их были покрыты крупной чешуей.

Они беззвучно шли прямо на него, однако он слышал обращенные к нему слова, что звучали где-то внутри.

Постой, мальчик! Ты можешь стать слугой служителей Мастера! Постой, не уходи!

Бора прекрасно понимал, что, задержись он хотя бы на миг, и место его собственной воли займет чужая — воля служителей Мастера. Праща закружилась вновь, и через мгновение демон, шедший впереди, зашатался и повалился наземь, увлекая за собою и одного из своих собратьев.

Третий демон легко перепрыгнул через их тела и посмотрел прямо на мальчика. Бора вновь услышал властный бесплотный голос.

Подчинись мне, и ты сподобишься милости самого Мастера!

Боре ничуть не хотелось быть съеденным заживо. С проворством ящерицы он стал взбираться наверх.

Демон зашипел по-змеиному столь гневно, что мальчик едва не сорвался со скалы. Чудовище тоже стало карабкаться наверх, но ловкости для этого ему явно не доставало — уже через минуту оно со страшным грохотом упало вниз.

Бора остановился только на самом гребне горы. С выражением «бежать так, словно за тобой гонится тысяча чертей» он встречался и раньше, но лишь теперь мог понять истинный его смысл.

Если ему удастся вернуться домой, он попытается убедить людей в том, что в долине и в самом деле поселились демоны.

Изумрудный свет померк. Горы вновь были объаты непроницаемой тьмой.

Прикрыв глаза, Эремиус недвижно стоял перед Алтарем. Звона упавшей сабли он не услышал. Из задумчивости его смогли вывести лишь призывные крики Трансформ, с которыми они обращались к кому-то неведомому. Не прошло и минуты, как он услышал сдавленный крик одного из своих воинов, за которым последовали страшный грохот и стук камней.

Эремиус поежился. На сей раз Трансформация ему явно не удалась. На камне извивалось могучее, исполненное неистовства и безумия тело.

Первыми не выдержали ножные кандалы. Трансформа задергалась еще яростнее и вскоре уже стояла на четвереньках, грозно рыча. Эремиус вздохнул и коснулся посохом ее переносицы.

Трансформа беззвучно завизжала, метнулась в сторону и, упав с Алтаря, растеклась по земле зеленоватой желеобразной массой, вязкость которой уменьшалась с каждым мгновением. Вскоре от нее осталось лишь несколько темно-зеленых пятен, но и те быстро таяли. От камней понесло таким смрадом, что поморщился и издавший виды Эремиус.

Маг отвернулся от Алтаря. О какой-то концентрации уже не могло идти и речи, и потому продолжать Трансформацию он не мог.

К нему подбежал начальник охраны. Упав на колени перед своим господином, он забормотал:

— О Великий Мастер, Кюри погиб! Со скалы сорвался камень, который угодил ему в голову. Погибли и две Трансформы — одна сорвалась со скалы, вторую тоже убило камнем!

«Камнем?!» От удивления Эремиус не мог вымолвить ни слова. Трансформы погибли, преследуя неведомого врага, — в этом можно было не сомневаться. И для чего только здесь выставлена стража?

Своим посохом он ударил капитана по плечу. Тот скривился от боли, но не издал ни звука.

— Пошел вон! — закричал Эремиус.

Оставшись в одиночестве, он воздел к небу руки и разразился проклятиями. Он проклинал магов древней Атлантиды, магические Камни которых были так сильны в паре и так бессильны поодиночке. Он проклинал и сам Камень Курага, вынуждавший его прибегать к помощи таких бестолковых слуг, какими являются люди. Разумными этих людей могло сделать лишь служение ему, в противном же случае они являли собой нечто до такой степени жалкое, что о них не стоило и говорить. Более же всего он проклинал Илльяну. Почему она ослушалась его? Почему она бежала так внезапно? Если бы ему удалось завладеть тем, на что он имел все права...

Эремиус затряс головой. Что было, то было — и ничего с этим поделать нельзя. Прошлое так же незыблемо, как Ильбарские горы. Думать следует не о нем, но единственно о будущем.

В родной Горячий Ключ Бора вернулся до рассвета. Деревня еще спала. Он подошел к родительскому дому и замер. Изнутри доносился плач.

Бора тихонько постучал в дверь. Она тут же приоткрылась, и перед ним появилось заплаканное личико его сестрички Карайи.

— Бора! Ты где это пропадал?

— Я был в горах. Скажи мне сразу, Карайя, что случилось? Неужели они казнили...

— Нет, нет! Отец здесь ни при чем! Демоны похитили Ариму!

— Демоны?

— Ты что — спишь? Я же ясно сказала — демоны похитили Ариму! — Карайя вновь разразилась ревом.

Он ласково потрепал ее по головке и завел в дом. Невесту откуда взявшийся Якуб прикрыл за ними дверь. Во второй комнате тоже плакали.

— Это твоя матушка печалится, — сказал Якуб. — Детей я отвел к соседям.

— Кто позволил тебе здесь хозяйничать? — возмутился Бора. Он никогда не любил Якуба, который был слишком уж воспитан и предупредителен, что, впрочем, не мешало ему исправно пасти овец. Он появился в Горячем Ключе два года тому назад, объясняя свой переезд тем, что в Аграпуре у него было слишком уж много врагов. Дело свое он знал хорошо, и потому встретили его здесь радушно, тем более что он свято чтит обычаи предков.

— Ты здесь тоже не хозяин! — вмешалась Карайя. — Так что прикуси свой язык!

Бора беспомощно развел руками. Кузнец Ископ был прав, говоря о том, что в этом мире нет ничего острее женского языка.

— Прости меня, Кара. Я не спал всю ночь, да и устал немало.

— Ты действительно выглядишь усталым, — сказал Якуб, улынувшись. — Надеюсь, твоя избранница стоила этого.

— Если ты был у этой девки... — начала было Карайя, но Бора тут же перебил ее:

— Эту ночь я провел в горах. Я пытался разгадать тайну долины.

Карайя тут же успокоилась и даже помогла своему брату омыть лицо и тело. Якуб внимательно слушал рассказ мальчика.

— Верится в это с трудом, — наконец сказал он.

Бора чуть не подавился куском хлеба.

— Ты что — считаешь меня лжецом?

— Ни в коем случае. Но я говорю о вещах достаточно серьезных. Твоему рассказу никто не поверит.

Бора готов был расплакаться. Он и сам думал об этом, понимая, что рассказ его настолько необычен, что скорее походит не на правду, а на пустые бредни.

— Не расстраивайся, мальчик. Я отправлюсь в Аграпур и попробую разыскать своих приятелей. Кто-кто, а они-то должны нам поверить.

Бора собрался с мыслями. Он не доверял Якубу, но рассчитывать на иных союзников ему не приходилось. Помимо прочего, Якуб был вхож во многие дома Аграпура, великого города, о котором другие знали лишь понаслышке. Войско можно было собрать только там: деревенский люд был слишком напуган и предпочитал отсиживаться дома.

— Клянусь хлебом и солью, съеденными мною в этом доме, — возгласил Якуб, — клянусь Эрликом и Митрой, клянусь моей любовью к твоей сестре Карайе...

Бора вздрогнул и недоуменно посмотрел на сестру. Та улыбалась как ни в чем не бывало.

— Прости меня, Бора, — вновь заговорил Якуб. — Я не мог сделать ей предложения до той поры, пока Арима не выйдет замуж. Теперь же думать об этом и вовсе не приходится. Нас ждет долгий и трудный по-

ход. И я клянусь сделать все от меня зависящее для того, чтобы освободить твоего отца и отомстить за твою сестру.

И в ответ он услышал храп. Бора забылся крепким сном.

Глава первая

Славный город Аграпур называли и великим, и блистательным, и сказочным, однако ни одно из этих определений не заключало в себе всей истины. Лучшее и справедливейшее из всех имен ему было дано заезжим кхитайцем, назвавшим его «Градом, в котором сошлась вся Поднебесная». Имя это, при всей его тяжеловесности, как нельзя лучше подходило Аграпуру, не знавшему недостатка ни в чем и способному утомить разве что собственным ему разнообразием.

Солнце уже зашло, но черепичные крыши и камень мостовых все еще пылали жаром. Улицы были почти пусты — на них можно было встретить лишь дозорных да тех, кому срочные дела не позволяли сидеть дома. Последние в большинстве своем были людьми вполне определенной профессии. И днем, и ночью в Аграпуре можно было найти все, что угодно, но для темных дел — а ими-то эти люди и занимались — ночь, как водится, подходила куда как лучше.

Конан-киммериец, офицер армии наемников, ничего противозаконного совершать не собирался. Он спешил в таверну «Красный Сокол», где его ждали отборное вино, отменное жаркое и юные прелестницы. В их обществе тяготы ратной службы забывались и жизнь становилась такой, какой она, по его глубокому убеждению, и должна была быть.

Конану вспомнился его недавний разговор с капитаном Хаджаром.

— Ты сопровождаешь королевских особ в Кхитай и считаешь себя важной птицей. Но ты ошибаешься, парень. Твое место среди воинов. В том твой удел и состоит.

— Капитан, ты хочешь сказать, что я такой же вор и прощелыга, как и мои подчиненные?

— Ты посмотри на воинов Ицхака. Вот уж сброд так сброд! Клянусь бородой Черного Эрлика, Конан, — нет человека, которому я доверял бы больше, чем тебе! Я не знаю ни одного командира, у которого была бы такая же дисциплина! Твоим людям не страшны ни казаки, ни иранистанцы. Пей, Конан, пей — да только не забудь заплатить за нас обоих.

Конан покорно подчинился своему командиру. Он уважал Хаджара, пусть тот и разговаривал с ним словно с рекрутом. Именно Хаджар способствовал его продвижению по службе, именно он давал ему поручения, выполнение которых позволило ему снискать известность и славу.

Киммерийцы не склонны к подчинению. Их ведут в бой не походные командиры, но доблесть и отвага. Суровый климат Киммерийских гор отпугивал чужеземцев почище любой армии, и потому дисциплина и порядок, свойственные иным из них, так и не прижились на скудной киммерийской почве. Конан уважал в Хаджаре мужчину, муштра же и казарменные порядки, насаждавшиеся им повсюду, вызывали у него разве что отвращение. Приучать же к дисциплине других — все равно что чистить конюшни.

Таверна «Красный Сокол» находилась на вершине Маданского холма, к которой вела улица Двенадцати Ступеней. Конан с грациозностью пантеры взобрался на холм. Парочка грабителей, укрывшихся за кустами, решила не трогать его — с таким громилой им было явно не совладать.

Ранг Конана позволял ему разъезжать повсюду на паланкине, но он прибегал к этому лишь в особо торжественных случаях, ибо не доверял ни ногам, ни языкам рабов. Он знал, что представляют собой эти люди, тем более что по дороге в Аграпур и сам побывал в шкуре раба.

На дорогу вышел патруль.

— Привет, капитан. Не заметил ли ты чего подозрительного?

— Нет.

Конан был не только офицером туранской армии. Помимо прочего, он занимался и воровским промыслом, и потому дозорных и стражей киммериец недолюбливал.

Патруль скрылся во тьме, внезапно спустившейся на город. В два прыжка Конан преодолел все двенадцать ступеней лестницы, омыл лицо в прохладной воде фонтана и распахнул двери таверны.

— Кого я вижу! Конан, что это с тобой? У тебя такой вид, будто ты поменял золотой на медяк!

— Моти, ты, похоже, перебрал лишнего! Или это у тебя от усталости? Скажи честно, сколько рекрутов ты набрал в свое воинство?

Отставной сержант, некогда командовавший кавалерийским взводом, ухмыльнулся:

— Полагаю, в скором времени я дослужусь до награды.

Конан пересек зал, в центре которого танцевала под звуки тамбурина и бубна светлая ирокезская иранистанка. На ней не было ничего, кроме черной набедренной повязки, пояса, набранного из медных монет, и легкой прозрачной вуали, надушенной маслом жасмина.

Моти сунул в руку Конану массивную серебряную чашу ванирской работы. В «Красный Сокол» ее принес бывший владелец чаши, изрядно задолжавший хозяину таверны. Оный владелец сложил свою жизнь где-то на гирканских берегах, так и не узнав о том, что чаша его стала одной из достопримечательностей самой популярной таверны Аграпура.

— За достойных противников! — провозгласил Конан, подняв наполненную вином чашу. Опорожнив ее, он указал рукой на танцовщицу и спросил: — Это что — новенькая?

— Оставь ты ее, Конан. Как ты насчет Пилы?

— Если она свободна...

— Я никогда не бываю свободной, — послышался сверху нежный голосок. — Цену ты знаешь, все остальное зависит только от тебя.

— Прекрасная Пила, как всегда, любезна, — буркнул Конан и поднял чашу, приветствуя спускавшуюся по лестнице темноволосую женщину. Она была одета в алые шелковые шальвары, на высокой груди ее мерцало перламутровое ожерелье. Пышные формы выдавали в ней женщину не первой молодости.

— Я и сама удивляюсь, — жеманно надула губки Пила. — Эти болваны относятся ко мне так, словно я какая-нибудь портовая шлюха.

— Успокойся, Пила. Ты стоишь большего, — усмехнулся Моти. — Но послушай, что я тебе скажу: если бы ты не назначала таких высоких цен, ты была бы куда богаче. Ты теряешь большую часть клиентов именно по этой причине.

Моти внезапно замолчал. В таверну вошли пятеро мужчин. Четверо из них были одеты в кожаные туники и штаны. На груди и руках их поблескивали стальные доспехи, на широких поясах с бронзовыми бляхами висели тяжелые мечи и короткие дубинки.

Пятый человек был одет иначе: его шелковые одежды были расшиты золотом, золотой была и рукоять его меча. Конан решил, что перед ним стоит знатный вельможа, решивший немного поразвлечься. Ничего необычного в этом не было, и киммериец тут же успокоился.

Моти и Пила повели себя достаточно неожиданно. Пила мгновенно испарилась, прихватив с собой прекрасную танцовщицу. Моти же извлек из-под одежды тяжелую дубину и, приставив ее к ноге, дрожащую рукой налил вина себе и другу.

Судя по всему, гостей этих здесь уже знали. Конан опорожнил чашу и встал так, чтобы видеть сразу всю комнату.

— Ты что, решил вернуться к ратному делу? — вполголоса спросил он у владельца таверны Моти.

— Жизнь заставит — вернусь. Одно плохо — позабыл я все то, чему меня учили.

— Ты запишись добровольцем к Хаджару. Он и из барана воина воспитает, — улыбнулся Конан.

— Что верно, то верно. Вон он тебя как гоняет.

— Он сказал мне однажды, что за это я буду благодарен ему по гроб жизни. Впрочем, может быть, это и так. — Конан подлил себе вина. — Скажи-ка мне, хозяин, неужто в твоём доме плохо со снедью? Или повара твоего черти унесли? Лошадям и тем сена дают...

В то же мгновение в зале появились Пила и танцовщица, что несли в руках подносы, полные всевозможных яств. Они были одеты в широкие платья, доходившие им до пят. Женщины не сводили глаз с гостей. Моти проследил за тем, как будет накрыт стол, и облегченно вздохнул.

— Можешь в этом не сомневаться, — сказал он наконец. — Если за тебя взялся сам Хаджар, значит, боги благоволят к тебе. И щедроты их кажутся мне излишними, — ты же чужеземец, Конан, верно?

— Все правильно, Моти, я здесь такой же чужеземец, как и ты. Не зря ведь говорят, что родился ты в Вендии, а матерью твоей была танцовщица. — Конан внезапно почувствовал, что в скором времени здесь может произойти что-то неладное. По спине его легким паучком пробежала дрожь.

— Моя мать была величайшей танцовщицей своего времени, — ответил Моти. — Хаджар же — величайший воин. — Он посмотрел на киммерийца. — Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— Ха. Ты одного возраста с сыном Хаджара; правда, дожил тот только до двадцати... Может быть, Хаджару ты кажешься сыном? У него нет ни родни, ни друзей. Был только сын, да и того не стало. Говорят, что он...

Дверь распахнулась, и в комнату вошла женщина. Даже явись она в клубах пламени, большего внимания к себе она не привлекла бы. Высокая, статная незнакомка явно была северянкой: об этом говорили и широко посаженные серые глаза, и веснушки на загорелом лице. Сложена была незнакомка на удивление ладно — таких форм Конану еще не доводилось видеть, — прелести девиц Мотилала казались ему теперь чем-то донельзя жалким.

Все мужчины смотрели теперь только на незнакомку, но она не обращала на них ни малейшего внимания,

так, словно была здесь одна. Конану вдруг подумалось, что она держала бы себя так же уверенно и без одеяний.

Приблизившись к стойке, незнакомка сказала с сильным акцентом:

— Достопочтенный Мотилал, у меня к тебе есть дело. — В зале раздался хохот, но женщина словно и не заметила этого. — Я куплю кувшин вина, хлеб, сыр и копченое мясо. Меня устроит даже конина.

— Вы зря обижаете Моти: чем-чем, а кониной-то он не торгует! — вмешался Конан. — Если ваш кошель пуст, я готов...

Женщина холодно улыбнулась:

— Как же я расплачусь с тобой?

— Присядьте за мой столик — только и всего.

Незнакомка походила на сошедшую с небес богиню, для которой он, офицер наемной армии, был чем-то слишком уж вульгарным. Но с киммерийца было достаточно и того, что он сможет лицезреть ее...

— Если твой кошель пуст, голубка, мы беремся наполнить его до рассвета, — пробасил один из телохранителей под дружный хохот своих товарищей. Засмеялся и Конан. Незнакомка посмотрела на него с презрением.

Моти ударил своей дубинкой по стойке бара, и музыкант тут же стал выбивать на своих бубнах чувственный заморский ритм.

— Пила! Заря! — заорал хозяин таверны. — А ну-ка, за работу!

Женщины выбежали на середину зала и сбросили с себя платья. Человек в зеленых, отороченных золотом шелках подхватил своим клинком одеяния Зари, ни на минуту не сводя глаз с северянки.

«Не иначе — хлыщ», — подумал Конан о незнакомце.

Из кухни выбежала девушка с полной корзиной снеди и большим кувшином аквилонского вина. Моти передал товар северянке, пересчитал предложенные ему деньги и, хлопнув служанку пониже спины, буркнул:

— Фебия, закружляйся с готовкой. Теперь нам нужны танцовщицы.

Конану почудилось, что в голосе Моти зазвучали неведомые ему доселе нотки, — казалось, командир приказывает своим солдатам любой ценой удержать завоеванный рубеж. Паучок тревоги вновь пробежал по его спине. Он положил руку на рукоять своего меча.

Пила сбросила с груди перламутровое ожерелье, вызвав в зале массу восторгов. Северянка направилась к выходу, но тут же со своего места поднялся одетый в шелка вельможа. Конан сделал пару шагов вперед, в этот же миг один из телохранителей выставил в проход свою толстую ногу.

Северянка, пытаясь удержать равновесие, отбросила от себя и кувшин, и корзину. Однако это ей уже не помогло — она упала на пол и в тот же миг выхватила из сапога кинжал, а потом, изогнувшись по-змеиному, приготовилась отразить атаку.

Вельможа протянул ей руку, не снимая второй руки с рукояти висевшего у него на поясе клинка. Незнакомка взялась за нее едва ли не с благодарностью, но тут же резко дернула ее на себя. Вельможа повалился на залитый красным вином пол.

Конан услышал шепот северянки:

— Простите меня, мой повелитель. Я хотела...

Пара телохранителей стала лицом к киммерийцу. И тут терпение его лопнуло — он выхватил из ножен свой меч, повинувшись необоримому инстинкту, скрывавшему себя за тончайшим налетом цивилизованности.

Вельможа несколько мгновений созерцал расплывавшиеся по его роскошным одеяниям темные пятна, затем перевел взгляд на женщину. Голос его внезапно перешел в визг:

— Эта дрянь напала на меня! Она испортила мой лучший костюм! Стража — взять ее!

Телохранитель, стоявший за спиной северянки, занес над ее головой дубинку, однако завершить удар ему помешал подставленный клинок Конана. Вместо того чтобы сокрушить череп незнакомки, дубинка легко скользнула по ее плечу, не причинив северянке ни малейшего вреда. Женщина легко откатилась в сторону, освобождая место для Конана. Необходимости в этом

пока не было. И телохранители, и их господин замерли от изумления. Конан взглянул на Моти. Бедняга обливался потом, сжимая свою дубину так, что костяшки пальцев его стали белыми, словно снег.

«Ох, не пить мне больше здешнего вина, — подумал Конан. — Этот князек запугал Моти настолько, что тот позволяет ему нападать на честных людей». Причина этих страхов киммерийца не интересовала — трусость есть трусость, чем бы она ни вызывалась.

— Эта женщина и не думала нападать на тебя! — прохрипел Конан. — Я видел, как один из твоих людей поставил ей подножку.

Северянка одарила Конана улыбкой и тут же едва не поплатилась за это. Один из воинов пришел в себя и изо всех сил рубанул мечом лежавшее у его ног тело. Незнакомка метнулась в сторону, чудом избежав неминуемой смерти. Туника ее окрасилась кровью.

Конан схватил тяжелый табурет и метнул его в воина с такой силой, что тот рухнул на пол. Не давая ему опомниться, киммериец опустил свой тяжелый сапог ему на живот.

Таверна вмиг опустела. Один из воинов отступил к стене. Двое других, возглавляемых своим господином, стали наступать на дерзкого киммерийца. Северянка их теперь нисколько не занимала.

Незнакомка вскочила на стол, заставив одного из воинов повернуться к ней лицом.

— Не вздумай убить ее, идиот! — заорал князек.

Воин грязно выругался, вызвав у Конана известную симпатию. Нет ничего труднее, чем пленить раненую разъяренную львицу. Такую команду мог отдать только крайне недалекий человек — уязвленное самолюбие, похоже, лишило вельможу остатков ума.

Женщина выхватила из сапога второй кинжал и прыгнула вниз. Теперь она стояла так близко к воину, что воспользоваться своим мечом он уже не мог. Кинжал вошел ему в горло.

— Оглянись назад! — закричал Конан.

Воин, отступивший было к стене, решил воспользоваться тем, что незнакомка в пылу сражения забыла и

думать о нем. Помочь ей Конан уже не мог — на него наступало сразу двое: князек и его раб. Судя по всему, ратного опыта им было не занимать — они вели себя уверенно и спокойно.

Предупреждение киммерийца было запоздалым. Но, к счастью, воин исполнился решимости выполнить приказ своего господина, сохранив жизнь возмутительнице спокойствия. Одной рукой он схватил ее за горло, другой выкрутил ей правую руку. Извиваясь, словно змея, северянка попыталась нанести удар левой рукой, но кинжал лишь скользнул по кольчуге воина и упал на пол. Воин мертвой хваткой схватил ее за запястье, заставив выпустить и второй кинжал.

Конану тоже было нелегко. Помимо прочего, ему мешали и танцовщицы, продолжавшие кружить по залу. Пила и Заря уже разделись донага, на Фебии же оставалась только юбка, готовая в любую минуту упасть на пол.

— Кром! Или расступитесь, или помогите мне! — вскричал киммериец.

Юбка свалилась с бедер кухонной девки, заставив споткнуться и налететь на вельможу, грубо оттолкнувшего ее в сторону. При этом клинок его задел за ее ягодицу, оставив на ней длинный разрез, из которого тут же хлынула кровь.

Девушка завизжала и зажала ладонью рану. Истощенный визг заставил вельможу вздрогнуть, чем не замедлил воспользоваться Конан: ударом немыслимой силы он отхватил воину, стоявшему против него, руку и тут же бросился на его соратника, так и не выпускавшего северянку из своих объятий. На подмогу киммерийцу неожиданно пришел Моти. Своей тяжелой дубиной он ударил воина по спине, отчего тот ослабил свою хватку. Незнакомка двинула его локтем в живот и отскочила в сторону. Воин, пытаясь уйти от второго удара дубины, попятился назад и, налетев на стул, упал к ногам игравшего на бубнах музыканта. Тот опустил ему на голову тяжелый кушитский бубен, после чего воин затих.

— Ну что, сукин сын, довольно с тебя? — обратился Конан к вельможе. Тот ошарашенно посмотрел на

киммерийца, швырнул свой клинок на пол и выскочил за дверь. Северянка тоже не стала задерживаться в таверне — подобрав свои кинжалы, она тут же покинула зал. Нагие Пила и Заря принялись хлопотать над раной Фебии.

— Далеко он не уйдет, — сказал Конан. — Его или северянка нагонит, или стража прихватит.

Моти мрачно покачал головой. Теперь он был так же бледен, как и иранистанка. Дубина выпала из его внезапно ослабевших рук.

Конан нахмурился. Его слова почему-то смущили хозяина таверны.

— Я что-то не так сказал? — спросил киммериец. — Или, может быть, этот тип — наследный принц?

— Ты недалек от истины, — еле слышно пробормотал Моти. — Это сын правителя Хаумы.

Имя это было ведомо и Конану. Хаума был одним из наместников, командовавшим гигантским воинством.

— Правителю следовало бы заняться воспитанием своего сыночка. Первым делом я бы его кастрировал — иначе толку от него все равно не будет.

— Конан, мы не должны были ссориться с ним! Лучше такие дела решать миром.

— До той поры, пока он не стал приставать к этой женщине, его никто не трогал! — взорвался Конан. — То же самое я и самому царю Йалдизу могу сказать! Если бы не Фебия, я этого подонка уже прикончил бы.

Моти тяжело вздохнул:

— Девочка сделала это намеренно. Она хотела, чтобы в драку ввязался и я.

Он гневно засопел и продолжил совсем другим тоном:

— Клянусь Хауманом, — после того, что случилось, ты у меня вмиг на улице окажешься! Ну а ты, Пила? Неужто ты думаешь, что я настолько глуп? Ведь без тебя эта дурочка и шагу не может сделать!

Конан поднял с пола дубину и поднес ее к самому носу хозяина таверны.

— Моти, дружище, твоя судьба в твоих руках: или я всажу эту дубину тебе в зад, или ты выполнишь мою маленькую просьбу.

Моти облизнул губы:

— Просьбу?

— Да, просьбу. Отныне и впредь ты будешь предоставлять в мое распоряжение свою лучшую комнату и достаточное количество вина и снеди. Вино может быть любым, главное, чтобы его было много. И еще: ни с меня, ни с женщин, которых я приглашу к себе, ты не будешь брать ни гроша.

Моти было заскулил, но суровый взгляд киммерийца и смешки женщин заставили его замолчать. Руки его сильно тряслись.

— Ну? — грозно спросил Конан.

— Будь по-твоему, разрушитель дома моего и оскорнитель моего имени! Особой радости это тебе не доставит — люди Хаумы могут прийти сюда в любую минуту!

— Я думаю, Хаума куда умнее, чем ты о нем думаешь, — ухмыльнулся Конан. — Ну а теперь, коль скоро договор наш вступил в силу, отведи меня в комнату для почетных гостей и приготовь вина на...

Конан задумался и стал разглядывать женщин.

— На нее, — наконец указал он на Пилу и тут же, кивнув на Зарю, добавил: — И на нее.

Фебия улыбнулась и, покачивая бедрами, подошла к киммерийцу. Конан удивленно посмотрел на нее и, не долго думая, кивнул головой.

— Спорить не стану. Ты тоже пойдешь со мной.

— Хорошо, что эта подружка отсюда улизнула, — хрипло засмеялась Пила. — А то бы ты и ее с собой прихватил!

Глава вторая

— Это лук, а не змея! — закричал Конан. — Он тебя не укусит! Если же ты сейчас из него не стрельнешь, тебе и небо с овчинку покажется!

Долговязый юноша побледнел и с тоской посмотрел на лазурные небеса, словно моля богов о помощи. Конан объяснил все еще раз. Юноша сглотнул и вновь попытался натянуть тугой лук.

Выстрелить из круто изогнутого туранского лука должен был каждый. С иными из воинов заниматься стрельбой было бессмысленно, другие же, напротив, знали все то, чему хотел научить их Конан.

О том, где они обучились стрельбе из лука, Конан не спрашивал — прошлое наемников здесь никого не интересовало. Обычай этот был по-своему мудр и в известном смысле способствовал пополнению туранской армии новобранцами.

Конан сплюнул и косо посмотрел на солдат.

— Хотел бы я встретиться с теми, кто присоветовал вам пойти в солдаты. Но вы уже здесь, и я вынужден поступить так, как велит мне мой воинский долг. Хотите вы того или нет, но солдатами вы станете! Сержант Гарсим! Десять кругов вокруг лагеря!

— Вы слышали, что сказал капитан? — заорал сержант так, что голос его был слышен и во дворце царя Йалдиза. — Бегом марш!

Кивнув Конану, он закрутил над головой палку и понесся на рекрутов. Многим из новобранцев Гарсим годился в дедушки, но он легко обогнал бы любого из них.

Стоило взводу исчезнуть за воротами, как Конан почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. В то же мгновение он услышал голос Хаджара:

— Сдается мне, что такие же слова я уже где-то слышал.

— Вы правы, капитан. Стрельбе из лука меня учил сержант Никар, у него-то я все и перенял.

— Так твоим учителем был сам старик Никар? Ну тогда с тобою все понятно! Кстати, что же с ним самим случилось?

— Он отправился в отпуск, но назад уже не вернулся. Примерно в то же самое время исчезла и банда разбойников. Думаю, эти негодяи имели глупость напасть на него.

— Давай посмотрим, кто из нас стреляет метче. Три круга, в каждом круге по пять стрел — идет?

— Даже не знаю, что вам и сказать, капитан...

— Давай, давай, дамский угодник. Я о твоих подвигах в «Красном Соколе» уже наслышан. Подумать только — он вступился за плясунью!

Конан едва не разинул рот от изумления, но тут же взял себя в руки и, пожав плечами, сказал:

— Ну и что из этого? К тому же вначале я заступился не за плясунью, а за некую неизвестную мне даму. Я мог бы и не делать этого — северянка оказалась превосходным воином...

Хаджар от души рассмеялся:

— Как же, как же... Надеюсь, северянка твоя как-то отблагодарила тебя?

— Не знаю. Я во всяком случае этого не заметил, — ухмыльнулся Конан. — Вот кто был действительно благодарен, так это плясунья! Я до сих пор в себя прийти не могу!

— Конан, что я слышу? Неужели три девицы смогли лишить тебя сил? Если это так, то лучше возвращаясь в свои горы: ты слишком стар для наших мест!

— Берите лук, капитан! Сейчас мы посмотрим, кто из нас стар!

— Митра! Кто ее сюда пропустил? — неожиданно воскликнул Хаджар.

Конан резко обернулся. От ворот к ним шла таинственная северянка. Она выступала так же уверенно, как и в тот памятный вечер; глядя на ее походку, невозможно было поверить в то, что всего два дня тому назад она была ранена в бок.

На незнакомке были уже знакомые киммерийцу туника и штаны. На поясе ее висели широкий меч и кинжал такой длины, что его можно было назвать — будь он пошире — вторым мечом. Лицо ее было скрыто тончайшей шелковой вуалью.

— Похоже, ты с этой девкой уже знаком, — насмешливо сказал Хаджар.

— Это не девка, капитан. Это и есть та самая женщина.

— Ну и ну! Чудеса да и только! Спроси-ка у нее, зачем она сюда пожаловала, а я пока разберусь с этими олухами, что стоят у ворот.

Конан снял тетиву с лука и вновь посмотрел на незнакомку. Едва она подошла к нему, как плащ огласился руганью Хаджара.

— Сейчас он узнает о том, что же я им показала, — спокойно сказала женщина и, раскрыв сжатую в кулак руку, показала киммерийцу золотую монету, отчеканенную во времена царя Ибрама. На лице бородатого Ибрама были выгравированы три заморанские руны.

Подобные монеты были отличительным знаком слуг Мишрака, ведавшего всеми тайными службами Турана.

В подлинности монеты Конан нисколько не сомневался, но его сильно смущало то, что монету эту держит в руке именно эта женщина. Ослушаться приказов Мишрака не смел никто: отказ от их выполнения означал верную смерть.

— Стало быть, тебя послал сам Мишрак... Но зачем?

— Чтобы привести тебя, капитан Конан.

— Куда привести?

— К Мишраку — куда же еще?

— И ты мне больше ничего не скажешь?

— Я не вижу в этом смысла.

Возможно, незнакомка и не могла сказать большего — вряд ли Мишрак посвящал слуг в свои тайны.

В этот момент к ним подошел Хаджар. Его не успокоил вид монеты. Взревав по-медвежьи, он показал рукой на ворота:

— Иди, Конан. Я не такой дурак, чтобы спорить с Мишраком. Гарсим справится с рекрутами и без тебя.

— Как скажете, капитан. Ну а теперь, женщина, скажи мне — могу ли я умыться и взять с собою оружие?

— Ты волен делать все, что угодно, капитан Конан. Но не забывай и о том, что Мишрак ждет тебя.

— Ждет? — усмехнулся Конан и вновь пробежал взглядом по телу незнакомки, лишний раз уверившись в том, что нагота шла бы ей как нельзя лучше.

— Да, именно так, — ответила незнакомка, внезапно смутившись.

— Много времени это у меня не займет, — сказал Конан, думая о том, куда бы ему спрятать парочку кинжалов.

— Мы идем в квартал Шорников, — сказала Конану его спутница, когда они вышли за ворота. Конан был на голову выше северянки, однако едва поспевал за нею. Наверное, она горянка, подумалось ему вдруг.

Вскоре они достигли Бондарной площади, от которой Конан хотел пойти на юг, но северянка тут же остановила его:

— Капитан, квартал Шорников находится на севере, а не на юге.

— Вот как? А я и не знал.

— Это дело поправимое.

— Ну что ж, тогда я отдаюсь в твои руки. Веди меня куда хочешь, — проворчал киммериец.

Квартал Шорников действительно находился на севере; единственное, чего хотел Конан, это пойти по другим, менее людным улицам, но теперь ему оставалось лишь одно — покорно следовать за своей провожатой. Гневить ее попусту ему не хотелось — ее гнев мог обернуться гневом Мишрака.

— Постой, — сказала северянка, направившись к фонтану, стоявшему в центре площади. Утолив жажду, она поспешила к одной из улочек, отходивших на север.

Они вошли в квартал Шорников, в котором размещалось по меньшей мере полсотни мастерских по выделке кожи и производству седел. На улицах стоял невообразимый шум: стучали молотки, скрипели блоки, визжали пилы, шорники кричали на своих подмастерьев. Конан следовал за своей спутницей, держась справа от нее и не выпуская из руки рукоять меча.

Поворот следовал за поворотом. Конан стал разглядывать диковинный кинжал северянки. Рукоять его заканчивалась массивным посеребренным шаром, клинок же выглядел донельзя странно: он был четырехгранным, с глубокими выборками меж лезвиями. «Хотелось бы увидеть его в действии», — подумал Конан и тут же

понял, что такая возможность ему сейчас представится. Из-за строения, стоявшего слева от них, выбежало несколько воинов, еще двое выпрыгнули из окна справа. Всего противников было шестеро. Конан выхватил меч из ножен и принял боевую стойку. Один из воинов показался ему знакомым — он мог видеть его в «Красном Соколе». Киммериец отступил на шаг назад и покосился на свою спутницу — испуг, похоже, совершенно парализовал ее.

«Она, конечно, не союзник, — подумал Конан, — но, с другой стороны, она и не противник». В тот же миг он толкнул выпрыгнувшего из окна воина и ударил его сапогом с такой силой, что тот, взлетев в воздух, сбил с ног своего соратника. Не успел последний упасть, как киммериец опустил ему на голову свой тяжелый меч.

Северянка тоже не стояла без дела. Испуг ее был деланным: едва три воина приблизились к ней, она вонзила свой диковинный кинжал в горло одному из них и с проворством кошки отскочила назад. Неприятеля, не ожидавшие от нее такой прыти, раскрыли рты от изумления и тут же поплатились за это — одному из воинов Конан отрубил голову, второму северянка пронзила стальным жалом грудь. На улице появилось еще несколько противников, но сладить с Конаном было уже невозможно: не прошло и минуты, как все враги, кроме одного, лежали на мостовой.

— Этот — мой! — закричала северянка, изготовившись к поединку.

— Будь по-твоему! — буркнул Конан и опустил свой меч.

Противник, однако, повел себя достаточно неожиданно: вместо того чтобы напасть на стоявшую перед ним воительницу, он отпрыгнул назад и пустился в бегство.

— О боги! Женщина, что же ты наделала?

— Его еще можно догнать.

— В этом-то лабиринте? Да в своем ли ты уме?

— Если ты боишься... — начала было женщина, но тут же осеклась и заговорила совершенно иным тоном: — Прости меня, Конан. Я могла бы заколоть его, но разить противника в спину я как-то не привыкла.

— Забудь об этом — мы не где-нибудь, а в Туранском царстве! Если ты не веришь мне, поговори с Мишраком.

— Я знаю об этом, он скажет мне то же самое. Но я училась у мастера Барафраса, он же считал, что бой никогда не должен превращаться в бойню. Впрочем, что я говорю? Ты и сам ведешь себя не по-турански. С какой это стати ты решил вступить за меня в таверне?

— Я боялся, что эти молодчики испортят мне весь вечер. Если бы не это, я бы и пальцем не пошевелил. И в итоге я оказался прав: я получил от Моти то, на что, признаться, и не рассчитывал.

— И что же ты получил, если это не секрет?

Конан почел за лучшее умолчать о своих недавних победах и, пожав плечами, ответил:

— Об этом я расскажу тебе как-нибудь в другой раз. Пока же нам стоит поскорее покинуть это место — не ровен час, этот прохиндей вернется с подмогой.

— Я думаю, этого не произойдет.

— Ты можешь думать что угодно, но чем скорее мы окажемся у Мишрака, тем лучше.

Северянка согласно кивнула и, отерев свой клинок об одежды одного из воинов, вернула его в ножны. Конан внезапно нахмурился. В одном из погибших он узнал солдата Ицхака. Этого человека он частенько видел в «Красном Соколе» — там он обычно играл в карты. «Что же заставило его заняться разбоем? — задумался Конан. — Долги или нечто иное, мне неизвестное?» Северянка была уже далеко впереди. Конан прибавил шагу. Вот уже дважды он сражался с этой женщиной бок о бок, а имя ее все еще было ему неизвестно.

Глава третья

— Кто там? — услышали они тихий голос. Казалось, он слетал откуда-то сверху, из-за высокой беленой ограды.

— Капитан Конан и та, что была послана за ним, — ответила северянка.

Через минуту за воротами залязгали затворы и закрипели пластины замков. Ворота раскрылись, и знакомый голос раздался вновь:

— Входите.

Они оказались в коридоре, больше походившем на туннель. Стены дома Мишрака были выложены камнем. В дальнем конце коридора виднелась массивная деревянная дверь, сделанная из вендийского тика и украшенная резными изображениями драконов и тигров.

За вторыми воротами находилось караульное помещение. Оба стоявших здесь стража были неграми: один, судя по всему, был выходцем из Ванахейма, второй — уроженцем Шема. Шемит был едва ли не крупнее самого Конана, оружия же, висевшего у него на поясе, хватило бы и на то, чтобы справиться с целым полком.

Гости и стражи обменялись взглядами. Конан решил, что они имеют дело с немymi. В то же мгновение один из негров кивком головы указал на дверь, обшитую полированным серебром. Дверь беззвучно отворилась.

Конан нахмурился. Он был киммерийцем, а значит, как и все киммерийцы, относился к волшебству с неприязнью. С магами ему доводилось встречаться уже не раз, и он знал, что волшебство разъедает человеческую душу куда быстрее, чем серебролюбие и жажда плотских утех. Все волшебники рано или поздно кончали одним — они стремились к неограниченной власти над миром, тех же, кто не желал покориться им, просто-напросто уничтожали. Конан, как и все киммерийцы, не был склонен к подчинению, что делало его непримиримым врагом магов.

И тут ему в голову пришла достаточно разумная мысль: будь Мишрак волшебником, ему бы не потребовались ни слуги, ни стражи, ни стены неимоверной толщины.

Конан и его спутница шли бесконечными коридорами, переходя с лесенки на лесенку, с этажа на этаж. То тут, то там взглядам их открывались чудеса, которые

свезли в эту крепость буквально со всего мира: здесь были и аквилонские гобелены, и вендийские статуэтки из слоновой кости, и кхитайские ковры, и многое, многое другое.

Время от времени на их пути встречались обитые железом двери, утопленные в глубокие ниши. Конан тут же решил, что вести они могут только в царство смерти, и потому каждый раз, когда им приходилось проходить мимо этих дверей, он ускорял шаг.

Они вышли в широкий коридор, все стены которого были завешаны яркими тонкими шелками. Миновав его, они оказались в большой комнате, заканчивавшейся широкой аркой, из-за которой слышались звуки флейты и плеск воды.

— Кто вы? — обратился к ним грозный страж.

Всего стражей оказалось шестеро: двое были иранистанцами, остальные — уроженцами Шема. Кольчуги и шлемы их сверкали серебром, в руках же они держали самые что ни на есть обычные туранские мечи.

— Капитан Конан, подданный царя Йалдиза Туранского, и дама, которой было приказано доставить его к Мишраку, — ответил Конан, не дожидаясь, пока спутница его соберется с мыслями.

Северянка вздрогнула.

— Я, слава Крому, не немой, — обратившись к ней, сказал Конан. — Я киммериец и солдат и потому вправе отвечать за себя сам. Кстати, я не привык общаться с человеком, имя которого мне не известно. Не знаю, как у вас, а у нас принято представляться при первой же встрече.

Северянка неожиданно покраснела и, потупив глаза, сказала:

— Я — Раина, и прежде я жила на Каменной Горе посреди Боссонских топей. Теперь же я служу госпоже Илльяне.

Конан задумался. Ничего нового узнать ему так и не удалось, тем более что имя госпожи Раины ему ничего не говорило. Прежде чем киммериец успел задать новый вопрос, из-за арки послышался низкий хриплый голос, походивший на рев быка:

— Сколько вас можно ждать? У нас есть дела и поважнее!

Конан взял Раину под руку и направился к покоям Мишрака.

Конан ожидал встретить здесь то же великолепие, что и на пути ко внутренним покоям дома-крепости.

Покои же оказались совсем иными — чисто беленные потолки и стены были совершенно голы, единственным украшением комнаты были цветастые иранистанские ковры, брошенные на пол, да гирканское руно, разложенное вокруг находившегося в самом центре комнаты фонтана.

На скамьях, стоявших вокруг бассейна, сидели мужчины и пять женщин. Четыре юные красавицы были едва ли не наги, они носили лишь набедренные повязки, высокие сандалии и украшенные топазами широкие серебряные пекторали, прикрывавшие им грудь. Конан тут же заметил, что и сандалии, и набедренные повязки скрывают в себе короткие ножи; судя по всему, какое-то оружие было скрыто и под пекторалиями.

Пятая женщина скорее походила на гостью, а не на стражницу. Она была старше других и одета была не столь легкомысленно: на ней было длинное белое платье. В руке женщина держала кубок с вином.

Бычий рев раздался вновь:

— Ну что, капитан Конан? Не хочешь ли ты вновь заняться воровством? Хорошенько подумай — ведь воровать тебе придется женщин! Ты слышишь, Конан? Женщин!

Голос этот принадлежал мужчине, сидевшему на скамье. Без посторонней помощи человек этот вряд ли смог бы подняться — ноги его ниже колен были изуродованы шрамами настолько, что казались чем-то чужеродным телу. Само тело было широким, словно бочонок, руки же походили на корни могучего, столетнего дуба. Лицо Мишрака было прикрыто черной кожаной маской, изпод которой выбивались пряди седых волос.

Конан усмехнулся:

— Прятать украденное — непросто, если же у товара вдобавок ко всему прочему есть и ноги, то дело становится почти безнадежным. Неужели я похож на идиота, ваша светлость?

— В каком-то смысле — да. Ты глазеешь по сторонам так, словно появился на свет минуту назад.

— Тому есть объяснение, ваша светлость. Я поражен увиденным. Теперь я понимаю, как вы, имея такое количество врагов, столь превосходно справляетесь со своими обязанностями.

— Это уже интересно. И каким же чудом мне это удастся?

— Чудеса здесь ни при чем. Вы не даете своим врагам возможности быть смелыми. Отвагу питает надежда — надежда на жизнь или победу. Лиши человека надежд, и он обратится в труса.

— Ты и о себе говоришь, киммериец?

— На то у меня нет причин, Мишрак. Я вам не враг и портить с вами отношения не собираюсь и впредь. Вы же вызвали меня не для того, чтобы убить на месте, — будь это так, здесь не было бы ни ковров, ни женщин.

— Тебе не откажешь в проницательности, варвар. Но не спеши называть меня союзником — ты еще не знаешь, зачем понадобился мне.

— Я с удовольствием выслушаю все, что угодно.

— Удовольствие это будет непродолжительным, — усмехнулся Мишрак. — Если же ты откажешься от моего предложения, краткой будет и твоя жизнь.

— Смерть всегда приходит слишком рано, — ответил Конан. — Это закон нашего мира. Человеку не дано выбирать. — Он выразительно посмотрел на Раину, отчего та вновь смутилась. — И откуда же придет ко мне смерть?

— Ее жаждет правитель Хаума.

Известие это несколько не удивило Конана.

— Он, похоже, привык печься о своем сыночке, хотя тот этого совершенно не заслуживает. Когда мы шли сюда, на меня и на Раину напали его люди. Мы уложили всех, кроме одного, — этот подлец позорно бежал.

Раина посмотрела на киммерийца с благодарностью, чувствовалось, что она крайне признательна ему за то, что он не стал говорить о ее промахе.

— Это еще цветочки. Самое страшное ждет тебя впереди. Спору нет — воитель ты отменный, но одного этого мало. Кто будет охранять тебя, когда ты, к примеру, заснешь?

Раина едва заметно вздрогнула. Конан удивленно посмотрел на нее и пожал плечами:

— Я могу на время исчезнуть. Вспыльчивость редко уживается с памятью, ваша светлость. Бывают, конечно, и исключения из этого правила, но, как видите, до сих пор мне удавалось как-то совладать и с ними.

— Если ты будешь отсутствовать слишком долго, ты нарушишь присягу, данную тобой царю. Разве ты способен на это?

— Чтобы я из-за какого-то Хаумы нарушил свое слово? Я прошу не оскорблять меня так, ваша светлость!

— Да, Конан, я не прав. Ты слишком глуп, чтобы бояться его. Конечно, Хаума прежде был куда сильнее, но и сейчас ты ему не соперник, киммериец, — поверь мне на слово

Кому-кому, а Конану об этом можно было и не говорить. Он знал о том, что прежней своей силой Хаума был обязан культу Судьбы, распространению которого он был правитель всячески содействовал. Именно Конану суждено было расправиться с посвященными этого культа. Но сам культ не погиб. . Произошло это два года назад. Теперь же...

— Ну хорошо. Предположим, что вы правы. И что же вы можете предложить мне взамен?

— Если ты не просто оставишь Аграпур, а отправишься выполнять мое задание, я изыщу способ настроить Хауму на иной лад. На выполнение задания у тебя уйдет примерно месяц. К этому времени правитель о тебе и думать забудет.

— И что же это за задание?

— Минуточку терпения. Я позабочусь не только о тебе, я стану защищать и тех, кто останется в Аграпуре.

Ведь ты не хочешь, чтобы со старым Мотилалом случилось что-нибудь неладное? А что ты скажешь, если лицо Пилы станет походить на мои ноги?

Киммериец чертыхнулся про себя. И зачем только он ввязался тогда в драку? Неужели он не понимал того, что рано или поздно Хаума отомстит и ему, и его друзьям? Он-то себя защитит, но что будут делать женщины?

— Мне бы этого не хотелось, — буркнул Конан.

Заметив, что Раина смотрит на него едва ли не с ненавистью, он горько усмехнулся. До чего же эти женщины ревнивы...

— Если вы обещаете защитить их, я готов выслушать вас, — добавил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вот о чем я сейчас подумал. Хаума, судя по всему, занимает вас и сам по себе. Неужто ему есть дело до каких-то там девок? Нет, я думаю, у него есть дела и поважнее...

В комнате установилась гробовая тишина. Конан услышал, как где-то рядом взвели арбалет, и рассмеялся:

— Посоветуйте своему стрелку заряжать арбалет загодя.

Женщина в белом платье улыбнулась и, томно вздохнув, изрекла:

— Мишрак, я же тебя предупреждала. Слушая вчерашний рассказ Раины, я рассматривала ауру этого человека. Так просто его не проведешь. Единственный способ направить его в нужную сторону — воззвать к его чести. В противном случае у тебя ничего не выйдет.

Из-под кожаной маски послышалось гневное сопение. Гнев Мишрака явно был направлен не только на киммерийца. Раина, прижав лицо к колонне, еле сдерживаясь от смеха.

— Ничего более похвального в свой адрес мне еще не доводилось слышать, госпожа, — обратился к незнакомке Конан. — Вас зовут Илльяна, не так ли?

— Ты не ошибся, варвар.

Женщина эта, скорее всего, тоже была северянкой, пусть волосы ее и имели золотисто-каштановый цвет. Она была одета в белое шелковое платье, отороченное

узкой шафрановой лентой. Широкое это платье совершенно скрывало ее тело, однако можно было с уверенностью сказать, что сложена Илльяна прекрасно. Глядя на ее лицо, можно было понять, что ей уже за тридцать.

Илльяна посмотрела в глаза киммерийцу и, улыбнувшись, обратилась к нему:

— С позволения Мишрака я расскажу тебе о том, в чем же будет состоять твое задание. Но прежде позволь мне поблагодарить тебя за спасение Раины от позора и смерти. Она пришла ко мне прислугой, но уже через пару лет мы стали духовными сестрами.

Конан нахмурился. «Духовная близость» и «аура» были понятиями из чуждого ему лексикона жрецов и магов. Кем же была Илльяна?

— Я хочу, чтобы ты помог мне разыскать один из Камней Курага. Эти магические предметы пришли в наш мир из древней Атлантиды. Камень, о котором идет речь, украшает собою браслет ванирской работы...

Она стала рассказывать историю Камней Курага со времени появления их в мире — историю долгую и страшную, ибо Камни эти и сами по себе были страшны настолько, что к помощи их отваживались прибегать редкие маги.

— Но зачем они вам? — изумился Конан.

— Даже взятые каждый в отдельности, Камни эти обладают великою силой. Если же соединить их, мощь того, кто станет их обладателем, будет воистину безграничной.

Конан старался не пропустить ни слова, понимая, что все это говорится ему не случайно.

Илльяна стала рассказывать о том, как магические Камни попали к ее господину, Эремиусу, решившему завладеть с их помощью миром. Именно тогда она и бежала от него, прихватив с собою один из Камней.

— Сказания о демонах, поселившихся в Ильбарских горах, появились не случайно, — сказала она напоследок. — Мастер Эремиус живет теперь именно там. Люди боятся Эремиуса, сила же его растет день ото дня. Он ищет себе помощников, и лучших союзников, чем Хаума

и ему подобные, Эремиусу не найти. Достаточно ему будет продемонстрировать свое могущество, и они тут же примут его сторону, ибо сила в нашем мире означает власть. Ни один из этих глупцов не понимает того, что стальные оковы — ничто в сравнении с оковами магии...

«...Оковами магии...» — повторил про себя киммериец, погрузившись в тягостные раздумья. Мишрак хочет чтобы он, капитан Конан, тайно покинул Аграпур и стал телохранителем волшебницы, решившейся на крайне рискованное и, похоже, не очень-то чистое дельце. Конан был не настолько глуп, чтобы поверить в то, что Илльяна была до конца искренней, — об истинных ее намерениях он мог только гадать.

Дело это его особенно не привлекало, но отказаться от него он тоже не мог — от этого могли пострадать и Пила, и Заря, и юная Фебия...

И зачем только боги создали женщин! Как искусно расставляют они свои силки, как умело они пленяют мужчин, принимающих это бремя едва ли не радостно...

— Клянусь Хануманом! — проворчал Конан. — Если вы прикажете принести вина для меня и для Раины, я соглашусь прогуляться и на Луну!

Две телохранительницы Мишрака, не дожидаясь приказа своего господина, исчезли в соседней комнате. Скрестив ноги, Конан уселся на ковер и извлек свой меч из ножен. «Хорошо бы заточить его вновь», — подумал он, с тоской разглядывая покрытое многочисленными зазубринами, притупившееся лезвие. Все в комнате смотрели теперь только на него. Он хохотнул:

— Кажется, я начинаю что-то понимать. Вы хотите, чтобы я отправился в Ильбарские горы в компании этих милых дам, с тем чтобы разыскать там вконец обезумевшего колдуна и похитить у него некий таинственный кристалл, охраняемый демонами. Хорошенькое дельце! Выходит, мне опять придется сражаться с магами!

Мишрак рассмеялся:

— Конан, как жаль, что ты служишь не мне! Тебе еще ничего толком не сказали, а ты уже все понял! Переходи ко мне!

— Скорее я дам себя кастрировать!

— Одно другому не мешает. Если ты станешь евнухом, я пошлю тебя в прекрасную Вендию! Ты только представь, как ты тогда заживешь!

Раина фыркнула и, обняв киммерийца, рассмеялась, — смеялась же она так, что слезы потекли из ее прекрасных глаз.

Стражницы внесли в комнату огромную бутылку с вином и несколько бокалов. Когда вино было разлито по кубкам, Мишрак испытующе посмотрел на киммерийца и тихо спросил:

— Ну и что же ты ответишь мне, Конан?

— План ваш мне не нравится. Я не люблю ни волшебников, ни волшебниц. Но я не настолько глуп, чтобы ответить вам отказом, — тут уж никуда не денешься. Придется мне немного потерпеть.

Раина вновь обняла Конана. Судя по выражению лица ее госпожи, можно было с уверенностью сказать, что Ильяна с радостью поменялась бы с ней местами. Из-под черной маски вновь раздался хриплый смех.

Глава четвертая

— Таких жеребцов вы еще не видели! — быстро заговорил торговец. — Вы только посмотрите на его ноги. А грудь? Вам когда-нибудь доводилось видеть такую грудь? А его благородная...

— Не страдает ли твой конь одышкой? — перебила торговца Раина.

— Он, конечно, не жеребенок, нет, он куда выносливее. Сильное умное животное, которое смогло бы нести на себе вас обоих, хотя на карликов вы не очень-то походите. В лошадях я разбираюсь куда лучше, чем в людях, и потому вы можете поверить мне на слово...

Уже не слушая торговца, Раина стала разглядывать жеребца. Животное скосило на нее глаза и, тряхнув головой, тихонько заржало.

— Это действительно не жеребенок, — сказала Раина. — Ему бы только на солнышке греться.

— Да как у вас язык поворачивается! — возмутился торговец. — Он еще и вас переживет.

— Все может быть. Но он не стоит и половины тех денег, которые ты за него запросил.

— Госпожа, вы оскорбите и меня, и моего коня. Если я отдам его задешево, он тут же почувствует это. Видит Митра, это так.

— Я и не знал, что обед для грифов стоит теперь так дорого, — вмешался в разговор Конан. — Митру же на твоём месте я бы не поминал.

Киммериец никак не мог понять, почему Раина остановила свой выбор именно на этом жеребце, преклонный возраст которого тут же бросался в глаза. Впрочем, в сами торги вмешиваться он не хотел.

Раина и торговец никак не могли сойтись в цене. Конану неожиданно вспомнилась игра, виденная им в Иранистане: всадники длинными деревянными колотушками гоняли по полю голову теленка (поговаривали, что порой игра ведется головой убитого врага).

Торговец поднял руки и закивал головой, при этом он выглядел так, словно с минуты на минуту покончит с собой.

— Когда вы увидите, как я прошу подаяние на Главной площади, вы вспомните о том, как несправедливо обошлись со мной. Вы ничего не смыслите в конях, но почему же страдать от этого должен я? На вашем месте я бы чуточку добавил.

Раина облизнула высохшие губы:

— Клянусь Четырьмя Ключами! Я и на площади не дам тебе ни гроша! Для того чтобы расплатиться с тобой, мне пришлось бы торговать собой!

Торговец ухмыльнулся:

— На уличных девок вы ничуть не походите, госпожа, к тому же и законов их вы не знаете. Лучше обратитесь прямо ко мне — я отведу вас к себе, и тогда...

— А жены своей ты не боишься, приятель? — нахмурился Конан. — Шутки шутками, но на твоём месте я бы лучше помолчал. Оставь свои остроты при себе.

— Это все, что у меня есть, — печально вздохнул торговец. — Одна уздечка стоит больше того, что вы мне предлагаете.

Конан пожал плечами. Торги эти были совершенно бессмысленными: Мишрак дал им столько денег, что они могли покупать каких угодно коней, сколько бы те ни стоили. Подобная щедрость несколько не удивила киммерийца — грозный Мишрак хотел, чтобы он поскорее покинул город. Больше всего Конана расстраивало то, что друзья могут счесть его трусом, бежавшим от гнева властителя Хаумы. Но что он мог поделать?

Под причитания торговца Конан и Раина вывели жеребца со двора. Едва они оказались на улице, северянка, взявшись за гриву коня, запрыгнула ему на спину.

— Что-то я тебя не пойму, — проворчал Конан. — Неужели ты не понимаешь, что в горах эта кляча и недели не протянет?

— Я это знаю, Конан, — спокойно ответила Раина.

— Тогда зачем тебе нужен этот конь?

— Путь до гор неблизкий, горские же лошадки быстро скакать не могут, верно? Этот же конь, пусть он и стар, в скорости не уступит и молодым. Ты только посмотри на него — это же настоящий иранистанский скакун! И еще. Если мы купим лошадок у горцев, враги наши тут же поймут, куда мы собрались. Ты забываешь о том, что неприятель может следить за нами.

— Я это знаю. Взять хотя бы вон того торговца фруктами, — ты только сразу не оглядывайся, — вчера он был одет в платье красильщика и целый день ходил за нами.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше?

— Кром! Неужели ты сама этого не заметила?

Раина покраснела:

— Может быть, ты скрываешь от меня не только это?

Конан засмеялся:

— Зачем? Просто я знаю Аграпур и его нравы куда лучше, чем ты. Разве мы не союзники, Раина?

— Я очень благодарна тебе, Конан.

— И в чем же твоя благодарность состоит?

Раина потупила глаза, но тут же улыбнулась:

— Разве тебе мало того, что я сказала? Что до Аграпура, то я знаю его только со слов Мишрака, хотя учитель этот мне не очень-то нравится.

— Будем считать, что отныне твоим учителем становлюсь я.

Опершись на плечо киммерийца, Раина спрыгнула с коня. По-мужски сильная рука ее коснулась его плеча едва ли не с нежностью.

Какое-то время они шли молча. На ходу Конан утолил жажду, достав из дорожной сумы флягу с водой. Отерев губы рукавом, он сплюнул и сказал:

— Сдается мне, Мишрак хочет использовать нас как приманку. Как ты считаешь?

— Так оно и есть, — ответила Раина. — Он знает о том, что Илльяна ненавидит Эремиуса. Моя госпожа хочет не просто лишить его Сокровища Курага — она хочет и отомстить ему. Знал бы ты, как она настрадалась!

Конан понял, что ничего более внятного он не услышит, и потому заговорил вновь:

— Неужто твоя госпожа собирается путешествовать пешком? Мы ведь не на прогулку собрались.

— В искусстве верховой езды моей госпоже нет равных! Кто скверный наездник, так это я: Боссония — страна гор и болот, и кони там редкость.

Конан кивнул, довольный тем, что он с первого взгляда узнал в Раине горянку.

Голос его спутницы окреп:

— Отец Илльяны владел обширными землями, и коней у него было больше, чем у царя!

Конан приготовился было выслушать долгий рассказ, но Раина внезапно замолчала и отвернулась в сторону.

Киммериец решил перевести разговор на иную тему:

— А ты не боишься того, что, попав в одни руки, Камни станут куда опаснее? Может быть, не стоит их трогать?

Раина вспыхнула:

— Ильяне я верю, как себе!

— Ей-то я тоже верю, — сказал Конан не слишком-то уверенно (жизнь приучила его относиться к магам с подозрением). — Я говорю о колдунах и самых обычных воришках. Впрочем, это уже не наше дело, пусть с ними разбирается Мишрак.

— Тссс! Ранис! — прошептал Якуб.

— Тамур! — Страж назвал Якуба тем именем, под которым его знали в Аграпуре.

— Тише, тише! Ты здесь один?

Ранис пожал плечами:

— Нас здесь двое. Поодиночке в это время суток не ходят.

— Ты прав. — Якуб исподлобья посмотрел на спутника Раниса. Особой опасности тот для него не представлял.

— Скажи мне, Ранис, что привело тебя сюда? О том, что ты потерпел неудачу, я уже знаю.

Ранис не сумел скрыть своего изумления, однако у него хватило ума не спрашивать горца о том, откуда же он знает о поединке в квартале Шорников, — ведь Тамур мог услышать об этом не только от людей Хаумы.

— Я этого так не оставляю — это дело чести.

Якуб ничего не стал говорить о чести того, кто, бросив своих истекающих кровью товарищей, спасается бегством. Вместо этого он улынулся своей очаровательной улыбкой и тихо прошептал:

— Я всегда знал, что ты человек благородный. Но скажи мне: как же ты хочешь совладать с киммерийцем? Люди говорят, что встреча с ним означает верную смерть!

— Они говорят так неспроста. Я видел его в бою уже дважды. Но, клянусь богами, этот варвар — такой же человек, как и мы с тобой, стало быть, справиться

можно и с ним! Ты только подумай — он уже дважды оскорбил и меня, и моего господина!

«Вон оно как выходит, — подумал Якуб. — Он не считает зазорным бежать с поля боя, сам же оскорбляется на каждом шагу». Он взмахнул своим посохом и с одного удара перешиб шею соратнику Раниса. Возвратным движением он хотел подсесть самого Раниса, но тот, успев подпрыгнуть, отскочил влево. Якуб подставил посох под удар меча и, не дав сопернику опомниться, опустил окованный железом наконечник ему на череп. Ранис зашатался, отступил к стене и медленно осел наземь.

Присев на корточки, Якуб прикрыл веки поверженным врагам и вложил им в руки оружие, оказав им тем самым последнюю честь. Был у него на это и иной резон: теперь все выглядело так, будто воины убили друг друга в пьяной драке.

Вне всяких сомнений, случай этот привлечет внимание Мишрака. Но к тому времени, когда трупы будут доставлены к нему, они уже начнут разлагаться и понять что-либо по их виду будет уже невозможно. Сам же он задерживаться в Аграпуре не собирался. В горах его будут встречать как героя.

— Что делать, вы теперь знаете, — сказал Конан. — Вопрос у вас может быть только один: когда и где я буду с вами расплачиваться?

Все четверо мужчин улыбнулись. Старший покачал головой и смущенно сказал:

— Это нас особенно не беспокоит. Ты лучше ответь мне на такой вопрос: должны ли мы убивать тех, что позарятся на твоё имущество?

— Господин, которому я сейчас служу, предпочитает живых свидетелей мертвым. Мертвому язык развязать непросто...

— Ну тогда все понятно, — с облегчением вздохнув, сказал тот же мужчина. — Мертвому язык не развяжешь, живого же человека всегда можно превратить в мертвеца. Как ты думаешь, твой господин поручит нам и эту работу?

— Чего не знаю, того не знаю. Я постараюсь рассказать ему обо всем, решать же все равно придется ему. Еще вопросы будут?

— Городская пища не по нам, — заговорил молодой. — Мы ведь не женщины и не дети.

— Придется потерпеть. Если же эти припасы закончатся, я позабочусь о том, чтобы вам привезли что-нибудь поосновательнее. Клянусь тем, что ведомо душе моей, но недоступно устам!

Мужчины поклонились Конану, и он, подхватив крайне заинтригованную спутницу под руку, вышел из стойла. Когда они оказались на площади перед гостиницей, Раина с интересом посмотрела на киммерийца:

— Если не ошибаюсь, это были гирканцы?

— Ну и что из этого?

— А то, что не пройдет и дня, как они растащат все наши вещи.

— Ты ошибаешься, Раина. С этим племенем меня связывают особые узы: некогда мы сражались на одной стороне.

— Говорят, что гирканцы никогда не предают своих друзей. Это правда?

— Да, это так.

Дальнейших расспросов не последовало, и Конан вздохнул с облегчением. Борьба с культом Судьбы, в которой ему помогало гирканское племя, давно закончилась, но рассказывать о ней прислужнице Мишрака, пусть она и была на удивление мила, ему не хотелось.

Раина пересекла площадь и, гордо выпрямив спину, вошла в гостиницу. Поднимаясь вслед за ней по лестнице, Конан услышал звон монет в ее кошельке.

— Сколько у тебя денег осталось? — спросил он. Услышав ответ Раины, он покачал головой и пробормотал: — Совсем немного. Боюсь, коней в горах нам уже не купить.

— Мишрак говорил, что мы сможем найти их на заставах.

— Ты хочешь сказать, что его люди есть и там? Впрочем, для нас это дела не меняет. Заставы лучше

обходить стороной. Если там есть люди Мишрака, то почему там не может быть людей Хаумы?

— Конан, ты меня поражаешь.

— Просто я не хочу умирать до срока, Раина. Кстати говоря, будь Мишрак пощедрее, нам не пришлось бы рисковать жизнью. Можешь сказать об этом и своей госпоже.

Они стояли у дверей в комнату Илльяны. Золота Мишрака хватило не только на то, чтобы купить коней и сбрую, но и на то, чтобы снять отдельные комнаты в одной из лучших гостиниц Аграпура. Вне всяких сомнений, враг знал, что они находятся здесь, но для того, чтобы проникнуть в гостиницу, ему пришлось бы преодолеть сопротивление стражей, дено и ночью несших службу у входа, что придало бы делу ненужную огласку. Да и к чему нападать на зверя в его логове, если ты знаешь, что в скором времени он покинет его?

— Доброй ночи, Раина, — сказал Конан, глядя, как спутница его открывает свою дверь. Его вновь бросило в жар. Раина, словно почувствовав это, взяла его за руку и повлекла за собой.

— Ты пожелал мне доброй ночи, Конан. Не так ли?

Глава пятая

— Во имя Митры, войди! — сказал Иврам.

Жрец распахнул перед Борой дверь и вслед за ним вошел в комнату. В центре ее стояла сложенная из кирпича печь. Бора почувствовал запах свежеспеченного хлеба и мясной похлебки, напомнивший ему о том, что он не ел с самого утра.

Вокруг печи были разложены черные овечьи шкуры и неброские, мастерски сработанные ковры. Еще несколько ковров висело над резным шкафом, на котором стояла небольшая фигурка Митры.

Из внутренних покоев доносились нежные звуки флейты. Это играла Мариам, «племянница» жреца, совершавшая вечернюю службу. Называя ее «племянницей», обитатели Горячего Ключа не могли удержаться

от улыбки. Игре на флейте Мариам, скорее всего, выучилась в тавернах Аграпура.

— Сядь, сын Рафи, — сказал Иврам. Он хлопнул в ладоши, и флейта тут же замолкла. — Мариам, у нас гость.

Женщина, появившаяся из второй комнаты, была вдвое моложе жреца. В руках она несла медный поднос, накрытый льняным полотенцем, на котором лежали медовые булочки и нарезанная тонкими ломтиками копченая баранина. Мариам поставила поднос перед Борой. Кожа ее была смуглой и нежной...

— Может быть, ты хочешь вина?

Ее низкий голос был исполнен меда. Бора почувствовал, что еще минута, и он забудет о том, зачем пришел в этот дом, и, кашлянув, обратился к хозяину:

— Простите меня за дерзость, но прежде я хочу посоветоваться с вами — именно за этим я к вам и шел.

— Уши и сердце мое открыты для тебя, — торжественно произнес Иврам. В его устах эта ритуальная фраза казалась чем-то естественным. Селяне прощали ему и обжорство, и «племянницу» именно за то, что он умел слушать их, как никто другой. Советы он давал не часто, но людям становилось легче уже потому, что они могли раскрыть перед ним свою душу

— Мне ведома тайна горных демонов, — сказал Бора. — Но я боюсь, что люди не поверят моему рассказу. Я уже пробовал говорить с ними. Одни считают меня вралем, другие — безумцем. Нашлись и такие, что стали обвинять меня в намеренном запугивании нашего люда. Они рассуждают так: чем больше они будут знать об этой пагубе, тем скорее она посетит их дом.

— Глупцы! — засмеялся Иврам. — Они не могут простить тебе того, что ты — мальчишка — опередил их, взрослых мужчин.

— Так, значит, вы мне верите?

— Нечто действительно поселилось в наших горах. Нечто грязное и страшное. Любые сведения об этом, сколь бы странными они ни казались, пойдут нам на пользу, — ответил жрец, взяв с подноса очередную булочку.

Поднос опустел уже наполовину.

— Мариам, — сказал Бора, — теперь я не откажусь и от вина.

— Вот и прекрасно, — ответила та, широко улыбнувшись. От улыбки этой у мальчика закружилась голова, словно он уже был пьян

«Наконец-то мне повезло, — подумал Бора, — наконец-то нашелся человек, который мне верит, и не просто человек, но сам жрец».

Запасы вина в доме Иврама никогда не иссякали — его хватало и на то, чтобы утолить жажду хозяина, и на то, чтобы напоить гостей допьяна. К тому времени, когда Бора опорожнил второй кубок, недавние страхи его улетучились совершенно. Мариам смотрела на него с восторгом, широко раскрыв свои прекрасные глаза, отчего мальчику становилось как-то не по себе.

— Если рассказ твой правдив хотя бы наполовину, значит, мы имеем дело с куда более страшным противником, чем я предполагал прежде, мой мальчик. Я хорошо понимаю тех людей, которые не хотели слушать тебя. Кстати, ты говорил об этом только с деревенскими?

— Да... то есть нет. Один из этих людей пришлый. После того как я рассказал ему о демонах, он отправился в Аграпур... — Язык Боры стал заплетаться. Но мешало ему не только это — он не хотел, чтобы об отношениях его сестры Карайи и Якуба знали в деревне.

— Я полагаю, ты говоришь о пастухе Якубе, не так ли? — тихо спросил Иврам. Мальчик молча кивнул головой, не поднимая глаз от пола.

— Ты не доверишь ему?

Бора отрицательно покачал головой.

— Ты ошибаешься, мой мальчик. Тебе мог поверить только он, и только он может хоть как-то помочь тебе. Твоего отца арестовали люди Мутра-Хана, Якуб же с подобным сбродом не водится. Нельзя сказать, что аграпурские его товарищи — люди благородные, но вот в честности и порядочности отказать им нельзя. Якуб — единственная твоя надежда.

— Не моя, а наша! — едва не закричал Бора. Вино, выпитое им на пустой желудок, ударило ему в голову

по-настоящему. Вспомнив о том, что он находится в доме жреца, мальчик зачем-то обернулся на фигурку Митры и прошептал: — Прошу прощения.

— Ты ни в чем не виноват. Боги помогают лишь тому, кто помогает себе сам. Что до Якуба, то он...

— Иврам! Скорее! На юге зажглись дьявольские огни!

Голос Мариам дрожал. Она стояла перед открытой дверью, вглядываясь в ночь. Бора подошел к ней и увидел, что склоны Повелителя Ветров озарены зловещим изумрудным светом, яркостью своей сравнимым со светом луны.

Иврам обнял Мариам и что-то прошептал ей на ухо. Тут же успокоившись, она положила голову ему на плечо и вздохнула. Взгляд жреца был устремлен куда-то вдаль, — казалось, он взирал на то, что происходит совсем в иных мирах, лежащих по ту сторону мира земного.

Голос его звучал не менее странно. Когда он заговорил, Бора почувствовал, как по спине его поползли мурашки.

— Это свет роковой, Бора. Мы должны подготовиться ко встрече с ним.

— Но не могу же я поднять народ!

— Не можешь или не хочешь?

— Посмотрите на меня — я же еще мальчишка!

— Ты ошибаешься, Бора. Мужчиной человека делают не прожитые годы. Говори с людьми так же, как сегодня ты говорил со мной, и они пойдут за тобой.

Бору неожиданно посетила достаточно странная мысль. Интересно, дадут ли ему еще вина?

Эремиус простер руки к ночному небу, и звезды затмились изумрудным сиянием. Он смотрел вверх, словно зачарованный. Если такую силу ему даровал один Камень, то что же будет, когда он завладеет всем Сокровищем Курага?

Этой ночью он сделает важный шаг, который будет иметь далеко идущие последствия, — этой ночью Транс-

формы покинут горы и отправятся в разные концы Туранского царства.

На небесах загредел гром, отразившийся эхом от горных склонов. Земля под ногами Мастера Эремиуса задрожала.

Он набрал в легкие побольше воздуха и с явным сожалением усмирив вышедшие было из-под его контроля силы. Когда-нибудь он обратит эти горы в пыль и тем докажет миру свое могущество. Когда-нибудь, но только не сегодня.

— Мастер! Мастер! Послушайте меня! — Это говорил капитан охраны.

— Замолчи! — Эремиус поднял руку в предупредительном жесте.

— Мастер! Люди боятся! Если им придется идти за Трансформами...

— Боятся? Боятся? — Эремиус схватил в руки посох и занес его над головой капитана, грозя обратить того в горсть пепла. Тяжело вздохнув, он вновь обуздал вышедшую на свободу силу. Безмозглые людишки пока были нужны ему — без них он не смог бы найти второй Камень Курага. Без него, Мастера Эремиуса, Трансформы не могли сделать и шага. Когда спал он, спали и они. В это время охранять его должны были именно люди.

Если он завладеет и вторым Камнем Курага, он сможет властвовать над людьми не лишая их разума. Пока же в его подчинении были единственно полудурки и недоумки.

Эремиус вновь вспомнил об Илльяне. Его посох заплесал в воздухе, рисуя образ нагой волшебницы. Перед ним возникла прежняя, юная Илльяна, смотревшая прямо перед собой немигающими глазами.

Посох дрогнул. Фантом закрыл глаза и слегка приоткрыл рот. Руки его обратились в звериные лапы, заканчивавшиеся длинными острыми когтями. Лапы чудовища задвигались в поисках жертвы.

Эремиус давал команду за командой, чувствуя странное удовлетворение от того, что собственное его творение послушно ему во всем.

Капитан облизнул пересохшие губы и попятился назад. Лицо его стала заливать смертельная бледность. Наконец он охнул, закатил глаза и, потеряв сознание, рухнул на землю. Эремиус усмехнулся и, коснувшись посохом головы капитана, вернул его к жизни. Тот стал на колени, посмотрел окрест совершенно обезумевшим взором и поцеловал землю у ног Эремиуса.

Мастер решил, что слуга надолго усвоит полученный урок, и жестом приказал ему подняться на ноги.

— Отправь своих людей к выходу из долины, — сказал Эремиус. — Вы должны охранять ее до той поры, пока ее не покинет последняя Трансформа. Люди и лошади пойдут сразу вслед за ними.

Люди — не Трансформы. Помимо прочего, они требуют и пищи. До ближайших деревень идти было не близко, и потому без вьючных животных человеку-воинству было не обойтись. Эремиусу пришлось позаботиться и о том, чтобы лошади утратили свой запах, в противном случае их тут же сожрали бы Трансформы.

— Слушаюсь и повинуюсь, — низко поклонившись, сказал капитан. Недавний испуг, казалось, только придал ему решительности: в следующее мгновение капитана уже и след простыл — он носился по долине, собирая людей и отдавая приказы. Эремиус сокрушенно покачал головой. Неужели в его войске никогда не будет настоящих воинов, таких, как капитан Хаджар или его сын Якуб?

Эремиус поднял глаза к небу — на востоке оно уже начинало сереть.

— Да будет так! — мысленно произнес он. Только глупец откажется от силы, которая сможет даровать ему власть над миром.

Эремиус сосредоточился и мысленно обратился к своим страшным слугам.

Я, господин ваш, приказываю вам покинуть долину. Мы отправляемся в поход.

Колонна Трансформ направилась к выходу из долины. Запах падали стал казаться едва ли не осязаемым. Эремиус скривился и пробормотал заклинание, очистив-

шее вокруг него воздух и напитавшее его ароматом духов Илльяны.

Трансформы шли мимо него нестройной колонной, спотыкаясь на каждом шагу, — видно было, что они с трудом владеют своими телами. Вели они себя именно так, как было задумано их господином: приближаясь к нему, они теряли контроль над собственным телом, удаляясь от него — сполна обретали все свои силы, позволявшие им обгонять самых быстрых коней и бороться с любым неприятелем.

Чешуйчатые тела Трансформ светились изумрудным светом. У некоторых из этих полулюдей-полуящеров были дубины, другие же не имели при себе никакого оружия. Характер у Трансформ был разным: одни считали себя достаточно сильными для того, чтобы обходиться без оружия, другие понимали, что оно им в любом случае не помешает. Вскоре Трансформы уже скрылись в ночи. Эремиус произнес заклинание, налагавшее на них узы его воли, и облегченно вздохнул.

Теперь дела должны были пойти быстрее. Если бы у него и появился серьезный противник, он в два счета доказал бы ему, что с ним, Обладателем Камня Курага, лучше не связываться. Впрочем, противник вряд ли пережил бы и первый преподанный ему урок.

Глава шестая

На востоке сплошной стеной вставала громада Ильбарских гор. Где-то там брала начало река Шаймак, превращавшаяся из звонкого ручейка в ревущий, грозный поток по мере того, как в нее впадали все новые и новые ручейки и речушки. На Туранской равнине Шаймак разливался широкой, полноводной рекой, сливавшейся с не менее полноводным Ильбаром, прежде чем исчезнуть в безбрежности Вилайетского моря. О том, чтобы перейти Шаймак вброд, не могло идти и речи, — единственным средством переправы здесь были плоты и лодки.

— Слушай, сержант, ты умеешь плавать?

— Что-что?

— Я хочу научить тебя плавать. Ты ведь и сам понимаешь — на реке всякое может случиться...

Побагровевший от гнева вояка грозно засопел, и в ту же минуту Конан изо всех сил ударил ногой по сходням, так что сержант закачался и, не удержавшись на скользкой доске, полетел головой вниз в воду. Конан схватил сержанта за лодыжки и, извлеки его из воды, стал ждать, когда тот откашляется. Стоило кашлю смениться проклятиями, как Конан вновь сунул голову сержанта под воду.

— Тебя надо еще учить и учить, сержант. Иначе ты так ничего и не поймешь. Жаль, что ты так груб, иначе я препоручил бы тебя младшей сестре моей госпожи.

Сержант вновь разразился проклятиями, на этот раз поминая и «младшую сестру госпожи». Конан нахмурился:

— Сержант, если дурь твоя не смывается водой, я попытаюсь отскоблить ее саблей. Теперь скажи, когда же ты намерен плыть — сейчас или немного позже?

С этими словами он выпустил ноги сержанта из рук, и тот скрылся под водой. Через мгновение голова его вновь появилась над поверхностью. Громко сопя и пофыркивая, он выбрался на причал и присел на его краю.

— Паромщик, — сказал Конан, — я думаю, пора трогать.

Паромщик, ставший еще бледнее, согласно кивнул головой и подал знак барабанщику, сидевшему на корме. Тот замахал своей колотушкой, отбивая ритм для гребцов, тут же налегших на весла.

Плот еле полз. С тоскою во взоре паромщик смотрел на удалявшийся берег, на солдат, оставшихся на нем... Теперь он уже был бледен как смерть. И тут на корме закричали.

Конан резко обернулся и увидел, как одно из весел, выскользнув из уключины, упало в воду. Гребец хотел было броситься за ним, но паромщик окриком остановил его.

— Вендийский тик ничуть не легче железа, — объяснил паромщик пассажирам. — Ох, ну и денек сегодня выдался! Такого и врагу не пожелаешь! Мне остается надеяться, что вы особенно не спешите.

Слова эти звучали естественно, однако Конан почему-то насторожился.

— Как ты думаешь, когда мы окажемся на том берегу? — спросила у него Илльяна.

— Это ведомо одним лишь богам. Богам и паромщику, — ответил ей киммериец.

— Вот и спроси у него об этом!

— Как вы того пожелаете, моя госпожа.

Конан вновь обернулся к корме, на которой стояли хозяин плота и незадачливый гребец, но тут же почувствовал, как ему на плечо легла рука Раины. Северянка зашептала ему на ухо:

— Будь осторожен, Конан. Я бы помогла тебе, но мне придется защищать мою госпожу.

— Защищать? — изумился Конан. — Хотелось бы знать, от кого именно.

— Пока не знаю. Но мне очень не понравился тон паромщика. Мне кажется, что подобные сцены он разыгрывает достаточно часто.

— Каждую третью переправу, — ухмыльнулся Конан. — Кто знает, может быть, ты и права.

— Что значит «может быть»? — возмущенно зашипела Раина. — Если я тебе что-то говорю, значит, так оно и есть!

— Не надо так кипятиться, девонька! Если этот тип действительно что-то замышляет, я ему не завидую.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Ты одна стоишь двух мужчин, — улыбнулся Конан. — О себе я уж и не говорю.

— Поживем — увидим, — рассмеялась Раина и, сняв руку с его плеча, направилась к своей госпоже.

Конан задумался. Похоже, Раина действительно права, непонятно лишь то, на кого же рассчитывает паромщик. Не на давешних же солдат, в самом деле? Положив руку на рукоять меча, Конан направился к паромщику.

Двое гребцов спускали на воду ялик. Паромщик молча следил за ними, сжимая рукоять висевшего у него на поясе кинжала. Конан обратил внимание и на то, что соседи их странным образом преобразились: бывшее тупое безразличие сменилось напряженным ожиданием, с каким кот может взирать на беспечно щебечущих пташек.

Конан встревожился не на шутку. На плоту и в самом деле происходило что-то неладное.

Ялик с плеском опустился на воду. Один из гребцов тут же забрался в него, второй же стал привязывать к корме лодки линь.

— Ребята выведут плот на течение, и тогда река сама вынесет нас к берегу, — сказал паромщик, обращаясь к киммерийцу.

Причал остался далеко позади. Берега становились все выше, все круче. Дальше по течению, если Конану не изменяла память, должны были начаться пороги, пройти которые в это время года невозможно было не только на плоту, но даже и на лодке.

В ялик забрался и второй гребец. Паромщик на минуту зашел под навес и вернулся оттуда с тугим кошельем в руках. Женщина, лицо которой было скрыто под капюшоном, шагнула вперед и вытянула руки в молящем жесте.

В тот же миг Конан извлек свой меч из ножен и поднял его рукоятью вверх. По этому сигналу Раина должна была приготовиться к бою.

Прижимая к груди кошель, паромщик понесся к корме и, добежав до края плота, прыгнул в лодку; одновременно обладательница черной накидки бросилась на Конана. Капюшон упал ей на спину, и киммериец увидел, что, помимо прочего, у нее есть и борода. Он

отскочил назад, даже не пытаясь отражать удар вражеского кинжала, и перебросил меч так, что рукоять его оказалась у него в ладони.

С кормы послышались треск дерева и истошные крики.

Дно лодки проломилось, не выдержав тяжести грузного паромщика.

— Никак и ты искупаться решил? — прокричал Конан и тут же прикусил язык. Трое «селян», стоявших перед ним, судя по всему, были отменными воинами, привыкшими сражаться вместе. В том, что ему удастся одолеть их, киммериец несколько не сомневался, проблема заключалась в другом — в том, что за время, потребное ему для этого, разбойники могли расправиться с его спутниками.

Нельзя было медлить ни минуты.

Сначала этого. Потом тех двоих.

Конан вновь отпрыгнул назад, взмахнув перед собой мечом, дабы исключить возможность мгновенной атаки. Прием его сработал — вся троица застыла. Затем один из противников, взяв в руки два кинжала, медленно пошел на него. Конан, не раздумывая, опустил меч ему на голову, понимая, что удара воин отразить уже не сможет. Тот подставил под удар кинжал и попытался уйти в сторону, что позволило сберечь голову, но привело к тому, что меч отсек ему руку по плечо. Кровь хлынула из раны рекой. Воин зашатался и повалился навзничь. Соратники его тут же оказались за спиной киммерийца. Он прыгнул вперед, недобрым словом помянув того, кто научил их ратному делу, и, побежав по краю плота, выбил из рук перепуганных рабов еще два весла. Раина, воспользовавшаяся минутным замешательством его противников, убила одного из них ударом кинжала в спину и стала теснить второго к корме.

— Я справлюсь с ним сама! — прокричала она Конану. — Помоги Ильяне!

На другом конце плота творилось что-то невообразимое: Ильяна вопила, кони ржали и били копытами, мул протяжно ревел, пытаясь перегрызть веревку, которой он был привязан к столбу. Волшебница стояла

прижавшись спиной к одному из столбов, в руке она держала длинный тонкий кинжал. Трое ее противников никак не решались обойти кусающегося и лежащего мула, защищавшего Ильяну почище любого стража.

Конан бросился вперед и сильнейшим ударом снес одному из неприятелей голову. Второй, ловкий и гибкий, словно змея, не только умудрился уйти от клинка киммерийца, но своим коварным ударом едва не лишил его жизни.

Третий разбойник изловчился проскользнуть мимо мула. Меча у него не было, но Ильяна явно не могла защитить себя и от его кинжалов. Разбойник не спешил лишать ее жизни, играя с ней так же, как кошка играет с мышью.

Конан выбрался и позвал Раину. В такой ситуации сам он помочь Ильяне не мог.

— Заколдуй его! — закричал он волшебнице. — Неужели ты не можешь и этого?

— Ты меня недооцениваешь, киммериец! — прокричала в ответ Ильяна и, отразив очередной удар кинжала, схватила разбойника за руку.

Конан понимал, что сил ее надолго не хватит. Если он не успеет расправиться со своим противником...

— Так чего же ты ждешь?

— Зачем... спешить... я... — Договорить Ильяна не смогла. Разбойник высвободил свою руку и, схватив ее за волосы, приставил кинжал к горлу.

В тот же миг Конану удалось уложить своего противника. Он хотел было броситься на помощь Ильяне, но, увидев, в каком положении та оказалась, застыл на месте. Жить волшебнице оставалось считанные секунды.

Вкруг ноги разбойника неожиданно обвилась железная цепь. Он скосил глаза вниз и попытался отбросить ее, но в ту же минуту почувствовал, как невидимая рука потянула цепь к себе. Разбойник раскинул руки в стороны, пытаясь сохранить равновесие, и тут наконец его настиг клинок киммерийца.

Ильяна стояла опираясь рукой о столб. Другой рукой она ощупывала свою шею, на которой виднелась

еле заметная царапина. Кинжал лежал у ее ног. Конан поднял его и, подав Ильяне, сказал:

— Оружие требует к себе иного отношения.

Волшебница облизнула свои полные губы, что-то прошептала и, неожиданно зарывав, припала к широкой груди киммерийца. Он осторожно высвободил руку с мечом и нежно, словно котенка, прижал ее к себе. Волшебница оказалась удивительно похожей на обычных людей — она была так же слаба и так же беззащитна. Впервые за все это время Конан почувствовал к ней симпатию.

— Успокойся, — сказал он наконец. — Мы еще не со всеми врагами покончили. — Он отстранил ее от себя и попытался заглянуть вниз, туда, где сидели гребцы.

Раб, метнувший цепь в разбойника, поднялся на ноги.

— Друг мой, — обратился к нему Конан, — и какой же ты ждешь награды?

Раб поднял на него глаза и совершенно бесстрастным голосом ответил:

— Мне все равно. Спроси об этом у своей женщины.

— Я вовсе не его женщина! — воскликнула Ильяна и неожиданно громко рассмеялась. Улыбка еще не успела сойти с ее лица, как у столба появилась Раина, вытиравшая свой клинок о полу плаща.

— Конан, я уложила обоих. Один из них еще жив; если хочешь, можешь задать ему парочку вопросов. Что до паромщика, то он, похоже, в последний момент струхнул — иначе неприятностей у нас было бы побольше.

— Но куда же он подевался?

— Он так и болтается на лине, — сказала Раина с усмешкой. — Матросы выбросили его за борт и поспешили к берегу. Впрочем, им тоже не повезло — лодка вскоре затонула, выплыть же удалось только одному из них. Я видела, как он взбирается на кручу.

Конан бросил взгляд на корму и увидел за бортом раскрасневшегося паромщика, из последних сил державшегося за литье.

— Ради всего святого, пожалейте меня! — взмолился тот. — Я не умею плавать!

— Боги не любят предателей, — буркнул в ответ Конан. — Не любит их и господин Мишрак.

Паромщик от изумления едва не выпустил веревку из рук.

— Так, значит, вы служите Мишраку?

— Да. И ты, похоже, интересуешь его. Запомни, паромщик, теперь твоя судьба будет зависеть только от тебя самого.

— Пощадите меня! Неужели вы отдадите на растерзание Мишраку и меня, и мою семью? Молю вас, не делайте этого!

— Я бы утопил тебя не раздумывая, — грозно прорычал киммериец. — Домашних же твоих мне действительно жаль. Теперь послушай, что я тебе скажу. Если ты поведаешь мне все, что ты знаешь об этих людях, я, быть может, сохраню тебе жизнь. Ты понял меня?

Долго упрашивать паромщика не пришлось. Он тут же выложил все то, что было известно ему, и выразил готовность ответить на любые интересующие господина вопросы.

Как и предполагал Конан, разбойники оказались людьми Хаумы. О Мастере Эремиусе и Камнях Курага паромщик слышал впервые.

Больше говорить с ним было не о чем. Конан выбрал лень и, схватив паромщика за загривок, втащил его на плот. Когда он стал связывать ему руки, тот внезапно запротестовал:

— Но ведь вы клялись...

— Я ни в чем не клялся, приятель. Руки тебе сейчас не понадобятся. Если же ты будешь болтать лишнее, я живо укорочу твой язык. Река-то совсем рядом, приятель. Верно?

Паромщик вновь стал бледным как смерть. Продолжать разговор ему тут же расхотелось.

Плыть им пришлось долго. Паромщик молча сидел на корме. Лоточник же и его мальчик занялись своим драгоценным мулом.

— Разрази вас гром! — не выдержал Конан. — Может быть, вы все-таки поможете грести или так и будете возиться с этим поганым ослом?

— Как только Лотосу станет лучше, мы тут же придем вам на помощь, — спокойно ответил лоточник. — И, пожалуйста, не кричите так громко. Животное и так запугано.

— Госпожа, прошу вас, — заговорил мальчик, — помогите своим волшебством бедному Лотосу. Смотрите, как он зашиб ножку. Мы вам за это заплатим.

Конан хотел было сбросить за борт и успевшего осточертеть ему мула, и дерзкого мальчишку, но тут он увидел, что Илльяна заулыбалась.

— Мое волшебство вряд ли поможет вам, — ответила она. — Но вы можете обратиться к моей сестре. Она выросла среди коней и знает о них куда больше моего.

Конан выругался и вернулся к гребцам, боровшимся с течением своенравного Шаймака. Теперь ими командовал Масуф — тот самый раб, который спас жизнь Илльяне.

В кошельке паромщика, кроме золотых монет, Конан нашел и ключи от цепей, которыми рабы были прикованы к плоту. Он тут же освободил Масуфа, оказавшегося не только искусным воином, но и умелым капитаном. Под его началом рабам удалось подвести плот к берегу и сравнительно легко причалить.

— Мы опять в долгу у тебя, — сказала Илльяна, выбравшись на берег. — Свободу мы тебе уже даровали. Теперь ты можешь просить у нас денег.

— Говорите потише, моя госпожа, — отозвался Масуф. — Уши могут быть даже у камней. Что до денег, то я вряд ли стану отказываться от них. Мне самому они не нужны, но, если вы сможете выкупить рабыню Дессу у Кимона, что живет в Гале, я согласен стать вашим рабом по гроб жизни.

— Кто она тебе? — изумилась Раина.

— Мы были помолвлены с ней, но тут волею судеб обратились в рабов. Нас продавали порознь, при этом я отвечал за нее, а она — за меня. Если бы не это, мы или сбежали бы, или покончили бы с собой.

Конану, прошедшему рабство, настроения эти были знакомы.

— Почему же ты решил пойти против своего хозяина? Если Десса рабыня и поныне...

— Это ничего не меняет, — перебил его Масуф. — Десса — рабыня, и это значит, что Кимон может сделать с ней все что угодно: захочет — убьет, захочет — помилует. Разве ты сам не понимаешь этого?

— Мишрак послал нас в поход вовсе не для того, чтобы мы вызволяли рабынь, — проворчал Конан.

— Но он не предполагал и того, что жизнью своей вы будете обязаны рабу, — ухмыльнулся Масуф. — Ты должен считать это знаком судьбы.

Конан показал Масуфу кулак и спросил:

— А как ты отнесешься к этому? Или, по-твоему, это тоже знак? Мы заедем в Галу и освободим твою Дессу, заплатив за нее золотом твоего бывшего хозяина. Только не подумай, что больше нам делать нечего. Дел у нас — хоть отбавляй. Ты и сам это скоро поймешь.

Глава седьмая

Они подъехали к Гале, когда небо на западе уже начинало алеть. Таверна «Три Монеты», в которой работала Десса, была заколочена, запустение царило и в саду, поросшем высокими травами. Вторая гостиница, носившая название «Рогатый Волк», находилась на другом краю деревни. Путникам не оставалось ничего иного, как только проследовать в нее. Иллъяна, завидев издали это уродливое строение, поморщилась:

— Неужели мы не сможем найти ничего лучшего?

— Лучшее — враг хорошего, — отвечал ей киммериец. Известие о битве на перевозе уже могло дойти и до Галы, и потому следовало вести себя так, как предписывали принятые ими в этом маскараде роли.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Лучше уж спать на гнилом матрасе, чем не спать вовсе.

— Как вы смеете? В моей гостинице гнилых матрасов нет!

Из ближайшего окна показалась голова дородной седовласой женщины. Она погрозила Конану кулаком и приготовилась к отражению новых выпадов дерзкого чужеземца.

— Госпожа, — процедил Конан сквозь зубы, — мы ведь можем найти и другое место для ночлега.

Хозяйка гостиницы в одно мгновение переменялась в лице.

— Что вы, что вы! Я и не думала обижать вас! Поверьте, лучшего места вы не сыщете во всей округе!

— И сколько же вы запросите за ночлег? — поинтересовалась Раина.

Конан не стал участвовать в торгах, вместо этого он решил лучше осмотреться. Подошедшему к нему Масуфу он сказал:

— Вел бы ты себя поспокойнее, парень. Если ты не перестанешь дергаться, мы покинем эту деревню сию же минуту. То-то твоя невеста будет рада!

Масуф попытался взять себя в руки, однако так и не смог унять дрожь в коленках. Раина и хозяйка гостиницы окончили торги. Судя по сияющему лицу последней, можно было сказать, что на сей раз Раина решила не утруждать себя излишними спорами. Впрочем, причиной ее щедрости могло быть и некое неведомое киммерийцу обстоятельство.

Они отужинали своею собственною снедью, запивая ее гостиничным вином, больше походившим на уксус. Подали это вино две женщины, годившиеся Пиле в матери.

Прошло немного времени, и занывший желудок вывел киммерийца из задумчивости.

— Хозяюшка, — обратился он к содержательнице таверны. — В прошлый раз я останавливался в «Трех Монетах». Там у них была премилая плясунья по имени Десса. Я бы дорого заплатил, чтобы увидеть ее танец вновь.

— Значит, вы были там одновременно с правителем Ахмаем. Он-то, конечно, никакой не правитель, но вот

крепость у него самая что ни на есть настоящая. Он тоже положил глаз на Дессу. Когда Кимон умер, родня распродала все его имущество, включая и рабыню. Дессу купил Ахмай. Что было с ней потом, никто не знает.

Конан, не обращая внимания на зубовой скрежет Масуфа, спокойно спросил:

— Что это еще за крепость? Никогда о такой не слышал.

— Вы о ней и не могли слышать. Он отстроил ее совсем недавно. На месте древних развалин теперь стоит дворец. Ахмай, построив его, стал называть себя правителем наших мест. Он и ведет себя соответственно...

Теперь уже заскрипел зубами и сам Конан. В этой части Туранского царства было множество заброшенных фортов, в которых прежде жили разбойники. С недавних пор они стали возвращаться в свои старые жилища, для чего им приходилось подкупать чиновников и местныхников.

С их возвращением к землям этим вернулась и их прежняя дурная слава.

Ахмай рано или поздно должен был погореть на одном из своих темных делишек — Мугра-Хан со своим воинством расправился бы с ним в два счета. Впрочем, для Дессы это ничего не изменило бы — она погибла бы в любом случае.

— А не отправиться ли нам в гости к правителю Ахмаю? — задумчиво пробормотал Конан. — После того как я доставлю мою госпожу и ее сестру к их родне, я буду свободен, как птица. Может быть, мне стоит наняться к этому достойному господину?

— Я полагаю, от услуг твоих он не откажется, — сказала хозяйка гостиницы. — У него в услужении одни старики, что годятся тебе в отцы, — ты же вон какой молодой да статный.

— Чего же вы стоите? — неожиданно громко сказал Масуф. — Ведь с Дессой в любую минуту может приключиться...

Конан схватил недавнего раба за ворот и, подняв в воздух, тряхнул его так, что тот надолго лишился дара речи.

— За мной! — проревел киммериец и скорым шагом вышел из гостиницы. Масуф и женщины поспешили за ним.

Масуф рухнул на колени и застонал. Ноги отказывались повиноваться ему. Конан и его спутники остановились.

Илльяна посмотрела на темное беззвездное небо.

— Не знаю, стоит ли нам обременять себя этим делом.

Масуф тут же вскочил на ноги и воскликнул:

— Госпожа, заклинаю вас именем богов...

— Оставь богов в покое, — перебила его волшебница. — Единственное, что я сделала, так это выразила сомнение. В отличие от тебя, я прежде думаю и только потом говорю.

— Мне не нравится то, что вы говорите, — понутив голову, сказал Масуф. — Можете превратить меня за это в жабу.

— Именно так в следующий раз я и поступлю, — тут же отозвалась волшебница. — Ты похож на безумца, Масуф. Похоже, женщины лишили тебя и той толики разума, которая досталась тебе при рождении. Если бы ты думал о Дессе, то не стал бы мешать нам, тем более что в одиночку освободить ее ты не сможешь. — Посмотрев на Конана, она добавила: — Мне нужно взять одну вещь. Подождите меня здесь.

Конан кивнул головой и отошел к стене, откуда были видны и подступы к гостинице, и безрассудный Масуф, и стойло, в котором их ждали кони. Последние могли понадобиться им в любую минуту.

Становилось все темнее. Деревня уже спала, единственными звуками, которые слышал Конан, были тихое ржание коней и редкий стук копыт.

— Раина! — тихо прошептал киммериец.

— Что случилось?

— Тебе не кажется, что Илльяны нет уж слишком долго? Может быть, наша хозяйка не так проста, как это кажется?

— И где же ее воинство, Конан? Кроме тех двух женщин, в гостинице никого нет.

— В этом нет необходимости, Конан. Хозяйка уже побывала там. Все, что знает она, знаю и я. Теперь я могу показать тебе и замок, и его обитателей.

Конан вздрогнул, представив, как сознание его, подпавшее под магические чары, наполняется чужими мыслями и таинственными, странными образами...

— Это мои чары, Конан. Неужели ты до сих пор не доверяешь мне? Нет, нет, успокойся. Я не читала твоих мыслей, просто ты стал размышлять вслух. — Волшебница улыбнулась.

— Капитан Конан, если позволите... — начал было Масуф, но Конан тут же резко оборвал его:

— Не позволю!

Масуф рассмеялся:

— Вы зря отказываетесь, капитан. Она покажет вам всех ваших врагов, и тогда вы сможете правильно рассчитать свои силы. Зачем спорить?

— Тебе нужно стать советником царя Йалдиза, — проворчал Конан. — В твоих словах был бы смысл, умей она отличить крепость от конюшни!

— Доверься Илльяне, Конан, — сказала Раина. — Ты увидишь крепость так же ясно, как видела ее наша хозяйка. После этого ты сможешь спокойно заснуть.

Конан понимал, что правы все трое, однако не спешил соглашаться с ними. Освобождение Дессы и так было достаточно безумным предприятием, осложнить его еще больше ему не хотелось.

Улыбающаяся Раина встретила с ним взглядом. Киммериец не умел читать мысли, но ее он понял и без этого. О его сне она заботилась не случайно.

Глава восьмая

Под копытами коней загремел гравий. Конан и Илльяна подъехали ко входу в крепость Ахмая. Широкие брусья ворот еще не успели потемнеть, массивные железные петли были покрыты едва заметным налетом ржавчины. Воротам этим не было и года, стены же, судя по их виду, простояли по меньшей мере пару веков.

Конан уже видел подобные твердыни главарей разбойничьих банд, но он и не представлял, что они могут быть такими огромными.

Их окликнули с башни, стоявшей справа от ворот:

— Кто вы?

— Воины, ищущие встречи с владыкой Ахмаем.

— С чего вы взяли, что он захочет встречаться с вами?

— Разве не нужны ему новые люди?

— Вы хотите наняться к нему на службу?

— Если нас устроят его условия.

Из-за стены свесились сразу две головы. В глазах Илльяны промелькнуло беспокойство. Волшебница была одета в мужской костюм, делавший ее похожей на стройного юношу.

— Ты говоришь неразумно, — прошептала она. — Создается впечатление, что своей службой мы окажем Ахмаю честь.

— Именно так и должен вести себя настоящий воин, — улыбнулся Конан. — Говори я иначе, и они тут же заподозрили бы обман.

Не успела Илльяна ответить киммерийцу, как сверху прозвучало:

— Вы можете войти!

Размеры внутреннего двора свидетельствовали о том, что они оказались в самой настоящей крепости. То тут, то там виднелись полуразвалившиеся строения, которые хозяин, похоже, и не думал восстанавливать. В исправном состоянии содержались только главная башня крепости и господский замок.

К Конану и его спутнице подошли сразу шестеро воинов, одетых в изрядно изношенные, но чистые одежды.

— Мы позаботимся о ваших лошадках, — сказал один из них, шемит с малой толикой ванирской крови.

— Покажите нам, где находятся стойла, и мы ответим им туда сами, — ответил Конан, которому ничуть не хотелось, чтобы незнакомцы обчистили его подсумки.

Бородатый шемит на миг задумался и, пожав плечами, сказал:

— Воля ваша.

Столь быстрое согласие насторожило киммерийца. Он подал знак Илльяне, чтобы та не спешила покидать седло. Ворота были открыты, и отступление пока все еще было возможным.

Он спешил и повел своего жеребца под уздцы. Однако не успел он сделать и пары шагов, как на рукоять его меча легла чья-то рука.

Конан выпустил из рук поводья и резко обернулся, одновременно схватив дерзкого вора за руку. Не раздумывая ни минуты, он изо всех сил ударил безбородого наглеца по лицу, отчего тот взмыл в воздух и пролетел добрую дюжину шагов.

— Не зарься на чужое, мой юный друг, иначе тебе сломают не только челюсть.

Только тут киммериец заметил, что Бородатый и его спутники с интересом наблюдают за ним. Он уже хотел выхватить меч из ножен, но Бородатый неожиданно засмеялся:

— Ты, я смотрю, малый не промах. Думаю, Ахмаю будет о чем поговорить с тобой.

— Надеюсь, впредь твои люди будут вести себя поучтивее, — буркнул Конан, помогая Илльяне сойти с коня.

Главный зал замка был хорошо освещен — на стенах горело несколько десятков факелов, несколько ламп стояло и на огромном столе, за которым сидел сам владыка Ахмай.

— Ты должен был прийти ко мне сразу после того, как твой прежний хозяин умер. За это время ты дослужился бы до капитана.

— Я должен был отвести вдову хозяина и ее сестру к их родне, — ответил Конан. — Иначе я нарушил бы слово.

— Все понятно. Вы, киммерийцы, — люди слова, это я знаю.

У Конана по спине пробежал холодок. Ахмаю откуда-то была ведома его национальность.

— Неужели, назвав тебя киммерийцем, я ошибся? — лукаво улыбнувшись, спросил владыка. — Или ты стыдишься этого?

— Я смотрю, вы знаете меня лучше меня самого.

— Можешь в этом не сомневаться. Кого-кого, а киммерийцев я признаю сразу, пусть в наших краях они и редкость.

— Наши люди предпочитают жить там же, где и родились, — мрачно усмехнувшись, ответил Конан.

— Оставим это. Коль скоро ты пришел ко мне, значит, служба твоя прежнему господину закончилась, — так? Можешь считать, что я принял тебя к себе. Тебя и твоего товарища. Что до Дессы, которую ты пытался разыскать, то ты сейчас увидишь ее.

Застучали барабаны, и в зале появилась танцующая рабыня, одетая в короткую юбку, сшитую из алого шелка. На нагой груди танцовщицы, на запястьях ее и лодыжках поблескивали серебряные украшения и колокольцы. Ее смуглая намащенная кожа мерцала матовым светом.

Вне всяких сомнений, Конану доводилось встречать и куда более интересных женщин, однако, едва завидев Дессу, он забыл и думать о них.

Рабыня закружила вокруг стола. Владыка ее, все- сильный Ахмай, не вставая с места, сорвал с нее одежды и взмахнул ими над головой.

Мужчины одобрительно загудели. Десса усмехнулась и, сделав сальто, вскочила прямо на стол, так что блюдо Конана оказалось у нее между ног. Сделав шаг вперед, рабыня упала в объятия киммерийца.

Пышная надушенная грудь Дессы легла ему на лицо. Он скосил глаза и увидел Илльяну, смотревшую на него едва ли не с ненавистью. Испытывать ее терпение киммерийцу не хотелось, и он слегка отстранился назад. Десса сделала еще одно сальто — на этот раз назад — и опустилась на лежавшую у стола кипу ярких заморских ковров. Она сделала стойку на руках и, подав рукой команду барабанщику, вновь забилась в чувственном ритме.

Конан почувствовал себя оказавшимся меж двух огней.

И тут Илльяна не выдержала. Бросив свое блюдо на пол, она вскочила на ноги, что-то прокричала и поспешила к выходу из зала. Стражи были слишком увлечены Дессой, чтобы обращать внимание на гостей, — она прошла мимо них и скрылась за дверью.

— Что это значит? — с деланным равнодушием спросил Ахмай, взявшись при этом за рукоять своего клинка. — Твой спутник юн настолько, что не может совладать с желаниями своего тела? Или, быть может, ему непривычен вид обнаженного женского тела?

— Надо было ему Палоса показать! — закричал один из стражей.

Дюжий воин, который скорее всего и был только что упомянутым Палосом, гневно заревел:

— Заткнись, сморчок! Иначе ты мать родную...

— Молчать! — неожиданно громко рявкнул Ахмай, не сводивший глаз с Конана.

— Вы зря волнуетесь, — пробормотал киммериец. — Такие припадки случаются с ним не чаще раза в год. Если бы у вас нашлись снадобья...

— С подобными припадками мы справляемся и без снадобий, — мрачно усмехнулся Ахмай. — Если нам будет нужно, мы и горбатого прямо поставим!

— Я полагаю, до этого не дойдет. — Киммериец изобразил на лице нечто отдаленно напоминающее улыбку.

Разрази ее Эрлик! Что это она надумала? Может быть, она рехнулась со страха?

— Я тоже надеюсь на это, — кивнул Ахмай. — Ругаться в присутствии такой женщины нельзя. Ты только посмотри на нее, приятель!

Посмотреть было на что. Конан никак не мог взять в толк, зачем же она могла понадобиться Масуфу, — кем ее невозможно было представить, так это супругой добропорядочного туранца или любящей матерью.

Впрочем, об этом следовало думать самому Масуфу. С Конана было достаточно и Илльяны. И куда только та могла запропасться? Спасало положение лишь то, что рабыня продолжала танцевать. Попробуй Ахмай послать своих воинов на поиски пропавшего гостя, и те наверняка устроили бы в ответ на это бунт. И они были бы правы: на всем белом свете не было танцовщицы, равной Дессе...

Движения рабыни с каждой минутой становились все медленнее и медленнее; чувствовалось, что она начинает уставать. Она сделала наконец последнее сальто, и в тот же миг двери зала распахнулись вновь. В них стояла Илльяна.

Она выглядела так же, как и в тот раз, когда киммериец впервые увидел ее, и потому Конан, в отличие от всех прочих присутствующих в зале людей, особенно не поразился увиденному. Сразила его вовсе не диковинная эта метаморфоза, но нечто куда более опасное — от волшебницы исходила такая волна чувственности, что совладать с собой в ее присутствии не смог бы и евнух. Илльяна была почти нага — узкая набедренная повязка да серебряный обод на голове были единственным ее одеянием. Конан ошарашенно посмотрел на ее прекрасное тело и зажмурился, словно не веря собственным глазам.

— Ну ты и плут! — ахнул Ахмай. Немного помолчав, он добавил: — Так вот с чем ты путешествуешь!

— Не с чем, а с кем, мой господин, — широко улыбнувшись, ответил Конан. — Она не призрак — ее можно потрогать...

— Волшебства в ней столько, что она кажется сказкой... Но скажи мне, плут, почему ты решил скрыть ее от меня?

— Я не настолько глуп, чтобы хвалиться своими сокровищами перед разбойниками.

— Называя ее сокровищем, ты оскорбляешь ее, варвар. Она слишком хороша для этого. — Ахмай говорил

с трудом — казалось, что-то застряло у него в глотке. Он плеснул вина себе в кубок и вновь устремил взор на Илльяну.

Та взмахнула руками и закружила по залу в диковинном танце. Тягаться с Дессой в акробатических па она не собиралась — танец ее поражал не обилием трюков, но удивительной гибкостью танцовщицы и грациозностью ее уверенных движений.

Конан стал искать взглядом Дессу. Та стояла недвижно, опершись плечом о дверной косяк. На Илльяну она смотрела так, как смотрит на учителя посрамленный ученик.

Илльяна тем временем подхватила с пола один из легких ковриков и завернулась в него, вызвав тем массу восторгов. Она встряхнула головой, и легкая вуаль, покрывавшая ее золотистые косы, заскользила через зал, словно несомая ветром. Лишь Конан понимал, что подобное движение может быть вызвано только магическими заклинаниями, остальным же, казалось, сие было невдомек. К вуали бросилась добрая дюжина воинов, в одно мгновение разодравших ее на лоскуты.

В тот же миг с головы Илльяны упал и обруч. Мелодично позванивая, он покатился через весь зал и наконец закружился у ног Ахмая. Тот подхватил его резким, едва уловимым движением, не отрывая при этом взгляда от прекрасной незнакомки.

И тут в зале установилась полная тишина. Илльяна сбросила с себя коврик, а вместе с ним с прекрасного тела ее слетела и набедренная повязка.

— Киммериец, друг мой! — вскричал Ахмай. — Я предлагаю тебе и твоему спутнику остаться в моем дворце. Ты можешь просить у меня все, что угодно. Торговаться с тобою я не стану. У меня же будет лишь одно пожелание. Я должен провести с этой женщиной одну-единственную ночь. После этого я оставлю ее в покое и даже стану первейшим ее защитником. Если кто-нибудь из этих скотов посмотрит на нее так, что...

Конан расхохотался:

— Уж не обезумели ли вы, мой господин? Ваши люди не смогут не смотреть на нее. Если же они не будут делать этого, то подруга моя расстроится так, что последствия этого для меня будут еще более огорчительными. Не следует говорить о несбыточном, мой господин, — лучше предложите мне что-нибудь иное, пусть даже оно и не будет казаться столь же благородным.

Илльяна лежала на ковре, извиваясь по-змеиному.

Ахмай вздохнул и, прищурившись, посмотрел в глаза киммерийцу.

— Я уступлю тебе Дессу.

Конан на миг задумался, но тут же согласно кивнул головой. Ахмай заулыбался и, хлопнув в ладоши, приказал рабыне подойти поближе. Та гордо пересекла залу, пытаясь держать себя так, словно кроме нее в зале женщин не было.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь с моим новым другом, — сказал Ахмай. — Думаю, ты придешь к нему по вкусу, да и он, судя по всему, тебе понравится.

— Как прикажете, мой господин. — Десса улыбнулась, заметив, что Конан, в отличие от хозяина замка, смотрит только на нее. — Ваш приказ для меня — закон.

Она перескочила на другую сторону стола и уселась на колени киммерийцу. Того раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, теперь он мог выкрасть Дессу, с другой — он не имел ни малейшего понятия о том, как же собиралась выходить из этой ситуации его хитроумная спутница.

Он заметил у себя под ногами набедренную повязку Илльяны и машинально поднял ее с пола. Пальцы его руки внезапно стало покалывать. Он уже хотел было отбросить тряпицу в сторону, но тут в сознании его прозвучало: «Успокойся, Конан! Чары мои велики, и потому Ахмай не заметит никакого подвоха. Он будет уверен в том, что эту ночь я провела с ним. Теперь тебе и Дессе следует уйти. Я догоню вас».

Голос смолк так же внезапно, как и зазвучал. Конан скомкал в руке набедренную повязку Илльяны и сунул ее за пазуху. Десса, заметив это, обронила:

— Со мною ты ее в два счета забудешь. Тряпку же эту ты выбросишь за дверь.

Конан довольно ухмыльнулся. Начало ночи обещало быть интересным, об остальном же он пока не думал.

Глава девятая

Свернувшаяся калачиком Десса мирно спала, положив свою головку на могучее плечо киммерийца. Он с удовольствием заснул бы и сам, но этого делать в его положении как раз и не стоило — в нескольких шагах от него, за соседней дверью, находился человек, который в любую минуту мог стать его, Конана, врагом, человек, который этим врагом был и на деле.

Тихо постучали. Конан схватил меч, беззвучно, словно кошка, подобрался к двери и, отодвинув задвижку, распахнул ее ударом ноги.

Перед ним стояла Илльяна, вновь одетая в мужское платье. Она была крайне бледна, под глазами ее виднелись глубокие круги.

Она вошла в комнату и тут же прикрыла за собой дверь. Конан предложил ей вина, однако на предложение это волшебница ответила решительным отказом:

— Нет, нет. Все это пустяки, просто я захотела спать. Что до Ахмая, то он действительно спит, при этом ему снится, что он спит со мной. Можешь себе представить, что он при этом видит и испытывает.

— Откуда же девственной волшебнице ведомо то, что происходит между мужчиной и женщиной?

Илльяна вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и, стараясь не смотреть на Конана, пробормотала:

— Мне пришлось поинтересоваться этим. Бóльшего я тебе не скажу.

Конан счел за лучшее промолчать. Он самолично опорожнил кубок с вином, набросил на себя одежды и принялся расталкивать Дессу.

Со стены послышался крик стража:

— Пятый час! Порядок полный!

Стража никто не услышал — вся крепость была объята сном.

Конан подошел к двери, ведущей во двор, и тут же обнаружил, что она заперта. Илльяна отстранила его и протянула к двери руку, в которой поблескивал Камень Курага.

Киммериец покачал головой. Он мог справиться с любым замком и сам, причем для этого ему не пришлось бы прибегать к особым ухищрениям: воровскому делу его обучили заморцы, для которых не составляло никакого труда открыть любой, сколь угодно хитроумный замок.

Двор казался совершенно безжизненным, лишь огонь жаровни, стоявшей за воротами стойла, указывал на то, что люди здесь все-таки есть. Киммериец нахмурился. Им надлежало идти именно к стойлу, которое, судя по всему, было единственным охраняемым местом во всей крепости.

Холодный ночной воздух вывел Дессу из полусонного состояния. Она завертела головкой, пытаясь понять, куда же они направляются.

— Куда вы меня ведете? К Ахмаю нужно идти другой..

— С чего ты взяла, что мы идем к нему? — усмехнулся Конан. — Мы ведем тебя к твоему суженому, Масуфу. Он тебя ждет не дождется.

— К Масуфу? А я-то думала, что его давно нет в живых!

— Неужели ты не получала его посланий? — удивилась Илльяна. — Он ведь посылал их не раз.

— Какие-то письма я действительно получала. Но разве можно верить письмам?

— Им-то люди как раз и склонны верить, деточка, — прошептал Конан и подошел поближе к рабыне, заметив,

что та готова закричать в любую минуту. Едва Десса набрала в легкие побольше воздуха, он заключил ее в объятия, зажав ей рот своей огромной ладонью.

Илльяна приблизилась к рабыне и возложила руку ей на голову. Конан почувствовал сильное головокружение и едва не выронил из рук внезапно обмякшее тело Дессы.

— Что ты сделала? — прохрипел он, изумленно глядя на светящийся призрачным светом Камень Курага.

— Я ее просто-напросто усыпила.

— Так быстро?

— У нее слабая воля, и потому особого сопротивления она оказать не могла. Будь на ее месте ты, мне пришлось бы потрудиться.

— Ох и не нравится мне все это..

— Конан, неужели мое волшебство пугает тебя и поныне? Как мне доказать тебе, что оно не несет с собой зла?

Киммериец мрачно усмехнулся:

— Я не поверил бы в это, даже став благодаря твоей магии королем Аквилонии. Так что не трать время понапрасну. К тому же злой я считаю совсем не тебя, но лишь твою магию и все, с нею связанное.

Илльяна улыбнулась:

— Хорошенький комплимент, ничего не скажешь.

Раскаленная жаровня стояла у выхода из конюшни. Конан вошел внутрь, однако стражей так и не увидел. Илльяна отправилась за жеребцами, он же осторожно опустил тело Дессы на сено и вынул из ножен меч.

Прошло несколько минут, однако волшебница все не возвращалась. И тут из глубины стойла послышались какие-то звуки. В следующий миг он увидел пошатывающихся стражей, ведущих под руки хмельную, полураздетую, хихикающую женщину.

— Привет, киммериец, — сказал один из воинов. — Хочешь немного поразвлечься?

— Вы бы лучше мне вина предложили, — буркнул в ответ киммериец.

— Запросто, — ответил ему второй страж. — Фаруш, если мне не изменяет память, последним пил ты. Верно? Стало быть, идти за кувшином придется именно тебе.

— И не подумаю, — мрачно пробасил первый. — Хочешь, иди туда сам.

— Чтобы я оставил тебя наедине с Хирой? Ты что, за идиота меня держишь?

Не успел Фаруш ответить своему сотоварищу, как из глубины стойла показалась Илльяна, ведшая за собою жеребцов.

— Смотрите, кто к нам пожаловал! Может, станцуете для нас, милочка?

— К сожалению, я занята, — ответила Илльяна. — Надеюсь, вы не обидитесь на меня за это.

За видимым спокойствием, с которым она произнесла эти слова, Конан почувствовал крайний испуг.

— Нет, моя хорошая. Ты уж нас зря не обижай, — отозвался воин, взявшись за рукоять своего кинжала.

— Я вновь должна ответить вам отказом. Я слишком утомлена, чтобы танцевать вновь.

— Ну что ж, — осклабившись, прохрипел воин, — тогда мы станцуем лежа. Есть такой танец. Называется он...

Договорить воин уже не сумел, так же как он не сумел и вынуть из ножен свой клинок. Киммериец ударил его в челюсть с такой силой, что он отлетел к воротам, ударился головой о перекладину и повалился на богато унавоженную землю бездыханной массой.

Фаруш мгновенно протрезвел и, выхватив кинжал из ножен, бесстрашно пошел на неприятеля, явно превосходившего его силой.

«Как это Ахмаю удалось воспитать таких воинов?» — изумился Конан.

В этот миг девица, успевшая привести свое платье в порядок, пронзительно завизжала. Заставить ее замолчать можно было, только лишив ее жизни, что было не в правилах по-своему галантного киммерийца. Девица вновь закричала изо всех сил:

— На помощь! На помощь! В конюшне воры! В конюшне воры! На помощь!

Она бросилась наутек. Фаруш, заметивший смятение неприятеля, поспешил последовать ее примеру.

Конан повернулся к Илльяне:

— Теперь можешь и поколдовать.

Илльяна нахмурилась:

— Если ты думаешь, что у наших лошадок вырастут крылья, то ошибаешься.

— Разрази тебя гром, женщина! Сейчас не время шутить!

— Что верно, то верно. Если ты сможешь задержать неприятеля хотя бы на пару минут, я попробую что-нибудь придумать.

Конан перевел взгляд на ворота, которыми запиралось стойло. Разбить их возможно было разве что тараном. Уже не раздумывая, он бросился к ним. Едва он затворил тяжелые дубовые створки и задвинул широкие железные затворы, как со двора послышались крики и отборная ругань.

Темную конюшню стал заливать неяркий изумрудный свет. Конан обернулся и посмотрел на засиявший неожиданно ярко Камень Курага, прикрепленный к браслету, надетому на запястье Илльяны. Последняя вела себя крайне странно — она снимала с себя тунику.

— О боги, чем же я вас так прогневал! — возопил киммериец.

Илльяна улыбнулась, блеснув зубами:

— Неужели ты не знаешь о том, что колдовать нагишом куда удобнее?

— А ведь верно! Любая нагая женщина под стать колдунье!

— Скоро я и тебя волшебству научу, киммериец.

Шум и крики за стеной не смолкали ни на минуту. Илльяна уже сбросила с себя все одежды. На одной ее руке горел Камень Курага, на другую был надет резной браслет из слоновой кости. В призрачном изумрудном свете она казалась атлантической богиней, поднявшейся со дна морского для того, чтобы отомстить тем, кто был повинен в гибели ее народа.

Конан взял в руки кинжал и поспешил к крайним стойлам, разрезая на ходу ремни, которыми кони были привязаны к столбам. Освободив так всю конницу Ахмая, он подбежал к Илльяне, стоявшей возле своего жеребца.

— Больше нам здесь делать нечего.

Киммериец положил Дессу поперек седла и взобрался в седло сам. Илльяна подняла руку с Камнем и забормотала:

— Хаос, Хаос, проклятый трижды, заклятьем тройным тебя, о Хаос...

Далее следовало нечто крайне невразумительное и в то же время велеречивое. Конан негромко чертыхнулся и покачал головой.

Невесть откуда налетевший ветер закружил по конюшне, вздымая в воздух кипы соломы, разбросанные по земле. Жаровня внезапно опрокинулась набок, и из нее высыпалось несколько раскаленных угольков, тут же воспламенивших своим жаром разметанную вокруг солому. Пламя мгновенно окрепло и с ревом набросилось на стены конюшни, пытаясь достать своими жаркими языками до перекрытия.

Илльяна сжала руку с Камнем в кулак и выбросила ее вперед, отчего ворота с треском распахнулись, словно сокрушенные тяжелым тараном.

— Хайа-а-а-а! — заорал Конан и, пришпорив своего жеребца, направил его прямо на воинов Ахмая.

Животное, явно не привыкшее к подобным передрягам, сделало пару скачков вперед и, возмущенно заржав, перешло на шаг. Конану, несмотря на это, так и не пришлось сразиться с неприятелем, — вид Илльяны сразил наповал тех немногих воинов, что были исполнены решимости сойтись с ним в бою. Нагая, сияющая изумрудным светом волшебница, восседающая на спине огромного храпящего скакуна, выглядела, мягко говоря, жутковато.

Илльяна сделала три круга по двору, после чего в нем не осталось ни души, и забормотала новое заклинание.

Камень Курага засиял ярче прежнего. Из него вылетел тонкий ослепительный луч, тут же обративший в

Масуфа заранее была приготовлена пара жеребцов, и потому каждый из путников скакал в своем седле. Ни раба, ни рабыню нельзя было назвать опытными наездниками, и это сильно сказывалось на скорости их передвижения. В случае опасности Конан и Раина принимали бы своих новых спутников в собственные седла, иначе те были бы изловлены неприятелем в два счета.

К счастью, пока их никто не преследовал, что, впрочем, казалось крайне подозрительным обстоятельством, хотя они и избегали не только торных путей, но и горных тропок. За время пути они встречали людей лишь дважды: в первый раз это был пастух, во второй — отшельник.

— Горцы — люди молчаливые, — негромко сказал Конан. — Золото и пытки могут развязать язык кому угодно, но вот время на это уходит разное. Пытать их Ахмай скорее всего не станет, ведь крепость его, в конце концов, стоит именно на их землях. Верно?

— Нас видят не только пастухи, — отозвалась Илльяна. — Нас видят и их овцы.

— Насколько я понимаю, и овцы, и козы умеют держать язык за зубами, — улыбнулся Конан. Утро стояло прекрасное, и настроение у него было лучше некуда, тем более что вчерашняя стычка закончилась полным посрамлением противника.

— Можно заставить говорить и немного, — настаивала на своем Илльяна.

— Интересно, каким же это образом? — рассмеялся киммериец. — Представляю, как Ахмай будет разговаривать с овцами! «Если вы будете молчать, я изжарю вас себе на ужин!» А они ему в ответ «мэ» да «бэ», «бэ» да «мэ»!

— Это делается иначе.

— Неужели есть и такие заклинания?

— Разумеется. Говорить баран не станет, но увидеть то же, что видел и он, совсем не сложно.

— И ты думаешь, Ахмаю ведомы такие заклинания?

Погожее утро тут же стало казаться Конану по-киммерийски холодным.

— Ни он сам, ни его слуги заклинаний не знают. Но ему это и не нужно. Похоже на то, что Ахмай знаком с Эремиусом, тому же ведомы все заклинания без исключения. Как ты помнишь, именно Эремиус владеет вторым Камнем Курага. Я познакомилась с ним десять лет тому назад и за время знакомства успела понять, что он знает и умеет куда больше моего.

Волшебница изобразила на лице некое подобие улыбки:

— Утешает меня лишь то, что он не знает об этом. К тому же за эти десять лет я смогла кое-чему научиться.

Улыбка Илльяны стала пошире:

— Конан, я смотрю, ты начинаешь всерьез интересоваться магией. Как же прикажешь тебя понимать — ведь совсем недавно ты говорил мне о том, что боишься и думать о ней?

— Магия магии рознь. То, что я видел вчера, меня не только не пугает, но скорее привлекает. Впрочем, может быть, ты устроила весь этот маскарад лишь для того, чтобы показаться предо мной в столь импозантном виде...

Илльяна густо покраснела и тут же отъехала к Дессе и Масуфу. Конан прищиприл своего коня и нагнал Раину, бормоча что-то о бесноватых женщинах, которые при всем своем целомудрии никак не могут считаться подлинно целомудренными.

— Ну у тебя и шутки! — прошипела Раина.

— Что-то я тебя не понимаю. Неужели я мог оскорбить ее?

— Говорить о чужих тайнах я не привыкла. Придет время, и Илльяна сама расскажет тебе обо всем. Пока же тебе следует помалкивать.

— Но ведь при этом я становлюсь похож на слепца, — я не понимаю ни того, с кем мне предстоит сражаться, ни того, почему я должен относиться к этому человеку как к врагу...

— Не стану спорить с тобой. Но я назвала бы тебя не слепцом, а скорее одноглазым.

— Будь по-твоему. Но ведь у противника моего целы оба глаза, верно? Неужели мастер Барафр не смог

научить тебя и самым простым вещам? Тебе придется вернуться на родное Боссонское болото и потребовать со своего наставника плату за обучение, ибо...

Раина едва не ударила его по губам. Он с трудом сумел перехватить ее руку.

— Ты находишь глупой и эту мою шутку?

— Отпусти меня сию же минуту! Чтоб у тебя язык отсох, варвар!

— Если он у меня не отсох и поныне, то отсохнет не скоро, милая. Кто только меня не проклинал — и благородные люди, и отъявленные мерзавцы...

И тут киммериец заметил, что глаза Раины наполнились слезами. Он выпустил ее локоть из руки и отъехал в сторону. Она было зарыдала, спрятав лицо в ладонях, но вскоре справилась с собой и, обратившись к нему, заговорила:

— Прости меня, Конан. Ты даже и не представляешь, насколько груба и глупа твоя шутка! Я изгнана из Боссонии! У меня нет дома, у меня есть только моя госпожа. И я должна благодарить богов за то, что ею стала именно Илльяна, а не кто-то другой! Как видишь, я не случайно храню ей верность. Ну а теперь, мой киммерийский друг, скажи мне — как тебе нравится то, что капитан Хаджар на деле служит не кому-нибудь, а именно властителю Хауме?

Кровь ударила Конану в голову. Он и сам не заметил того, как рука его сжалась в кулак. Раина засмеялась:

— Видишь, как все просто! А ведь я обязана своей госпоже куда большим! Боссонцы говорят так: «Не трогай моих овец, тогда и собаки мои тебя не тронут». Как тебе это нравится?

Конан вновь подъехал к ней и, нежно обняв, прошептал:

— Мудрые люди эти самые боссонцы...

Не прошло и минуты, как последние из прихваченных с собою бычков были умерщвлены. Отовсюду слышались треск костей и чавканье — Трансформы

справляли свою трапезу. Время от времени тот тут, то там разгорались ссоры, вызванные спором за лучшие куски.

Эремиус не боялся того, что ссоры эти закончатся кровью. Дисциплинированными воинами Трансформы, разумеется, не были, однако их командиры каким-то образом умудрялись наводить в своем войске порядок. Иногда это оборачивалось для Эремиуса потерей одного-двух бойцов, но обращать на такие потери внимание было бы смешно. Эремиус понимал, что в каком-то случае потери могли бы оказаться куда более серьезными.

Сегодня серьезных драк можно было не бояться. Трансформам был предложен щедрый обед, за которым должно было последовать настоящее пиршество, украшением коего должна была стать добытая в бою чело-вечья плоть, о чем, разумеется, было сообщено и Трансформам.

К скамье Эремиуса поднялся капитан Назро. Упав на колени, он забормотал:

— Господин, вода в ручье стала непригодной для питья, она красная от крови! О запахе я уже и не говорю!

— Трансформам это не повредит. Неужели ты забыл об этом?

— Я о них и не говорю, мой господин! — На лице капитана выступили бисеринки пота. — Вы, вероятно, забыли о том, что кроме Трансформ здесь есть и люди. Людям же нужна чистая вода.

— Неужели они не могут подняться повыше по течению и набрать воды в свои фляги! — раздраженно ответил Эремиус. Раздражение его было так велико, что магический жезл сам собою поднялся в воздух и подлетел к голове капитана. Эремиус позволил жезлу коснуться щеки бестолкового командира и легким движением руки заставил его остановиться. — Когда вы будете иметь собственные головы на плечах? Неужели ты так туп, что не можешь даже напоить своих людей? Ступай к ним, и в следующий раз не беспокой меня понапрасну!

Назро поклонился и тотчас исчез.

Эремиус опустился на скамью, положив посох на колени, и задумался. Надеяться на то, что в сегодняшней битве погибнут все его люди, успевшие за время похода изрядно надоесть ему, не приходилось. Жители деревень редко оказывали его воинству серьезное сопротивление.

Помимо прочего, он и поныне нуждался в услугах Назро и его братьев, что были так же тупы, как и их капитан. Пока он владеет лишь одним из двух Камней Курага, люди необходимы ему.

Он любил думать о том счастливом времени, когда он завладеет и вторым Камнем, когда он не только раз и навсегда распрощается с людьми, но и сможет взрастить новые поколения Трансформ, что пока, в отсутствие одного, были бесплодны, ибо женщины их были неспособны к зачатию.

Было известно, что дети Трансформ вырастают всего за год, и это означало, что на покорение мира у него уйдет всего несколько лет. Не уйдя от него Ильяна, и его победное шествие началось бы уже десять лет тому назад.

Впрочем, теперь, когда он был так близок к победе, это уже не имело никакого значения, хотя мысль об этом огорчала его так же сильно, как и прежде.

-
- В этом ручье не вода, а кровь!
 - Его проклинали демоны!
 - За что боги так немилосердны к нам?
 - Найти его!

Бора решил, что ждать ему больше нечего, и бегом бросился к ручью. С каждым мгновением крики становились все громче. Так же быстро Бора бежал и в ту ночь, когда за ним гнались демоны. Уже через минуту он стоял на берегу ручья, что был неизменно чист и ясен, словно глаза его сестры Карайи. К ужасу мальчика, вода в ручье действительно приобрела цвет крови. По поверхности ее плыла странная слизь, издававшая резкий, тошнотворный запах.

Деревенские жители расступились перед ним, позволили ему выйти на самый берег. «Интересно, — подумал мальчик, — кого они боятся: меня или этой вони?» Он усмехнулся, но тут же придал своему лицу серьезное выражение. Засмейся он сейчас, и остановиться ему уже будет непросто.

Задержав дыхание, он стал на колени и зачерпнул из ручья полную ладонь кровавой жижи. Он принял и внезапно улыбнулся.

— Теперь мы знаем, что стало с коровами Перека! — воскликнул он. — Похоже, в нашу речку свалилось все его стадо! Бедный Перек!

— Это не он, а мы бедные! — раздался чей-то голос. — Что нам теперь, к колодцу ходить?

— Ничего другого не остается. Пока вода не очистится, пить из ручья нельзя. Разве вы не согласны с этим?

Многие закивали. Других же слова мальчика лишь раззадорили.

— Ты уверен, что в нашу речку его коровы свалились сами? — спросил один из деревенских жителей. О демонах он не сказал ни слова, но все поняли, что говорит он именно о них. — И еще: ты уверен, что ручей наш очистится?

— Если с ним произошло что-то противоестественное, то и вода в нем должна стать не водой, а чем-то другим, верно? — ответил Бора. Он тяжело вздохнул и добавил: — Сейчас я войду в воду. Если я выйду из ручья невредимым, значит, ничего страшного не произошло.

Слова мальчика вызвали неоднозначную реакцию: одни запротестовали, другие ответили одобрительными криками. Не обращая внимания на односельчан, Бора стал снимать с себя одежды.

Вода была такой же холодной, как и обычно. Бора вошел в ручей по пояс, решив про себя, что погружать в него голову он не станет.

Он оставался в воде до тех пор, пока не перестал чувствовать ее холода. К этому времени на берегу установилась полная тишина. Стараясь двигаться неспешно, он направился к берегу.

Добрая дюжина селян протянула ему руки, предлагая свою помощь; кто-то успел сходить и за полотенцем. Когда мальчик оказался на берегу, тело его стали растирать сразу несколько человек, и уже через пару минут кожа Бора приобрела былой розовый цвет.

Он увидел направлявшуюся к нему Карайю, несшую ему чашу с горячим поссетом. Взгляд ее был исполнен такой грусти, какой ему еще не приходилось видеть, однако на остроту ее языка она грусть, казалось, несколько не повлияла:

— Бора, я смотрю, ты сдурел вконец! Ты почему о нас не думаешь? Что бы мы делали, если бы демоны прибрали тебя к себе?

— О ком, о ком, а о них-то уж я не думал! Доказать же другим то, в чем сам не сомневался, я мог только так. Не поступи я так, и наши милые соседи решили бы, что во всей этой напасти повинен только я. Да они разорвали бы меня на части!

— Они не посмели бы поднять на тебя руку!

Будь глаза Карайи луками — половина деревни легла бы уже бездыханной.

— Карайя, запомни хорошенько: когда человек чего-то боится, он способен на страшные поступки. Неужели ты еще не знаешь этого? — Мысль эта принадлежала Ивраму, но ссылаться на него Бора не стал.

Какая-то добрая душа принесла из дома ведро горячей воды и губку. Бора обмыл себя, насухо вытерся и только после этого облачился в одежды. Люди взирали на него так, словно лицезрели не подобного себе, но посланника небес.

Он обратился к ним, едва сдерживая свой гнев:

— Вы что, так и будете торчать здесь? Если вы считаете, что колодца недостаточно, можете носить воду из Зимовья. Я думаю, тамошние жители не станут возражать против этого. Если же вы так и будете стоять разинув рот, то в ваших глотках птички совяют себе гнезда. Вы слышите меня, олухи?

Бора замолчал. Он, шестнадцатилетний мальчишка, и так сказал слишком много своим односельчанам, а ведь большая их часть годилась ему если не в деды, то в отцы.

И тут, к своему удивлению, он увидел, что люди, обступавшие его, закивали все как один. Он отказался выбирать тех, кто должен был отправиться в Зимовье за водой, сделав вместо этого нечто весьма странное. Он обмакнул край полотенца в воду и, обвязав им свою левую руку, важно изрек:

— С этим я отправлюсь к Ивраму. Если демоны и причастны к этому, то не мне, Боре, сыну Рафи, бояться их. Иврам же по этому следу не только поймет природу происшедшего, но и научит нас, как вести себя дальше.

На деле Бора в этом уверен не был. Он слышал о том, что Иврам, несмотря на свою принадлежность к жреческому сословию, был весьма искушен и в делах магии; слух же этот, однако, был ненадежен и вполне мог оказаться лживым.

Судя по всему, демоны (в том, что причиной всего были именно они, Бора не сомневался ни минуты) были где-то совсем рядом. Послать людей на их поиски означало бы приговорить их к смерти. Ждать же, когда демоны сами заявятся в деревню, было по меньшей мере глупо. Бора не знал, как ему следует поступить в этой ситуации. У него не было особых надежд и на жреца; но тот, по крайней мере, мог помочь ему скрыть собственное его незнание. Об опасениях своих он мог говорить теперь лишь с Иврамом и Мариам.

К полудню Конан решил, что они могут покинуть горы и направиться к Заставе Земана. Сам он предпочел бы передвигаться ночью, но ни Десса, ни Масуф не были способны на это, и потому о ночной езде не приходилось и говорить.

— У них было бы куда больше сил, не ругайся они каждую минуту, — сказал он Раине. — Ее-то наказывать я не стану, а вот с Масуфом церемониться не буду! Это ему только на пользу пойдет, да и всем остальным от этого только лучше будет.

— Мне кажется, он тебя не поймет, — ответила Раина. — Ты знаешь, есть такая порода людей: как только

какое-то их желание исполняется, они начинают желать прямо противоположного. Масуф и сам не понимает, чего же он хочет.

— Меня это не интересует, — прорычал Конан. — Если у этой парочки нет родни, я сам заплачу за их свадьбу. Не тащить же их за собой в горы!

Когда отряд въехал в город Харук, Десса и Масуф поссорились вновь. Замолчали они лишь тогда, когда Конан нашел гостиницу с крепкими стенами, черным ходом и совсем недурным вином. Ссора вспыхнула вновь только после того, как Илльяна сказала, что для них отведена отдельная комната.

— Я туда не пойду! — тут же заявила Десса.

— Глупенькая, да я же тебя пальцем не трону, — проблеял Масуф таким голосом, что поверить в искренность его слов было совершенно невозможно. — И чего ты меня так боишься, цыпочка?

— Боюсь? Тебя? Если бы ты действительно был мужчиной, я бы еще могла испугаться тебя, но...

Заметив устремленные на нее взгляды Илльяны, Раины и Конана, Десса замолкла на полуслове. Масуф побагровел и дрожащим голосом пробормотал:

— Так, значит, я, по-твоему, еще и не мужчина? Да кто ты такая, чтобы мне об этом говорить? Таких шлюх, как ты, еще свет не видывал...

Своей пощечиной Десса могла бы и прибить Масуфа, но тут в разговор вмешался Конан. Он схватил девушку за шиворот, распахнул дверь в ее комнату и, пару раз тряхнув, бросил рабыню на кровать.

— Теперь ты, Масуф, — сказал он недавнему рабу, пытаясь говорить как можно спокойнее, — будь так любезен, войди в эту комнату. Если ты не сделаешь этого, ты влетишь сюда словно птичка, понял?

Масуф принялся чертыхаться, однако послушаться киммерийца не посмел.

Конан забросил в ту же комнату скarb новобрачных и, прикрыв дверь, запер ее снаружи.

— Возьми! — Илльяна протянула ему кубок, до краев наполненный вином. Конан одним глотком опорожнил его и, вытерев рот рукавом, поклонился волшебнице:

— Вот спасибо, так спасибо! — Он хотел было развиться пространным рассуждением о том, чем, вообще говоря, женщина может угодить мужчине, но тут же остановил себя, решив не бередить старые раны.

— Интересно, как пройдет у них эта ночь? — промурлыкала Раина, обняв Конана за талию. — Надеюсь, у меня она пройдет спокойно.

— Если это так, то почему же ты здесь, а не в постели?

— О, только об этом я и мечтаю! Знали бы вы, как мне хочется спать! — Тон, которым она произнесла эти слова, заставил засмеяться даже Илльяну.

— О боги! — воскликнул киммериец. — Неужели ты не можешь подождать? И на лучшем рысаке далеко не ускачешь, если в животе у него пусто!

Глава одиннадцатая

Где-то совсем близко кричала женщина. Конан, деливший ложе с Раиной, в эту минуту мог думать о чем угодно, но только не о женщинах. Скорее всего, это была Десса. В том, что она сможет справиться с Масуфом и в одиночку, Конан не сомневался. Кряхтя, он повернулся на бок, и тут...

Тут крик раздался вновь. Только на сей раз он был куда громче. Раина окаменела и устремила взгляд к двери.

— Это какая-то... — зашептал было Конан, но горанка тут же прервала его:

— Это Илльяна! Моей госпоже что-то угрожает!

Раина прыгнула с кровати и, схватив со стола свой пояс, понеслась к двери. Конану не оставалось ничего другого, как только последовать за ней.

Десса и Масуф уже стояли перед комнатой волшебницы. На Дессе, так же как на Раине и киммерийце, были хоть какие-то одежды, Масуфу же пришлось замотаться в одеяло. Едва Конан подошел к двери, как крики смолкли.

— Вы что, так и будете стоять? — зло зашипел Конан.

— Мы пытались выставить дверь, но то ли запоры у нее слишком крепкие, то ли заговорил ее кто... — Масуф сказал это так, словно происходившее совершенно не интересовало его, сам же он в это время буквально поедал глазами Раину.

Из комнаты слышалось тихое поскуливание.

Конан отошел к противоположной стене и бросился на дверь, которая явно не была рассчитана на то, чтобы к ней прикладывались плечом великаны, — она с треском сорвалась с петель и рухнула.

Конан влетел внутрь, едва не споткнувшись об Ильяну, сидевшую на полу возле кровати. Она нервно покусывала уголок простыни, в которую было закутано ее тело.

На левую руку волшебницы был надет браслет, на котором сверкал Камень Курага. Изумрудное сияние, исходящее им, было столь ярким, что Конан зажмурился.

— Не прикасайся к ней! — завопила Раина.

— Но ведь должен же ей кто-то помочь!

— Ты не только не поможешь, но наверняка навредишь ей! Сейчас трогать ее нельзя!

Конан остановился в растерянности, и в тот же миг Ильяна, потеряв сознание, упала на пол. Свет, исходящий из Камня, тут же погас.

Сев на колени возле своей госпожи, Раина приложила ухо к ее груди и застыла. Конан отошел к двери и осторожно выглянул наружу. В коридоре не было ни души.

Десса плюхнулась на кровать, вызвав тем крайнее неудовольствие Раины.

— У тебя что — совсем в голове пусто?

— Было бы пусто, не сидела бы я здесь с вами!

— Ладно вам! — усмехнулся Конан, вспомнив вдруг аграпурские таверны и тамошних танцовщиц. Попади Десса в руки Пиле, та бы из нее живо человека сделала...

В этот миг вернулся Масуф, за которым следовали хозяин гостиницы и пара дюжих слуг. Конан кивком головы указал им на свой клинок, и они застыли, не смея заходить в комнату.

— Что это вы затеяли? — проревел хозяин гостиницы. Присмотревшись получше и заметив лежащую на полу нагую женщину, он усмехнулся и спросил уже другим тоном: — О-хо-хо, если уж вам так нужна женщина...

— Заткнись! — грубо оборвал хозяина киммериец. — Моей госпоже приснился дурной сон, и только. Если ты посмеешь говорить о ней дурно, я найду способ наказать тебя так, чтобы ты запомнил это на всю жизнь. Она только что потеряла своего мужа, понимаешь?

Слова киммерийца странным образом тут же успокоили хозяина. Он уже собрался уходить, но тут Ильяна приоткрыла глаза и забормотала:

— Трансформы. Их не остановить — слишком далеко... Попробуй... попробуй хотя бы воспрепятствовать им... Кто-то должен это сделать... Попробуй — иначе... — дальше шло нечто невразумительное — иначе обречены все...

— Не иначе, колдовство! — ахнул один из слуг, в ужасе попятившись назад. Второй слуга был уже где-то на лестнице. Хозяин, однако, уходить раздумал, — склонив голову набок, он обвел взглядом присутствующих и проревел:

— Я вызову сюда стражу! Если эти остолопы сюда не явятся, я подниму на ноги весь город. Еще никогда в моей гостинице не происходило ничего более омерзительного...

— Теперь тебе и весь город вряд ли поможет! — презрительно процедила сквозь зубы Раина, поигрывавшая острым, как бритва, клинком. Владелец гостиницы переменился в лице и резко отшатнулся назад, едва не слетев при этом с лестницы.

— Не надо так горячиться, дружище! — примирительным тоном сказал киммериец, чудом успевший схватить хозяина за руку. — Моя госпожа действительно кое-что смыслит в магии. Мало того, она чувствует, когда к магии прибегают другие. Враг, о котором она сейчас говорила, куда страшнее всего ведомого вам, и потому вам не остается ничего иного, как только принять ее сторону. В этом случае она сможет защитить вас

Хозяин нахмурился, но былая тревога отступила. Киммериец выпустил его, и он стал неспешно спускаться вниз по лестнице.

— Возможно, теперь он не будет действовать очертя голову. Хотя я могу и ошибиться. Эти идиоты слуги через пару минут вернутся сюда вместе со стражей. Нам нужно уходить. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

Илльяна покачала головой:

— Я должна делать то, что делаю. Иначе этот кошмар заполонит собою все.

— Если то страшное, о котором ты говоришь, находится где-то далеко...

— Это не имеет никакого значения. — Илльяна смерила Конана ледяным взглядом. — Когда я сбежала от Эремиуса, я поклялась мстить ему всегда и всюду. Противостоять ему сейчас я просто обязана. В противном случае справиться с ним будет уже невозможно. Надеюсь, ни ты, ни Раина не станете мешать мне.

Судя по всему, уходить волшебница не собиралась; Раина, скорее всего, должна была принять сторону своей госпожи, пусть даже это стоило бы ей и жизни. Говорить с ними о чем-либо было бессмысленно.

— Воля ваша, — пожал плечами Конан. — Занимайтесь своими делами, я же тем временем начну собирать вещи. Насколько я понимаю, в горы отправимся только мы с Раиной, вам туда идти опасно, Дессе же и Масуфу там нечего делать и подавно.

— Еще вчера я согласилась бы с тобой, — возразила недавняя рабыня. — Теперь же все изменилось. Хочешь ты того или нет, но мы отправимся в горы вместе с тобой.

И она показала киммерийцу язык.

Легкий ночной ветерок нес по округе трупный запах. Эремиус, обладавший поразительно острым слухом, услышал мерные шаги стражей, охранявших деревню.

Жить стражам оставалось совсем недолго. Убрать их бесшумно было невозможно, но Эремиус несколько не

опасался шума, — крики людей разве что вызвали бы панику в деревне, которая в любом случае была уже обречена...

Где-то захрапел конь, и тут же раздался торжествующий рев Трансформы. Исполненный ужаса человеческий крик огласил окрестности:

— Демоны! Демоны! На нас напали демоны! Бегите! Бегите!

Уже через миг крик этот обратился в предсмертный хрип — Трансформа разодрала человека надвое.

Эремиус насупился. Неужели в этой деревне стража разъезжает на лошадях? Если это так, то ему нужно внимательно следить за тем, чтобы ни одному из деревенских жителей не удалось ускользнуть из лап его верных, но пока еще не слишком-то расторопных слуг, — не ровен час, беглецы разнесут слух о его появлении по всем окрестным селениям. Будь сфера, в которой он мог управлять Трансформами, хотя бы немного побольше, и ему не пришлось бы думать об этом, но сейчас, когда в его распоряжении был всего один Камень Курага, об этом не приходилось и мечтать.

Он поднял свой посох. В эту ночь Камень был закреплен на кольце прядью волос Илльяны, заплетенных в тонкую аккуратную косичку. Эремиус передвинул серебряное кольцо с Камнем к середине посоха, что придавало ему дополнительные (и весьма немалые!) силы, и приступил к заклинанию, которое было по-настоящему серьезным.

Он быстро прочел инвокацию и принялся перечислять имена атлантйских магов и оккультистов — имена, непостижимым образом пережившие не только своих обладателей, но и саму их цивилизацию, ушедшую на дно морское за несколько тысяч лет до того, как туранские княжества объединились в единое государство. Закончив с этой частью заклинания, Эремиус приступил к призыванию атлантйских божеств и демонов, которых в древней Атлантиде было ничуть не меньше, чем магов.

Процедура заклинания была столь длительной и мучительной совсем не случайно: Эремиусу приходилось

перечислять все эти имена лишь для того, чтобы среди всех прочих было названо и имя того человека, или того начала, или той силы, которые и породили на свет Камни Курага. Будь это имя известно ему, и заклинание обратилось бы в простое его произнесение. Но, увы, на это он не смел и надеяться...

«Хьяр, Эспорн, Боккер».

Заклинание состояло из нескольких десятков имен, произносить которые следовало при одновременном покачивании посоха из стороны в сторону. Камень Курага летал во тьме, походя на самоцветный волшебный маятник, оставлявший за собой призрачный зеленоватый след.

«Баккер, Айдас, Гезис, Эйргалф».

Эйргалф, разумеется, не имел к Атлантиде никакого отношения, однако тоже играл определенную роль в истории Сокровища. Именно он был тем ванирским вождем, к которому и попали оба Камня Курага. Сокровище ослепило его своим блеском, сулившим власть над миром, и тем самым сгубило его — ибо не с его, Эйргалфа, силами возможно было подступить к нему.

Следующим после Эйргалфа обладателем Сокровища стал именно он — Великий Мастер Эремиус.

Зеленоватый след, оставляемый раскачивающимся посохом, внезапно распался на два гигантских овала, два огромных изумрудных глаза...

Стоило Боре покинуть дом Иврама, как он увидел прямо перед собой два чудовищных изумрудных глаза. Глаза эти смотрели на него.

Первой реакцией мальчика было бежать, предоставив жителей обреченной деревни, лежавшей далеко внизу, собственной их судьбе. Он было дернулся, но тут же совладал с собой и замер. Что скажут о нем люди? Как он сможет после этого жить?

Наверное, только сейчас Бора начал понимать, что такое смелость. Прежде она казалась ему отсутствием страха, свободой от страха. Прошло сколько-то време-

ни, и он решил, что точнее было бы назвать ее тем, что позволяет преодолеть страх, изгнать его. И лишь теперь ему открылось истинное ее значение — подлинной смелостью можно было назвать лишь способность поступать определенным образом вопреки страху, невзирая на страх, который при этом становился серьезным противником, а не пустяком, от которого можно было отмахнуться.

Мальчик шагнул на первую из четырех ступеней, вырезанных Иврамом на тропе, ведущей в деревню. Глаза изменили свое положение, но взгляд их был так же устремлен прямо на него. Мальчику стало казаться, что они манят его куда-то вниз.

Теперь он не бежал лишь потому, что ноги перестали слушаться его. Больше всего он походил на кролика, неверным шагом идущего прямо в пасть удаву. Логовище этого удава находилось где-то на дне ущелья.

За спиной Бора раздались негромкие шаги. В воздухе появилось что-то едкое, острою своей походящее на перец. Мальчик почувствовал першение в горле и резь в глазах. Он остановился и, громко чихнув, принялся тереть глаза кулаками.

— Прочитайся хорошенько, Бора! — услышал мальчик голос Иврама. — Если понадобится, я повторю все еще раз.

Бора хотел было что-то ответить своему спасителю, но вместо этого разразился слезами. Когда Бора наконец пришел в себя, оказалось, что он вновь способен управлять своим телом, своими чувствами и своей волей.

— Что это ты со мною сделал, Иврам? — спросил он и тут же закашлялся.

— Ничего особенного. Я посыпал тебя Заянской Морилкой, — едва ли не отеческим голосом ответил мальчику Иврам. — Чары Взора Хахара голый волей одолеть сложно, и потому в свое время умные люди изобрели средство против них. Как ты, наверное, понимаешь, я говорю о Морилке. Посыпаешь этой самой Морилкой зачарованного или самого себя — если чары направлены против тебя, — и через несколько минут от них и следа

из-за последних кусков, казавшихся Трансформам самыми лакомыми частями тел.

Ссора, вызванная дележом остатков добычи, в любую минуту могла закончиться дракой, и Эремиусу, несмотря на всю его усталость, вновь пришлось взять под контроль не в меру разошедшихся воинов. Тогда же отряд людей был послан им к деревне. Люди должны были стоять на тропах и вылавливать тех, кто по тем или иным причинам не попал в силки Взора Хахара. Заходить людям в деревню Эремиус строго-настрого запретил. «Если вы все же сунетесь туда, я скормлю вас своей гвардии».

Телепатические послания Эремиуса были короткими и в то же самое время достаточно содержательными. Только он внушил вышеозначенную мысль своим рабам, как где-то неподалеку вскричала от боли одна из Трансформ. Эремиус тут же переключился на ее сознание и едва не закричал от боли: глаз Трансформы был выбит камнем — одним из тех камней, которыми осыпали Трансформу невесть откуда взявшиеся люди.

Эремиус заскрежетал зубами. Весь деревенский люд должен быть скован чарами Хахара. Откуда здесь могли взяться эти ублюдки? Он попытался открыть свое сознание пошире, и это удалось ему едва ли не сразу. Услышанное объяснило ему все. Улицы Горячего Ключа кишели людьми, на которых чары не действовали. Судя по всему, вся деревня была обработана Заянской Морилкой. Неужели один из этих скотов каким-то таинственным образом смог прознать ее секрет? Возможно ли это вообще? Эремиус едва не разразился проклятиями в адрес богов, вспомнив о том единственном человеке, который мог раскрыть этот секрет людям.

Он собрался с мыслями. В долину проник некто, предупредивший ее жителей о надвигающемся войске неприятеля. Этот некто или один из его пособников посвящен в тайну Морилки, что может указывать на знание им — или ими — и других магических тайн и приемов. Эремиус покачал головой. Подобного развития событий он никак не ожидал.

Впрочем, это мало что меняло. Если его противники думают, что им удастся сладить с ним, то они глубоко заблуждаются, и он докажет им это в течение нескольких минут.

Охватив мысленным взором всю деревню, Эремиус разыскал немало пораженных Взором Хахара. Этих людей он мог убедить в чем угодно, мало того, он мог отдать им любой приказ, исполнение которого тут же становилось для них целью всей их жизни.

Эремиус стал считать плененные души, не обращая ни малейшего внимания на свой посох. Тем временем пряди Илльяны, крепившие Камень к кольцу, зашевелились и засветились неярким рубиновым светом.

Глава двенадцатая

Из комнаты Илльяны сочился изумрудный свет. Назвать его палящим нельзя было при всем желании, и тем не менее Конану казалось, что за спиной его стоит раскаленная, дышащая жаром печь.

Подходить к двери и тем более входить внутрь Конан не решался — он понимал, что ему делать в комнате нечего. Магия могла вызвать у него разве что отвлечение.

— Неужели ты сомневаешься в собственной храбрости? — время от времени спрашивала его Илльяна.

— Нисколько, — неизменно отвечал он ей. — Я уверен в себе так же, как и всегда. Просто мне кажется, что каждый должен заниматься своим делом. Ты — магией, я — твоей охраной...

Снизу послышались шаги. Конан насторожился, но в ту же минуту увидел поднимающегося по лестнице хозяина гостиницы.

— Ваша ведьма решила спалить мой дом? — дрожащим голосом спросил побагровевший от волнения хозяин.

— Вряд ли, — ответила за Конана Раина, успевшая за это время надеть на себя штаны и тунику.

— Вы хотите сказать, что это работают те злые чары, с которыми она борется? — вновь спросил хозяин.

— Понятия не имею.

— Митра и Эрлик, помогите покорному рабу своему! Неужели я так никогда и не узнаю, что же происходит в моем собственном доме!

— Все, что вам нужно знать, вы уже знаете.

— Остального же вам действительно не придется узнать, — добавил Конан.

Хозяин обвел их взглядом, полным ненависти и к ним, и к себе самому. Он схватился за голову и застонал:

— Мне уже все равно. Если она и не подожжет нас, то за нее это сделают наши идиоты, которые придут сюда с минуты на минуту.

Конан и Раина переглянулись.

— Если бы не ваши трусливые слуги, вам не пришлось бы так беспокоиться, — заговорила Раина. — О трудах же наших вы бы узнали лишь тогда, когда они были бы завершены. Теперь постарайтесь слушать меня повнимательнее: пока моя госпожа не покончит со своими делами, в комнату ее не войдет никто, включая и вас самих.

Она потянулась к рукояти меча, но Конан резким движением схватил ее за руку и прошептал:

— Успокойся. Этот человек предупредил нас об опасности.

— Ну и что из того? — возмутилась Раина. — Мне кажется, он мог сделать это и пораньше, когда в этом еще был смысл.

— Не спеши с выводами. — Конан повернулся к хозяину: — Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы сможем покинуть гостиницу, следуя каким-нибудь тайным ходом. Верно? Если же это так, то мы договоримся с тобой о следующем. Ты удержишь этих бандитов и покажешь нам потайной ход. Мы же, со своей стороны, обставим все это так, что они решат, будто ты был нашим пленником.

— Их здесь не будет! — рявкнул хозяин в ответ. — Одного только не могу понять: с какой это стати я должен вам помогать?

— Разве мы не твои гости? — усмехнулась Раина. — Ступай вниз и делай то, что тебе сказано. Иначе будет поздно!

— Давненько я таких грубиянов не встречал! — проворчал хозяин, направившись к лестнице. — Если повара не разбежались, мне это сделать проще простого.

Из дома послышался крик ребенка. Бора потянул дверь на себя, но тут же понял, что она заперта изнутри.

— Закар, ко мне! Попробуй отжать ее топором!

Деревенский лесоруб был первым человеком, которого мальчик освободил от чар Взора Хахара. Несколькими ударами топора он сбил дверь с петель и бережно отставил ее в сторону.

Бора и Закар вошли внутрь. В доме этом, кроме девочки, обезумевшей от страха, не было никого. Внимание мальчика привлекла большая корзина, доверху наполненная хлебом и копченой козлятиной.

— Закар, возьми корзину с собой. Одни боги знают, когда еще нам доведется попасть в деревню.

— Я думаю, это произойдет скоро. Только вот деревня эта будет уже на том свете. Но ты знаешь, Бора, я и этого не боюсь. И с собою на тот свет я прихвачу хотя бы одного демона. Не зря же я всю жизнь этим вот топором махал!

Бора кивнул и поспешил выйти на улицу. Как ни странно, но демонов в деревне пока не было, что позволило большей части ее обитателей покинуть свои дома, прихватив самое ценное из пожитков, и направиться по западным тропам в горы. Бора, разумеется, не знал, когда же демоны пожалуют в Горячий Ключ, однако он нисколько не сомневался в том, что большей части жителей деревни в любом случае так и не удастся уйти от них, ибо он уже видел, сколь быстро передвигаются эти чудища.

Бора и Закар бродили по улицам, пытаясь найти людей, которым можно было бы поручить ребенка.

Деревня была почти пуста. Те немногие ее жители, что встречались на их пути, уходившие из нее не собирались, ибо пуще всего боялись покидать родные стены. Людям этим не могла помочь и Морилка. В одном из переулков они увидели двух девиц возраста Карайи, ведших под руки старика. Без лишних церемоний Бора подтолкнул к ним внезапно захныкавшую девочку и быстро зашагал прочь.

— Послушай, Бора, — обратился к нему едва нагнавший его Закар, — ведь твой дом совсем рядом. Ты мог бы зайти туда.

— Иврам пообещал первым делом побывать именно там. Мне после него там делать нечего. — Бора почувствовал, как заныло сердце. Как ему хотелось стать прежним мальчишкой, сыном Рафи!

— Именем Митры, что это? — внезапно воскликнул Закар.

На окраине деревни, там, где начинались сады, кружила пыль. В следующее мгновение из облака ее появилась сгорбленная фигура, казавшаяся чудовищной карикатурой на человека. Тело чудовища светилось призрачным зеленоватым светом.

Оно легко сломило с дерева две ветви толщиной в человеческую руку и, обратив их в две дубины, двинулось по направлению к Закару и Боре.

Закар встретил чудище выйдя на середину улицы. Удар первой дубины ему удалось отразить топором, вторая же ударила его в бок в то время, как топор его опустился на голову чудища.

Демон закачался, однако сумел устоять на ногах. Схватив дровосека поперек туловища, он поднес его к своей ужасной пасти и разорвал надвое.

Следующей его жертвой должен был стать сам Бора. У мальчика внутри все похолодело — бежать было уже поздно.

И тут он услышал тяжелые шаги. Он увидел чью-то руку, метнувшую под ноги демона глиняный пузырек с Заянской Морилкой. Это был Иврам.

— Не знаю, как она действует на те чары, которыми были созданы эти уроды, но иного оружия у меня

сейчас попросту нет, — заметил жрец. — В любом случае выручить нас теперь могут разве что собственные ноги.

— Но... но ведь в деревне осталось еще...

— Тем, кто здесь остался, помочь мы уже не сможем, — пробормотал Иврам еле слышно. — Твоей родни здесь уже нет. Запомни, Бора: деревенскому люду нужен именно ты, но никак не память о тебе. Ты понимаешь?

— Будь по-твоему!

Он посмотрел на демона, что, встав на четвереньки, принялся к неведомому дотолу запаху, и понесся прочь, пытаясь нагнать старого Иврама, бежавшего с удивительным для его лет проворством.

Пряди волос Илльяны, тихо зазвенев, разорвались. Камень Курага стал падать вниз, на камни.

Никогда еще Эремиус не произносил заклинаний так быстро. Невидимая Рука подхватила Камень на середине пути и тихо опустила его вниз.

Эремиус перевел дух. «Скорее всего, разбиться о камни магический кристалл не мог — для этого он находился слишком близко к земле», — попытался успокоить себя маг. В глубине души, однако, он был уверен в обратном: еще немного, и он потерпел бы полное и окончательное поражение.

Камень следовало поднять с земли и привязать к посоху, но теперь уже не Илльянинскими, а его собственными волосами. Он нагнулся, но поднести руку к Камню не сумел — тот вдруг оказался внутри невидимой, непроницаемой сферы. Эремиус попытался пробить эту сферу своим посохом, но и из этого у него ничего не вышло.

Маг хотел было повторить эту попытку, как вдруг посох сам собой вылетел из его рук, вошел внутрь Камня и исчез в его глубинах!

Эремиус продолжал стоять разинув рот, когда вдруг земля вспучилась и с оглушительным треском извергла из себя его посох, песок и камни. Эремиус, подпрыгнув,

схватил свой посох и тут же попытался отвести его подальше от Камня.

Сам Камень к этому времени обратился в густую жидкость, светящуюся изумрудным светом, озаряющим собою всю округу. От слепящей лужицы помимо прочего исходил и пронзительный свист, от которого у Эремиуса сводило скулы.

Он устало вздохнул, отошел в сторону и стал рассматривать свой посох. Тот, к счастью, был таким же, как и прежде.

Он мог управлять Трансформами и при помощи своего посоха, — Камень Курага в эту минуту нужен ему не был. Эремиус вновь вздохнул и покачал головой. Илльяна связала Камни заклинанием, ставящим их в оппозицию друг другу. Тем самым в течение определенного времени своими Камнями не могли воспользоваться ни он, ни она.

Но зачем она это сделала? Может быть, она хочет уничтожить его Камень даже ценою своего собственного Сокровища? Прежде она относилась к Камням Курага совсем иначе... Неужели теперь она смирила себя настолько, что может поступиться абсолютной властью над миром ради какой-то блажи, известной миру под именем Добра? Как это глупо! Ведь тот, кто уничтожит Сокровище, не получит взамен ничего, тот же, кто завладеет им, получит все!

Эремиус остановил себя. Пора было возвращаться к делам насущным: Трансформы без его команд превращались в стадо тупых скотов, которое нельзя было оставлять без присмотра. Он собрался с мыслями и вызвал к жизни образ деревни Горячий Ключ.

Дверь комнаты Илльяны задрожала и ни с того ни с сего вновь сорвалась с петель и упала на пол. Конан и Раина едва успели отскочить в сторону, при этом северянка едва не сбила с ног поднявшегося к ним в эту самую минуту хозяина гостиницы.

Хозяин посмотрел на лежавшую на полу дверь, возвел глаза к потолку и протянул Раине тяжелую корзину со снедью

— Здесь в основном сыр и хлеб. Повара не только сбежали, но и прихватили с собой едва ли не все мои припасы! — Хозяин сел на пол, обхватив голову руками, и горестно засопел.

Из комнаты, пошатываясь, вышла Илльяна; едва не упав в объятия Конана, она села на пол возле хозяина гостиницы, и тут взгляд ее упал на стоявшую возле Раины корзину. Нисколько не смущаясь своей наготы, она стала жадно расправляться с ее содержимым.

Конан протянул ей флягу с вином. Опорожнив ее единым махом, Илльяна вновь вернулась к своей странной трапезе. Когда корзина опустела совершенно, она с сожалением вздохнула и поднялась на ноги.

— Киммериец, что-то я не пойму, над чем это ты смеешься?

— Не сердись, госпожа! Просто я никогда не видел голодных волшебниц!

Илльяна ответила ему слабой улыбкой. Раина отправилась в комнату за одеждами своей госпожи, Конан же тем временем передал пустую корзину хозяину и посмотрел на него так выразительно, что тот тут же сообразил, чего от него хотят.

— Опять?! — вскричал он. — А расплачиваться, насколько я могу понять, вы будете тогда, когда на туранский престол взойдет внук Великого Йалдиза!

Бешеный стук во входную дверь заставил хозяина замолчать. Вернув корзину Конану, он затараторил:

— Пришло время идти вниз. Не знаю, правда, как мне удастся справиться с отведенной мне ролью. Но, вы знаете, если даже я и потеряю сей любезный моему сердцу дом, то знаю, куда мне податься, — об этом я мечтал с самого детства: я прибьюсь к какому-нибудь храму и стану актером в устраиваемых для народа мистериях! Идем, идем! Времени у нас в обрез! Не далее чем час тому назад я слышал о том, что сюда должен был прибыть сам владыка Ахмай! Если это так, то мне придется...

— Ты сказал — Ахмай?

— Не я сказал, а мне сказали. В наших местах имя это известно каждому! Я слышал, что он...

— Я слышал не только это, но и многое другое! — перебил Конан. — Скажи-ка, хозяин, нет ли на твоей крыше такого местечка, с которого можно было бы увидеть весь город, оставаясь при этом незамеченным?

— Разумеется. Но вот только я никак не могу взять в толк, с какой это стати...

— Помолчи. Иначе мне придется тебя наказать.

— Если против владыки что-то замышляется...

— Речь идет о чем-то гораздо более важном. Выбери — либо ты сохранишь верность Ахмаю и я отрублю на этом самом месте твою глупую башку, либо сию же минуту ты отведешь меня на крышу и сохранишь верность мне, тем самым сохранив и драгоценную свою голову.

Хозяин посмотрел на меч постояльца, почесал в затылке и важно кивнул.

— Сначала мы спустимся в главный зал. Оттуда же нам придется проследовать направо. Я пойду впереди и буду указывать вам путь.

Во входную дверь стучали уже ногами. Хозяин шмыгнул носом и, понутив голову, стал спускаться вниз.

Тяжело дыша, Бора взбирался на крутой склон. Рядом ним шли его земляки, которые выглядели куда менее утомленными, и объяснялось это прежде всего тем, что им в эту ночь не пришлось носиться по горам столько, сколько ему. Бора был молод и вынослив, но и его силы имели предел. Кто действительно не ведал усталости, так это демоны. Да, их можно было ранить или даже убить, но, несмотря на это, они казались Боре чем-то неуязвимым, чем-то сродни ураганам и камнепадам.

Бора остановился и посмотрел вниз. Порошок подействовал на людей отрезвляюще: ни один из деревенских жителей не был предоставлен сам себе, старым и слабым помогали молодые и сильные, готовые отдать за ближнего собственную жизнь. Жители Горя-

чего Ключа стали бездомными, но это только сплотило их.

Люди шли мимо него нестройной колонной. Теперь позади оставался лишь отряд добровольцев, вызвавшихся защищать своих собратьев от адской напасти. Удивлению Боры не было предела, когда он увидел среди семерки этих доблестных мужей Иврама.

— Я думал, ты давно оставил нас! — воскликнул он.

— Неужели ты думаешь, что я, человек преклонных лет, хожу быстрее твоего? Ты ведь молод, Бора. Молод и глуп...

— Он сам пришел к нам, — сказал один из воинов. — Мы знали, что вы, господин, будете против этого, но он отказался и слушать нас.

— На твоём месте я бы помолчал, — проворчал Иврам. — Все объясняется просто, Кемаль. Я хочу еще разок взглянуть на этих самых демонов. Чем больше мы будем знать о них...

— Он хочет посыпать одного из демонов своим порошком и отнести его на Заставу Земана, — засмеялся воин. — Иврам, похоже, тронулся умом!

— Не надо так говорить. Если подумать, что...

— Именем Мастера! — прогремело вдруг сверху.

Из-за скалы, стоявшей над тропой, появились четыре фигуры. Судя по тому, что они умели говорить, становилось ясно, что перед Борой и его людьми находятся не демоны, но такие же, как и они сами, люди. В руках незнакомцев поблескивали длинные клинки.

Бора присел и, подняв с земли первый попавшийся камень, вложил его в пращу. Бросок его был неточен — камень улетел далеко вперед.

Не прошло и минуты, как четверка врагов уже сражалась с отрядом, в котором на семь человек был всего один меч. Первым наземь упал воин, назвавший Иврама сумасшедшим. Превозмогая боль, он сумел схватить за ноги одного из неприятелей и вцепиться зубами ему в икру. Неприятель, явно не ожидавший этого, взвыл, и в тот же миг дубина, которую держал в своих могучих руках Кемаль, опустилась ему на голову.

Горцам терять было нечего. Они разом напали на двоих врагов: трое — на одного, трое — на другого. С первым они покончили мгновенно, второй какое-то время сопротивлялся, успев при этом ранить одного из деревенских.

Четвертый враг, что стоял поодаль, пустился в бегство, но уйти не удалось и ему: на сей раз бросок Бора был точным — камень проломил неприятелю череп.

Бора стал сворачивать пращу и вдруг услышал тихий голос, звавший его по имени.

— Бора! Бора! Забери у меня сумку с Морилкой.

— Иврам!

Жрец лежал на спине, изо рта у него текла узкая струйка крови. Бора перевел взгляд ниже и увидел, что у Иврама проломлена грудь.

— Возьми ее, прошу тебя! И... и слушай! Когда ты вернешься сюда, похорони меня по-людски. Сделай все так, как заповедали нам предки. Ты сделаешь это — я знаю... знаю...

Бора сжал руку Иврама, не зная, как помочь ему. С такой раной Иврам вряд ли мог выжить; помимо прочего, она должна была причинять ему невыносимую боль.

Жрец неожиданно улыбнулся:

— Не тревожься, Бора. Мы, слуги Митры, куда счастливее всех прочих...

Жрец принялся читать странные, непривычные для слуха иноземные стихи. В конце четвертого стиха он закашлялся и, прикусив губу, надолго замолчал. Затем он начал читать и пятый стих, но закончить чтение ему так и не было суждено...

Бора стоял на коленях над его телом, когда вдруг ему на плечо легла рука Кемалья.

— Идем, Бора. Не стоит зря дразнить демонов.

— Я не могу оставить им его тело!

— Разве я сказал, что мы оставим его здесь?

Бора увидел, как воины, стоявшие рядом с ним, снимают с себя плащи. Кемаль хотел было последовать их примеру, но тут мальчик остановил его:

— Достаточно будет и двух плащей. Теперь скажи мне: тот конь, ржание которого мы недавно слышали, уж не Бураном ли зовется?

— Ты прав, Бора, это и есть Буран. Я собственноручно отпустил его, когда мы уходили из деревни, вот он и пошел вместе с нами.

Во всей деревне не было жеребца лучше этого. Бора поднялся на ноги.

— Слушай, Кемаль, кто-то из нас должен отправиться на Заставу Земана. Может быть, ты это и сделаешь?

— Как скажешь. Только вначале коня надо напоить.

— Митра... — начал было Бора, но тут же осекся. Этой ночью поминать имя Митры, не сумевшего защитить верного своего слугу, как-то не хотелось, тем более ему не хотелось клясться этим именем.

Конан выглянул из-за гостиничной трубы. Люди, обступившие гостиницу, держали в руках факелы, освещавшие своим пламенем всю округу. Свет их казался киммерийцу излишне ярким, — если уж он так ясно видит своих противников, то и они в любую минуту могут заметить его, пусть он и вымазал свое лицо сажей.

Толпа горожан стояла на месте; люди Ахмая пока тоже не предпринимали каких-то решительных действий. К действиям этим их следовало подтолкнуть.

Конан переполз на дальний конец крыши и прокричал:

— Все в порядке! К конюшне они подойти и не посмеют! Можно считать, что дело сделано!

Конан улыбнулся, услышав недоуменные крики в рядах воинов Ахмая:

— Кто это кричал? Сержанты, проверьте своих людей!

Переключка тут же началась. Конан помедлил несколько мгновений и голосом старого служака прокричал:

— Ха! У меня двух молодцов недостает!

Почти сразу же вслед за этим он закричал голосом капитана:

— Эти скоты горожане увели наших ребят с собой! Мечи к бою! Именем владыки Ахмая, мы им сейчас зададим перцу!

Недоумение в рядах воинов Ахмая с каждой минутой становилось все сильнее. Конан переполз на другую сторону крыши и тонким голосом проблеял:

— Эти мерзавцы хотят отбить своих колдунов! Мы ни за что не допустим этого!

Киммериец выдернул одну из черепиц и швырнул ее в ряды конников Ахмая, стоявших по другую сторону площади. В следующее мгновение один из всадников с криком вывалился из седла и рухнул наземь.

— Соблюдайте спокойствие! — заорал капитан. — Мы — ваши друзья. Мы хотим только одного...

Было уже слишком поздно. Горожане стали осыпаться людей Ахмая градом камней. Всадники прищипорили своих жеребцов и направили их на беснующуюся толпу. Толпа, в свою очередь, загудела и ответила новым залпом камней. Самые отчаянные головы стали тыкать своими факелами в конские морды, отчего жеребцы принялись носиться по площади, сбрасывая своих седоков, круша на своем пути все и вся.

Конан довольно усмехнулся и, уже не таясь, скормановал:

— Открывай ворота!

В тот же миг ворота конюшни со скрипом отворились, и из них вышли его друзья, которых вела за собою Раина.

Илльяна шла последней. Она сделала несколько шагов и вдруг замерла, глядя прямо перед собой. Конан посмотрел в ту же сторону и увидел, что улочка, до последнего времени казавшаяся пустынной, на деле полна народом. Он чертыхнулся и, не задумываясь, прыгнул на крышу сарая, а оттуда — на ворох сена у стены стойла. Жеребец, тихо заржав, подошел к нему, и в следующий миг Конан уже сидел в седле. Он вонзил каблучки в бока животного, и жеребец понес его прямо на толпу поджидавших простолюдинов. Горожане страсть

как не любили колдунов, однако собственная жизнь была им дороже всего на свете, — едва огромный жеребец с восседающим на нем чернолицым гигантом приблизился к ним, они в ужасе бросились врассыпную. Этот маневр позволил киммерийцу отвлечь внимание горожан на себя; спутники его тем временем скрылись в темном проулке и поспешно покинули городские пределы.

Конан решил немного покружить по улицам, чтобы дать своим спутникам возможность уйти подальше. Совершив сей почетный круг, он выехал из города и, остановив своего жеребца, стал поджидать преследующих его воинов. После того как его меч сокрушил трех вражеских скакунов и одного всадника, преследователи почили за лучшее отступить.

Отъехав немного в сторону, Конан спешил, чтобы дать жеребцу возможность отдохнуть и напиться воды. Сосчитав свои стрелы, киммериец отстегнул от пояса флягу с вином и, опорожнив единым глотком, отшвырнул ее в сторону. Пора было отправляться в путь.

Эремиус поднял свой посох. Серебряный набалдашник его был покрыт множественными царапинами, однако на магические свойства посоха изъязны подобного рода не влияли и посему беспокоиться магу было особенно не о чем, тем более что в другой руке он держал светящийся изумрудным светом Камень Курага. Близилось утро, и потому сияние Камня казалось не таким ярким, как прежде.

Вспомнив о событиях прошедшей ночи, Эремиус поежился. Неужели Илльяна действительно пыталась уничтожить его Сокровище? Больше всего в этом его поражало то обстоятельство, что волшебница была готова пожертвовать и своим Камнем, наделявшим ее чудовищной силой и властью над людьми. Разве можно так относиться к дарам Силы?

Эремиус попытался отвлечься от этих неприятных мыслей. В конце концов, ничего страшного не

произошло: он не только сохранил свой Камень, но и захватил деревню Горячий Ключ, пусть многим из ее жителей и удалось ускользнуть. В том, что ему удастся нагнать беглецов, Эремиус ничуть не сомневался.

Эремиус поднес Камень к набалдашнику посоха. Последний засветился вдруг нестерпимо ярким пламенем, которое собралось в шар и, отделившись от посоха, стремительно взмыло ввысь, заливая изумрудным сиянием подернутые утренней дымкой горы.

— Да здравствует наш Великий Мастер! — слились в здравнице голоса людей и рев Трансформ. Вершина горы дрогнула и раскололась на тысячи и тысячи камне-ньев, сошедших лавиной в соседнее ущелье.

Вот и пришел конец жилищу этого треклятого жреца!

Если Иврам жив и поныне, то он, Эремиус, позаботится о том, чтобы смерть его была такою же страшной и мучительной, как и смерть Илльяны. Не меньшим мукам следовало подвергнуть и того мальчишку, который помогал жрецу посыпать людей этим мерзостным порошком!

Если ему удастся настигнуть этих смутьянов, он не отдаст их Трансформам, но займется ими сам — Трансформы получают их попозже, когда жизнь уже покинет тела пленников. Он криво усмехнулся. Знали бы они, что он с ними сделает...

Камень и посох встретились вновь. В темное небо взмыло сразу три изумрудных шара, остановившихся высоко над деревней. Эремиус резко опустил посох вниз, и три изумрудные звезды камнем упали на землю.

Над деревней поднялся бурый дым — это горели камни.

Мариам подняла глаза от лица Иврама и посмотрела на восток.

— Мальчишка! — сказала она вдруг.

— Что? — еле слышно пробормотал потрясенный Бора.

— Я говорю о повелителе демонов. Он — капризный мальчишка. Если ему что-то не нравится, он ломает свои игрушки.

— Что-то я тебя не совсем понимаю, — пробурчал Бора. — О каких это игрушках ты говоришь? Уж не о нас ли?

Мальчика покачивало от усталости. И тут он почувствовал, как на плечи его легли нежные и в то же время сильные руки, что заставили его присесть на камень.

— Посиди немного со мной, Бора. Считай, что я пригласила тебя в гости.

Мальчик услышал звон металла и бульканье наливаемой в чашу жидкости. Прямо перед его лицом возник кубок, доверху наполненный терпким вином. От его пряного запаха у мальчика закружилась голова.

— Это всего-навсего поссет. Пей, не бойся.

— Мне нельзя спать. Люди, которые...

— Ты должен поспать. Ты нужен людям сильным и собранным, верно?

Мариам поднесла кубок к губам мальчика и силой заставила его сделать первый глоток.

Сон сморил Бору прежде, чем он смог опорожнить хотя бы половину кубка.

Конан прибыл в назначенное место уже на заре. Раина все еще спала, Десса и Масуф лениво переругивались, Илльяна же, судя по всему, так и прождала его всю ночь, не смыкая глаз.

Она полностью восстановила силы и даже чудесным образом помолодела разом лет на десять. Легкой, словно у танцовщицы, походкой она направилась навстречу ему. От улыбки ее веяло добротой и сердечностью.

— Славно ты вчера потрудился! — сказала она. — На такое и волшебники вряд ли отважились бы!

Конан не смог сдержать улыбки:

— Спасибо тебе, Илльяна. Но не будем об этом... Лучше скажи мне, что тебе удалось разузнать о нашем приятеле Эремиусе?

— Что я тебе скажу? Он, так же как и я, во всем — или почти во всем — зависит от Камня Курага. Само по себе это уже неплохо. Прошлой ночью что-то угрожало его Камню, — это что-то со мной никак не связано.

— Если мы сможем уничтожить Камень, принадлежащий Эремиусу, то тем самым выполним данное нам поручение, не так ли?

— Ну что ты! Так мы можем поступить только в самом крайнем случае! Камни Курага, или, иначе, Сокровище Курага, — одна из самых таинственных вещей этого мира. Обратить их в ничто, растереть в порошок, уподобить тем самым обыкновенным булыжникам — означает потерять все то великое и чудесное, которое они и только они могут даровать миру! Участвуй я в этом, и я чувствовала бы на себе скверну. Ты понимаешь меня?

Конан решил промолчать, ибо не был горазд работать языком. Кто действительно чувствовал на себе скверну, так это он, — еще бы, ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он может стать помощником волшебницы! Он бросил на свою спутницу взгляд, полный подозрения. Кто знает этих колдунов: говорят, они могут преобразиться в одночасье! Единственное, что им по сердцу, это чары — чары и волшебство.

Илльяна ничуть не удивилась быстрой смене его настроения. Она испытующе посмотрела на него и тихо добавила:

— Есть на то и иная причина. Если один из Камней будет уничтожен, второй Камень станет настолько сильным, что с ним не сможет совладать ни один из живущих в этом мире людей!

— Интересно, откуда только тебе все это известно? — изумился Конан. — Тебя что, Эремиус этому выучил?

Илльяна мгновенно побледнела. Вспомнив совет Райны никогда не расспрашивать госпожу о времени, проведенном ею вместе с Эремиусом, он хотел было попросить у волшебницы прощения за свою дерзость.

— Замолчи. В отличие от многих, ты вправе спросить меня и об этом. И я должна ответить тебе. Да, я

научилась этому в ту пору, когда жила с Эремиусом, но училась я этому сама. Он же намеревался учить меня совсем иным вещам, — вещам, о которых я предпочитаю не говорить.

Она передернула плечами и тут же пришла в себя.

— Куда мы должны отправиться теперь, Конан?

— Мы поедем на Заставу Земана.

— Нам придется открыться командиру. Если мы не назовемся слугами Мишрака, представляю, каково нам придется!

— Я не вижу в этом ничего страшного. Рано или поздно нам все равно пришлось бы это сделать. Мы уже в горах, и лошадки нам теперь нужны совсем другие. Я хочу заехать на Заставу и по иной причине: там будет столько мужчин, что Десса с удовольствием расстанется с нами, чтобы поселиться там навек!

Смех Илльяны заставил Райну вскочить на ноги. Северянка озиравлась по сторонам с таким глупым видом, что рассмеялся и сам киммериец.

Глава тринадцатая

Солнце уже стояло над горизонтом. С каждой минутой тени становились все длиннее, что придавало саду командующего Заставой Земана особую прелесть. За розовым кустом, посаженным одним из предшественников капитана Шамиля, стояли он сам и Якуб.

— Я не уверен в том, что ты рассказал мне все, дружище, — хмуро глянув на Якуба, буркнул Шамиль.

Якубу оставалось только всплеснуть руками. Похоже, этот дуралей может только испортить все дело.

— Почему вы считаете меня лжецом? Неужели красавица, о которой я вам сказал, не стоит этого?

— Интересно, что ты называешь красавицей, парень? Ты говоришь так, словно я уже видел ее!

Якуб не выдержал:

— Может быть, стоит напомнить тебе, кто ты и кто я? Сколько времени ты нам служишь? Ты хочешь, чтобы Мутра-Хан узнал об этом разговоре?

Шамиль, вопреки ожиданиям Якуба, повел себя донельзя странно. Он криво улыбнулся и пожал плечами:

— Я все помню, можешь не сомневаться. Не я стал забывчивым, а ты. Мой первый помощник Хезаль — ставленник совсем других людей. Если меня по какой-то причине сместят с поста, командовать Заставой Земана станет именно он.

— Неужели ты боишься этой породистой болонки?

— О, ты недооцениваешь Хезаля! Больше всего он походит на волка, но уж никак не на болонку! Так считаю не только я, так же думают и воины! Они пойдут за ним хоть в огонь!

Хезаль казался со стороны фатоватым сыном знатного сановника, попавшим в это место службы единственно для того, чтобы побыстрее получить очередной чин и поскорее занять одну из придворных должностей. Однако впечатление это и в самом деле было обманчивым. Якуб надолго задумался. Чем тревожнее будут вести, тем большая армия будет снаряжена для борьбы с неприятелем и тем самым большее количество людей попадет в распоряжение правителя Хаумы. Тогда-то правитель и получит то, о чем мечтал столько лет... Если Шамиль не врет, то Застава Земана в течение неопределенного времени будет оставаться в руках неприятеля, что само по себе не сулит ничего хорошего. И тут ему вспомнились слова отца, любившего говорить, что война — это торг, в котором ошибаются только единожды. Он кашлянул и посмотрел в глаза Шамилю.

— Можешь считать, что никакого разговора у нас не было. Я предлагаю тебе следующее: ты поможешь мне справиться с провожатыми Раины, я же пришлю ее к тебе. Идет?

— Это уже звучит иначе. Какого рода помощь нужна тебе? Люди? Оружие? Не забывай, что провожатых у нее сразу несколько.

Якуб вздохнул. Как утомило его общение с людьми, подобными Шамилю. Его избранница Карайя не похожа ни на одного из этих скотов: она совершенно честна и чиста, она — само совершенство... Не любить ее было невозможно.

Интересно, как отнесется она к нему после того, как он вернется с поля боя победителем? Простит ли она его за то, что ради победы ему пришлось прибегнуть к обману? Якуб затряс головой, пытаясь отогнать мучившую его уже не первый день мысль.

— В этом мире все можно купить за деньги. Я попытаюсь подкупить ее спутников, с тем чтобы они оставили ее и навсегда ушли из нашей страны. Если же спутники ее окажутся чересчур упрямыми, мне понадобится помощь твоих ребят. Ты можешь дать мне хотя бы взвод?

— Договаривайся с ними сам.

— Вот и прекрасно. Главное, чтобы ты не возражал.

Якуб был готов заплатить войнам любые деньги, ибо прекрасно понимал, что уйти от смертоносного клинка Конана смогут разве что единицы. Тем самым общая сумма в любом случае должна была оказаться достаточно скромной.

План Якуба заключался в следующем. Конана необходимо было убить, Раину же следовало подарить Шамилю в качестве платы за его молчание и, быть может, содействие. Все это надлежало совершить только для того, чтобы забрать у Илльяны Камень Курага и передать его Эремиусу, который в ту же минуту становился бы не только правителем Турана, но и единовластным Владыкою Мира. В благодарность за это Эремиус должен был сделать его, Якуба, князем или царем, во всяком случае, Якуб на это очень рассчитывал.

К тому времени, когда Якуб вернулся в отведенную для него комнату, над крепостью уже нависли сумерки. Он закрыл ставни и, не раздеваясь, лег на кровать. Где-то в вышине завывал и ярился ветер.

— Все в порядке, — услышал Конан голос Раины. Киммериец замедлил шаг.

— Главное — никого не встретить. Я этот народ знаю: ни за что ни про что они могут тебя и на тот свет отправить. Они даже не посмотрят на то, что ты женщина.

— Не знаю, не знаю. Честно говоря, верится мне в это с трудом.

— Станный ты человек. Эти вояки таких страстей о демонах наслушались, что для них каждый незнакомец — уже враг. Как ты этого не понимаешь?

— Хорошо, я буду внимательной! — засмеялась Раина.

Она поднялась на цыпочки и одарила Конана поцелуем, который мог показаться невинным лишь со стороны. Руки киммерийца сами собой сомкнулись на ее талии, но он тут же опомнился и отшатнулся от Раины.

— Что бы ни происходило, мы должны придерживаться предписанных нам ролей, — сказал он с улыбкой. — Иначе мы можем вызвать у людей ненужные подозрения — верно, крошка?

— Еще бы! Кто ты, и кто я! — рассмеялась Раина.

— Хотел бы я знать, долго ли еще мне быть караванщиком? — все так же улыбаясь, прошептал Конан.

— По ночам ты можешь оставаться самим собой, — улыбаясь, ответила ему Раина и легонько оттолкнула киммерийца от себя.

И он, и она знали, что имя Мишрака может не только выручить их, но и навлечь на них беду. Прозносить его вслух было пока рано.

В казармах, по которым шли Конан и Раина, не было ни души. Откуда-то снизу доносились звуки шумного застолья — там, внизу, находилась солдатская таверна. Киммериец и его спутница прошли мимо лестницы и подошли к комнате Раины.

Конан проверил запоры на дверях Илльяны, Дессы и Масуфа. Затем он извлек из голенища кинжал и повесил его на пояс.

— Я спущусь на пару минут вниз. Именно этого они от меня и ждут. Заодно я поболтаю с ними о демонах.

— Ты бы лучше у них о лошадках справился! После этого можешь болтать о чем угодно, даже и о демонах!

— Ты мудра, как никогда, Раина!

— И это все, что ты хочешь мне сказать?

— Сказать тебе я могу многое, женщина! Но станешь ли ты меня слушать?

Он привлек Раину к себе и, уже не таясь, поцеловал ее в губы.

На крепостных стенах не было ни души, что не могло не обрадовать Якуба. Судя по всему, капитан Шамиль убрал стражей с тем, чтобы они не помешали ему совершить визит к Раине.

Впрочем, истинные причины этого неожиданного обстоятельства Якуба особенно не интересовали: в происшедшем он видел перст божий, ясно указующий на то, что предприятие его угодно не только ему самому, но и богам.

Одетый в черное, Якуб выбрался на крышу и прикрепил к ее карнизу стальной крюк. Остальное было делом техники. Он легко заскользил вниз по веревке, проходившей мимо окна той комнаты, в которой жила Илльяна.

Посещение комнаты волшебницы могло обернуться для него каким-либо неприятным сюрпризом, но он пытался не думать об этом, полагаясь всецело на милость сил, покровительствующих ему.

Если мне удастся похитить у нее этот Камень, я буду самым счастливым человеком на свете!

Он посмотрел вниз. Заветное окно было прямо под ним.

Конан присоединился к солдатам, исполненный решимости не пить, но слушать. Вернее, пить в меру и слушать. Вино оказалось куда лучше, чем он ожидал, и потому он решил не давать себе никаких зарок, но пить ровно столько, чтобы не вызывать подозрения.

Разговоры здесь шли только о демонах. Говорили о загадочных зеленых огнях и изумрудных зарницах, о столбах багрового дыма и прочей несуровице.

Ничего иного защитники крепости, судя по всему, не знали, да и знать не хотели. И старые воины, и юные рекруты были настолько напуганы происходящим, что даже опасались говорить о демонах в полный голос, предпочитая шептаться по углам.

Самым интересным из того, что узнал Конан в таверне, было то, что большая часть воинов была склонна подчиняться не законному своему командиру капитану Шамилю, но некоему Хезалу, о котором все говорили с неизменным почтением.

Конан почувствовал, что он начинает пьянеть, и решил не задерживаться в таверне сверх меры. Он поднял бокал за здоровье царя и, пошатываясь, направился к своей комнате.

Едва Конан сомкнул глаза, как в коридоре поднялся невообразимый шум. Он застонал, вылил себе на голову ковш холодной воды и, прихватив с собою меч, вышел из комнаты.

В тот же миг дверь в комнату Райны распахнулась и оттуда вылетел не кто иной, как капитан Шамиль, сжимающий в руках меч. Не схвати его Конан за шиворот, и капитан врезался бы лбом в противоположную стену.

— Отпусти меня, пес киммерийский! — завопил Шамиль. — Я не к тебе пришел, а к твоей хозяйке!

Конан нахмурился:

— Слушай, приятель, я таки трахну тебя головой о стену! Подумать только — он еще будет со мной таким тоном разговаривать! А ну-ка, говори: зачем ты к ней пришел?

— Ты что, сам не понимаешь? — завопил капитан еще громче. — Только евнухи не знают, что могут делать с женщинами мужчины!

И тут Конан услышал голос Райны:

— Вот уж кто не евнух, так это он! Это вам любая женщина подтвердит, с которой ему спать доводилось, а женщин таких, я думаю, не меньше сотни наберется!

Такая характеристика пришлась Конану по душе. Он довольно икнул и тут увидел появившуюся в дверях Райну. Она была совершенно нага — меч, который она держала в руках, одеждою считать было невозможно.

— Он не евнух, а я не шлюха, капитан! Убирайтесь прочь, и я, возможно, отнесусь к происшедшему как к досадному недоразумению. Вы слышите меня, капитан? Убирайтесь прочь! В противном случае...

— Можно подумать, что я не видел таких, как ты! Твой киммерийский ублюдок на евнуха действительно не похож, но вот о том, что ты шлюха, каких свет не видел, я готов биться об заклад!

Конан решил, что капитан вышел за все мыслимые рамки приличия, и урезонил его, вонзив ему в плечо свой кинжал.

Шамиль завизжал и принялся проклинать киммерийцев, кинжалы, женщин, а более всего тех, кто выпускает ложные слухи об их, женщин, доступности. Райне его откровения наскучили достаточно быстро. Она приставила к горлу капитана острие своего меча, после чего тому наконец пришлось замолчать.

— Слушай, приятель, неужели тебе и этого мало? — проворчал Конан. — Произошло досадное недоразумение. Ты должен извиниться и пойти...

По лестнице поднималось четверо солдат. Шума, издаваемого ими при этом, не смогли бы произвести и слоны.

Райна вернулась в свою комнату, Конан же дозволил воинам беспрепятственно подойти к своему командиру: ему совсем не хотелось, чтобы они разбредались по всему коридору.

Не прошло и минуты, как Райна вновь показалась на пороге своей комнаты. Теперь на ней были набедренная повязка и кольчуга; в руках же у нее, кроме меча, был теперь и кинжал. Конан засмеялся:

— Лучше бы ты не одевалась — они пилились бы на тебя, как последние ослы!

— Ничего! Сейчас я им попляшусь!

Выбрав своей первой жертвой воина, стоявшего ближе всех к ней, Раина стала теснить его к лестнице, не выказывая притом явного желания поразить того насмерть.

Да, этой женщине отказать в уме было невозможно. Конан довольно хмыкнул и, перегородив дорогу соратникам бедолаги, с криком свержившегося вниз, проревел:

— Ну что, мальчики? Кто первый?

Ставни легко распахнулись, и взгляду Якуба предстала спальня Илльяны.

Нагая волшебница лежала на кровати, забывшись крепким сном. На груди ее лежало то, ради чего Якуб и пришел к ней: огромный изумруд, таинственный Камень Курага, исполненный чудовищной силы. Камень этот был так же легкодоступен, как и нынешняя его хозяйка.

Впрочем, доступность эта могла оказаться и обманчивой. Якубу не раз доводилось слышать жуткие истории о волшебниках, обращавших своих неосторожных жертв в камень.

Якуб спрыгнул с подоконника и осторожно направился к кровати. Камень, показавшийся ему вначале изумрудом, больше походил на кусок зеленоватого стекла. Цепочка, к которой он крепился, была не золотой, а медной. Якуб стал рассматривать лежавшее перед ним нагое тело. Рассказы о том, что Илльяна — это толстая, уродливая женщина, оказались насквозь лживыми, более прекрасных тел Якубу еще не доводилось видеть, пусть возраст уже и начинал брать свое.

Он решил не покидать ее комнату сразу. Сняв с пальца левой руки серебряное колечко, он положил его рядом с зеленым камнем. Колечко соскользнуло вниз и упало на ее нежный животик.

Якуб дрожащей рукой погладил ее по животу и, склонившись над Илльяной, поцеловал ее груди, слад-

кие, словно мед. Илльяна вздохнула во сне и положила свою тонкую руку на его ладонь. Якуб замер. Илльяна вновь вздохнула и убрала руку с живота. Якуб пятясь отошел к окну и уже через минуту взбирался по веревке на крышу.

Конан и Раина играли с воинами Шамиля, словно кошки с мышками. Через четверть часа все четыре воина были обезоружены, ранен же был только один из них, да и то легко.

К этому времени на лестнице появилась добрая дюжина набежавших откуда-то снизу воинов. Здесь были и ветераны, и новобранцы, однако всех их объединяло одно — ни один из них не был трезв. Это хмельное подкрепление решило держаться подальше от неприятеля, — обнажив мечи, воины встали у стены и придали своим лицам грозное выражение.

— Наверное, вы хотите сразить нас взглядом, — обратился ко вновь прибывшим киммериец. — А я-то думал, что это невозможно!

У парочки молодых воинов не выдержали нервы, и они бросились на Конана и Раину с мечами наперевес. В следующее мгновение мечей не было ни у одного ни у другого.

Больше всего Конан опасался того, что Илльяна, даже не пытаясь разобраться в происходящем, решит применить против защитников крепости какое-нибудь заклинание. В этом случае карты их тут же оказались бы раскрытыми, что придало бы всему этому делу нежелательную огласку.

Вскоре полку нападавших прибыло: снизу поднялись ветераны, с которыми Конан пил сегодня вино. Они не стали участвовать в драке и даже попытались урезонить своих соратников.

У Конана к этому времени желание сражаться пропало начисто, чего нельзя было сказать о вошедшей в раж Раине.

— Мне совсем не хочется драться с вами, ребята, громко сказал Конан. — Единственный человек, с

которым мне хотелось бы выяснить отношения, — это ваш капитан Шамиль. Он оскорбил мою госпожу.

— Неужели ты думаешь, что я не расплатился бы с ней? — возмутился капитан. — Это не в моих правилах!

— Разве речь идет об этом? С чего ты взял, что Раина станет спать с тобой?

Шамиль часто заморгал и стал на разные лады проклипать того, кто внушил ему эту мысль.

И тут снизу послышался громкий крик:

— Всем разойтись! Капитана ждут на крепостной стене! Всем разойтись!

В коридоре появились дюжий ветеран и первый помощник капитана Хезаль.

— Как вы смаете распоряжаться во вверенной мне... — закипятился было капитан, но помощник тут же перебил его:

— Капитан, вас ожидает гонец из Горячего Ключа. Он говорит, что на его деревню прошлой ночью напали демоны. Многие из его земляков погибли, однако большинству все же удалось бежать.

— Демоны, говоришь? — озадаченно спросил капитан.

— Лучше поговорите с ним сами, капитан. Я же пока попробую разобраться с тем, что произошло здесь.

Капитан Шамиль на миг задумался. В нем боролись чувство долга, ярость и хмель. Чувство долга вышло из этой схватки победителем. Капитан нетвердой походкой стал спускаться вниз по лестнице.

Хезаль отдал пару приказов, и коридор опустел — в нем остались лишь Конан, Раина и сам первый помощник. Раина тут же вернулась в свою комнату, чтобы надеть на себя что-нибудь более или менее приличное. Конан же и Хезаль решили немного побеседовать.

— Надеюсь, шума вы больше не поднимете, — предположил помощник.

— При чем здесь мы? — возмутился Конан. — Заварил всю эту кашу не кто-нибудь, а ваш...

— Меня не интересует, кто начал драку! Драк в крепости быть не должно! У меня и других забот хватает!

— Мы не доставим вам каких-то хлопот! Могу поклясться в этом честью своей госпожи!

Хезаль рассмеялся:

— Хорошо, что ты не клянешься честью той птахи, которая приехала сюда с вами! Эта девица на наших парней такими глазами смотрит, что им даже дурно делается. На вашем месте я бы держал ее взаперти — мало ли что с ней случиться может!

— Будьте покойны, уж я-то знаю, как следует поступать с ней.

— Вот и прекрасно! — С этими словами Хезаль покинул поле боя.

В ту же минуту из своей комнаты вышла облаченная в полные воинские доспехи Раина.

— Как ты мог согласиться на такой позорный мир! — сморщившись, изрекла она.

— Сегодня на что-то иное нам и не приходится рассчитывать, — ответил Конан. — А Хезаль-то оказался человеком вполне приличным! Он не поддерживает Шамиля, и это значит, что мы можем зачислить его в наши союзники.

Выслушав киммерийца, Раина едва заметно кивнула и тихо сказала:

— Разбужу-ка я Иллъяну.

— Ну а я пойду прогуляюсь к крепостным воротам. Надоело мне выслушивать рассказы о демонах от тех, кто о них слышал. Пора познакомиться и с человеком, который их видел!

Глава четырнадцатая

Конан оказался у крепостных ворот в тот момент, когда гость из Горячего Ключа стал повторять свой рассказ. Кемаль не упустил ни одной детали: он поведал и о том, как мальчик Бора увидел демонов в одной из горных долин, и о том, как жителям деревни пришлось покинуть свои дома и спастись бегством от этих адских тварей, и о том, как погиб жрец, и еще о многом-многом другом.

— Наши люди направляются сюда: иного выхода у них нет, — сказал Кемаль напоследок.

Хотя вестнику этому, судя по всему, не было еще и восемнадцати, он выглядел уже вполне зрелым мужчиной. Конан вспомнил о том, что пришлось пережить к этому возрасту ему самому, и удовлетворенно хмыкнул.

— Они идут сюда? У нас что — караван-сарай? — Капитан Шамиль явно был недоволен этим известием. — Если бы у нас и были свободные комнаты, я ни за что не пустил бы в них этих вонючих горцев!

Кемаль посмотрел на капитана так, что тот тут же призвал к вниманию лучников, стоявших на стене. Конан подошел поближе к горцу и встал так, чтобы того не было видно сверху. Если бы не печальная необходимость ни за что не идти на открытый конфликт с командующим, он давно бы уже вышвырнул Шамиля вон из крепости.

— Капитан, мне кажется, мы просто обязаны приютить у себя по крайней мере тех, кто не может защитить себя сам, — я говорю о женщинах, детях и стариках, — раздался низкий голос Хезаля. Киммериец оглянулся и с удивлением обнаружил, что недавний его собеседник каким-то чудом успел облачиться в боевые доспехи. Роскошные шлем и кольчуга Хезаля были посеребрены, однако вмятины и рубцы, покрывавшие их со всех сторон, свидетельствовали о том, что доспехи эти предназначены не только для парадов.

— Места у нас предостаточно, — продолжил Хезаль. — Не следует забывать и о том, что после того, как мы отправимся в поход, освободятся и казармы. Я полагаю, мужчины Горячего Ключа согласятся выступить в роли наших проводников, если мы станем охранять их женщин и детей, — не так ли, Кемаль? Умелых воинов у нас хоть отбавляй, а вот проводников настоящих нет.

Конан обратил внимание на то, что Хезаль не сказал ни слова о Шамиле, — так, словно тот уже не командовал крепостью. Киммериец стал смотреть на Хезаля с еще большим уважением, понимая, что имеет дело с человеком действительно незаурядным.

— Ну что? — вновь обратился Хезаль к гостю. — Согласятся ли ваши люди с такими условиями?

— Я не поставлю этих бездельников на довольствие! — неожиданно громко закричал вдруг капитан Шамиль. — Пусть идут куда угодно, но только не ко мне!

Странное поведение капитана Конан объяснил для себя тем, что тот пытается хоть как-то сорвать на других злость, вызванную неудачным посещением заезжей красавицы.

— Скажи мне, Кемаль, — спросил он у горца, — есть ли поблизости и другие села?

— Конечно есть! Но Бора приказал мне не заезжать в них, а скакать прямо сюда! В том, что он предупредит наших соседей о грозящей им опасности, вы можете не сомневаться! Бора, он такой — первым делом о людях думает!

— Клянусь Митрой! Я знаю, о ком он говорит! Этот самый Бора, который странным образом стал вождем собственного народа, родился в семье предателя и смутьяна Рафи! Я думаю, сынок отца своего стоит!

— Рафи повинен только в том, что он назвал ваших мародеров тем именем, которого они заслуживают! — закричал Кемаль, выхватив из-за пояса длинный нож. Шамиль хотел было подать рукой сигнал лучникам, но в тот же миг и он сам, и его противник Кемаль оказались в руках гиганта-киммерийца.

— Похоже, демоны вселились и в вас! Иначе понять происходящее невозможно. Беда уже на пороге, а вы все о чем-то друг с другом спорите!

— Прямо как дети! — поддакнул киммерийцу Хезаль. — Оставьте споры. Давайте лучше обсудим наши дальнейшие действия. Я предлагаю забрать в наши отряды лишь часть мужского населения близлежащих деревень. Остальные могут либо сопровождать своих земляков во время их перехода в Харук, либо участвовать в защите наших бастионов, если люди все-таки решат остаться здесь.

— После вчерашней ночи в Харук чужих не пускай! — проворчал Шамиль. — С другой стороны, если

люди останутся у нас, то наши запасы продовольствия быстро иссякнут! — Капитан раздраженно пожал плечами. — Поступай, как считаешь нужным, Хезаль. Кому-кому, а тебе я доверяю. Я же пока приведу в порядок свои доспехи и оружие.

Капитан, пошатываясь, побрел к казармам. Однако не успел он сделать и трех шагов, как над плацем зазвенел нежный девичий голосок:

— Капитан, позвольте мне помочь вам! Я видела, как вас ранили в руку, я умею врачевать такие раны!

Это была Десса, стоявшая неподалеку от Илльяны и Райны. Масуф находился в стороне и потому никак не мог вмешаться в происходящее. Десса была одета в длинное, до пят, платье, однако Конан готов был побиться об заклад, что, кроме этого платья, на ней не было ровным счетом ничего. Шамиль, вытаращив глаза от изумления, смотрел на совершенно неведомую ему особу.

Рассмотрев ее получше, он улыбнулся:

— Если я не ошибаюсь, тебя зовут Десса, верно? Если ты на самом деле сумеешь утолить мучающую меня боль, я буду крайне благодарен тебе! Идем!

— Я сделаю для вас все, что в моих силах! — громко воскликнула Десса и, подхватив Шамиля под руку, повела его к казармам. Масуф угрюмо наблюдал за своей суженой и хотел было пойти вслед за ней, но тут Конан схватил его за руку, а Райна приставила к его животу острый нож.

— Вы — грязные сводники! — зашипел Масуф, пытаясь высвободить свою руку.

— Ты знаешь сам, что она пошла с этим ублюдком только потому, что сама захотела этого!

Конан кивнул.

— Пошевели мозгами, Масуф. Боги сотворили Дессу существом своенравным. Ты никогда не воспитаешь из нее тихую, покорную тебе во всем супругу. Если тебе нужна жена, останови свой выбор на ком-нибудь другом. Если же ты хочешь жить именно с Дессой, то приготовься к тому, что она будет делать только то, что ей нравится!

Масуф наконец освободил свою руку и принялся ругать на чем свет стоит и Конана, и Шамиля, и Райну. Вослед Дессе он, однако, решил не идти и, поворочав еще немного, отправился куда-то восвояси.

— Я бы приставил к этому молодому человеку стражника, — заметил Хезаль, ставший невольным свидетелем этой сцены. Конан улыбнулся. Хезаль был на год младше Масуфа, но держал себя так, словно тот годился ему в сыновья. — Вам тоже не помешало бы вести себя поосторожнее. Капитан Шамиль — бабник известный. Если уж он что-то надумал, то не успокоится, пока...

— Десса успокоит его надолго! — улыбнулась Райна.

— Наверное, вы правы, — кивнул головой Хезаль. — Эта пташка удивительно похожа на Пилу!

— Ты что — знаком с Пилой? — поразился Конан.

— Если с нею знакомы и вы, то она наверняка рассказывала вам историю о молодом офицере, проведенном в ее постели целую неделю!

— Честно говоря, ничего подобного она мне никогда не рассказывала. Но, впрочем, женщины — народ скрытный...

Хезаль сделал шаг навстречу Конану и еле слышно прошептал:

— Скажите мне правду — кто вы на самом деле? Мне не хотелось бы вмешиваться в ваши дела, но...

— Что ты на это скажешь? — так же шепотом обратился Конан к Райне.

Та кивнула и, сняв с груди монетку, служившую своеобразной верительной грамотой людей Мишпрака, протянула ее Хезалью. Тот тут же посерьезнел, хотя не подал и виду, что увидел нечто неожиданное.

— Теперь мне все понятно. Можете зря не волноваться — открывать вашу тайну кому-то еще я не собираюсь. Особенно это касается нашего командира. Поговаривают, что Шамиль... Впрочем, с вашего позволения, я не стану говорить и о нем... Лучше поговорим о другом. Нам сейчас очень не хватает полевых командиров, не согласились бы вы немного выручить нас, пока находитесь здесь?

— Какой может быть разговор, конечно, мы вам поможем! — тут же отозвался Конан, которому это однообразное путешествие стало уже приедаться.

Столб пламени, взметавшийся вверх на несколько метров, можно было окрасить в любой цвет, что определялось единственно используемым заклинанием.

Немного поразмыслив, Эремиус решил сделать пламя не только бесцветным, но и невидимым. Человек, которого бы угораздило забрести сюда, на Зимнее Становище, почувствовал бы неладное лишь тогда, когда языки пламени начали бы обжигать его... Чем сильнее страх, тем надежнее власть. Жители окрестных деревень наверняка попытаются скрыться на Заставе Земана. Он не станет мешать им. Когда пройдет определенное время, людям все равно придется вернуться на свои земли — иначе они просто передохнут с голоду. И вот тогда — тогда он испугает их уже по-настоящему! Их страх будет питать то начало, которое заменяет Трансформам душу, так же как плоть этих презренных тварей будет питать тела его могучих воинов!

Приподняв посох над землей, Эремиус очертил им в воздухе полукруг, время от времени прерывая его движение. Из серебряного набалдашника один за другим вылетели пять изумрудных шаров, что полетели в разные концы деревни. К утру Зимнее Становище должно было превратиться в пепелище, подобное тому, что осталось на месте Горячего Ключа. То же самое Эремиус собирался проделать и с оставшимися тремя деревнями, лежавшими неподалеку.

Эремиус шелкнул пальцами и подозвал к себе человека, носившего кольцо с Камнем Курага у себя на руке и снимавшего это кольцо лишь в тех случаях, когда хозяину его, Эремиусу, необходимо было совершить ту или иную магическую процедуру, в которой без Камня обойтись было просто невозможно. Подобная осмотрительность и осторожность была не случайна. Эремиус знал, что любой магический предмет — а тем более

магический кристалл — обладает собственной волей, которая зачастую выходит из-под контроля мага, что может грозить ему большими неприятностями и даже физической гибелью.

Он приказал слуге снять кольцо с Камнем с посоха и надеть его на руку. С тех самых пор, как Камень едва не упал наземь, он вел себя как-то необычно. Эремиуса смущало не только то, что цвет его изменился, ему не нравился и исходящий от него тончайший писк, который то исчезал, то появлялся вновь.

Слуга послушно надел кольцо на руку и едва ли не тут же завопил не своим голосом. Изменившись в лице, он быстро замахал руками, словно пытаясь взлететь. Попытку эту нельзя было считать совсем уж безуспешной: Эремиус с изумлением отметил, что корчащийся от боли и напряжения бедняга оторвался-таки от земли и даже смог взлететь на высоту в несколько локтей. С человеком — а значит, и с Камнем — происходило нечто в высшей степени странное. Похоже, Камень таким образом хотел отомстить ему, Эремиусу, за то, что он смог подчинить его себе. Человек захрипел и рухнул наземь бездыханной аморфной массой.

Эремиус осторожно коснулся Камня посохом. Камень вновь был таким же, как и всегда. Эремиус принялся снимать кольцо с руки мертвого слуги, легонько постукивая по нему концом посоха. Когда наконец ему это удалось, он нанизал кольцо на свой посох и закрепил его прядью своих волос.

Как должен поступить воин, если его меч оживет? Если он выбросит его, то останется без оружия. Если оставит — меч будет представлять угрозу прежде всего для него самого.

Эремиус тяжело вздохнул и решил, что ему следует немного передохнуть.

Конан закончил сборы только к утру. Он положил на последнего мула выюки с хлебом и вяленым мясом и отправил его в загон, находившийся за северными воротами.

Вернувшись в казармы, он тут же поспешил в таверну, чтобы пропустить пару стаканчиков вина и побаловаться напоследок жарким. Выпив второй стакан, он вдруг загрустил. Всего пару лет назад он не взял бы с собой ни этих мулов, ни этой поклажи. Тогда к подобным вещам он относился куда проще...

Илльяна появилась перед ним так неожиданно, что он связал ее появление с волшебством. Заметив его изумление, она засмеялась:

— Не пугайся, Конан. К магии я прибегаю лишь в самых крайних случаях. Лучше скажи мне: не видел ли ты сегодня человека, который был бы явно не в себе? Шамиля из общего числа можешь исключить.

— Ха! За меня это сделала Десса! — Конан, нахмурив лоб, задумался. — Ты знаешь, Илльяна, наверное, я не смогу сказать тебе ничего определенного. Я был достаточно занят для того, чтобы глазеть по сторонам.

— Все ясно. У Райны об этом я уже спрашивала, она ответила мне примерно то же самое. Осталось задать тот же вопрос Хезалю.

Конан почувствовал, что волшебница хочет сказать ему нечто важное. Судя по тому, что та никак не решалась заговорить с ним вновь, речь шла о чем-то из ряда вон выходящем.

— Ты был прав, когда говорил, что мы должны держать ухо востро. Этой ночью кто-то проник в мою комнату и попытался похитить мой Камень.

— Странное дело — ни я, ни Райна ничего не слышали!

— Ничего странного в этом нет. Я наложила на Камень заклинание, заставляющее помогающих его забывать не только о нем, но и о многом другом. Человек, пытавшийся похитить его, должен быть какое-то время не в себе. Кстати говоря, это колечко — одно из доказательств того, что чары не подвели меня и на сей раз, — похититель почему-то решил подарить его мне!

Она поднесла к лицу киммерийца небольшое серебряное колечко. Конан, не раздумывая, отрицательно покачал головой: видеть это кольцо прежде ему не доводилось.

— Что у тебя за чары! — усмехнулся он. — Нет бы они обращали вора в камень или лишали бы его жизни! Неужели ты на это не способна?

— Ох, Конан, Конан, когда ты только поумнееешь! Людям лучше не знать о том, кто я на самом деле, иначе мы не оберемся неприятностей. Об этом не должен знать даже Хезаль!

— Уж я-то это понимаю! Но ты знаешь, Илльяна, мне почему-то начинает казаться, что этот парень раскусил и тебя! Давненько я не встречал таких умников, как он!

— Вы друг друга стойте, Конан. Если он действительно умен, он мешать нам не станет.

В ответ Конан только улынулся. Он понимал, что многое так и не было сказано, однако с него было достаточно и услышанного, — лучше уж чего-то не знать, чем знать слишком много.

— Откровенно говоря, заклинание должно было, помимо прочего, запечатлеть на Камне лицо вора.

— Ты хочешь сказать, что этого не произошло?

Илльяна покраснела:

— Да. Почему этого не случилось, я не знаю. Кто знает, может быть, этого не захотел сам Камень.

Конан кашлянул и, налив в кубок вина, одним махом опорожнил его и тут же наполнил вновь. На этот раз он протянул его Илльяне.

Замешательство волшебницы было недолгим. Она благодарно кивнула киммерийцу и, приняв от него кубок, сделала несколько глотков.

Щеки ее тут же зарделись румянцем. Конан поставил бутылку на стол и тяжело вздохнул. Вот оно, оказывается, как. Камень-то этот еще и с норовом.

Глава пятнадцатая

Где-то позади заплакал ребенок. «Не та ли это девочка, которую бросили в доме родители?» — подумал было Бора, но тут же попытался отмахнуться от этой мысли. Он уже слишком устал для того, чтобы думать о чем-то подобном.

Ноги повиновались ему с трудом, но не идти ему было нельзя, ибо за ним шла вся деревня. А как хотелось присесть ему на камень и оставаться там до той поры, пока мимо него не пройдет эта бесконечная вереница людей! Он порывался сделать это уже несколько раз, но его останавливала мысль о том, что земляки его сочтут такой поступок проявлением слабости и незрелости.

Начинало светать, однако идти по горной тропе все еще было непросто: камни сливались в неясную темную массу, каждую минуту грозившую уйти из-под ног, обернувшись рывиной или колдобиной. Останавливаться тем не менее они не могли. С приходом ночи хозяин демонов должен был вновь выпустить своих страшных слуг на охоту. Скорее всего, они шли по следу людей и сейчас.

— Стой на месте! Иначе не сносить тебе головы! — раздалось впереди.

Бора поднял голову, но увидел только лучника, высланного вперед. На всякий случай он снял с пояса пращу и тут вдруг услышал на удивление знакомый голос:

— Это я — Кемаль. Со мной солдаты с Заставы Земана. Можете не волноваться.

Горы огласились радостными криками селян, мгновенно забывших о своей усталости. Бора, будь на то его воля, затанцевал бы от радости, но нынешнее положение обязывало вести себя иначе. Он важно приблизился к Кемалю, восседавшему на незнакомом мальчику жеребце.

— Куда ты подевал Бурана? — спросил Бора.

— Он остался в крепости. Капитан Конан пожалел нашу лошадку и отправил ее в конюшню. Меня же он снабдил этим красавцем!

Бора перевел взгляд на спутников Кемалья — дюжего черноволосого детину и изящную женщину, одетую в боевые доспехи. Судя по звукам, доносившимся из-за их спин, за ними следовал целый полк пеших солдат.

Бора вздохнул и, собравшись с силами, произнес:

— Благодарю вас, капитан Конан!

Черноволосый великан по-кошачьи легко спрыгнул с коня и посмотрел в глаза мальчику.

— Благодарить меня будешь тогда, когда мы покинем эту гору. Смогут ли твои люди пройти хотя бы милю? Сколько в твоём отряде воинов? Остался ли кто-нибудь на тропе?

— Я...

— Оставь свое «я» при себе, парень! Если уж ты взялся командовать людьми, то кому, как не тебе, знать ответы на эти вопросы?

— Конан, не надо так! — обратилась к своему спутнику женщина. — Это его первая битва, да и бился он не с людьми, а с самыми настоящими демонами! Ты разговариваешь с этим молодым человеком так, как Хаджар с провинившимся новобранцем!

Несмотря на сумерки, Бора заметил, с каким воодушевлением и любовью смотрит на своего спутника незнакомка. Мальчик был крайне тронут тем, что она решила заступиться за него, и едва не стал благодарить ее вслух. Капитан Конан был старше его самого лет на пять-шесть, однако Боре он казался едва ли не ровесником его отца.

— Я думаю, до реки мои люди дойти смогут, — важно отвечивал Бора. — Запасы воды у нас кончились. Провианта у нас тоже нет. На последний же ваш вопрос могу пока ответить только так: на закате все наши люди были с нами. Какое-то оружие есть у сорока человек, — среди них и мужчины, и женщины. По-настоящему же вооружена только дюжина: у этих имеются и мечи, и луки.

Конан удовлетворенно кивнул:

— Прекрасно. Если, как ты говоришь, все твои люди здесь, нам не придется посылать в горы наших людей. Теперь ответь и на такой вопрос: что делается для спасения людей, живущих в соседних деревнях?

— Как?! Их тоже надо спасать?

— Ну а как же ты думал, мальчик?

Бора потупил глаза и густо покраснел.

— Возьми! — Женщина протянула ему флягу с водой, от которой пахло неизвестными мальчику благоуханными травами. Стоило Боре сделать всего пару глотков, как голова его прояснилась.

— Да хранят вас боги, госпожа!

— Нашел, кого госпожой называть! Меня зовут Раина — просто Раина. Что до задевших тебя слов моего друга, то они совершенно справедливы. Мы должны подумать и об остальных.

То ли вода во фляге была необычной, то ли во всем были повинны травы, но мальчик ощутил вдруг чрезвычайный подъем сил.

— Я послал гонцов во все окрестные деревни. Трое вернулись, трое — нет.

— Все понятно, — с нетерпением в голосе произнес капитан. — Ну а что ты скажешь о демонах?

— Они сожгли нашу деревню дотла. Мы видели с тропы дым. Преследовать же нас они почему-то не стали. Что касается наших соседей, живущих поблизости, то они оказались в куда более сложном положении: мы покинули свою деревню намного раньше, чем это смогли сделать они. Можно только гадать, что могло приключиться с ними за это время.

— Помимо прочего, они могли и не поверить твоим гонцам, — с горькой усмешкой на устах пробормотал Конан. С минуту он стоял молча, затем улыбка его заметно потеплела, и он вновь обратился к мальчику: — А ты молодец, Бора. Признаться, я и не ожидал от тебя такой прыти! Твой отец вправе гордиться тобой!

— Вы не смогли бы замолвить словечко за моего отца Рафи? Наш плотник Якуб обещал сделать это, когда отправлялся в Аграпур, да его самого что-то след простыл.

— И в чем же твой отец повинен?

Бора вкратце рассказал историю злоключений своего отца. Киммериец слушал его, покачивая головой и то и дело поглядывая на Раину.

— Знал бы ты, мальчик, что говорил о твоём отце командующий той крепостью, к которой мы теперь и

направимся! — сказала Раина. — Верхом-то ты скакать умеешь?

Бора едва не выпалил в ответ: «Конечно!», но ответил почему-то по-другому:

— Все зависит от лошади!

— Тогда Росинка будет тебе как раз впору. Навести своих людей и скажи им, что идти предстоит еще миль-другую. Мы будем ждать тебя здесь; когда же все люди пройдут, мы поедем в арьергарде — так будет надежнее.

— Вы можете присоединиться к нашим защитникам прямо сейчас — они и так замыкают собой наш отряд, — сказал мальчик.

Киммериец обратился к нему свои небесно-голубые глаза и, стараясь говорить медленно, изрек:

— Тропа слишком узка для того, чтобы на ней можно было разойтись. Если ты хочешь, чтобы наши кони потоптали твоих людей, тогда так и говори. Мы же...

— Простите меня, капитан. Это действительно моя первая битва. Я не знаю и поныне, почему боги выбрали для этого меня, но...

— Возможно, в свое время ты и узнаешь об этом, сейчас же тебе следует думать совсем о другом. Ты готов?

Мальчик потянулся и тут же почувствовал, что поездка верхом, скорее всего, не утомит его, но, напротив, ободрит, позволив размять окостеневшие члены и согреться.

Он взялся за поводья и хотел было запрыгнуть в седло, но тут раздался ужасающий крик, заставивший его застыть. Это был предсмертный крик десятков людей, сплетающийся с адским ревом демонов.

Бора прикусил губу так, что из нее стала сочиться кровь.

На фоне сереющего неба темные фигуры Конана и Раины казались ему статуями, охраняющими храмовые врата. Когда они заговорили, голоса их исполнились еще большего достоинства и уверенности, чем прежде. Страхи Бора мгновенно улетучились. Вовремя же боги послали ему навстречу этих людей!

— Скорее всего, демоны напали на одну из соседних деревень, — предположил Конан. — С другой стороны, все это может происходить очень далеко отсюда, но кому-то очень хочется испугать нас, создавая иллюзию того, что ужас этот творится где-то совсем рядом. У Раины есть подруга, которая умеет делать то же самое, — верно, Раина?

— Оставь, Конан. Бора, мне очень жаль, но коня своего мне придется забрать.

В следующее мгновение Раина уже скакала где-то внизу.

— Бора, — прошептал Конан. — Сведи своих людей с тропы. Пусть на ней останутся только те двенадцать.

Две крупные Трансформы никак не могли поделить изуродованный труп. Они то начинали кружить друг возле друга, то пытались, застав противника врасплох, ударить его по голове чем-нибудь тяжелым. Эремиус лениво наблюдал за этой странной сценой, пытаясь сохранять нейтралитет. Алчность и тупость Трансформ чрезвычайно раздражали его, хотя благодаря именно этим качествам они и становились отменными рабами. Скотству этому не было видно ни конца ни края...

И тут маг увидел одного из охранников, зачем-то направившегося к рычащим, разъяренным Трансформам. Неужели этот идиот решил разнять их? Зачем ему это?

Ответа на свой вопрос Эремиус не смог бы получить при всем желании: одна из Трансформ неожиданно ослабилась и ударом руки снесла человеку полчерепа.

Спор тут же закончился. Одна из Трансформ стала пожирать недавнее «яблоко раздора», вторая занялась новой жертвой.

Эремиуса передернуло от отвращения. И это его сподвижники...

Трансформы по большей части объелись настолько, что ходить уже не могли. Теперь у них было только

одно желание — спать. Они расползались по порушенной деревне парами и тройками, пытаясь найти более или менее укромные местечки.

Эремиус перевел взгляд на Камень Курага, лежавший перед ним на земле. Пользоваться им часто он теперь побаивался. Единственным волшебством, совершенным в эту ночь с его помощью, была передача криков, оглашавших Тихую Заводь, на все окрестные тропы.

С каждой минутой небо становилось все светлее. Теперь уже он видел кружащих прямо у него над головою огромных стервятников, таинственным образом прознавших о происшедшем в эту ночь смертоубийстве.

Эремиус зевнул и произнес заклинание, позволявшее ему в течение какого-то времени не думать о Камне. Спать хотелось не только Трансформам, — спать хотелось и ему.

Глава шестнадцатая

Конан снял с плеча лук и вытянул стрелу из колчана. Целью его был один из грифов, лакомящийся человеческими останками. Бурые наросты из запекшейся крови на груди стервятника говорили о том, что трапеза его началась не сегодня.

Тетива туранского лука зазвенела, и стрела со свистом устремилась к цели. Гриф издал трубный крик и, забив крылами, упал набок. Собратья его повернули к нему головы, но трапезы своей так и не прервали. Взлететь они в любом случае уже не смогли бы — слишком уж роскошным для этого был их сегодняшний обед, слишком уж полны были их хищные утробы.

Конана передернуло от омерзения — с каким удовольствием он выпустил бы в этих падальщиков все свои стрелы! Сколь странным казалось ему теперь название этой деревни — Тихая Заводь... Он затряс головой, пытаясь унять вспыхнувший вдруг гнев. Его

следовало оставить до той поры, пока он не доберется до истинных виновников, для них же надлежало приберечь и стрелы.

Из-за камня раздались странные булькающие звуки. Это тошнило Бору. Послышались и другие звуки — неспешные и тяжелые шаги... Конан было насторожился, но тут же вздохнул с облегчением, увидев, что из-за скалы вышел не кто иной, как Хезаль.

— Твоя госпожа Илльяна сообщила мне о том, что это — дело рук демонов. Она что — э-э-э, — волшебница?

О чем Конану не хотелось говорить, так это о магических талантах его спутницы. Хезаль был настолько проницательным человеком, что обман в данном случае мог лишь ухудшить его отношение к ним.

— Ты посмотри получше — неужто этого и так не видно? Собери сюда всех вендийских тигров, и они не сделают и половины того, что ты видишь. Что до твоего вопроса, то я вынужден ответить на него так: да, моя госпожа кое-что может.

— Честно говоря, меня это особенно не удивляет, — сказал Хезаль в ответ. — Я вот о чем сейчас подумал: мы отведем Илльяне место в середине колонны — там она будет чувствовать себя в сравнительной безопасности. Раине тоже лучше быть где-то рядом с нею.

— Скажи мне, Хезаль, а как чувствует себя после той ночи Шамиль? Или тогда у него было временное помрачение?

Хезаль нахмурился:

— Если бы мой отец был жив и поныне, я давно бы навел здесь порядок. Сделать это опираясь только на собственные силы не так-то просто...

— Как звали твоего отца?

— Правитель Альбрас.

— Вот те раз, а я и не знал!

Альбрас был одним из правителей; в народе его считали человеком великого ума и редкостного благородства. Всю свою жизнь он служил верой и правдой Туранскому царству, побывав и в солдатах, и в дипломатах, и в правителях. Поживи он немного подольше, и

Конану вряд ли пришлось бы рисковать жизнью, борясь с послушниками культа Судьбы, — при Альбрасе появление их в Туранском царстве было бы вряд ли возможно.

— Отец твой был великим человеком, — добавил Конан. — Я смотрю, ты тоже отстаивать от него не намерен.

— Главное сейчас — пережить эту ночь. Если я и останусь в живых, то благодарить за это буду не кого-нибудь, но самого Мекрети. В бытность солдатом мой отец учился именно у него. Свой боевой опыт он, соответственно, передал мне.

Конан уважительно кивнул. Мекрети был легендой не только для таких, как он, но даже и для великих, уважаемых всеми воителей, наподобие капитана Хаджара. Не погибни Мекрети в бою с гирканцами, и он стал бы командующим всей туранской армии.

Взглянув еще раз на усеянное костями поле, Конан зашел за валу, чтобы привести в чувство мальчика. К его удивлению, тот был здесь не один: рядом с ним стоял незнакомый киммерийцу человек, которого он видел в крепости не далее чем прошедшей ночью.

— Бора...

— Меня зовут Якуб, — сказал молодой человек. — Чем могу служить вам, капитан?

— Если Бора уже...

— До следующего обеда этого со мною уже не произойдет! — слабо улыбнувшись, сказал мальчик. — Обедать же мы, насколько я понимаю, будем ох как не скоро!

— Стало быть, тебе пришло время вернуться к своим людям. Их охраняет пара дюжин наших ребят. Все остальные готовятся к бою с демонами.

— Почему же я не могу остаться с вами? Неужели вы считаете меня слишком молодым для того, чтобы встречаться с противником лицом к лицу? Да мне...

— Приказы не обсуждаются! — отрезал Хезаль.

Мальчик хотел было сказать еще что-то, но Хезаль сурово посмотрел на него и, потрепав по плечу, заметил:

— Мой юный друг, если ты будешь спорить со мной, ты тем самым примкнешь к многочисленной армии моих

противников, возглавляемой капитаном Шамилем. Ты хочешь этого? Пойми, любая потеря может обернуться для нас поражением!

— Я не хотел и не хочу ничего дурного, — пробормотал Бора.

— Что вы прикажете мне, мой капитан? — обратился к Хезалю Якуб.

— Об этом тебе могу сказать и я, — вмешался Бора. — Если это не покажется тебе слишком позорным, я попрошу тебя отправиться на охрану женщин и детей. Присмотри и за моими...

— Я понял тебя. С большим удовольствием я пошел бы за капитаном, но не выполнить твоей просьбы не могу, — вяло пробормотал Якуб и, развернувшись, скрылся во мгле.

Конан проследил за ним взглядом. Словам Якуба он почему-то не поверил и потому решил припомнить, где же все-таки он его видел.

Ему ясно представилось лицо Якуба, задумчиво бредущего вдоль крепостной стены. Это было ранним утром, незадолго до того, как Ильяна обратилась к нему со своим странным вопросом.

Может быть, именно этот человек и побывал у нее ночью? Разве не странным показалось ему тогда его лицо?

Конан решил больше не гадать попусту, пусть при этом он и вспомнил еще об одном странном обстоятельстве той утренней встречи: лицо Якуба в то утро было чем-то перепачкано — чем-то, походившим на сажу...

Интересным ему показался и профиль Якуба — он живо напомнил киммерийцу профиль его любимого Хаджара: тот же нос, тот же подбородок... Может быть, Хаджар и Якуб действительно состоят в родстве?

В эту минуту к ним подъехал всадник.

— Капитан Хезаль, мы встретили людей из Шести Вязов. Мужчины этой деревни хотят примкнуть к нашему войску. — Всадник хотел сказать что-то еще, но тут взгляд его упал на пепелище, усеянное человеческими останками.

— Капитан Шамиль настроен так же, как и прежде? — спросил у ошарашенного всадника Хезаль.

— Да, капитан, так же, если не хуже.

— Похоже, капитан Конан, мы уже не вправе сидеть сложа руки. Пора браться за дело.

Конан согласно кивнул. Якуб особой опасности не представлял — с ним можно было разобраться и позднее. С Шамилем же следовало покончить именно сейчас.

Якуб не знал, куда ему деться от пронзительного взгляда киммерийца. Он развернулся и отправился прочь, едва сдерживая себя от того, чтобы не перейти на бег.

Когда его и киммерийца разделяло уже порядочное расстояние, он все же побежал, проклиная на бегу и незваных гостей, и самого Бору.

Стражи молча пропустили его в лагерь беженцев, и он направился напрямик к палатке семьи Боры.

— Приветствую вас, матушка Мериса!

— А где же Бора?

— Он остался с солдатами. Вместе с рекрутами из вашей деревни он отправится на Заставу...

— О боги! Неужели вам мало того, что вы забрали у меня Ариму и едва не сделали того же с моим супругом? Что будет с нами, если мы останемся и без Боры?

Мериса прижала к себе двух младших детей и, смертельно побледнев, замерла. Якуб хотел было узнать у нее о том, где находится Карайя, но тут она сама вошла в палатку. На плече она держала бурдюк с водой.

— Якуб! — воскликнула Карайя и бросилась к своему возлюбленному, забыв и думать о бурдюке, который непременно бы разорвался, не успей его подхватить ее матушка.

Мериса наблюдала за молодыми, оставаясь внешне бесстрашной. Если же он вернет ей Рафи...

— Якуб, но где же Бора?

— Твой брат так привязался к солдатам, которые забрали его отца, что о родных своих совсем позабыл, — проворчала Мериса.

Якуб кивнул.

— Мы бросили монетку, и идти выпало не мне, а ему.

Якуб надеялся на то, что ложь эта сойдет ему с рук. Мало ли, что он может говорить родным Карайи, — разве это как-то меняет его к ним отношение?

— Хорошенькое дело, — возмутилась Карайя. — Того гляди, они и меня в свое войско забреют, — бросили монетку, и все дела!

Якуб поцеловал Карайю и поблагодарил богов за то, что они даровали ему этот прекрасный цветок.

Эремиус поднял и посох, и кольцо с Камнем, боясь, что разведчик наедет прямо на него. Тот резко дернул поводья, и лошадь, пронзительно заржав и поднявшись на дыбы, тут же остановилась как вкопанная.

Волшебник сплюнул наземь.

— Хорошо же ты скачешь верхом! Я подумаю, подумаю, да и отдам на съедение Трансформам и тебя самого, и твою лошадь.

Разведчик поблел и укрыл свое лицо за давно нечесанной гривой коня. Животное, начинавшее приходить в себя, тихонько заржало.

Направив посох прямо в нос разведчику, Эремиус сердито зашипел:

— Может быть, ты все-таки расскажешь мне о том, что ты видел? Я ведь тебя посылал вовсе не для того, чтобы ты моих лошадей гробил.

— Конечно, конечно, мой Мастер. На нас идут солдаты. Солдаты и мужчины, сумевшие сбежать из окрестных деревень.

— Сколько же их?

— Много. Я даже сосчитать их не мог.

— Наверное, тебе этого не слишком-то и хотелось...

— Я... Мастер... Нет, нет...

Камень ожил, залив склон ослепительным изумрудным светом. Завизжав, разведчик прижал руки к глазам. Движение это было столь резким, что он потерял равновесие и, вывалившись из седла, сверзился прямо под ноги Эремиусу.

Маг с интересом рассматривал извивающегося у его ног человека, убежденного в том, что он ослеп навсегда. До последнего времени Эремиус был уверен в том, что кони, добытые ими в одной из деревень и сбереженные от Трансформов, рано или поздно сослужат им добрую службу; теперь же бывшей уверенности у него не было... Прибегать к Камню было небезопасно, но зато Трансформы, управляемые с его помощью, не только превосходили коней в скорости, но и были куда умнее всадников, ибо действия их определялись не кем-либо еще, но им самим.

И когда только он сможет обходиться без людского войска? Мало того что люди тупы и неэффективны — они постоянно нуждаются то в одном, то в другом...

Подняв разведчика на ноги, он строго спросил:

— И все же — сколько их там было? Больше тысячи или меньше?

— Меньше.

— Теперь скажи — где же ты их видел?

— Они поднимались по Соленой Пади.

Эремиус пытался задавать разведчику и другие вопросы, но тот, судя по всему, был слишком потрясен внезапной потерей зрения, для того чтобы думать о чем-то еще. Эремиус вздохнул и внятно прошептал:

— Моею волей да вернется к нему зрение!

Человек убрал руки от глаз и, потрясенно рухнув на колени пред своим господином, стал целовать полы его одеяний. Подобные изъявления преданности и любви со стороны простых людей продолжали трогать Эремиуса и поныне. Конечно, он предпочел бы, чтобы перед ним пресмыкался не какой-нибудь жалкий человечешка, но красавица Илльяна, но, памятуя о том, что лучшее — враг хорошего, он умел радоваться и такой малости, как эта...

Вдоволь натешившись, Эремиус позволил человеку подняться на ноги и удалиться. Оставшись в одиночестве, он сосредоточился и вызвал в сознании образ окрестных гор. Он хотел не просто рассеять тех, что дерзнули выступить против него, он хотел уничтожить всех людей до единого.

Справиться с этой задачей сложно было и Трансформам, ибо и они, к сожалению, были уязвимы... Помимо прочего, в дело могла вмешаться злокозненная Илльяна или даже неожиданно изменившаяся воля своенравного Камня...

Лучшей тактикой при таком раскладе было совместное движение Трансформ единым плотным строем. Главное при этом — не ошибиться в выборе направления атаки...

Встав на колени, Бора опустил бутылку в ручей. И тут он услышал знакомые голоса. Не поднимаясь с земли, он пополз по направлению к ним.

Уже через минуту он понял, что разговор этот — вернее, этот спор — для его ушей не предназначался. В нем принимали участие госпожа Илльяна, Шамиль и Хезаль.

— Моя госпожа, если вы так уверены в том, что на нас идут демоны, то почему не используете против них свои магические силы? — спросил Шамиль у Илльяны.

— Я трезво оцениваю свои способности. Совладать с ними мне все равно не удалось бы.

Бора почему-то сразу понял, что Илльяна говорит не совсем искренне.

— Что же вы тогда за колдунья? — усмехнулся Шамиль. — Вы знаете, есть такая пословица: не так страшен черт, как его малюют. Может статься, эти самые демоны и супротив самого обычного колдовства не устоят. Может быть, вам достаточно будет станцевать перед ними, а?

Боре очень хотелось, чтобы Илльяна превратила Шамиля в свинью, но она почему-то этого делать не стала, хотя, судя по выражению ее лица, страстно того желала.

— Капитан, — вмешался в разговор Хезаль, — в любом случае госпоже Илльяне нужен покой. Либо я представлю в ее распоряжение взвод своих солдат, либо капитан Конан отберет часть деревенских и...

Шамиль грязно выругался и сплюнул.

— Этот сброд разбежится в одну минуту. Что до моих ребят, то я не дам ни одного человека. В конце концов, мы и не обязаны это делать. Как и обычно, мы выставим стражу и разожжем костры. Если же вы совершите хоть что-нибудь без моего разрешения, я тут же отправлю вас в тюрьму. В первую очередь это относится к вам, Хезаль!

— Так точно, капитан!

Шамиль и Хезаль ушли. Бора хотел уже отползти в сторону, как тут послышались новые голоса. У костра появились Конан и Раина, одетая в короткие легкие штанишки, наподобие тех, которые носят матросы. Только теперь Бора заметил, что в глазах Илльяны, безучастно сидевшей у костра, поблескивают слезы. Заметив своих товарищей, она поднялась на ноги и подала им руки — одну Конану, другую Раине.

— Неужели с ним ничего нельзя поделать? — спросила она.

— Будем надеяться на то, что с появлением демонов он уже не вспомнит о нас, — сказал Конан. — Не будем забывать и о том, что возможно призвать солдат к мятежу. Само по себе это скверно, но еще хуже будет, если мятеж поднимем не мы, а Хезаль. В эту минуту мы должны быть едины, как никогда!

— Мне кажется, что Хаджар вряд ли мог научить тебя...

— Довольно! — неожиданно резко перебил свою госпожу киммериец.

Она на миг опешила, но тут же, потупив глаза, прошептала:

— Извини меня, Конан. У меня не выдержали нервы. Если тебе доводилось оказываться в безвыходных ситуациях, ты должен будешь понять меня...

— Я оказывался в них куда чаще, чем ты, госпожа. И я знаю, что по-настоящему безвыходных ситуаций нет. Неужели тебе так не нравится идея мятежа?

— Я восприму его как должное. Ну а теперь мне хотелось бы немного поспать.

— Как? Разве вы не пойдете в свою палатку? — удивилась Раина.

— Я думаю, теперь идти туда мне не стоит. Она будет скорее ловушкой, чем прибежищем.

— Хорошо, что нас никто не слышит, — сказал, озираясь, Конан.

Разговор продолжился, но ничего интересного Бора уже не услышал. Он спустился пониже по течению ручья, перешел его вброд и поспешил к лагерю, в котором стояли палатки его односельчан. Теперь под его началом были только жители Горячего Ключа; мужчины из Шести Вязов были отданы в распоряжение Гелека.

Благополучно добравшись до своей палатки, Бора забрался под одеяло и попытался уснуть.

Глава семнадцатая

Конан спал (если только это можно было назвать сном) очень недолго. Поднявшись с жесткого ложа, он тут же покинул палатку и направился проверять караульных. К удивлению его, те не спали: то ли им не давали уснуть духи их погибших товарищей, то ли Хезаль сумел за день навести здесь такую дисциплину, о которой Шамиль не мог и мечтать.

Сделав круг по лагерю, Конан столкнулся с Хезалем, так же, как и он, проверявшим посты. Тот рассмеялся, но особой веселости в голосе его не было — слова Ильяны не шли у него из головы. Невесело было и Конану — повсюду ему мерещились невидимые соглашения и бесплотные духи, алчущие человеческих душ.

— Я предлагаю делать обход вместе, — сказал Хезаль. — Люди, которые увидят нас, поймут, что мы на одной стороне — ты и я. Шамиля в их число я не включаю.

— Я полагаю, твой подруга Десса должна была научить его уму-разуму!

— С чего ты взял, что она моя подруга?

— Ну а разве на врага смотрят так, как она смотрит на тебя?

— Капитан! — раздалось из-за костра. — Мы видели, как что-то двигалось по гребню той горы.

Конан присмотрелся и увидел солдата, указывавшего куда-то вверх своим мечом.

Он отошел от огня и, подождав, когда глаза его привыкнут к темноте, устремил взгляд в ту же сторону. На гребне горы, возвышавшейся к югу от лагеря, на самом деле что-то темнело. Это что-то находилось в беспорядочном движении.

Киммериец извлек свой меч из ножен. Хезаль положил ему на плечо руку:

— Конан, ты можешь понадобиться нам здесь.

— К тому времени не будет ни меня, ни вас, дружище!

Киммериец сбросил с плеча руку Хезаля и, отстранив его, направился к горе.

Эремиус сидел, скрестив ноги, на огромном валуне. Воинство Трансформ находилось на противоположном конце долины, но он видел своих воинов так ясно, словно они были где-то рядом: Трансформы крались по крутому склону, готовые в любую минуту камнем упасть на головы ничего не подозревающих солдат. Эремиус неожиданно усмехнулся. Он увидел человека, начавшего взбираться на ту же гору, с которой спускалось его воинство. Судьба этого глупца мага его особенно не занимала, и он перевел взгляд на переднюю часть долины, по которой должны были идти отряды его, Эремиуса, людей. Здесь не было ни души, однако Эремиус решил не тревожиться раньше времени: люди, посланные им сюда, могли заплутать или где-то задержаться. Сути дела это не меняло: чего они никак не могли, так это ослушаться приказа своего господина. Все шло как нельзя лучше. После того как Трансформы нападут на противника, люди встретят его с тыла. В этот момент Эремиус призовет на помощь магию и заставит своих врагов поверить в то, что они окружены со всех сторон, кроме одной. Врагу не останется ничего другого, как только начать отходить в этом направлении, — тропа же, по которой ему придется пройти, приведет его к гиблым безводным местам. Прежде чем

враг поймет это, будет уже поздно: тропу перекроют Трансформы.

Эремиус вновь усмехнулся. Совсем недавно он мечтал заполучить в свои руки какого-нибудь вояку с головой, который сумел бы командовать его человеческим воинством. Теперь он понимал, что в этом нет никакой необходимости, — с этой задачей он прекрасно справлялся и сам!

Он сполз с валуна и, встав за него, извлек из сумы Камень Курага. К заклинаниям пора было приступить уже сейчас. При этом Камень должен был засветиться так, что свет его был бы тут же замечен и в лагере, но это лишь помогло бы отвлечь внимание неприятеля от подлинной опасности.

Посох, лежавший около Камня, взлетел в воздух и послушно лег в руку мага. Сделав его серебряным набалдашником три пасса над Камнем, Эремиус начертал вокруг себя круг, который тут же вспыхнул изумрудным пламенем. Вонзив посох в землю, он приступил к заклинанию.

Конан взбирался на гору, даже не пытаясь таить-ся. Время теперь было дорого, как никогда. С другой стороны, в том, что неприятель увидит его достаточно скоро, был свой резон: это спровоцировало бы его на преждевременную атаку. Словам Бору о том, что демоны не имеют ни малейшего представления о стрельбе из лука и о метании дротиков, киммериец был склонен доверять.

На полпути к вершине Конан взобрался на гладкий валун с плоским верхом, с которого открывался вид на все четыре стороны. Ничего подозрительного на вершине заметно уже не было.

Он обернулся и увидел людей с зажженными факелами, идущих к лагерю. Ближайший к нему пост был усилен сразу четырьмя воинами. Интересно, спрашивал ли Хезаль у Шамиля согласия на это, или же последний все еще тешится с Дессой?

С северной стороны долины горы были пониже. С камня, на котором стоял киммериец, были видны хребты нескольких цепей. Рядом с одной из вершин виднелся слабый огонек, больше всего походивший на пламя по-

гасающего костра, гореть которому оставалось считанные мгновения.

Огонек, однако, разгорался все ярче. В том, что это не костер, сомнений уже не было: Конану никогда в жизни не доводилось видеть таких костров изумрудного цвета.

Только теперь он понял, сколь велика была его ошибка, когда он решил взбираться на гору в одиночку. Будь рядом с ним кто-то еще, он смог бы послать его в лагерь, с тем чтобы предупредить своих товарищей о том, что за их спинами находится повелитель демонов, замысляющий против людей новое злодейство. Предупредить своих об опасности он мог и сейчас, но для этого ему нужно было подать голос, тем самым обнаружив себя и для врага.

— Слушайте меня, люди! — закричал Конан что было сил. — У вас за спиной, на вершине белой горы, происходит что-то неладное! Это говорю вам я, Конан!

Он повернулся спиной к долине и крикнул потише:

— Эй, вы! Мразь колдовская! Чего же вы ждете? Или боитесь сразиться с человеком?

В лагере загорались все новые и новые факелы. Больше всего теперь он походил на разбуженный улей. Конан вновь посмотрел на вершину. Тени, минуту назад казавшиеся ему скалами, внезапно задвигались. Демонов было куда больше, чем он мог предположить. Завыв по-звериному, едва ли не все они устремились к нему.

Не раздумывая ни мгновения, Конан прыгнул вниз и, прижавшись спиной к валуну, замер. Уже через миг мимо камня, с разных его сторон, пронеслись два демона, одного из которых Конан успел рубануть своим мечом по ногам. Демон взвыл, однако не только не потерял конечностей, но даже не упал. Грозно зарывав, он пошел на киммерийца, за спиной которого раздавалось громкое сопение другого чудовища. Конан выдержал небольшую паузу, подпуская демонов поближе, и, резко отпрыгнув в сторону, нанес одному из чудовищ удар в пах, а второму демону по ногам. Удары его были точными и сильными, однако должного эффекта они не произвели, — демоны, одетые в броню иссиня-черной чешуи, казались неуязвимыми.

На миг киммерийцу стало страшно. Но не демонов боялся он. Плоть их, пусть она и была преобразена чудовищным колдовством, оставалась все той же плотью, а значит, ее можно было сокрушить мечом или стрелой. Конана пугала магия, посредством которой были сотворены эти чудовища. Некое древнее зло, страшнее которого на этом свете не было ничего, стояло за нею. Этою же магией пользовалась и Илльяна...

Демон, раненный в пах, скрючившись, побежал куда-то вниз. Второе чудовище, ноги которого были ранены уже дважды, упало наземь и зашипело по-змеиному. Конан подошел поближе и тут же отвел от демона глаза — перед ним лежала женщина... Женщин он не убивал никогда, но сейчас был просто обязан это сделать. Он вонзил свой клинок в горло поверженной жертве и тут же отскочил назад, чтобы не быть раздавленным забившимся в агонии телом.

Рев демонов слышался уже и снизу, он смешивался с криками людей и ржанием коней. Конан посмотрел по сторонам и понесся вниз, к лагерю.

Бора не раз слышал рассказы солдат о демонах, да и сам дважды сталкивался с ними, но он и представить себе не мог, что те способны производить такой шум.

Боевые крики и рев, лязганье оружия и свист стрел сливались во что-то невообразимое. Вспомнив о назначенной ему роли, мальчик приосанился и решил как-то подбодрить своих людей.

В этом нуждались, однако, только те, кому не довелось участвовать в первой битве с чудовищами. Не будь рядом с ними Ископа-кузнеца, и они, скорее всего, уже разбежались бы.

— Ах вы, шакалы негодные! — орал на них кузнец. — Выбирайте — или я, или демоны!

В каждой руке Ископ держал по молоту.

Один из деревенских все же попытался сбежать, но он явно недооценил реакцию кузнеца: тот опустил один

из молотов ему на голову, и бедолага рухнул замертво, даже не охнув. В стане новобранцев из Горячего Ключа тут же воцарился порядок.

— Спасибо, Ископ! — крикнул кузнецу Бора.

Сражение длилось всего несколько минут, но погибших было уже столько, что подсчитать их количество было невозможно. Потери противника были куда скромнее — повергнуть удалось всего с десяток демонов.

Той линии, которой командовал Бора, пока удавалось сдерживать неприятельские атаки. На каждого из демонов нападало сразу по три-четыре воина, хотя бы одному из которых, как правило, удавалось нанести противнику чувствительное ранение, после которого тот начинал слабеть.

Сам Бора носился вдоль линии обороны, то и дело раскручивая свою пращу. Запас камней, подобранных специально для этого случая, давно был исчерпан, и мальчику приходилось довольствоваться теми камнями, которые он подбирал с земли. Меткость бросков от этого ухудшилась, но в среднем ему все-таки удавалось наносить неприятелю существенный урон.

Достаточно неожиданная мысль пришла ему на ум. Несмотря на то что вокруг творилось что-то несусветное, Бора не испытывал ни малейшего страха перед противником. Сражение с демонами казалось и ему, и его людям чем-то будничным и достаточно заурядным.

Бора обернулся и увидел вспыхнувшее вдруг над северным склоном изумрудное пламя, языки которого тянулись к лагерю.

Пламя это казалось адским, но, как ни странно, оно только придало людям сил: заметив его, они стали сражаться еще ожесточеннее, прекрасно понимая, что оно, в отличие от демонов, неуязвимо!

Трем демонам удалось прорвать линию обороны людей из Шести Вязов. Гелек заревел и, потрясая копьем, понесся на демона, бежавшего первым. Тот переломил его копье так, словно оно было соломинкой, и ударом своей страшной лапы изуродовал лицо Гелеку. Воин взвыл, и в тот же момент демон схватил его в лапы и, разорвав надвое, швырнул его останки в ряды воинов.

Страшная кончина предводителя небольшого отряда потрясла его односельчан настолько, что они, побросав оружие, пустились в бегство.

Бора почувствовал, что и его отваге скоро наступит предел. Успокоить его теперь мог только точный бросок из пращи. Он стал лихорадочно шарить по земле, надеясь нащупать подходящий камень.

Положение спас все тот же кузнец Ископ:

— Левый фланг! Левый фланг, оттягивайтесь назад, иначе эта мразь окажется у вас за спиной! Да пошевеливайтесь же вы! Ну!

Не переставая сыпать проклятиями, Ископ набросился на демонов. Чешуйчатая кольчуга этих созданий хорошо защищала их от мечей и стрел, но не могла устоять против тех страшных ударов молота, которые обрушились на их тела и головы. Прежде чем демонам удалось справиться с кузнецом, он успел уложить четырех чудищ. Еще двое демонов были убиты меткими выстрелами лучников, что позволило людям отбросить неприятеля назад и тем самым удержать фланг.

Демонов становилось все меньше и меньше. И тут Бора увидел за их спинами великана, что был куда крупнее любого демона. Клинок его разил неприятеля налево и направо; при этом великан чертыхался и призывал на помощь богов, о которых Бора даже и не слышал.

— Держитесь! Держитесь, ребята! Мы победим их! Митра и Эрлик, помогите вашим людям! — завопил Бора.

Киммериец гнал дюжину обьятых ужасом демонов прямо на его отряд.

Конан прекрасно понимал, что его вид должен был произвести на людей сильное впечатление. Еще бы — могучий воин гонит перед собой дюжину испуганных демонов!

В глубине души он был уверен, что все это скорее походило на маскарад. Благодаря его сверхъестествен-

ной силе и выносливости демоны не могли совладать с ним, но это не означало, что он мог справиться с ними, — для этого ему нужно было бы сразиться не с ними, но с их хозяином, затаившимся где-то на горной вершине.

Он взмахнул мечом еще раз и сбил с ног сразу двух бежавших перед ним демонов. В два прыжка он преодолел расстояние, отделявшее его от отряда лучников, которым командовал Бора. Никогда еще Конан не видел детей, которые выросли бы так быстро.

— Давай, давай! — прокричал он Боре и поспешил к находившемуся посереде лагеря холмику, на котором стояла Илльяна.

Она стояла там на коленях. Одной рукой она упиралась в землю, стараясь не упасть, другой разминала грудь так, словно пыталась унять сердечную боль.

В двух шагах перед нею лежал Камень. Он светился изумрудным светом и подрагивал.

— Илльяна!

— Нет, Конан! Не подходи к ней! Я пыталась сделать это, и посмотри, что со мною стало! — услышал он голос Раины.

Раина поднялась на холмик, держа меч в левой руке. Правая рука ее была сжата в кулак, голос Раины сильно дрожал.

— Я попыталась подойти к ней, — повторила Раина, — но тут что-то случилось с моей рукой. Мне показалось, что она погрузилась в расплавленный металл. Честно говоря, я даже не знаю, лишился я руки, или нет.

Конан нахмурился:

— Рука твоя там же, где и была. И я бы не сказал, что она выглядит как-то необычно. Станные, однако, Илльяна шутки шутит!

— Ты ничего не понимаешь, Конан. Это уже не ее заклинание. Это воля Камня — вернее, то, что происходит от смешения того и другого.

Сказать что-либо в ответ Конан уже не мог: демоны подобрались к холмику, охранявшемуся теперь

самим капитаном Шамилем и десятком лучших его воинов.

Конан ринулся вниз, однако спасти капитана уже не успел: один из демонов оторвал Шамилю голову, другой тут же стал поедать его горячую плоть. Конан рубанул последнего так, что того не спасла и чешуйчатая броня, — меч перерубил ему хребет. И тут он увидел, что один из демонов поспешил к вершине холмика, где стояли погруженная в себя Илльяна и одна рука Раина.

Спасти Раину Конан уже не мог. Он бежал к вершине, беспомощно глядя на то, как несется к ней огромное уродливое чудище.

Раина, однако, даже не попыталась прибегнуть к помощи меча. Вместо этого она резко отскочила в сторону и, пропустив демона мимо себя, вонзила кинжал ему в бедро. Чудище взревело и, потеряв равновесие, стало падать наземь всего в шаге от Илльяны.

И все же упасть демону так и не было суждено. В паре локтей от земли демона подхватила невидимая рука, оторвавшая его от земли и сжавшая так, что он завизжал, как свинья, попавшая под нож мясника. В следующий миг неведомая сила швырнула его прямо на застывших от изумления чудовищ, успевших перебить всех людей Шамиля.

Конан вздохнул и, приняв боевую стойку, приготовился к последнему бою.

И тут на поле перед холмиком стало происходить такое, во что трудно было поверить. Демоны разом развернулись и бросились наутек. Люди были настолько потрясены этим, что демонов никто даже не пытался преследовать, один лишь Бора метнул вслед им камень, но на сей раз метким назвать его бросок было сложно.

Отерев со лба кровавый пот, Конан осмотрелся. Повсюду, куда только ни устремлял он взгляд, он видел отступающих демонов. У большинства из них не было сил даже на то, чтобы бежать, — теперь они шли, шли усталой походкой, хромя и покачиваясь...

Конан изумленно посмотрел на Илльяну. Она мирно спала, свернувшись, словно котенок. Он подобрал с земли тунику Раины и, присев на колени перед волшебницей, осторожно приподнял ее голову и подsunул тунику под нее.

При этом он почувствовал, что кончики его пальцев стало немного покалывать. Что-то легло ему на плечо. Он скосил глаза и увидел, что это — голова Раины. Раину, так же как и ее госпожу, сморил сон.

Снизу раздался голос Хезаля. Северянка тут же очнулась и поняла, что она почти не одета.

— Может быть, ты дашь мне хоть что-нибудь? — с возмущением в голосе спросила она у Конана.

— Ты предлагаешь раздеться мне? — усмехнулся киммериец. — Я полагаю, что мы сможем это сделать потом.

— Эй, Конан! Хватит с дамой любезничать, — закричал снизу Хезаль. — Нас ждут на военном совете!

Эремиус освещал долину до тех пор, пока ее не покинули все Трансформы. И делал он это не столько ради них, сколько ради себя самого. Главным образом его интересовало то, отправятся ли люди в погоню за ними или нет.

Он мог бы рассеять тьму, не устраивая этой безумной иллюминации, но для этого ему пришлось бы вновь прибегнуть к помощи Камня, чего делать сейчас не стоило.

В последнее время ему все чаще начинало казаться, что затея его обречена на провал. Камни, которые, казалось бы, должны были тянуться друг к другу, почему-то испытывали явную антипатию — иначе происходящее просто невозможно было понять... Смущало его и то обстоятельство, что в последнее время Камень все чаще и чаще проявлял явное непослушание, с которым бороться ему становилось все сложнее. Если так пойдет и дальше, то не Камень будет принадлежать ему, а он Камню! И все же заполучить оба

Камня он просто обязан, — в противном случае жизнь его можно было бы считать прожитой зря. И ведь повинна во всех его бедах лишь она — эта негодница Ильяна...

Эремиус решил прикинуть потери. За время боя было потеряно около двадцати Трансформ; шестьдесят — семьдесят Трансформ были тяжело ранены, и на излечение их ему могло понадобиться несколько дней. Проигравшим, однако, он себя не считал. Люди потеряли убитыми и ранеными в несколько раз больше, при этом восстанавливать свои силы так же быстро, как его воинство, они не могли.

Сражение, происходившее этой ночью, можно было считать лишь своеобразной прелюдией к серьезной военной кампании. Удовлетворившись этим объяснением, Эремиус решил заняться делом.

Он приказал Камню поярче сверкнуть напоследок и погаснуть, что тот послушно и выполнил. Теперь Эремиусу предстояло обратиться к Камню с предложением вернуться на свое обычное место. Просить он не привык, и потому эта часть заклинания всегда удавалась ему куда хуже, чем прочие.

И все же просьбе его, что больше походила на приказ, Камень внял и на сей раз: он взлетел в воздух и сам собой залетел в предназначавшуюся только для него сумку. Больше на этой горе Эремиусу делать было нечего. Последний раз взглянув на объятую тьмой долину, он быстро зашагал прочь. Если этот киммерийский великан надумает отправиться в погоню за ним, ему вряд ли поможет и Камень Курага...

Якуб посмотрел по сторонам. Похоже, рядом с человеком, стоявшим внизу, действительно никого не было.

Человек этот мог оказаться дозорным, он же мог быть и своеобразной приманкой, предназначавшейся для простаков... Впрочем, о втором можно было серьезно не думать — слуги мага были слишком глупы для того, чтобы затевать подобное.

Якуб свесился с края скалы и, мгновение повисев, разжал руки. Галька скрипнула, и человек тут же резко обернулся, но было уже поздно: Якуб вогнал ему под ребра свой длинный кинжал. Якуб немного поддержал обмякшее тело, чтобы оно своим падением не произвело ненужного шума, и оно опустилось на камни с негромким глухим стуком.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы поднять на ноги и спутников погибшего, и дозорных лагеря беженцев. Первые с криками понеслись куда-то вниз, вторые же принялись осыпать балку стрелами.

Судя по стонам и ругани, несколько стрел попало в цель. Еще через минуту все звуки смолкли, и Якуб отважился покинуть свое убежище у основания скалы. Вскоре к скале подошли и дозорные лагеря.

Видавший виды сержант посмотрел на лежавший у его ног труп и одобрительно пробурчал:

— Чисто сработано, ничего не скажешь!

— Если бы я не спешил, они бы и услышать ничего не смогли! — отозвался польщенный Якуб.

— Ну и зачем нам это? Не подними они шума, мы ни о чем не догадались бы! Так они, по крайней мере, убежали! Слушай, парень, а не хотел бы ты поступить на службу к царю Йалдизу?

— Сначала я женюсь, ну а потом посмотрю...

— Все правильно. Без жены солдат не солдат.

К лагерю они шли вместе. Когда они подошли к палаткам, небо на востоке уже начинало сереть. Якуб попрощался с сержантом и направился к палатке, в которой жили родные Боры.

Ночной переполох даже не разбудил их. Карайя лежала на ворохе жухлой травы, прижимая к себе двух своих младших братьев. Якуб присел на корточки и поправил съехавшее одеяло.

Теперь о жизни ее можно было не беспокоиться. Ночь миновала, к полудню же беженцы должны были подойти к Заставе Земана.

Якубу предстояло идти совсем в иную сторону — он должен был напасть на след людей Эремиуса и по нему выйти на него самого. Но не это было самым трудным

в его рискованном предприятии, — самым трудным было убедить Эремиуса в том, что именно он, Якуб, должен стать военачальником армии мага.

Он коснулся щеки Карайи губами и тихо вышел из палатки.

Весь остаток ночи ушел на наведение порядка в лагере, подсчет потерь, помощь раненым и прочесывание окрестных гор. После того как все разведчики до единого доложили Хезалю о том, что в окрестных горах нет ни души, он объявил военный совет открытым.

— Я назвал бы это победой, если бы мы не потеряли втрое больше воинов, чем они, — сказал новый командующий. — Конечно, часть убитых они могли унести и с собой, но сути дела это не меняет. И еще: мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на то, что отход неприятеля больше походил на организованное отступление, чем на паническое бегство.

— Вы совершенно правы в этом, капитан, — согласилась Илльяна. Она была бледнее обычного, время от времени по телу ее пробегала непонятная судорога. Голос ее, однако, был тверд, как никогда. — Увидев потери, которые понесло его воинство, властитель демонов приказал им отступить. Не сделай он этого, и нам, скорее всего, не довелось бы собраться на этот совет.

— Мне кажется, что определенная заслуга в этой победе принадлежит и вам, госпожа, не так ли?

Илльяна пожала плечами:

— Простите меня, капитан, но я не могу принять вашу похвалу. Я сделала все, что было в моих силах, и это каким-то образом повлияло на исход битвы, но я тем не менее так и не смогла разбудить сил, дремлющих в Камне. К счастью, этого не удалось сделать и Эремиусу.

Хезаль посмотрел себе под ноги так, словно оттуда вот-вот должны были появиться какие-нибудь адские создания, наподобие виденных им этой ночью. Помолчав с минуту, он поднял глаза на Илльяну и негромко сказал:

— Мне кажется, что сейчас вы сказали неправду. Я почувствовал это по тону.

— Дело в том, что ни вы, ни ваши солдаты не смогут понять некоторых вещей без того, чтобы... — Раина замолчала, почувствовав, как на ее плечо легла тяжелая рука киммерийца. Хезаль перевел взгляд на нее. Теперь этот взгляд был полон подозрений.

— Капитан, — вновь обратилась к нему Илльяна, — сегодня я узнала много такого, чего не могла и предположить. Пока я не пойму всего, не смогу сказать вам ни слова. Но знайте — однажды я раскрою перед вами всю правду. Клянусь Семью Храмами и Мощами Пулака!

— Я думаю, к этому времени демоны успеют навеститься к нам не раз!

— Если мы вернемся на Заставу Земана, этого не произойдет.

— Вы хотите, чтобы мы, подобно трусливым псам, поджали хвосты? Да не бывать этому, пока я командую этой заставой! Не знаю, как к вам относится царь Йалдиз...

— Ты знаешь, как относится к госпоже Илльяне Мишрак. Я полагаю, этого вполне достаточно.

Установилась напряженная тишина. Конан уже стал подумывать о том, чтобы извлечь из ножен свой меч, но тут Хезаль вздохнул и негромко сообщил присутствующим:

— Честно говоря, я и сам подумываю о возвращении в крепость. Вот только не знаю, как к этому отнесутся мои орлы, — не сочтут ли они это проявлением трусости?

Глава восемнадцатая

Раина потрепала Бурана по холке:

— Прекрасный у тебя жеребец, Бора. Да ты и сам вроде ничего...

Бора промолчал. Всего час тому назад он похоронил Кемаля, так и не сумевшего оправиться от полученных в сражении ран. Повезло Кемалю только в одном: он

так и не пришел в сознание, и потому смерть его была безболезненной.

— Спасибо вам, Раина, — наконец сказал Бора. — Но я ехал сюда вовсе не за тем, чтобы вы похвалили моего скакуна и меня. Я ищу Якуба. Он куда-то исчез.

Конан и Раина обменялись взглядами. Ильяне об этом пока говорить не следовало: она и в седле-то держалась лишь благодаря чудовищному усилию воли, новость же, подобная этой, могла вышибить ее не только из седла.

— Я думаю, о нем ты можешь особенно не беспокоиться, — отозвался Конан.

— Да я бы и не думал искать его, если бы не моя сестрица Карайя! Это она о нем беспокоится!

— Пока твоего отца здесь нет, ты являешься главой семьи, Бора, — сказал Конан. — И ты вправе оградить свою сестру от чьих-то там домогательств.

Бора фыркнул:

— Вы плохо знаете Карайю. Язык у нее почище меча Раины будет! — Он несколько посерьезнел и добавил: — Помимо прочего, Якуб пообещал освободить отца. Пока у него ничего не вышло, но кто знает, что будет завтра?

— Какой ты справедливый, Бора! — засмеялась Раина. — Таких, как ты, боги любят!

— И потому ты должен молить богов о том, чтобы они сохраняли тебе жизнь, иначе ты не сможешь отстоять справедливость, мой мальчик. Что до Якуба, то он мог столкнуться и с разведчиками Эремиуса, а это закончилось бы для него чем угодно. Мне кажется, что подобное с ним не могло случиться, но в любом случае поискать его стоит.

— Присоединяйся к нам, — добавила Раина. — Если ты голоден, то у нас есть хлеб и сыр.

Бора отломил кусок сыра и занял место в колонне сразу за Раиной. Конан задумался. Интересно, действительно ли этот самый Якуб приходится Хаджару родным сыном? Если это так, то ждать от него чего-то хорошего особенно не приходится. Лучше будет, если

ни Бора, ни Карайя так и не узнают о том, что он за человек. Конан потряс головой. Пропали он пропадом, этот Якуб. Как будто у него, Конана, других забот нет. Если уж думать, так думать о чем-нибудь приятном — например, о Раине...

Якуб поспешно спрыгнул вниз с невысокой скалы. На этот раз приземлился он совершенно бесшумно. Те, кого он искал, продолжали стоять к нему спиной. Он не стал вынимать из ножен ни меча, ни кинжала, но развел руки в стороны и лишь тогда негромко позвал:

— Слуги владыки!

Разведчики мигом обернулись, схватившись за рукояти своих мечей. Они смотрели на Якуба едва ли не разинув рты от изумления.

Установившееся молчание грозило растянуться на целую вечность. Якуб кашлянул, приглашая разведчиков к разговору, и один из них уже через пару минут изрек:

— Мы служим хозяину. А ты — нет.

— Я ему не служу, но я хочу ему служить!

Вновь установилось молчание. Якуб уже начинал жалеть, что он связался с этими олухами.

— Покажи нам знак! — сказал вдруг один из разведчиков.

Якуб не имел ни малейшего понятия, о каком таком знаке идет речь. На всякий случай он достал из кармана кольцо с печатью своего отца.

Разведчик, попросивший его показать знак, взял кольцо в руку и воззрился на него немигающим взглядом. Не прошло и минуты, как он вернул кольцо Якубу.

— Мы такого знака не знаем.

— Вашему хозяину он знаком.

— Нашего хозяина здесь нет.

— Так давайте пойдем к нему!

— Ты хочешь, чтобы мы отвели тебя к хозяину?

— Разве это воспрещено? — Якуб прекрасно понимал, что кричать на этих идиотов бессмысленно, с ними

следовало говорить так, как говорят с неразумным дитятей.

Разведчики переглянулись и надолго задумались. Через какое-то время они принялись покачивать головами:

— Нет, это не запрещено.

— Тогда молю вас, ради победы вашего хозяина, отведите меня к нему!

Помолчав с минуту, разведчики разом утвердительно кивнули головами и, повернувшись к Якубу спиной, поспешили к выходу из ущелья. Якуб усмехнулся и последовал за ними.

Хезаль вышел из-за стола и принялся расхаживать по залу. За окнами шумела начинавшая приходить в себя толпа селян, собранных со всей округи. Женщины, стоявшие в очереди за водой, то и дело устраивали шумные свары, дети хныкали и пронзительно визжали, собаки лаяли и завывали...

— Хорошо хоть скот их за стеной остался! — пробурчал Хезаль. Он подошел к окну и захлопнул ставни. — Да, демоны, или — как это вы их называете? — да, да, Трансформы, давно бы сожрали их, не приведи мы их в крепость. Но вы должны понять, что это не базар, это самый настоящий стратегический объект! И потому вы должны понять и мое решение. Я решил перевести всех этих людей в Харук. И сделаю я это скоро: мне осталось предупредить парочку гарнизонных командиров. Если эта безумная толпа так и останется здесь, не миновать нам лихорадки и холеры!

— Интересно, как бы отнесся к вашему решению Мутра-Хан? — поинтересовалась Илльяна. — Конечно, по сравнению с капитаном Шамилем вы золото, но мне кажется, что в данном случае вы не совсем правы.

Хезаль нахмурил брови:

— Мне пришлось заглянуть в бумаги Шамиля, из которых тут же стало ясно, что он связался с какими-

то подонками, исполняющими волю Хаумы. Он и сам успел натворить такого, что и смерть от лап Трансформ была для него незаслуженно легкой. Ну да ладно... Что до Мутра-Хана, то узнает он обо всем когда я выполню то, что представляется мне необходимым! Вестника же, который сообщит ему об этом решении, я отправлю не далее как завтра.

Конан рассмеялся:

— На месте туранского царя я отдал бы под твое начало все свое воинство!

— С меня хватает и того, что находится в моем распоряжении сегодня! Чего бы я действительно хотел — так это раздобыть где-нибудь Заянской Морилки или чего-нибудь еще более действенного! Госпожа Илльяна, вы можете сказать мне что-либо определенное по этому поводу?

— Для того чтобы приготовить первую порцию Морилки, мне понадобится два дня, — заговорила Илльяна. — Если порошок выйдет таким, каким он и должен быть, я смогу поручить его изготовление кому-то еще. Лучше всего для этой роли подходит Мариам, племянница Иврама.

— Если я вас правильно понял, то заговариваете вы горшки, а не то, что варится в них? — спросил Хезаль.

— Вы поражаете меня своим умом, — засмеялась Илльяна. — Да, это так. К сожалению, заклинание, с помощью которого изготавливается этот замечательный порошок, почти неизвестно людям. Будь это не так, и чернокнижников в мире было бы намного меньше. Что до вашего вопроса, то я заговариваю горшок, а не варево по той простой причине, что при этом мне не приходится лишний раз прибегать к помощи Камня.

— Может быть, мы и вовсе не станем трогать его? — спросил Конан. У четверки людей, собравшихся в зале, секретов друг от друга не было.

— Тогда Заставе Земана останется надеяться только на доблесть капитана Хезаля и его воинов! — рассмеялась Раина.

— Это мне уже нравится, — оживился Хезаль. — Но сколько времени мы должны будем продержаться?

— После того как с Морилкой будет покончено, один день уйдет на восстановление магических свойств Камня и еще один день — на приготовления и сборы, — ответила Илльяна.

— Скажите мне, что вам понадобится, и я распоряжусь, чтобы все необходимое было приготовлено прямо сейчас! — сказал Хезаль. — Чем раньше вы выйдете, тем с большей вероятностью вы не позволите Эремиусу вернуться в его твердыню! Насколько я понимаю, это тоже имеет немалое значение!

— Вы правы, капитан. Так оно и есть.

— С вами я отправлю десятерых воинов. Именно десятерых — ни больше и ни меньше! Чем меньше отряд, тем труднее его обнаружить. Они проводят вас до самых гор. Иначе вам будет сложно защитить себя.

— Что-то я тебя не понимаю! — изумился ким-мериец.

— Все ты понимаешь, варвар. И даже больше, чем следовало бы.

Хезаль позвонил в колокольчик, лежавший на столе.

Из-за двери послышался женский голос:

— Что вам угодно, капитан?

— Принеси нам кувшин вина и четыре кубка. Потом согреешь воды для бани.

— Как вам будет угодно, капитан.

Только теперь Конан понял, почему голос этот кажется ему таким знакомым. Это был голос Дессы! Он удивленно посмотрел на Хезаля, тот же, широко улынувшись, ответил ему:

— Я унаследовал не только обязанности Шамиля, но и его привилегии.

Бора переложил мешок с углем на левое плечо и постучал в дверь.

— Мариам, это я, Бора! Я принес уголь.

Из-за двери послышались шаги босых ног и лязг отпираемых запоров. Дверь открылась, и на пороге по-

явилась Мариам, одетая в алую ночную рубашку, подпоясанную тонким золотистым пояском. «Как этот цвет идет ей», — подумал вдруг Бора. Он не мог оторвать взгляда от глубокого выреза на груди племянницы Ив-рама.

— Входи же, ну! Поставь мешок у северной стены!

Едва переставляя неожиданно занемевшие ноги, Бора вошел внутрь и оказался в просторном помещении, полы которого были завалены свежавыкрашенной шерстью. Он с трудом нашел узкий проход, ведущий к печи, возле которой лежали груды угля и соли, стояли бесчисленные горшки и котлы. Высыпав уголь на ближайшую к нему кучу, Бора наконец-таки смог выпрямить спину и размять руки.

— И сколько Морилки они хотят сделать? — спросил он. — Если все это пойдет только на нее, то представляю, сколько ее будет!

Мариам улыбнулась:

— Госпожа Илльяна привыкла держать язык за зубами. Одно могу сказать — теперь так просто Заставу Земана не возьмешь!

Она нагнулась к печи и взяла с нее две чаши с вином. На миг Боре открылась ее грудь, отчего внутри у него все похолодело.

— Давай выпьем за твою победу, — сказала она, протягивая ему чашу с вином.

Он принял чашу и заплетающимся от волнения языком произнес:

— Лучше выпьем за мое возвращение...

И тут Мариам обняла его и жарко зашептала ему в ухо:

— Неужели они так глупы, что решили взять тебя с собой?

Бора немного отстранился от нее и прошептал:

— Они совсем не глупы. Просто лучше меня этих мест никто не знает.

Бора опорожнил чашу с вином и почувствовал, что Мариам наполняет ее вновь. Он выпил и вторую чашу и мог бы пить еще и еще, но тут она засмеялась и прошептала:

— Не надо тебе больше пить, милый. Ты ведь еще такой молоденький...

Мариам забрала чашу из его онемевших пальцев и поставила ее на пол. Он почувствовал, как ее тонкие пальцы прикоснулись к его губам, щекам, шее...

Глава девятнадцатая

Горный поток, низвергавшийся с невысокого утеса, падал на плоский камень и разливался вокруг него достаточно глубоким озерцом. Конан удивился тому, что вода из озерца никуда не вытекает, но решил не придавать этому значения: вода нужна была им не для чего-нибудь, но для питья, и указанное обстоятельство никак не влияло на ее пригодность для этого. Он зачерпнул воду рукой и поднес ее к губам.

— Хорошая, чистая вода. Пейте и наполняйте бурдюки и фляги!

— Я думаю, нам стоит и искупаться, — неожиданно предложила Илльяна. Она тут же сбросила с себя сапоги и с видимым удовольствием зашла по щиколотки в воду. — Мы не могли позволить себе этого, пока рядом с нами были солдаты. В обозримом будущем другой такой возможности у нас тоже не будет.

Конан поднял глаза на сверкающие пики Ильбарских гор, среди которых выделялся огромный Повелитель Ветров.

Он чувствовал, что где-то совсем рядом затаился грозный, страшный враг, что с легкостью совладал бы не только с десятком, но и с тысячей воинов. Сержант, командовавший их сопровождением, быстро понял это и не стал возражать, когда ему и его отряду было предложено вернуться в крепость. С той поры прошло уже два дня. Тогда же они решили оставить и коней, которые теперь только мешали им.

— Будь по-вашему, — согласился Конан с Илльяной. — Купаться будем в таком порядке: сначала женщины, затем Бора с Масуфом, ну и наконец я.

Молодые люди встали по разные стороны озерца. Раина разделась первой и, не раздумывая, окунулась в воду с головой.

— О боги! — воскликнула она, вынырнув. — Да она же холодная как лед!

Илльяна засмеялась:

— Неужели ты забыла наши боссонские реки? Это тебе не ванирские бани!

Раина вновь нырнула под воду. Илльяна сбросила с себя платье и подошла к краю озера, но войти в него на сей раз не сумела — ее вдруг окатило таким снопом ледяных брызг, что она с визгом отскочила назад.

— Ты...

— Я ничего не забыла, госпожа. Скорее, это вы забыли!

Илльяна пробормотала в ответ подруге что-то не совсем вежливое и принялась подвязывать свои длинные косы лентой.

Положив меч на колени, Конан наблюдал за женщинами. И ту, и другую можно было назвать красавицами, однако Раина была заметно моложе и, на его взгляд, милее своей госпожи. Но так казалось не всем: Масуф, судя по всему, думал иначе — он смотрел на Илльяну так, что Конану даже становилось как-то не по себе. Бора вел себя достаточно спокойно, и это его спокойствие, скорее всего, было как-то связано с красоткой Мариам, которой мальчик помогал перед их отправлением из крепости.

Илльяна подвязала волосы и стала снимать с руки кольцо с Камнем. Конан протянул руку за ним, но Илльяна, заметив на его ладони свежий порез, неожиданно отстранилась.

— Нет, нет, Конан, этой рукой нельзя. Возьми его другой.

— Да это же просто царапина! Сейчас я промою ее водой и перемотаю чистой тряпицей, только и делов! К тому времени, когда мы окажемся в горах, от нее уже и следа не останется!

— Да я не об этом, — улыбнулась Илльяна. — Рану-то твою я могу и за день вылечить. Дело в другом: на Камень Курага ни в коем случае не должна попасть кровь.

— Он что — дуреет от нее? — пошутил киммериец, пытаясь тем самым скрыть проснувшийся вдруг страх. Илльяна строго посмотрела на него и совершенно серьезно сказала:

— Можно сказать, что он от нее пьянеет. Едва на Камень попадет кровь — управлять им станет почти невозможно. И еще: считается, что в воде окровавленный Камень Курага полностью выходит из-под контроля.

Конан пожал плечами и, взяв кольцо с Камнем в правую руку, опустил его в дорожную сумку. Ему хотелось спросить Илльяну о том, как та собирается оградить Камень от крови в грядущем сражении с Трансформами Эремиуса, но что-то помешало ему задать этот вопрос вслух.

Это «что-то» было телом Илльяны, оказавшимся слишком близко к нему для того, чтобы его могло интересовать что-либо иное. Он поднялся на ноги и принялся расхаживать по берегу озерца, пытаясь совладать с собой. Илльяна тем временем нырнула в озерцо и поплыла к дальнему его берегу, у которого плескалась Раина.

Едва вожеление оставило Конана, его посетила донельзя странная мысль. Если Камни Курага живые, если они обладают собственной волей, то не могут ли они в обмен на послушание Илльяны одаривать ее и магическими талантами, и любовью?

Мысль эта мгновенно испортила ему настроение.

— Не надо идти за мной. Бегите! — закричал Якуб.

Дюжина здоровенных мужчин послушно вняла его приказу. За прошедшие два дня они научились многому. Прежде капитаны и сержанты воинства Эремиуса ничем не отличались от находившихся в их подчинении солдат. И положение это стало исправляться только с его, Якуба, приходом. Он должен был научить уму-разуму двенадцать человек, а те, в свою очередь, должны были взять себе по шесть учеников, каждому из которых в свое время следовало воспитать еще шестерых. За два

месяца военную подготовку должны были пройти все люди Эремиуса, что превратило бы воинство мага в достаточно грозную силу.

Лишь бы ему научить их стрельбе из лука! Якубу вспомнился его недавний разговор с Эремиусом. Тот был немало поражен, когда увидел перед собой человека, предложившего ему сделать из его людей настоящих воинов, однако тут же согласился с его предложением.

— И еще, Мастер, ваших людей надо обязательно выучить стрельбе из лука! В горах один лучник стоит трех пехотинцев!

— Мы не собираемся сидеть здесь вечно.

— На равнине лучник приравнивается к всаднику!

— Ни один всадник не посмеет приблизиться к Трансформе!

— Может быть, вы правы. Но в случае отступления арьергард может...

— Отступлений больше не будет!

— Вы, вы... Такая уверенность делает вам честь, Мастер!

— Да, я уверен в этом. Ты принес мне свои знания — и я доволен этим. Ты принес с собою и новости — и я рад этому. Близок тот час, когда Камни Курага вновь будут вместе!

Эремиус повернулся к Якубу спиной, давая тому понять, что разговор окончен. Не желая раздражать мага, Якуб почел за лучшее исчезнуть.

До сей поры Якуб не мог понять, почему Эремиус так не любит стрелять из лука. Может быть, он боится, что подвластные ему люди в один прекрасный день перестреляют всех Трансформ из луков? Но ведь он давно превратил этих людей в круглых идиотов, которые о бунте не смогут и помыслить.

Может быть, Эремиус просто потерял интерес к проблемам такого рода? Если хотя бы половина рассказов его о Камнях Курага соответствует истине, то в этом нет ничего удивительного... Якуб улыбнулся. На этом он и поймает Эремиуса.

Он обернулся и посмотрел на бегущих людей. Теперь они уже не выбивались из сил так быстро, хотя бежали

с приличной скоростью. Он резко остановился и, развернувшись к ним лицом, достал из-за пояса палку. Преследователи его сделали то же самое и через минуту взяли его в кольцо. Якуб сделал несколько выпадов, пытаясь разогнать их, но тут же получил удар в колено и пах.

В следующий раз нужно будет надеть на себя что-нибудь плотное. С этими скотами так просто уже не сладишь.

И тут он получил сильнейший удар в спину, сбивший его с ног. Лицо его исказилось гневом — чего доброго, эти идиоты его и пришибут ни за что ни про что!

Но тут Якуб увидел, что люди, только что едва не лишившие его жизни, улыбаются.

— Мы сделали все так, как вы нас учили, — сказал один из них. — Пока вы сражались с нашими главными силами, резерв зашел к вам с тыла. Верно?

— Вы просто молодцы, — пробормотал Якуб, похлопав обратившегося к нему воина по плечу. — Теперь мы перейдем к заключительной части занятий.

— Конан, как ты думаешь, что сейчас делает Десса? — дрожащим голосом спросил Масуф.

Конан пожал плечами и промолчал. Он хорошо представлял, чем наполнены ныне дни и ночи невесты Масуфа, однако считал, что говорить об этом самому Масуфу не стоит. Конану же судьба недавней рабыни была безразлична или, вернее, почти безразлична.

Киммериец не был суеверным, однако с какого-то времени он стал считать, что в бою погибают прежде всего те, чьи мысли заняты другими людьми, в особенности женщинами.

— Ты знаешь, Масуф, в Аграпуре у меня есть одна хорошая знакомая, которую близко знает и наш друг Хезаль. Если нам удастся перевезти Дессу к ней (кстати говоря, зовут эту женщину Пилой), то она, Пила, из нее за месяц человека сделает!

Конан повернулся к озеру и увидел, что камень, на котором он недавно сидел, забрызган водой. Потрясло

же его совсем не это, — нет, потрясло его то, что обе женщины куда-то исчезли!

Либо они решили сыграть с ним какую-то дурацкую шутку, либо...

Конан все еще стоял на берегу озера, когда вдруг на поверхности его появилась Илльяна. Она плыла прямо к нему.

Он сразу почувствовал, что происходит что-то неладное, но тут она выскочила из воды и, бросившись к нему в объятия, поцеловала его в губы. Киммериец ответил ей поцелуем и прижал к себе ее нагое, мокрое, прекрасное тело...

— Нет... — еле слышно простонала Илльяна и отступила назад, совершенно забыв о том, что стоит на самой кромке берега. Она повалилась на спину, подняв снопы брызг, но тут же встала на ноги и, кашляя, направилась к берегу.

Конан помог ей выйти на берег, стараясь касаться только ее рук. Теперь, однако, в этом уже не было необходимости: Илльяна и сама старалась держаться подальше от него.

— Это «нет» не будет вечным. Воля богов... Камни... Мы не можем быть вместе только сейчас. — Голос Илльяны дрожал, глаза же ее казались стеклянными. Конан перевел дух и на всякий случай стал смотреть в сторону.

С Раиной он смог поговорить только после того, как искупался в горном озере и сам.

— Раина, или я совсем тронулся, или твоя госпожа захотела, чтобы я возжелал ее.

— Захотела? — хрипло засмеявшись, ответила ему Раина. — По-моему, своего она добилась!

— Ну и что с того? — удивился Конан. — Это ведь не значит, что я после этого обязан переспать с ней?

— Разве?

— Да я лучше украду корону царя Йалдиза! Дело это, конечно, будет не столь приятным, но, с другой стороны, и не столь опасным!

Раина довольно захихикала и отправилась к своей госпоже. Конан проводил ее взглядом и сокрушенно

покачал головой. Глаза и голос Илльяны никак не шли у него из головы. Более же всего его мучило то, что она сказала о Камнях Курага.

Глава двадцатая

Они подошли к Долине Демонов за несколько часов до вечерних сумерек. Конан решил дожидаться вечера вне ее пределов.

— До наступления темноты нам там делать нечего. Лучше уж найти какое-нибудь укромное местечко да пару часов поспать!

— Тем более что в этой жизни спать нам уже не придется! — мрачно заметил Масуф.

Конан покачал головой. Масуф явно искал смерти. Переубедить его было не просто, но имело смысл внушить ему хотя бы ту простую мысль, что без него, Масуфа, спутникам его будет ох как трудно...

Бора уже через несколько минут привел их к месту, подходившему им как нельзя лучше: здесь был и родник, и небольшая пещера с двумя выходами.

— Бора, если ты решишь вступить в ряды славного туранского воинства, я буду ходатайствовать о том, чтобы тебе с самого начала службы было пожаловано звание капитана! — восхищенно пробормотал Конан.

— Капитан Конан, вы не первый, кто говорит мне об этом! — спокойно сказал мальчик. — Но я не склонен думать об этом сейчас. Прежде всего я должен выручить своего отца. Затем — отстроить родную деревню. О том, что будет потом, сейчас говорить бессмысленно.

Конан удивленно переглянулся с женщинами. Оптимизм Боры казался сейчас таким же неуместным, как и пессимизм Масуфа, правда, слушать мальчика было куда приятнее..

По долине полз серебристо-серый туман. Конан подполз к краю скалы и, заглянув вниз, прошептал:

— Если эта дорога — лучшая из всех, то упасите меня, боги, увидеть худшую!

— Я не бог, и горы эти созданы не мной, — зашептал Бора в ответ. — Или мы идем этой дорогой, или не идем вовсе!

— Ох, Бора, не жалеешь ты нас! — засмеялась Раина. На какое-то время настроение у всех улучшилось.

— Ты сможешь здесь спуститься? — спрашивал Конан у каждого из спутников, прежде чем начать спуск. — А как насчет того, чтобы подняться по этому же склону? — Вопрос этот не был задан одному лишь Боре, который вправе был спросить о том же и у самого Конана.

Илльяна и Раина ответили на вопрос кивком головы, Масуф же, заглянув вниз, отполз подальше от края скалы и ответил уверенным «нет».

— Ты понимаешь, что нести тебя на себе мы не сможем? — спросил у него Конан.

— Конечно, конечно! — заволновался Масуф. — Но, может быть, в том, что я останусь наверху, все-таки есть смысл? В конце концов, отсюда я смогу вас прикрывать!

— Боюсь, что отсюда ты нас не то что прикрыть, но даже и увидеть не сможешь! Идти-то нам придется едва ли не до самого дна долины! — усмехнулся Бора.

— Так оно и есть, — утвердительно кивнула Илльяна. — Для того чтобы мои чары сработали, мы должны свести Камни как можно ближе друг к другу!

— Мы уже слышали об этом, — буркнул Конан. — Именно поэтому мы и лезем в эту чертову дыру.

Илльяна на самом деле едва ли не ежечасно говорила своим спутникам о том, что она уже не может бороться с Эремиусом на расстоянии. Ей нужно было приблизиться к нему, иначе все ее попытки бороться с ним обернулись бы пустой тратой сил волшебницы и ее Камня и, как следствие этого, потерей мистической защиты от чар Эремиуса.

— Помимо прочего, Эремиус может напустить на нас и своих Трансформ, управлять которыми он может и без Камня. Мне же без Камня не обойтись.

— Хотелось бы знать, за кого ты нас держишь? Неужели мы не сможем защитить себя и сами, безо всей этой чертовщины? — неожиданно взорвался Конан.

— Только на вас я теперь и надеюсь, — без всякого энтузиазма отозвалась Илльяна.

Спуститься с утеса удалось даже Масуфу. Шуму при этом друзья наделали столько, что впору было проснуться и страже, выставленной где-нибудь в Стигии. Дозорные Долины Демонов, однако, не повели и ухом.

— Может быть, Эремиус решил дать своим людям отдых на то время, пока он будет лечить Трансформ? — озадаченно прошептала Илльяна.

— Вряд ли, — так же шепотом ответил ей Конан. — Скорее всего, он просто сократил число постов. Думаю, с людьми его мы встретимся совсем скоро.

Дальше они шли молча. Туман сгустился, и они с трудом различали в темноте друг друга. О том, чтобы стрелять в кого-то из лука, теперь не могло идти и речи.

— Тссс! — зашипел шедший первым Бора. — Там кто-то стоит!

Не успел Конан сказать и слова, как раздался свист раскручиваемой пращи, глухой удар и далекий стук.

— Это... — зашептал было Бора, — это...

— Стра-а-а-жа! — раздалось вдруг слева. — Подъем, стража!

Конан негромко выругался. Чего он не любил, так это сражаться в тумане, когда чужих нельзя отличить от своих, а своих от чужих.

На них бежало шестеро воинов, вооруженных пиками и мечами. Конан и Раина приняли эту атаку на себя, разом решив, что Илльяне сейчас сражаться не стоит.

Без особого труда Конан прикончил двух воинов и с удивлением обнаружил, что врагов, желавших сразиться с ним, больше нет. И действительно, враг, явно не ожидавший такого сопротивления, позорно бежал, — об этом свидетельствовал быстро удалявшийся топот ног.

Вновь стало тихо.

— Я одного прикончила, — прошептала Раина. — Еще одного поразил камнем Бора. Слушай, Бора, ты не научишь меня пользоваться пращей?

— Поживем — увидим, — отозвался мальчик. — А как дела у Масуфа?

Последний ошарашенно смотрел на окровавленное копье, не зная, радоваться ему или скорбеть. В любом случае чувства эти были уместнее и благороднее недавнего его отчаяния....

— Идем назад! — приказал Конан.

— Трансформ Эремиус еще не поднимал, — тихо сказала Илльяна, явно не согласная с решением киммерийца. Кольцо с Камнем она прикрывала ладонью.

— Теперь это может произойти в любую минуту, — сказал Конан. — Чего мне не хотелось бы, так это попасть в окружение.

Едва он произнес эти слова, как все вокруг озарилось ослепительным изумрудным сиянием. Еще через мгновение туман чудесным образом испарился.

Взглядам друзей открылась залитая зеленым светом долина, с северного склона которой на них шло воинство, состоявшее из полусотни Трансформ.

— К нам идет Эремиус! — взвизгнула вдруг Илльяна.

— Сейчас мы его поприветствуем! — прорычал Конан, снимая с плеча свой тугой лук. — Прекратите болтовню — пришло время заняться делом!

Расстояние меж ними и Трансформами было небольшим, но промахнуться мимо столь крупных целей было достаточно сложно. Стрелы, полетевшие из луков Раины, Конана, Илльяны и Масуфа, одна за другой вонзались в дородные тела их страшных противников.

Вонзались, но не причиняли вреда. Конан заметил, что с флангов Трансформ поддерживают люди. Он стал вести огонь по ним и за одну минуту уложил четверых. Колчан его к тому времени был уже практически пуст.

Трансформы надвигались на них чудовищной, неотвратимой волной. Илльяна закатала рукава и принялась творить заклинания. Свет, излучаемый ее Камнем, был настолько ярким, что Конан на мгновение ослеп.

Когда зрение вернулось к нему, он увидел, что Трансформы уже не наступают на них: сбившись в стаю, они принялись жалобно завывать, то и дело всплескивая передними конечностями.

— Я обратила наш страх против них! Теперь они боятся нас — воскликнула Илльяна. — Но я и сама не понимаю, как это у меня вышло!

— Ты вот что сделай! — прокричал ей Конан. — Пусть они побегают кругом, пока у них ноги не откажут!

Раина послала две свои последние стрелы в неподвижную цель. Одна из ее стрел угодила прямо в глаз Трансформе, издавшей такой ужасный крик, что у Конана мурашки пошли по коже.

Изумрудный свет несколько померк. Источник его находился где-то за спинами Трансформ, и располагался он, скорее всего, в руках самого Эремиуса.

— Отходим назад! Сейчас они нападут на нас! — закричала Илльяна и понеслась с грациозностью оленихи вверх по склону.

В тот же миг Трансформы пришли в себя.

Конан бежал вверх, морщась от невыносимой вони и думая о том, какой смерти достоин Эремиус, породивший все это гнусное воинство. Он увидел двух Трансформ, бегущих ему наперерез. Уйти от них он уже не мог.

Первая Трансформа остановилась всего в паре шагов от него. Не дожидаясь нападения, киммериец бросился на нее с кинжалом наперевес и сильным ударом рассек ее лицо. Чудище захрипело и повалилось на землю, размахивая своими страшными лапами. Конан ударил еще раз — на сей раз удар пришелся в живот Трансформы.

За спиной его раздался топот второго чудовища. Конан перепрыгнул через поверженное тело и, отбежав далеко в сторону, оглянулся. Вторая Трансформа стояла на коленях рядом с первой. Она пыталась заткнуть ей рану, из которой фонтаном била кровь.

Спутников своих Конан сумел нагнать только через несколько минут. Бежавший рядом с ним Бора прокричал ему:

— Где-то здесь у них пещера! Здесь и вонь сильнее всего!

— Значит, и хозяева дома! — отозвался Конан. — Представляешь, какой они нам прием устроят! Наверное, и на обед пригласят!

— Так мы же и есть их обед! — засмеялся Масуф, бежавший немного в стороне.

— Вон она! — закричал Бора, указывая рукой на темный провал по правую руку от них. Конан не успел толком рассмотреть его, как вдруг изумрудный свет вновь вспыхнул с такой силой, что он почти перестал видеть. То, что он увидел потом, выглядело на удивление странно и страшно. Масуф неожиданно засветился изумрудным светом и понесся прямо на бегущих за ним Трансформ, в ужасе отхлынувших от склона. Настигнув одну из Трансформ, Масуф легко, словно цыпленку, свернул ей шею, но тут — тут сила его ослабла, свет, излучаемый его телом, померк, сам же он стал прежним несчастным Масуфом... В следующее мгновение его уже рвали на части лапы и пасти Трансформ.

«За все это время Масуф не издал ни звука», — подумалось вдруг Конану.

— Конан! Конан, скорее сюда! — послышался из пещеры голос Бора.

Конан в два прыжка добрался до входа в пещеру, возле которого стояла босая Илльяна, зачем-то державшая в руках свои сапожки. Раина тоже была здесь, она закладывала вход в пещеру камнями.

— Зачем ты убила Масуфа? — проревел Конан.

— Я не понимаю тебя, Конан.

— Я спрашиваю, зачем ты убила Масуфа?

— Конан, поверь мне, не я убила его. Если я что-то и сказала ему, то это не имеет никакого значения!

— Если это сделала не ты, значит, в смерти его повинны эти проклятые Камни!

Илльяна охнула и неожиданно бросилась на грудь Конану.

— Прощу тебя, не надо! Поверь, я не желала Масуфу зла! Он пришел сюда за смертью, и он нашел ее!

С этим спорить было невозможно, да и времени на споры уже не было. Трансформы были совсем близко, некоторые из них все еще жевали плоть Масуфа...

Илльяна спокойно взирала на чудищ.

— Ну что ж, теперь оборону будете держать вы, а я займусь делом!

— И сколько времени тебе на это самое дело понадобится? — спросил Конан.

Илльяна сняла с себя тунику и стала размахивать ею над головой.

— Смотри, Эремиус! — закричала она. — Смотри, но знай: твоим это тело не будет!

— Сколько времени тебе понадобится, Илльяна? — крикнул Конан. — Или ты уже не слышишь меня?

— И понятия не имею! — фыркала Илльяна и поспешила в глубь пещеры.

Глава двадцать первая

Конан заложил входное отверстие еще одним камнем, поднять который вряд ли смогли бы и Трансформы. После этого он отступил назад, стряхнул пыль с ладоней и решил немного передохнуть.

От Камня Курага света было столько, что ему даже приходилось жмуриться. Илльяна, на руку которой было надето кольцо с Камнем, стояла шагах в сорока от него, она произносила заклинание на неведомом Конану языке. Теперь, когда началась ее дуэль с Эремиусом, этого мира для волшебницы уже не существовало.

Конан хотел было подойти к Раине, стоявшей неподалеку, но тут прямо перед его лицом просвистел увесистый камень. Конан вздрогнул и с изумлением воззрился на Бору.

Мальчик улыбнулся:

— Не заслоняй проход, не ровен час, враг появится.

— Ты бы хоть предупредил...

— Капитан, на это у меня может не быть времени. Вы бы сами вели себя поосторожнее!

Конан рассмеялся. Мальчик был прав.

— Бора, ты лучше не спеши со вступлением в армию. Я и глазом моргнуть не успею, как ты командовать мною станешь!

— Да что вы, капитан! Горца они ни за что в командиры не определяют! — серьезно ответил Бора.

Они бы говорили еще долго, но тут раздался истошный крик Раины:

— Трансформы! Трансформы!

Эремиус чувствовал, что пот течет по нему ручьями. Суставы заныли с новой силой, но он совладал с болью и смог устоять на ногах. Почти все его оккультные силы были направлены на то, чтобы бороться с Илльяной. По-настоящему управлять Трансформами он уже не мог: достаточно было тем получить ранение или чего-то испугаться, как они тут же выходили из-под его контроля.

Происходило что-то по-настоящему странное. Неужели за эти десять лет Илльяна смогла стать настолько сильной? Нет, нет — этого быть просто не могло! К этому у нее никогда не было задатков!

Эремиус попытался ослабить боль в суставах концентрацией на силе, излучаемой Камнем. Это позволило ему выпрямиться и приступить к очередному заклинанию.

Он не дошел даже до его середины, как боль вспыхнула с новой силой. И только тогда Эремиус неожиданно понял то, чего ему не удавалось понять все эти годы, — он понял, почему ему не дано было победить Илльяну. С ним боролась не только она — с ним боролся и ее Камень, и причина у столь прочного союза могла быть только одна.

Впервые за много лет Эремиусу стало по-настоящему страшно.

Казалось, что бою этому конца не будет никогда. От напряжения и усталости у Конана и Раины уже начинало сводить мышцы, а Трансформы все шли и шли нескончаемым потоком.

Конан отер пот со лба и чертыхнулся. В узком проходе появились еще две Трансформы. Одна из них — та, из груди которой торчала стрела, — принялась крушить баррикаду, сложенную Раиной и Конаном. Чудische

ринулось на нее, и в тот же миг баррикада с грохотом обрушилась, подняв тяжелые клубы пыли.

И тут — тут погруженная в мистический транс Ильяна взлетела и легко коснулась рукой одной из Трансформ. В лицо Конану пахло смрадом и жаром, от Трансформы же остались только обугленные кости, от которых поднимался дымок.

Киммериец вспомнил вдруг, что за миг до того, как Ильяна взлетела, чудовище вцепилось своими страшными зубами ей в плечо. Он посмотрел на плечи Ильяны и почувствовал что-то сродни ужасу: на нежных белых плечах ее не было ни царапины!

Ильяна улыбнулась, словно прочитав его мысли.

— Сама я так не умею. Камни... — Конец последней фразы понять было невозможно. Ильяна внезапно посурела и добавила: — Делать так часто я вряд ли смогу. И все же поддержать вашу атаку я сумею.

— Атаку? — изумился Конан.

— Чему ты удивляешься? Эремиус совсем недалеко. Если мы с Борой прикроем вас с тыла, вы сможете убить Эремиуса и забрать у него Камень. И тогда победа наша будет полной!

— О чем ты говоришь? Какая победа? Ты только посмотри на наши клинки — ими уже и масла не разрежешь!

Ильяна посмотрела на меч так, словно никогда прежде не видела оружия. Взор ее на миг затуманился, она развела руки в стороны, коснувшись кончиками пальцев клинков своих спутников, и застыла.

На глазах у изумленных Конана и Раины клинки их распрямились, лишившись при этом не только покрывавших их в изобилии зазубрин, но и царапин! Конан потрогал лезвие пальцем и поразился еще больше: таким острым оно не было еще никогда!

Эремиус мучительно силился понять, что же происходит в пещере. Трансформы не должны были гибнуть так быстро даже в том случае, если для борьбы с ними использовалась энергия Камня.

Теперь ему уже нужно было спасать самого себя — о чем-то ином до лучших времен можно было и не мечтать.

Киммериец и его спутница вышли из пещеры и направились в его сторону. Трансформы, тут же сообразившие, что враг нападает только на тех, кто оказывается у него на пути, стали с визгом разбегаться в стороны. Люди ступали важно, как боги...

Эремиус сорвал кольцо с Камнем с руки и бросил его наземь. Раздался мелодичный звон. Вместо того чтобы тут же затихнуть, он с каждым мгновением звучал все громче и громче.

Волшебник прижал ладони к ушам, дабы странный этот звон не помешал его концентрации. Если ему повезет — он разом покончит со всеми своими врагами, если нет — он разом потеряет все.

Конан и не предполагал, что способен бегать так быстро. Теперь он боялся только одного: того, что не сможет совладать с собственными ногами, что несли его по дну долины, туда, где стоял над своим Камнем зажавший руками уши Эремиус.

Теперь от мага киммерийца отделяло всего несколько десятков шагов. Конан преодолел примерно половину этого расстояния, когда вдруг кольцо с Камнем взлетело в воздух. Но теперь оно уже не светилось, нет — теперь оно пело!

Заунывное, протяжное его пение вызывало в сознании Конана престранные образы. Сначала он увидел себя в объятиях грудастой киммерийской бабы. Это видение тут же сменилось другим: в свете того же очага ему виделись лица чумазных темноволосых сорванцов, как две капли воды похожих на него самого. Он учил их чему-то очень важному. Еще через миг он увидел себя уже седовласым, вершащим справедливый суд над теми, кто нарушил закон его деревни...

Все это могло принадлежать ему — для этого ему было достаточно встать к Камню спиной, забыть о Камне... об Эремиусе...

Конан замедлил шаги. Он предавал родную Киммерию, и от этого сердце его наполнялось смертной тоскою, неведомой ему прежде...

В сознание его вихрем ворвалась еще одна песнь — песнь триумфа, которую пел Камень Илльяны. Новые образы окружили пред ним. Он видел себя предводителем огромного воинства, под ним был норовистый иранистанский жеребец, огромные северные звезды немо взирали на него... И еще видел он развалины древнего города, затерянного в пустынях, и гордых прекрасных амазонок, ищущих его любви...

Конан усилием воли изгнал из своего сознания все эти образы, заставив замолчать оба Камня. Они, а вместе с ними и их хозяева хотели подкупить его. Но этого не удавалось еще никому, — он, Конан-киммериец, поступал так, как подсказывали ему долг и совесть — иных советчиков у него не было.

Убивать создателя Трансформ Конан не собирался — такая смерть была бы для того не наказанием, но наградой. Конан поступил иначе. Он нанизал кольцо с Камнем на меч и поднял меч так, что кольцо съехало к рукояти.

Эремиус упал наземь, спрятав лицо в ладонях. Конан бросил на него взгляд, полный презрения, и, подняв меч над головой, побежал назад.

Глава двадцать вторая

Они прошли уже полпути, когда вдруг Илльяна упала, лишившись чувств. Конан приложил ухо к ее губам и почувствовал ее дыхание. Передав кольцо с Камнем Раине, которая тут же надела его себе на левую руку, он взвалил тело волшебницы себе на плечи и дальше уже поднимался вместе с нею.

— Капитан, позвольте мне пойти вперед и поискать путь попроще, — обратился к нему Бора. — Боюсь, что так вам этот подъем не осилить!

Откуда-то снизу слышались дикие, нечеловеческие крики, полные боли и ужаса. В следующее мгновение их уже заглушил кошмарный рев Трансформ.

— Что это было? — дрожащим голосом спросил Бора.

— Я думаю, об Эремиусе мы больше не услышим, — отозвался Конан. — Готов биться об заклад, что им позавтракали его собственные воины, то бишь Трансформы.

Бора поежился.

— Пращу свою далеко не убирай, — добавил Конан. — Луков у нас теперь уже нет.

— Да и мечи наши уже не те, что прежде, — задумчиво пробормотала Раина.

Конан удивленно посмотрел на нее:

— Что ты хочешь этим сказать?

— После всего того, что я за эти дни увидела, меня даже от ее волшебства тошнит! О Камнях же этих я и говорить не хочу!

Они выбрались на гребень и дальше шли уже по тропе. Преследовать их никто не пытался. Камни же, похоже, спали, ибо утомиться они должны были ничуть не меньше своей новой владелицы.

К тому времени, когда им стал виден Повелитель Ветров, Илльяна оправилась уже настолько, что могла идти и сама. Как и прежде, она была совершенно раздета, но теперь чувствовалось, что ночная прохлада ей уже не безразлична, — ее била крупная дрожь.

Бора понял, что для согрева Илльяне нужна обычная человеческая одежда, и протянул ей свою куртку. Она закуталась в нее и, гордо подняв голову, изрекла:

— Мы благодарны тебе, мальчик.

Конан нахмурился и хотел было ответить на слова волшебницы грубой шуткой, однако в последний момент решил почему-то от нее воздержаться. Дальше они шли молча.

Бора шел, поражаясь про себя выносливости и стойкости своих спутников. Киммерийцу и Раине пришлось выдержать многочасовую схватку с Трансформами, Илльяне же все это время приходилось бороться с Эремиусом, что наверняка было ничуть не проще, —

сейчас же все они шли как ни в чем не бывало по крутым горным тропам, не отставая от него ни на шаг.

На рассвете они уже находились неподалеку от того места, где были оставлены снаряжение и провиант. Конан внезапно поднял руку в предупредительном жесте.

— Всем спрятаться! Для начала я схожу туда в одиночку! — сказал киммериец так тихо, будто кто-то мог его подслушивать.

— Нам хотелось бы знать... — начала Иллъяна, но Конан, нахмурившись, перебил ее:

— Всею свое время. Тебе придется немного подождать.

Раина и Конан обменялись взглядами. Раина легонько толкнула свою госпожу в спину и повела ее к кустикам, росшим неподалеку.

Бора последовал за ними.

Отсутствовал Конан совсем недолго. Вернулся он так же бесшумно, как и ушел, что для человека его размеров было совсем не просто.

— Там сидят шестеро воинов Эремиуса. Вооружены они пиками и мечами — луков, похоже, нет. Думаю, что серьезной опасности они не представляют.

— Вам бы только убивать! — фыркнула Иллъяна.

Конан посмотрел на нее выразительно, но уже без прежнего удивления.

— Лучше скажи мне, госпожа, неужели ты собираешься появиться в крепости в таком виде?

— В крепости? Что нам делать в крепости?

— Клянусь бородой Эрлика! Да как...

— Не богохульствуйте.

Даже заговори Иллъяна по-стигийски, Конан не удивился бы больше.

Нахмурилась на сей раз и Раина.

— Прости нас, госпожа, — сказала она. — Мы думаем только о вашем здоровье!

— Очень мило с вашей стороны. Мы подумаем о вашем предложении.

Иллъяна посмотрела в глаза Конану и едва заметно кивнула головой.

Она вела себя так, словно была королевой. Королевой, рядом с которой был и ее Избранник — ее Камень.

Не Камни — Камень!

Бора почесал голову и стал собирать в сумку голыши, готовясь к новому сражению.

Как Конан и ожидал, настоящего сопротивления противник оказать им не смог.

Не прошло и минуты, как повержены были пять воинов из шести.

Бора перевел взгляд на шестого, последнего воина и застыл от изумления:

— Якуб?!

Киммериец резко обернулся и изготовился ко встрече с противником.

— Доброе утро, Конан! — насмешливо приветствовал его Якуб. — Я не успел выучить этих людей всему тому, что знаю сам. Но отомстить за них я смогу!

— Ты уверен в этом? — спросил Конан, возвращая свой меч в ножны. — Мне кажется, что нам лучше разойтись миром. Я слишком уважаю твоего отца, чтобы убивать тебя. Будем считать, что ссоры между нами не было.

— А как же мои люди?

— Твои люди? — презрительно усмехнулся Конан. — Эти создания скорее похожи на цепных псов! Кто они тебе, Якуб?

— Оскорбляя их, ты оскорбляешь меня!

— Ах ты, дерьмо поганое...

Бора стал снимать с пояса пращу, но тут же ему на плечо легла рука Раины. Другой рукой она выхватила у него пращу и спрятала ее за спину.

— Ты что? — возмутился мальчик. — Неужели ты на его стороне?

— Не позорь Конана, Бора. Якуб...

— Якуб обесчестил мою сестру! Он обесчестил весь наш род!

— Ты сможешь биться с ним один на один?

— Конечно нет! — пожал плечами мальчик. — Он меня тут же нашинкует дольками.

— Вот и не лезь в это дело. У Конана с Якубом свои счеты. Якуб — сын капитана Хаджара. Если в Аграпуре узнают о том, что мы видели его здесь, предателем объявят и самого Хаджара, что, несомненно, бросит тень и на Конана. Конан должен убить его хотя бы для того, чтобы спасти доброе имя своего командира.

— Ну а если поединок выиграет не он, а Якуб?

— Тогда его вызову я. Убирай свою пращу — иначе я ее на куски изрублю!

Бора рассвирепел и прошипел с неожиданной злобой:

— Шла бы ты, проститутка боссонская, в...

Звонкая пощечина вывела дуэлянтов из задумчивости. Поединок начался.

Впоследствии Бора признавался, что он хотел воспользоваться пращей не для того, чтобы защитить Конана, но потому, что он считал своим долгом отомстить человеку, запятнавшему честь его семьи.

О Конане в эту минуту он особенно не думал, хотя тому после ночи, проведенной в долине, было явно не до поединков. Якуб же, в отличие от него, в это утро был в прекрасной форме, что не просто уравнивало шансы противников, но даже обеспечивало ему, Якубу, известное преимущество, ибо фехтовал он ничуть не хуже Конана.

Поединок длился уже несколько минут, когда Илльяна наконец соблаговолила взглянуть на дерущихся. Она тут же состроила гримаску и, отвернувшись, принялась рыться в сумках, доверху набитых ее нарядами. И тут поединок принял неожиданный оборот. Конан внезапно открылся, что могло стоить ему жизни, и, едва не выронив меч из руки, попытался поднырнуть под удар Якуба, направленный ему в голову. Этот маневр, чуть не стоивший киммерийцу жизни, закончился для него удачно: теперь он стоял так близко к своему противнику, что тот при всем своем желании не смог бы воспользоваться против него мечом. Якуб

хотел было отскочить назад, но Конан ловко подсек его, выбив при этом из его руки оружие. Рука Якуба потянулась было за кинжалом, но киммериец тут же наступил на запястье врага, одновременно приставив меч к его горлу.

— Якуб, я понимаю, что ты остался в долгу у этих людей. Но должник не только ты, должник и я, — только я должен не им, а твоему отцу. Возвращайся к нему и уходи вместе с ним в такую страну, где вас никто не знает.

— До такого поста, как сейчас, он уже никогда не дослужится, — прохрипел Якуб. — Ты слишком многого хочешь!

— Ты так считаешь? — тихо спросил Конан. Несмотря на утреннюю прохладу, пот тек по его лицу ручьями. Бора заметил вдруг, что киммериец серьезно ранен в левое плечо.

Якуб открыл рот и хотел ответить Конану, но вдруг тело его засияло зеленым светом. Якуб завопил и выгнулся дугой.

Через мгновение тело его опало. Оно уже не светилось, изо рта же его сочилась струйка алой крови.

Бора развернулся, мысленно приготовившись к тому, что сейчас он встретится лицом к лицу с чем-то ужасным.

И каково же было его удивление, когда он увидел перед собой не монстра, но царственно восседающую на одеялах Илльяну. В руке она держала поблескивающий изумрудным светом Камень Курага.

Конан знал, что Илльяна объявила им войну. Точнее, не сама Илльяна, но Илльяна и Камни. Понять это было не просто, особенно после всего того, что им довелось пережить, сражаясь на одной стороне.

— Раина, дай-ка мне второй Камень, — обратилась волшебница к своей служанке. — Пришло время соединить их воедино.

Раина посмотрела на кольцо, надетое на ее руку, так, словно видела его впервые. Она сняла его и стала с интересом рассматривать зеленоватый камень, чем-то похожий на изумруд.

Конан стоял совершенно недвижно, боясь выдать себя неосторожным движением или словом. Он не знал, какими именно силами должны были одарить Иллъяну, а вместе с нею и мир Камни Курага, но это его и не интересовало. Он твердо знал только одно: если он не сможет уничтожить их сейчас, то не сделает этого никогда.

И тут у Раины не выдержали нервы — она швырнула кольцо вверх, надеясь на то, что, упав на скалы, Камень Курага непременно разобьется. Конан сделал немислимый прыжок и успел подхватить кольцо прежде, чем оно упало на камни.

Теперь нельзя было терять ни минуты. Он смочил Камень кровью из раны и тут же швырнул его в ручей, шумевший в паре десятков шагов от того места, где он стоял сейчас.

Все произошло настолько быстро, что Иллъяна не только не смогла помешать ему, но даже и не попыталась этого сделать.

Он вынул меч из ножен. Против той силы, которая стояла за Сокровищем Курага, бороться с мечом в руках было по меньшей мере нелепо. Но он понимал это и сам. Единственное, чего он теперь хотел, — так это достойно встретить смерть.

Конан почувствовал, что он погружается во что-то странно тягучее и холодное, в ледяной мед, сковывающий его движения и проникающий внутрь, обжигая холодом сердце...

Где-то совсем рядом хрипела Раина.

Ему вдруг захотелось лечь на землю. Он ляжет и немного полежит; Раина же — эта подлая, коварная предательница Раина — превратится в жалкую ледышку, а затем и вовсе сгинет. И тогда место Раины займет прекрасная мудрая Иллъяна — страстная, любвеобильная Иллъяна... От него не требуется ровным счетом ничего, — ничего, кроме одного — он должен повиноваться своей королеве...

Как просто. Прямо-таки до смешного просто.

— Я тебя знаю, — прохрипел из последних сил Конан. — Я тебя знаю, как бы тебя ни звали. Но тебе меня ни за что не понять!

Он почувствовал, как к членам его возвращается жизнь. Чувство холода не исчезало, но тело вновь было послушно ему. Он направился к Раине, широко раскрытые глаза которой смотрели прямо на него. Та попыталась поднять руку, но тут же застонала от боли. Кто-то мстил им, и этим «кем-то» могли быть не только Камни, вернее, не одни только Камни.

— Бора! — закричал Конан что было сил, но крику этому так и не суждено было покинуть его уста — он замер, не успев прозвучать.

Конан почувствовал, как кто-то схватил его за горло мертвящей, страшной хваткой. Он попытался разжать незримые пальцы этой страшной руки, уперев подбородок в грудь и напрягши мышцы шеи. Хватка от этого не ослабла. Конан почувствовал, что еще немного — и он задохнется...

И тут он вновь услышал шум ручья. Ему казалось, что он бредет против течения по ледяной горной реке, вода в которой доходит ему до груди... Напрягшись, он сумел совладать с течением и, взяв Раину за руку, потянул ее за собой. Внезапно сопротивление движению исчезло, а вместе с ним исчезло и ощущение холода. Теперь им — ему и Раине — было жарко. Они шли по дну пересохшего ручья, от которого поднимались густые клубы пара. Конану вспомнились вдруг слышанные им в детстве рассказы о вулканах.

— Бежим! — закричал он.

Раина попыталась выдернуть руку из его руки и посмотрела на него молящим взглядом. Она все еще хотела остаться со своей госпожой. Конан до боли сжал ей пальцы, надеясь, что боль сможет привести ее в чувство, и потянул ее за собой на ближайший склон, круто уходящий вверх. Невесть откуда появившийся Бора подхватил ее под другую руку, после чего она перестала сопротивляться.

Они перевалили через холм, перебежали еще одну долину и стали взбираться на высокую гору. Конан и сам не знал, куда они бегут, но отчетливо понимал, что не бежать нельзя.

Где-то за холмом раздалось громкое шипение, перешедшее в свист. В небо поднялись клубы пара, подсвеченного зловещим изумрудным светом. И тут они услышали крик Илльяны — протяжный, исполненный страдания и боли...

В то же мгновение земля у них под ногами содрогнулась.

— Бежим к оврагу! — закричал Конан.

Уже через несколько секунд они лежали на дне неглубокого оврага, глядя на поднимающийся в небо серозеленый столб дыма, в котором угадывались чудовищные формы, что тут же распадалась, обращаясь во что-то не менее чудовищное, но столь же эфемерное.

Невыносимый грохот, от которого, казалось, должен был рухнуть небесный свод, внезапно смолк. Установилась тишина, прерываемая время от времени звуком падающих сверху камней.

Один из таких камней, размером с голову человека, упал в паре шагов от Конана. Киммериец сокрушенно покачал головой и беззлобно ругнулся. Он посмотрел на своих спутников: Бора с интересом разглядывал столб дыма, Раина же горько плакала.

Глава двадцать третья

— И с чем же вы остались? — поразился Мишрак. — Если не ошибаюсь, на троих у вас были один кинжал, одна праща и одни штаны, верно?

— Верно. Но нам помогли, — ответил Конан. — Вначале они, конечно, помогать нам не хотели...

— Кто это — они?

— Четыре бандита, — вмешалась в разговор Раина. — Эти бандиты зачем-то взяли в плен пожилую женщину и ее дочь, бежавших из деревни, уничтоженной Трансформами.

— Вы их что — освободили?

— Разумеется. Бора и я подползли к их лагерю, Раина же забралась на соседний пригорок и немного покрасовалась на его вершине, после чего туда отпра-

вилась пара бандитов. Одного из них уложил Бора, второго убрал я. Третий бандит — на счету Раины, умудрившейся двинуть его так, что он уже не встал. Ну а четвертого — четвертого, если мне не изменяет память, порешила эта шустрая бабулька.

Рожи угрюмых телохранителей Мишрака растянулись в ухмылках.

— И что же было потом?

— Потом? Потом мы надели на себя их одежду и, прихватив их нехитрый скарб, отправились в крепость. По дороге нам встретились люди Хезаля, которые проводили нас до самой Заставы Земана. Вроде все.

— Все, да не совсем! — возразил Мишрак. — Насколько мне известно, вы покинули Заставу Земана в спешке, прихватив с собою некую девицу по имени Десса. Это так?

— Дело в том, что в крепости ожидали прибытия людей Ахмая. Памятуя о том, что было во время первой нашей встречи с ними, мы решили не пытаться судьбу и унести ноги прежде, чем нам их укоротят.

Мишрак кашлянул.

— Допустим, ты говоришь правду. Но где эта девица теперь?

— Как? Разве я не говорил вам об этом? Она у Пилы!

— У Пилы? Кстати, о Пиле. Это правда, что она купила ту таверну, в которой все это время работала?

— Этого я сказать вам не могу: чего не знаю — того не знаю!

— И знал бы, так ведь все равно бы мне не сказал! Кого-кого, а тебя, Конан, я насквозь вижу!

— Вы вправе говорить что угодно, но я на самом деле ничего об этом не слышал. Пила хранит свои секреты куда лучше нас с вами!

— Ну ладно! — вздохнул Мишрак. — Слушать тебя, конечно, интересно, да вот только не все ты говоришь!

Конан вздрогнул от неожиданности.

— Как вы можете говорить это людям, которые только что едва не погибли, выполняя ваше поручение?

— На это у меня есть основания, Конан. Ты не хочешь рассказать мне о своей встрече с Якубом?

Конан вздрогнул вновь, вызвав тем самым смех Мишрака.

— Нет, нет! Ты только не подумай, что я волшебник! Просто порой я могу услышать и то, чего человек мне прямо не говорит. Не будь у меня этого таланта, я служил бы не здесь, а где-нибудь совсем в другом месте!

Обмануть Мишрака было действительно невозможно, и Конан решил быть откровенным до конца.

— Прежде чем Якуб погиб, я предлагал ему уйти из этой страны вместе с его отцом, капитаном Хаджаром. Но он ответил мне отказом.

— Как ты думаешь, а не может ли быть предателем и сам Хаджар?

— Будь он совершенно невинен, он не стал бы распространять эту сплетню о гибели сына.

— Тонкое замечание. Но ты не думаешь, что к этой мысли его мог подвести сам Якуб?

Конан растерялся.

У него начинало складываться впечатление, что Мишрак пытается найти подтверждение лояльности Хаджара царю и закону. Но разве само по себе это не абсурдно? Зачем тогда говорить о Хаджаре? Пусть себе живет, как и жил. Конан пожал плечами и буркнул:

— Не знаю.

На этом аудиенция была закончена. Мишрак поблагодарил их за труд на благо отечества, вручил им мешок с золотом и тут же куда-то исчез. Конан, которому все это уже порядком надоело, хотел было швырнуть мешок в фонтан, но Раина, зашипев, схватила его за руку и вывела в коридор.

— Если золото не нужно тебе, это не значит, что оно не нужно никому!

Конан, к этому времени уже забывший и думать о недавних обидах, возразил ей, сказав, что золото нужно всем.

Покинув квартал Шорников, они направились к лучшей гостинице Аграпура и сняли там номер с огромной, широченной кроватью.

Конан и Раина провели вместе две ночи и день. Наутро второго дня Конан обнаружил, что в номере он остался один.

Ничуть не удивившись исчезновению северянки, он решил заняться делами насущными. Он отправил деньги Боре, Пиле, Дессе и Рафи, заказал себе новый меч и наконец посетил всех своих аграпурских друзей.

Раина, однако, так и не появлялась. Конан решил вернуться к занятиям с рекрутами, с тем чтобы хоть так развеять тоску, что день ото дня становилась все сильнее и сильнее.

И вот на восьмой день, под вечер, когда Конан со своим взводом ехал к казармам, он увидел Раину, ехавшую за богатым караваном.

— Раина! — вскричал киммериец, едва сдерживаясь, чтобы не заключить ее в объятия прямо на улице. — И куда это ты собралась?

— В Аквилонию, — улыбаясь, ответила ему северянка. — Если ты помнишь, в Боссонию мне возвращаться нельзя. Вот я и думаю попытать счастья у соседей. Если повезет, выйду замуж за какого-нибудь купца, нарожаю ему детей, займусь домом...

— За купца? Да ты, наверное, смеешься?

— Ничего подобного. Я уже десять лет в дороге. Хочется теперь и на одном месте пожить. По крайней мере, буду знать, где мои кости схоронят.

— Ну у тебя и заботы! — усмехнулся киммериец. — Что до меня, то мне ничего другого не надо, как...

— Знаю, знаю! — засмеялась Раина. — Я вот еще о чем вспомнила. Ты ничего не слышал о Хауме и Хаджаре?

— Ничего.

— Тогда слушай. Хаума лишен всех должностей в связи со слабым здоровьем. Где он сейчас находится, я

не знаю. Хаджар же отправлен в Аквилонию как полномочный представитель царя Йалдиза. Он должен будет перенять у аквилонцев их ратный опыт. Говорят, что лучше них на свете воинов нет.

«Ай да Мишрак!» — подумал Конан. Мудрее поступить было просто невозможно. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы!

— Раина, а может быть, купец твой подождет?

— И сколько же ему придется ждать?

— Ну, хотя бы пару недель.

Раина громко засмеялась и, чмокнув его в щеку, поспешила за караваном. Конан смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за поворотом.

ВОЗМЕБОУЙ ТУЖАН

РОМАН

Пролог

Долина, словно след от удара гигантского меча, рассекла Кезанкийские горы. В нее вела узкая расселина, скрытая в отрогах горы Гоадел. В этих краях над горами часто клубился туман. Он выползал из жуткого места, где могло затаиться то, что любой здравомыслящий человек постарался бы избежать. Иногда ветер разгонял туман. Налетая на скалы, он завывал, словно демоны или потерянные души. Эти завывания заставляли любопытных путешественников держаться подальше от долины.

Много лет прошло с тех пор, как странствующие торговцы и купцы, живущие по эту сторону Кезанскийского хребта, последний раз заглядывали в долину. Она находилась далеко от цивилизованных мест и могла бы послужить отличным прибежищем для разбойников. В деревнях на границе Хаурана рассказывали жуткие истории о племенах человеко-обезьян, обитавших среди снегов, вроде тех, что жили среди пиков Гималаев в Вендии...

Капитан Махбарас, ведущий колонну вверх по склону к расселине, знал об этой долине больше других. Она в самом деле служила прибежищем бандитам и разбойникам. Некоторых из тех, кто сейчас следовал за капитаном, приходилось заставлять повиноваться если не при помощи присяги, то посулами золота, с одной стороны, и кнута, с другой. Тех, кто думал иначе, капитан и преданные ему люди убили...

О человеко-обезьянах капитан Махбарас знал мало. Они обходили стороной отряд наемников, и капитан не трогал их дома, спрятавшиеся между вершин. Однако капитан сомневался, что какие-то существа, обитающие среди вечного снега и льда, могут оказаться умнее вшей, ведь сам-то он вырос среди кипящих источников и деревьев, увешанных зрелыми фруктами, в поместье кхораджанского дворянина.

Длинноногий и одетый легко, если не считать вендийской кольчужной рубахи и немедийского шлема, Махбарас первым из колонны достиг расселины. Потом он повернулся к ней спиной, чтобы взглянуть на склон горы и сосчитать, сколько человек отстало или сбежало... Наемники боялись ужасной Повелительницы Туманов, взгляд которой мог достичь и края мира.

Одно можно точно сказать: и бандиты из Кхораджана, и кочевники — наемники Махбараса, живя в этих краях, одевались одинаково, носили одинаковые головные уборы песчаного или грязно-белого оттенка, сапоги и ремни из верблюжьей кожи, кривые сабли и прятали в поясах кинжалы. Некоторые из них имели луки и колчаны, но человек с зорким глазом сразу заметил бы, что у всех луков спущена тетива, а колчаны воинов плотно затянуты кожаными ремешками.

Ни один не рискнул бы приблизиться ко входу в Долину Туманов с оружием наготове. Пришли они сюда с разрешения Повелительницы, и вряд ли кто-то мог бы оказаться здесь без ее согласия.

Страшное наказание ожидало тех, кто насмеялся над желаниями Повелительницы. Наказание и в самом деле было столь ужасным, что те, кто вынес его, с радостью поменялись бы местами с пленными, идущими в середине колонны. Смерть же пленных будет не такой страшной, а быстрой и не столь уж болезненной.

Десять пленных были связаны в единую цепочку грязными ремнями, завязанными вокруг пояса каждого из них. Их руки и ноги оставались свободными, и стражам приходилось все время быть настороже, так как Повелительница строго карала нерадивых слуг и не любила преследовать тех, кто сбежал, своими чарами,

чтобы не раскрывать собственных секретов. Она заставляла провинившихся наемников бродить по горам в поисках сбежавших. И еще не нашелся человек, который сумел бы ускользнуть от слуг Повелительницы Туманов.

Побегов не было и благодаря снадобью, которое лекарь Повелительницы выдавал каждому капитану наемников. Если дать пленному достаточную дозу, то, будь он мужчиной, женщиной или ребенком, он на три дня становился послушным, как овца. Махбарас по запаху определил несколько знакомых трав, входивших в снадобье, но большую часть растений он не знал. Капитан подозревал, что секрет этого снадобья не известен простым людям.

Из пленных было семь мужчин, если считать мужчиной юношу, который еще не носил бороды, и три женщины. Двое тяжелораненых пленников и один упрямец, который боролся до последнего, не желая глотать лекарства, стали пищей стервятников, как предупреждение любому, кто мог погнаться за налетчиками.

Махбарас дважды пересчитал пленных, хотя в этих краях никто не мог бы сбежать от его воинов, если бы он, конечно, не летал, словно птица, и не умел растворяться в твердой скале, словно призрак. Капитан с отворачиванием дал знак, махнув рукой, и подумал о том, как ему повезло, что племена, живущие поблизости, не владеют магией. Было бы неприятно взять в плен какого-нибудь шамана или колдуна.

Капитан повернулся к расселине в скале, вытащил меч (выкованный в Немедии, как и его шлем) и вытянул его рукоятью вперед. Он никого не видел, ничего не слышал, кроме шепота ветра на отдаленных склонах, но знал, что за ним внимательно наблюдают.

Алый луч вырвался из расселины и ударил в драгоценность на рукояти меча. Та засветилась, словно лампа, но только лампа не издает такого шума и не испускает свет с полдюжины различных оттенков алого, лазурного, изумрудного, янтарного цветов...

— Мы вернулись, — сказал капитан. — Мы привели десять пленных. Как люди, находящиеся на службе у Повелительницы, мы просим благословения.

Луч света снова появился. В этот раз алое сияние растеклось по земле, пока не сомкнулось вокруг колонны воинов и пленных, взяв ее в огненный круг. Махбарас постарался не думать о том, что уж слишком это мерцание походит на аркан, готовый в любой момент затянуться покрепче... Капитан сказал себе, что он и его люди проходили через этот ритуал уже дюжину раз, не опалив ни единого волоса.

Но разум и память были слабым оружием против врожденного страха перед древней магией, кольцами сдавливающей человеческие внутренности. Капитан почувствовал, как капли холодного пота сползают по его спине.

— Слугам Повелительницы дано благословение, — донеслось до него. Махбарас в десятый раз попытался представить себе, кто это мог бы говорить таким странным голосом.

Наемники замерли в ожидании, и Махбарас вспомнил, что должен совершить следующую часть ритуала.

— Находясь на службе у Повелительницы, мы просим, чтобы нас пустили в Долину Туманов.

Капитан на мгновение задумался о том, что могло бы случиться, если бы он использовал менее унижительное слово, чем «просим». Но у него никогда не хватило бы храбрости проверить это... Ведь он отвечал за судьбы тех, кто последовал за ним из Кхораджана. Он удивился бы, если после такого эксперимента те, кто выжил, получили бы обещанное золото, и поэтому ничто не заставило бы его подвергнуть такому риску жизни своих людей. Капитан близко к сердцу принимал свой долг офицера еще задолго до того, как услышал о Повелительнице Туманов или увидел Кезаньские горы.

— Слугам Повелительницы вход в долину разрешается.

Махбарас услышал шорох легких шагов, быстро растаявший в скрипе и скрежетедвигающихся камней. Иногда ему казалось, что именно так должно урчать в животе у горных великанов. Потом все стихло. В расщелине засверкали факелы.

Навстречу отряду вышли две женщины, одна высокая и темная, другая маленького роста и белокурая. На них были надеты посеребренные шлемы, украшенные с обеих сторон золотистым рисунком, изображавшим хвост скорпиона, коричневые кожаные корсеты, со стальными пластинами, широкие штаны в туранском стиле из тяжелого шелка такого темно-зеленого цвета, что казались почти черными. Сапоги воительниц капитан рассмотреть не успел.

У каждой женщины были меч и кинжал, туранский изогнутый лук и дюжина отлично выделанных стрел. Но, несмотря на шлемы и одежду, их лица и тела были открыты любопытным взорам. Уверенная грация в движениях и неподвижный взгляд говорили о том, что только дурак мог бы тут на что-то надеяться и только дурак не понял бы, что эти женщины хорошо владеют своим оружием.

Народы севера рассказывали истории о девах-воительницах, дочерях богов, которые бродили по земле в поисках душ мертвых воинов. По крайней мере так слышал капитан. Впервые услышав эти истории, он подумал, что эти рассказы — фантазии варваров, однако сейчас не был уверен в этом. Все девы, служившие Повелительнице, выглядели так, словно могли заглянуть в душу мужчине, вынеся ему приговор, и победить его в поединке.

Их взгляд был столь же красноречив, как оружие и доспехи, и говорил о том, что этих дев лучше не трогать. Это и то, что Повелительница раздражительна, словно ребенок, надежно защищали невинность дев.

— Среди пленных есть дети? — спросила у капитана дева с темными волосами.

— Нет.

— Хорошо. Туману в пищу нужны сильные души.

— Того, чей дух оказался чересчур сильным, мы прикончили сами. Мы не могли заставить его принять зелье... Преследователи в этот раз подобрались к нам ближе, чем обычно.

Почему он — опытный воин — распинаялся перед этой сумасшедшей девкой, которая служила еще более

сумасшедшей колдунье? Возможно, дело в том, что Махбарас видел ее среди стражей чаще остальных и она казалась ему менее угрюмой, чем большинство. А ее белокурая спутница... наверное, рука мужчины обратится в лед, когда он к ней притронется, конечно, если у него хватит мужества к ней подойти.

— Не слишком здорово...

— Не я решаю, приносить или нет в жертву слуг Повелительницы.

— Вот это умное замечание.

Они продолжали говорить, в то время как воины Махбараса проходили мимо них. Некоторые из пленных пришли в себя, открыли глаза и теперь с удивлением оглядывались, но острие меча, покалывавшего спину, умирало зашевелившихся было пленных. Наконец хвост колонны исчез среди скал, и девы с Махбарасом остались одни на горном склоне.

— Надеюсь, с вами все в порядке? — спросила одна из красавиц. Не в первый раз она задавала вопрос о здоровье капитана, и звучало это вроде смертного приговора.

— У меня все в порядке. Я могу войти, — произнес Махбарас в ответ ритуальную фразу.

«Вот чего я не сделал бы, если бы не знал, что колдунья нуждается в моих людях больше, чем они в ней».

Глава 1

Пустыня эта была расположена к северу от Замбулы, к югу от Хаурана, к западу от могущественного королевства Туран, ныне набирающего силу под плетью самоуверенного короля Еиздигерда. И пустыня эта никому не принадлежала.

Бесплодная земля считалась ничейной. Даже названий у нее было несколько. По этим землям бродили кочевники различных племен, редко живущие в мире друг с другом. Каждое племя давало свои имена тропам, ложбинкам, оазисам заброшенных земель.

Выцветшее небо и сверкающее солнце обесцветили эту землю. Песок тут был бледно-охровым и темно-коричневым, скалы казались выбеленными, словно кости, и даже редкие растения выглядели бледными и пыльными.

К оазису, лежавшему на севере, у самого горизонта, протянулась пыльная тропа. Вокруг него, ясно различимое, расползлось пятно яркой зелени. И то и другое говорило о том, что оазис находится на караванной тропе и земли его возделываются.

А человек, оказавшийся в добром дне пути от оазиса, на удачно расположенном бархане разглядел бы и другое облако пыли, поднимающееся к небу. Чуть выждав, он смог бы различить у подножия облака с полсотни темных теней — всадников, скачущих к оазису.

Оставаясь вне досягаемости полета стрелы, наблюдатель мог бы принять этих всадников за банду воинов-кочевников. Их одежда напоминала одеяния кочевников, хотя так одевался любой, у кого хватало отваги пересечь горячую, как кузница, пустыню — свободные, развевающиеся одеяния закрывали всадника с головы до ног. Все воины были хорошо вооружены, в основном длинными кривыми мечами и луками.

Но, взглянув на отряд поближе, человек, знающий племена Востока, засомневался бы в том, что это настоящие жители пустыни. Он увидел бы, что рукояти мечей у некоторых из них серебряные, заметил бы татуировки на бронзовых скулах и тонкое различие в выделке кожи седел и упряжи. Однако же большая часть всадников могла въехать в лагерь кочевников, не привлекая к себе особого внимания.

Все, кроме одного, — предводителя. Немногие видели человека столь огромного, которому нужна была лошадь больше, чем любому другому кочевнику. Его голубые, как лед, глаза впервые открылись не под жарким солнцем этой пустыни, а клинок, висевший на бедре гиганта, был таким же прямым, как могучая спина его хозяина.

Конан из Киммерии ехал в Коф с пятьюдесятью афгулами, поклявшимися в целостности и безопасности

доставить туда своего предводителя. Возможно, они надеялись пожить на войне, идущей в Кофе.

Наблюдатель, оставаясь на месте на том же бархане, мог бы еще долго следить за всадниками, пока Конан и его спутники не исчезли бы из виду. Но, если бы он и после этого остался на месте, то вскоре увидел бы на горизонте новое пыльное облако,двигающееся следом за Конаном и его бандой.

Киммериец и его афгулы были в пустыне не одни.

Конан ехал впереди остальных бандитов, поэтому не он первым заметил погоню. Эта сомнительная честь досталась всаднику по имени Фарад из рода Бабари. Пришпорив лошадь, афгул поравнялся с киммерийцем и закричал в ухо северянину:

— Нас преследуют. Их много больше, чем нас, судя по облаку пыли.

Конан повернулся и посмотрел на восток. У Фарада были зоркие глаза, да и на мнение его можно было положиться. За отрядом Конана гналось всадников сто по меньшей мере, хотя скорее всего их было около тысячи.

Но Конану и его спутникам гораздо важнее было бы узнать, кто их преследователи, если отбросить ту невероятную возможность, что это заблудившийся караван или замбулийцы. Вряд ли тех и других можно было встретить в этой части пустыни. Но ни кочевники, ни туранцы никогда не встретили бы Конана и его спутников как друзей. На некоторых диалектах кочевников пустыни слово «чужестранец» означало также и «враг». В любом племени кочевников тот, кто имел богатство, которое можно отобрать, и не имел родственников, чтобы отомстить за его смерть, становился законной добычей. Лошади и оружие банды Конана могли оказаться достаточным поводом для нападения, если бы им встретился большой отряд местных жителей. А о том, что хранилось на груди Конана в маленьком мешочке, и говорить нечего.

В нем хранилась горсть драгоценных камней — все, что заработал Конан, проведя два года среди афгулов.

Пригоршня драгоценных камней — большой заработок, если ты жил среди афгулов в их родных горах.

Объединить рассеянные, ссорящиеся между собой племена горцев в единую орду поначалу казалось Конану хорошей идеей. Киммериец знал, что обладает недюжинными организаторскими способностями, и доблесть воинов-афгулов ему была хорошо известна, так же как слабость любого соседствующего с их страной королевства. Объединенные племена афгулов могли захватить их одним ударом.

Но, как оказалось, афгулов не слишком интересовали завоевания. Если нужно сражаться рядом с человеком, чей прадед оскорбил их прадеда, то скорее афгулы станут сражаться со своими соплеменниками, а не с их общим врагом (или им придется поднять к небу указательный палец; это означает, что они прощают оскорбление).

Так что Конану, несмотря на клинок и могучие мускулы, повезло — он остался жив и кое-что заработал. Не так много, однако у него появились если не друзья, то кровные должники. Тогда-то он и бежал из горной страны афгулов. Пока Конан и афгулы отбивались от таких же банд, как и они сами, до них дошли слухи о войне в Кофе.

И тогда Конан и его люди решили отправиться на запад. Афгулам, так же как Конану, хотелось принять участие в какой-нибудь войне и прославиться, с выгодой воспользовавшись беспорядками в Кофе. Они беспрепятственно пересекли границы Турана, хотя в этом королевстве за голову Конана можно было получить большое вознаграждение. Под мягким правлением короля Еидзигерда немногие туранцы рискнули бы своей жизнью, чтобы заполучить голову Конана. Йалдиз был не таким, как его отец. Он знал, как использовать страх и жадность людей, чтобы сделать их смелыми и безрасудно храбрыми...

Конан снова посмотрел на запад. Он решил было, что видит еще одно пыльное облако у горизонта, но через мгновение понял, что это всего лишь пыльный дьявол — смерч, порождение ветра. Но то облако,

что было сзади, все росло, и теперь Конану показалось, что он различает блеск солнца на стальных доспехах.

Кочевники доспехов не носили. В этих землях всадники в доспехах скорее всего могли оказаться туранцами. Конан взглянул на запад, изучая местность. Он сражался в разных концах Земли — и на ледниках, и в джунглях — и отлично знал возможности своего отряда.

На западе лежала пустыня — там укрыться было негде, только песок и сухой кустарник. В любом месте этой пустыни отряд Конана будет словно горошина на тарелке. С другой стороны, ночью враг, подойди он на расстояние полета стрелы, оказался бы легкой добычей... но сейчас-то только перевалило за полдень.

Однако к северу над плоской песчаной равниной поднимались серые скалы. Любой, кто достиг этого хребта, мог затаиться в ущельях и расселинах, выжидая темноты, пока ночь не притупила бы зрения врагов, а потом ускользнуть. На худой конец, скалы могли послужить прикрытием для лучников. Там можно было бы устроить засаду и сражаться до последнего, если врагов окажется слишком много.

Конан усмехнулся перспективе подарить королю Еиздигерду еще несколько вдов. От таких мыслей кровь заиграла в жилах варвара. Именно это принесло ему славу во всех хайборейских землях. Неравные шансы в битве, необходимость использовать как ловкость, так и силу, могучие братья по оружию, которые потом расскажут эту историю или составят ему компанию в путешествии на тот свет, если такова окажется их судьба...

Никто из прославленных воинов не смог бы сравниться с Конаном, когда дело доходило до битвы.

Единственное, что необходимо было теперь киммерийцу, — убедиться, что битва произойдет в месте, выбранном им, а не туранцами. Добрая полоса голой пустыни лежала между людьми Конана и хребтом — голая равнина, где полным-полно было нор и трещин. Там

лошади воинов Конана могли с легкостью переломать себе ноги и погубить своих всадников...

Конан за свою жизнь прочел несколько книг об искусстве ведения войны и считал, что большая их часть пытается приписать колдовству то, что является всего лишь рациональным решением, продиктованным здравым смыслом. Никто из авторов этих книг не знал истины, известной Конану: «Лошадь, которая никогда не спотыкалась раньше, непременно споткнется, если в скачке на карту поставлена ваша жизнь».

И все же киммериец махнул рукой в сторону гор. Одновременно он повернулся и крикнул афгулам:

— Мы доберемся туда до наступления ночи. Лучники, приготовьтесь, но я выпущу кишки тому, кто понапрасну станет тратить стрелы.

Афгулы, в отличие от лучников Турана, считались не лучшими стрелками, но их преследователи подобрались уже достаточно близко.

Лучники чуть придержали лошадей, а остальные афгулы дали шпоры. Пыль за клубилась вокруг отряда Конана, мигом перестроившегося для дальнейшего путешествия. Выше и гуще, чем прежде, за клубилось облако пыли у них за спиной. Киммериец последний раз оглянулся, и ему показалось, что он разглядел туранские знамена, а потом, опустив голову, и он приготовился к скачке, ставкой в которой была его жизнь.

В комнате, вырубленной в скале на краю Долины Туманов, на медвежьей шкуре, наброшенной поверх туранского ковра, в одиночестве сидела женщина. Перед ней стояла высокая чаша из позолоченной бронзы с четырьмя ручками. Широкое основание чаши украшали древние руны, понятные лишь чародеям. Их следовало произносить только шепотом. Чаша предназначалась для вина.

Повелительница была голой (как и комната), если не считать ожерелья, браслетов и диадемы, сплетенной из свежих горных растений. Одна из ее дев собрала

травы ночью и принесла в комнату перед зарей, оставив в тени. Так что растения до сих пор оставались свежими, и последние капли росы стекали из складок серо-зеленых листьев на грудь колдуньи.

Повелительница Туманов (она не помнила, было ли у нее когда-нибудь другое имя) пошарила под медвежьей шкурой и вытащила тяжелый диск из почерневшей от времени бронзы. Однако под патиной столетий четко проступал знак Кулла из Атлантиды.

Повелительница не знала, сохранились ли до сих пор сокрытые в бронзе чары атлантов. Но ни один из талисманов, попадавших в ее руки, так ей не нравился, как этот.

Амулет был так хорош! Те, кто занимался магией, становились сильнее и жили дольше (если, конечно, заботились об этом, как, например, Повелительница), если пользовались магией, которую знали и которой могли повелевать... насколько смертный вообще может повелевать силами Тьмы.

С томной грацией, словно едва проснувшаяся кошка, Повелительница изменила позу, дотянувшись до чаши. Она положила бронзовый диск поверх чаши так, чтобы тот лег в волоске от края, частично закрывая чашу.

От этого движения еще несколько росинок соскользнули в ложбинку меж ее грудей. Ни один мужчина не смог бы без трепета взирать на эти груди... Тело Повелительницы было невероятно притягательным. Колдунье было бы легко, намного легче, чем большей части женщин, найти себе мужчину... если бы у нее были другие глаза.

Хотя глаза ее размером и формой напоминали человеческие, их золотистый оттенок выдавал то, что Повелительница колдунья. У нее были вертикальные, как у кошки, зрачки — черные на фоне желтого белка.

Любой мужчина, увидев тело Повелительницы, решил бы, что она — человек, и решил бы правильно. Но приблизившись, взглянув в ее глаза, он изменил бы свое мнение и попытался бы как можно быстрее убежать, а смех Повелительницы преследовал бы его. Или, если

бы она сочла такое бегство оскорблением, сама Смерть отправилась бы в погоню за беглецом.

Повелительница надела палец на чашу, подвинув ее, чтобы увидеть, встанет ли в пазы бронзовая печать. Все вышло точно, как она ожидала. Повелительница улыбнулась, прищурилась, словно кошка, как часто делают ее соплеменники в мире, лежащем вдали от мира людей.

Потом колдунья легким движением возложила обе руки на чашу и начала петь. Сначала чаша задрожала, потом застыла. Вокруг чаши и Повелительницы разлилось красное свечение.

Конан не оборачивался, как и любой хайборейский рыцарь, ведущий воинов в атаку. Он не оборачивался потому, что не желал показать своих сомнений воинам, которые поклялись во что бы то ни стало следовать за ним.

Конан смотрел только вперед, на горный хребет — его единственную надежду на спасение. Кроме того, впереди его тоже могли подстерегать всевозможные опасности. Попади нога лошади в нору грызунов, она сломается, словно гнилая ветвь; лошадь и всадник кубарем полетят на песок. А если побеспокоить гнездо кобр, то смерть будет медленной и ужасной... Любая из этих опасностей может положить конец состязанию в скорости.

Кроме того, в отрогах гор можно было с легкостью попасть в засаду кочевников или другого отряда туранцев. Кочевники не любили туранцев, а менее всего именно сейчас, когда Еиздигерд стал набирать силу. А мысль, что они могут продать туранским офицерам головы Конана и его спутников, лишь подхлестнула бы их.

Это пустыня для тех людей, у кого есть глаза на спине и чьи руки постоянно не сжимают рукоять меча. Но Конан уже много лет вел жизнь полную опасных приключений — большее число лет, чем у него было пальцев на руках, а афгулы, на родине которых процветала кровавая месть, впитали осторожность с молоком матери.

— Конан! — кто-то позвал киммерийца, заглушая криком цокот копыт. — Туранцы выслали вперед отряд, который скачет быстрее остальных!

Конан узнал голос. Это был Фарад — первый среди афгулов. Киммериец ответил ему, не поворачивая головы:

— Они думают взять нас «в волчий мешок». Самое время лучникам помочь туранцам изменить точку зрения.

— Или заставить их и вовсе передумать! — закричал Фарад. Радость от предвкушения предстоящей битвы звучала в его голосе.

«Волчьим мешком» называли один хитрый военный прием. Кочевники часто использовали его, преследуя врага. Вперед посылался лишь небольшой отряд на самых быстрых лошадях. Со временем кони преследуемых начинали исходить пеной, спотыкаться, и тогда их нагоняли преследователи. Завязывался бой, а тем временем на помощь преследователям подходил основной отряд.

Такая тактика наводила на мысль о том, что туранцы взяли на службу всадников пустынь или по крайней мере каких-то наемников, вроде Конана, некогда служившего под знаменами Турана. Но нечасто забредали туранцы так далеко в пустыню... или, правильнее сказать, они не бывали здесь, пока Еиздигерд, переполненный желанием прибрать к рукам все что можно, не сел на трон Турана...

До скал было уже рукой подать. Конан осмотрел земли, лежащие впереди. Доходила ли равнина до скал и есть ли среди них расселины, где можно укрыться от туранских стрел? Киммериец замедлил бег лошади, успокаивающе похлопав ее взмыленную шею.

— Не так далеко осталось, девочка, — прошептал он ей.

Впереди открылась узкая лощина, усыпанная обломками скал так, словно их разбросал какой-то обезумевший великан. Тут было не проехать, по крайней мере быстро летящим вперед всадникам... а если афгулы станут пробираться между камнями, туранцы

успеют подъехать поближе и обрушат на беглецов море стрел.

Двигаясь по открытой местности, люди Конана до скал не доберутся. По крайней мере не все.

Киммериец снова пришпорил лошадь. Она протестующе заржала, пена выступила у нее на губах.

— Ко мне, вы, сучьи дети! — взревел Конан, обращаясь к своим воинам. — Или вы хотите умереть под стрелами туранцев, и да поразит Крон сифилисом весь их народ!

На шатающихся лошадях афгулы последовали за своим предводителем, обходя опасную долину. Тут Конан все же рискнул обернуться и увидел, что скакавший впереди отряд «волчьего мешка» остановился в нерешительности. Больше того, часть лошадей туранцев пала. Некоторые войны теперь барахтались на земле, пытаясь выпутаться из стремян.

Впереди был горный хребет. Конан еще сильнее вонзил шпоры. Кобыла рванулась из последних сил. Камешки и песок полетели из-под копыт, словно пена из под тарана боевой галеры.

Еще один взгляд назад. Основная часть туранцев двигалась плотной массой, но часть всадников разъехалась далеко в разные стороны, стараясь охватить отряд Конана с флангов.

Значит, они собираются окружить скалы? Ни один дурак не станет этого делать, а среди командиров туранской кавалерии дураки встречались редко. Не раз киммерийцу говорили о том, что давным-давно подсказали ему его чувства: «Не считай своего врага глупее себя».

Глухой стук копыт лошади по твердой земле сменился звонким топотом по камням. Преследователи тоже достигли скал, и полсотни копыт забарабанили по камням.

Позади запели туранские рожки, но в этот раз к ним присоединился барабан. Конан сплюнул в сухой песок, но пыль тут же снова набилась ему в рот. Барабан принес плохую новость. Обычно туранцы использовали его, вызывая подкрепления.

«Пусть призовут хоть все орды Турана. Мы устроим им такую битву, что выжившие никогда ее не забудут».

Авангард туранцев был уже недалеко. Солнце блеснуло на их кольчужных рубахах, в то время как полдюжины лучников-афгулов как один натянули луки.

Алое сияние расползлось из чаши, и, если бы кто-то сейчас заглянул в комнату Повелительницы, он решил бы, что колдунья стала сердцем гигантского рубина. Только губы ее шевелились — она бормотала заклинания, и грудь ее едва заметно вздымалась. Внимательный глаз мог бы заметить, как дрожат пальцы ее рук и мускулы обнаженных гибких бедер, а в остальном Повелительница могла показаться вырезанной из камня скульптурой.

Снова послышался низкий барабанный бой, сначала показавшийся отдаленным, но приближающимся, словно кто-то шел к пещере, мягко ударяя в огромный барабан. Звук становился все выше, и наконец стало казаться, что звучит уже не один барабан.

Потом послышались тихие шаги и звук, который можно было принять за приглушенный кашель. Вошли две девы. Они вели одного из пленных. Несчастный был крестьянином средних лет с суровым лицом и крючковатым носом — типичной чертой жителя Кезанкийских гор. Жидкие волосы едва прикрывали его череп, оттенком напоминающий пергамент.

Девы давно сняли свои воинские наряды. Теперь на них были лишь белые шелковые набедренные повязки и закрывающие одно плечо гирлянды болотной травы. В траву были вплетены лианы янтарного оттенка и шелковые нити всех цветов радуги.

Повелительница воздела руки к потолку. Водопад брызг полился с ее пальцев, сверкая серебром на алом фоне. Амулет Кулла, лежащий на чаше, притягивал искры, словно железо магнит. Искры стекали на амулет и исчезали в нем.

Еще один жест длинных пальцев изящной руки. Крышка поднялась над чашей. Внутри чаши сверкал

алый огонь, такой яркий, что мерцание его озарило светом всю комнату. Стало жарко, как в кузнице, но не было никого дыма. Да и пламя из чаши не вырывалось.

Сошнувшись и часто моргая, девы усталились на чашу. Пленник ничего не видел, и только одни боги знали, что происходило в его голове, после того как ему дали зелья. Заклятие Повелительницы взывало к древним силам, вмешиваясь в законы, установленные как богами, так и людьми.

Амулет-крышка поднялся еще выше, к самому потолку комнаты, так же легко, как колючка чертополоха на ветру, хотя весил он больше, чем стальной шлем воина. Повинуясь жесту Повелительницы, пленник шагнул вперед. Еще жест, еще шаг.

Теперь крестьянин оказался возле чаши. Огонь внутри ее оттенял кожу пленника, и тот казался бронзовой статуей. Третий жест, и ремни, связывавшие пленника, упали на пол. Одна из дев шагнула вперед и подобрала их.

Все так же пристально глядя на крестьянина, Повелительница последний раз взмахнула рукой. Пленник наклонился вперед, погрузив обе руки в алый огонь, сверкающий внутри чаши.

Не было ни дыма, ни пламени, ни самой легкой вони сгоревшей плоти. Пленник на мгновение напрягся, словно окаменел. Его глаза и рот широко открылись. И в глотке, и в глазницах его засверкал тот же огонь, что горел в чаше. Жидкие волосы крестьянина встали дыбом.

Повелительница, довольная, грациозно привстала и прикоснулась кончиками пальцев ко лбу пленника. Тот задрожал в ответ на это прикосновение... и потом в течение двух вдохов не двигался. Когда же он выдохнул в третий раз, перед волшебницей оказалось лишь облако серебристой пыли, по форме напоминающее человека.

Повелительница опустила руки. Пальцы ее коснулись чаши. Пыль рассеялась. Облако потеряло человеческие очертания, поднялось к потолку, а потом полилось в чашу. Алый огонь внутри замерцал, начал было менять цвет, но потом, после того как Повелительница,

еще раз взмахнув руками, сказала два слова, остался прежним.

Повелительница снова села, лишь мельком взглянув на амулет, повисший под потолком, и на двух дев-служанок. Ее руки и губы шевельнулись. Только потусторонние существа, обитающие в ином мире, слышали бормотание Повелительницы, учуяли запах новой жертвы.

Даже если Повелительница и в самом деле могла разговаривать с ними, сейчас она не стала этого делать. Вместо этого она шепотом отдала приказ своим девам. Те быстро преклонили перед ней колени, и она возложила руки на их гладкие лбы. Обе женщины вздрогнули с легким страхом от прикосновения своей хозяйки. Потом они поднялись с той же грацией, что и их госпожа, и вышли из комнаты.

Повелительница глубоко вздохнула. И в этот раз три слова, которые она произнесла, прозвучали без всякой мягкости. Это был приказ на языке Шема, приказ, адресованный девам, ожидающим снаружи за дверью.

— Приведите следующую жертву! — сказала Повелительница Туманов.

Глава 2

Раньше банде Конана везло. Но, когда афгулы стали подниматься по склону, лошадь одного из них пала. Неудачника этого звали Растам. Он был достаточно стар, чтобы иметь сына, который вместе с ним мог бы отправиться в набег.

А больше об этом человеке Конан ничего не знал, но и этого было достаточно для того, чтобы пожалеть о том, что Растаму придется умереть, как собаке, брошенным на милость врагов. «Даже враг не заслуживает такой судьбы, а тем более человек, который следует за тобой» — таким был девиз Каджара, одного из капитанов туранской кавалерии. В свое время он многому научил молодого киммерийца, когда тот еще служил под туранскими знаменами.

Лошадь Растама погибла, но сам воин остался цел. Конан видел, как Растам скатился с павшей лошади, оставив на песке кровавую дорожку. Потом афгул поднялся, отшвырнув в сторону сломанный лук, и обнажил тулвар.

Пыль слепила туранских всадников больше, чем Конана. Они оказались возле Растама раньше, чем увидели его. Один из коней туранцев заржал и взбрыкнул, когда афгул подрубил ему ноги тулваром, потом точным ударом снес голову с плеч упавшему всаднику.

Подъехал второй туранец. Растам подскочил и сдернул его с седла. Они вместе упали на песок, а потом одновременно вскочили на ноги, но Растам успел сжать рукой шею противника и использовал его как щит, закрывшись от туранских стрел.

Афгул убил еще двух всадников и изувечил трех коней, прежде чем туранцам удалось обойти его и превратить его спину в мишень для стрел. Но даже тогда у афгула хватило сил, прежде чем умереть, перерезать горло своему живому щиту.

В это время Конан слева от себя увидел глубокую, но узкую расселину в скале. Афгулы тоже заметили ее и повернули в ее сторону. Еще один из коней беглецов пал у склона, поднимающегося к расселине. Всадник повалился вместе с конем, и хотя конь вскоре поднялся, последовав за своими собратьями, упавший афгул больше не шевелился.

Разозлившись, Конан обругал своих спутников, туранцев и самого себя в первую очередь. Перед началом путешествия он раздал часть драгоценностей своим людям для того, чтобы потом те смогли купить верблюдов, на которых они собирались пересечь южные пустыни, держась подальше от туранских патрулей. Теперь же с каждым погибшим афгулом число драгоценностей уменьшалось.

Того, что сейчас происходило, Конан не ожидал. Но он постоянно учился на своих ошибках, так что не в его духе было тратить время, жалуясь на собственную глупость. С другой стороны, Конан не мог поступить иначе, ведь если один человек будет покупать верблюдов

для всего отряда, то торговцы могут заинтересоваться богатством северянина-великана. А в пустынях, там, где не было туранцев, обитало несколько племен кочевников, охочих до чужих богатств, если, конечно, не уходить совсем уж далеко на юг, к Наковальне Дьявола, или еще куда-нибудь, где многие путешественники сложили свои головы...

Киммериец заставлял свою кобылу двигаться, в то время как взгляд его искал скалу, которая могла бы послужить лучшим убежищем, чем расселина. Но Конан не нашел того, что искал.

— Спешиться! — приказал северянин. Он говорил на диалекте афгулов, который понимали все воины из его банды, а кроме того, и некоторые туранцы.

Преследующие их враги натянули поводья, держась в отдалении, но они отлично слышали приказы северянина.

— Спешиться! — повторил Конан и махнул рукой в сторону расселины. — Заводите туда коней и залезайте повыше. Лучники на стражу.

Кивками афгулы дали знать, что поняли план Конана. Если нельзя укрыть лошадей, то стоит использовать их как приманку. Пытаясь добраться до лошадей кочевников, туранцы или подойдут слишком близко к крутому склону, или сунутся в расселину. Если случится первое, то афгульским лучникам будет в кого пускать стрелы. Если второе, то тогда один человек сможет защитить вход в расселину от дюжины врагов.

И еще Конан знал, что именно ему суждено будет стать этим человеком. Он выпрыгнул из седла, одновременно привычным движением обнажив свой широкий меч. Сняв с седла топор с короткой рукоятью, он подтолкнул кобылу к расселине, слегка хлопнув ее по крупу. Она поспешила за остальными лошадьми.

Один или двое афгулов еще сидели в седлах, и Конан испугался, что в любой момент из их шей могут вырасти стрелы. Он уже открыл было рот, чтобы накричать на них, но Фарад опередил его.

Кочевник заревел, словно разъяренный лев:

— Сыны безрогих баранов и лысых овец, с коней — и полезли наверх! Мы заманим сюда туранцев и перебьем их. Они же как женщины, вскормленные блевотинной больных собак. Стоит несколькими из них помереть, как они побегут, поджав хвосты!

Конан верил в силу убеждения, но сомневался, что слов Фарада будет достаточно. Однако афгул заставил всех спешиться и отправил к расселине тех, кто медлил. Когда все афгулы скрылись, к расселине подъехал отважный туранец... Покачнувшись, он выпал из седла и умер, прежде чем тело его коснулось земли. Вторая стрела пробила горло его коню, и тот смешал свою кровь с кровью своего всадника.

Один из афгульских лучников получил неоспоримое преимущество и использовал свое более высокое положение. Его стрелы летели намного дальше. Конан увидел приближающийся строй туранцев. Но, не доезжая до скал, они остановились, словно перед ними разверзлась пропасть в несколько десятков фатомов глубиной. Никто из туранцев не хотел умирать. Никто из них не сомневался, что у афгулов достаточно стрел, чтобы прикончить их всех.

Возможно, туранцы и могли добраться до скал, не обращая внимания на дождь стрел и на потери, подобно безмозглым дикарям, какими и считал их Фарад. Но скорее всего они решили окружить скалы, где засели афгулы, и, прячась на безопасном расстоянии, выждать, пока не подойдет помощь.

Конан тут же выбросил все «если» из головы, так как туранцы спешились и стали карабкаться вверх по склону. Несколько туранцев принялись стрелять, не слезая с седел, целясь в высывавшихся из-за скал афгулов. Много стрел пролетело мимо, высекая искры из камней. Ни один из афгулов не погиб, а один из горцев стал делать оскорбительные жесты в сторону туранских лучников.

С мечом в руке Конан притаился у входа в расселину. Стрелы полетели и из рядов пеших туранцев. Несколько просвистело над ухом киммерийца. Но ни

одна из них не попала в него. Неожиданно туранцы перестали стрелять, когда упали двое из их спешившихся воинов. Проклятия наполнили воздух. Конану даже показалось, что его враги вот-вот передерутся между собой.

Но через мгновение надежда на это растаяла, зато Конану удалось добраться до входа в расселину и осмотреть сгрудившихся внутри лошадей. Некоторые были измучены, все нуждались в отдыхе. Но перед тем как отправиться дальше, их еще нужно было напоить. Однако все остались живы. Конан подошел к тому месту, где собирался встретить туранцев.

Повелительница Тумана посмотрела на стоящую перед ней чашу. Происходящее могло быть или причудливым стечением обстоятельств, или влиянием враждебной магии.

Десять пленных — десять сосудов жизненной силы, так лучше теперь назвать их... Все десять отдали свою жизненную силу чаше, стоявшей перед Повелительницей...

В магии человек обладает властью над какой-то силой только тогда, когда знает ее настоящее имя. Повелительница считала, что знает название (оно и в самом деле звучало ужасно) той силы, что собралась сейчас в чаше, и думала, что может командовать ею. Какова же эта сила, Повелительница не знала, но хотела бы выяснить.

Она встала на колени, склонила голову, соединила пальцы на груди и мысленно прикоснулась к украшенному знаком амулету — крышке чаши. Та качнулась, потом поплыла по воздуху и заняла свое место на верхушке чаши. При этом не слышно было ни единого звука, даже самого тихого.

Но вот раздался хриплый вздох, какой обычно издает существо в последнее мгновение жизни — достаточно громкий звук, чтобы ему ответило эхо. Потом отблески алого сияния словно впитались в пол комнаты, как вино в песок.

Все предметы снова обрели свой естественный цвет, но мысли Повелительницы Туманов не вернулись в естественный мир. Она не могла себе этого позволить, пока ритуал не доведен до конца.

Чем больше жизнью забирал Туман, тем осознанней становились его действия. Вскоре он сумеет коснуться разума Повелительницы или, по меньшей мере, попытается сделать это. А Повелительница совершенно точно знала, что за этим последует, и более того, не собиралась позволить случиться этому. Она должна была вовремя связать Туман, так чтобы осторожно соединить свой разум с разумом Тумана, но до этого было еще далеко.

Повелительница поднялась и вытянула обе руки в призывном жесте. Две девы вошли в комнату, а за ними еще две одетые по-простому.

Двое новеньких принесли длинные шесты, с которых свисали крепкие кожаные ремни. Ненаметанному глазу могло показаться, что шесты позолоченные. На самом деле «позолота» была следами чар, таких древних, что ныне никто и сказать не мог, кто наложил их. И напоминали они те, что таились в чаше, какую-то разновидность жизненного духа.

Две девы встали перед чашей, две позади нее. Они положили шесты себе на плечи, потом закрыли глаза, а Повелительница снова подняла руки, тихо пропев заклинание.

Чаша поднялась в воздух, не так, как легкая колючка чертополоха, а больше напоминая обьевшего стервятника, пытающегося улететь при приближении гиен. Она кренилась и раскачивалась из стороны в сторону, в то время как волшебство Повелительницы направило ее к шестам и закрепило на ремнях.

— Хак! — воскликнула Повелительница. Это восклицание не было ни словом, ни заклятием. Оно прозвучало скорее как плевок короля кобр. Чаша закачалась сильнее, а потом замерла в переплетении ремней.

Без чьих-либо прикосновений ремни сами собой обвили чашу и затянулись крепкими узлами. Теперь содержимое чаши не могло пролиться, даже если бы она

оказалась наполненной до краев лучшими виноградными винами Поитана.

Когда в чаше бурлила жизненная сила, по-другому с ней обращаться было нельзя. Повелительница помнила одну глупую деву, которая год назад попыталась коснуться чаши рукой. Вместо руки у девушки остался обрубок, а когда она поднесла свой обрубок к глазам, те задымались, и их выжгло из глазниц. Однако несчастная не умерла. Но больше она не служила Повелительнице, и та даже не взяла жизненную силу девушки, чтобы прибавить ее к жизненной силе Тумана.

Колдовские раны слишком сильно изуродовали деву. Перед тем как она умерла, многие из воинов, служивших Повелительнице, насладились телом несчастной, действуя так, словно раньше женщин не знали.

Четыре девушки, несущие чашу, знали о судьбе своей сестры. Они стояли неподвижно, словно статуи в храме, ожидая, когда прозвучит команда и они смогут ожить.

И вот команда прозвучала... Вместе с ней поднялась рука Повелительницы Тумана. Маленькая процессия вышла из пещеры. Девы быстро зашагали в ногу, как солдаты, а потом свернули направо. Перед ними оказалась узкая тропинка, идущая по краю долины к пещере, известной как Глаз Тумана.

Стрелы стали бить в скалы у входа в расселину. Тогда Конан сменил свою позицию. Он искал место, откуда смог бы видеть все происходящее и сражаться, если потребуются, оставаясь невидимым для лучников, не высказывая под ливень вражеских стрел.

Тем временем туранцы продолжали стрелять. Киммериец, не высовываясь, занял намеченную позицию. Он и его афгулы пустились в путь с полными колчанами. Но с тех пор как они поднялись на скалы, колчаны их наполовину опустели.

Афгулы отвечали туранцам достойным огнем. Несколько людей, но много больше коней туранцев погибло на склоне. Кони, лишившиеся всадников, бегали вокруг, мешая воинам. Афгулы стреляли много

хуже всадников Турана, но они находились намного выше и стреляли по воинам, стоявшим на открытом месте.

Никто не приказывал туранцам отступать, но по общему согласию все, кто шел впереди, решили, что в этот день они уже вдоволь насражались. Всадники повернули назад, вниз по склону, словно вода, спадающая во время отлива в заливе Аргоса. У них не хватило храбрости и дальше лезть вверх по склону, потому что они оставили там дюжину своих товарищей.

Некоторые из тех, кто поотважнее, спешили и укрылись за телами мертвых лошадей, тут же заплатив за свою храбрость. Трое из них погибли почти сразу, и Конан услышал дикий победный крик, прозвучавший у него над головой. Это кричал Фарад.

Туранцы отступили еще дальше, не выходя совсем из зоны обстрела, но они отошли достаточно далеко, чтобы лучники на скалах прекратили стрелять. Конан решил сказать своим воинам, чтобы они использовали стрелы туранцев и заставили тех отойти еще дальше, а потом решил, что делать этого не стоит.

Рано или поздно туранцы попытаются захватить коней афгулов. Они попробуют отбить животных или станут держать своих врагов в осаде, пока не подойдет подкрепление.

Но, если они все же решатся напасть, им придется пробежать под ливнем стрел лишь для того, чтобы неожиданно столкнуться с поджидающим их киммерийцем. Не многие и лишь самые осторожные туранцы останутся в живых после такой схватки.

Конан разложил, подготовив, дюжину стрел, потом одним бесшумным движением скинул сапоги. На солнце скала раскалилась, и можно было обжечь ступни даже с такой толстой кожей, как у киммерийца, но в тени расселины по камням можно было ходить босиком. Из мешочка на поясе северянин вытащил точильный камень и кусок мха, пропитанный маслом, и принялся точить клинок своего широкого меча, стачивая зарубки, которых не было видно, но которые мог заметить лишь воин — сын кузнеца.

Держась настороже, Конан то и дело бросал взгляд в сторону туранцев, думая, что пока он ничем не рискует. Афгулы, находившиеся выше на скалах, предупредили бы его о любой атаке, и у киммерийца хватило бы времени подготовиться.

Заточив меч, Конан бесшумно, словно леопард, высматривающий бабуина у колодца, прокрался на площадку между двумя валунами и присел там на корточки, готовый в любой момент вскочить и встретить врага лицом к лицу. Он увидел, что туранцы отступили. Конан сейчас находился в пределах досягаемости их стрел, но скалы служили ему надежным щитом.

Туранцы отошли подальше на открытое пространство и стали трубить и размахивать знаменами. Конан решил, что большую часть туранского отряда сейчас не видно. Враги замкнули кольцо вокруг скал... кольцо, которое, без сомнения, собирались сделать крепким, как ошейник на шее раба.

Тыльной частью ладони Конан вытер пот и пыль с покрытой шрамами, увитой мускулами шеи, которая в свое время знала и ошейник раба, и шелковые одежды, и золотые цепи. Если на смену дюжине погибших туранцев придут свежие всадники, им, быть может, удастся сделать то, что они замыслили.

Как же заставить их пойти в атаку, чтобы уменьшить их число и поубавить им пыл? Конан осмотрел скалы у входа в расселину более внимательно, так, словно рассматривал тело женщины, ждущей его в постели. А может, и еще внимательнее... скалы не выказывали нетерпения, даже если он смотрел на них слишком долго и внимательно.

Конан сосчитал крупные обломки, сосчитал камни, достаточно маленькие, чтобы подвинуть их, и те, что можно спихнуть вниз. Потом он перевел взгляд на склон, прислонился спиной к скале, которую не сдвинул бы с места целый отряд, сложил ладони чашечкой, поднес к губам и позвал Фарада.

— Как у тебя дела? — спросил Конан на языке северной Вендии, известном как Фараду, так и боль-

шинству афгулов. Однако редко можно было встретить туранца, знавшего этот язык.

— Все в порядке, Конан. Мы подстрелили нескольких туранских собак, их было легко убить.

Это были слова афгула, который скорее умрет, чем признается в слабости... одна из многих причин, почему киммериец считал афгулов своими родственниками по духу. Скалы наверху были раскаленнее, чем склон, а у каждого афгула была всего одна бутылка с водой. Конан поклялся, что еще пустит кровь туранцев и научит их осторожности. Он найдет способ выбраться из этой расселины и скрыться от врагов.

— Я надеюсь что-то придумать до того, как мы тут состаримся. Узнайте, сколько врагов по другую сторону скал.

Солнце немного спустилось к горизонту, когда Фарад ответил. Оказалось, что никто из горцев и не подумал сосчитать врагов, отправившихся в объезд скал и теперь очутившихся за спиной афгулов. Конан надеялся, что теперь его люди догадались выставить одного или двух часовых, чтобы те наблюдали за тем, что делается у них в тылу. У афгулов был один недостаток, и именно по этой причине они до сих пор не правили в Вендии и Иранистане. Они презирали всех, кроме своих соплеменников. Афгулы не смогли бы предусмотреть то, что туранцы полезут на скалы, зайдя к ним с тыла, до тех пор пока туранцы не перерезали бы им глотки, подобравшись сзади.

Враги афгулов потеряли уже много людей, но нужно было помнить об охромевших лошадях туранцев и о раненых, которые постепенно теряют силы, а вскоре могут и умереть. Если туранцы еще раз потеряют столько же людей, капитан (если он, конечно, жив) должен будет отвести их подальше, и тогда афгулы смогут попытаться вырваться из капкана.

Если же туранцы решат и дальше осаждать убежище афгулов, то вынуждены будут растянуться тонкой цепью. Слишком тонкой, как подозревал Конан, чтобы оказать достойное сопротивление ночной атаке, тем более воинам, которые лучше всех сражаются в темноте.

Киммериец хотел, чтобы солнце, жажда, раны и страх как можно быстрее доконали туранцев. Пусть у врагов затрясутся руки и ноги.

Солнце нырнуло за скалы раньше, чем ожидалось, а туранцы не собирались еще раз атаковать. Убрав в ножны меч и кинжал, но оставив под рукой лук и стрелы, киммериец отполз подальше от входа в расселину, поближе к лошадям.

Даже без воды отдых в тени пошел лошадям на пользу. Они стояли спокойно. Его кобыла подняла было голову, но потом точно так же, как и остальные, равнодушно посмотрела на своего хозяина.

— Время попеть, — сказал Конан. Он выкрикнул резкую гортанную команду, которую понимала любая лошадь, выросшая в этих землях. Его кобыла вскинула голову, покрытую засохшей пеной, и громко заржала.

Две или три лошади вторили ей. Конан ухмыльнулся — белой костью сверкнули зубы киммерийца — и полез назад на свой наблюдательный пост.

Улыбка варвара стала еще шире, когда он увидел, как оживились туранцы. Некоторые из них повскакивали и забегали, словно муравьи в потревоженном муравейнике. Афгулы наверху приготовились открыть огонь.

Туранцы знали, что у афгулов есть лошади. И распаленные жадностью, они должны клюнуть на эту приманку.

Глава 3

Четыре девы, чеканя шаг, несли чашу впереди Повелительницы Туманов. Шагать так воительницам было нелегко, потому что ноги их, впрочем, как и тела, были голыми. Но девы не шлепали и не сбивались с ноги.

Наказания для девы, которая нарушит это правило, были не такими уж серьезными. Повелительница знала, что нуждается в воительницах, чтобы те охраняли ее от

врагов. Девы знали, что Повелительница ценит их, и, в свою очередь, ценили ее отношение даже в большей степени, чем боялись ее наказания.

Но чаще всего сохранять мир между Повелительницей Туманов и теми, кто служил ей, было нелегко. Покой долины уже не нарушался года три. В долине никто не ссорился, хотя все знали, что мечты Повелительницы скоро исполнятся и тогда наступит время перемен. А колдунья мечтала о том, чтобы сделать всех своих слуг могущественными и богатыми настолько, что невозможно вообразить смертному в мечтах, врагов же подвергнуть пыткам, чтобы их души провалились в такие бездны страха, каких никогда раньше не знал ни один смертный...

Повелительница шла следом за девами. Она была одета точно так же, как когда выкачивала в чашу жизненный дух из тел пленных. Повелительница шла с достоинством, несмотря на то, что острые камни оставляли синяки на ее голых ногах, а ветер, пробравшийся в долину вместе с тенями, холодом обжигал ее обнаженную кожу.

Повелительница, как и ее девы, любила прогуливаться, — не важно, в одежде или без, — и не обращала внимания на тех, кто мог наблюдать за ней. Только однажды какой-то глупый путешествующий солдат позволил себе непристойное замечание в адрес группы великолепно сложенных женщин. Тут же его язык оказался словно приколот к небу. И только когда язык сгнил и почернел, а изо рта солдата стал исходить неприятный запах, заклятие пропало.

А потом нагноение, появившееся у провинившегося во рту, достигло мозга. Сквернослов умер в бреду, и те, кто слышал об этом, прониклись еще большим уважением к колдовской силе Повелительницы Туманов.

Тропинка от пещеры убегала вдоль северной стены долины и тянулась примерно на семь фарлонгов*. Она пробегала по уступу, вырезанному обитателями Кезанкийских гор. Местами уступ был естественным

* 1 фарлонг — около 201,17 метра. (Прим. переводчика.)

образованием. Иногда он превращался в каменную насыпь из валунов, огромных, как пастушья хижина. Эти камни держались без известкового раствора. В других местах воительницы шли по широкой кирпичной стене, вплотную примыкавшей к скалам.

Никто не обращал внимания на заплаты лишайника и отважные виноградные лозы, серебристый мох и карликовые деревья, искривленные из-за бедной почвы, облепившие тропинку со всех сторон. Все это говорило о том, что эта дорога очень древняя. Чужеземец, появившись в долине и решив изучить ее, мог бы высказать много самых разных мнений о тех, кто построил эту дорожку. И все из них были бы правильными и отчасти неверными.

В конце дорожки был расположен пролет деревянной лестницы, уводивший вниз по почти вертикальному склону высотой около восьмидесяти локтей. Рядом со ступенями возвышался толстый деревянный «журавль». Девы привязали шесты с чашей и веревками к крюку на конце балансира «журавля», а потом две воительницы спустились вниз, чтобы принять груз. Их Повелительница последовала за ними. Девы, что остались наверху, спустили чашу и присоединились к остальным, пока те распутывали веревки, затянутые вокруг шестов.

Все пять женщин не обращали внимания на изображения, вырезанные на скале возле «журавля». Девы видели эти картинки много раз, но не ведали об их значении, а Повелительница Туманов знала. Она понимала иероглифы давно погибшей империи Ахерона, чья магия до сих пор жила в варварских уголках мира в руках безумцев и тех, кто пренебрегал человеческими законами. Повелительница считала, что нет на Земле столь древних старцев из рода людского, кто мог бы понять значение ахеронских символов.

Повелительница Туманов имела много пороков, но она не была столь глупой, чтобы обращаться к чарам, вызывающим тени древнего зла. Женщины собрались у подножия лестницы, готовые идти дальше. В том месте, где они оказались, дорожка проходила по дну долины. Девы подняли чашу и понесли ее дальше.

Первые несколько сотен шагов тропинка шла среди деревьев. У самой дорожки росли молодые сосенки, примешивавшие свой резкий запах к мягкому аромату, исходящему от нескольких огромных кедров. Они возвышались над соснами, словно олени над стаей волков, и ни у кого из тех, кто видел эти деревья, не возникло бы сомнений в том, что растут они здесь давным-давно.

Дальше тропинка стала петлять по дну долины, между террасами возделываемых полей, перемежавшихся хижинами и рощицами. В долине уже начинало смеркаться. Но ее обитатели по-прежнему работали на полях или рубили лес. Но, хотя обитателей долины и нельзя было хорошенько рассмотреть, никто бы не ошибся и не принял бы их за людей. Сходство с людьми исчезало, стоило только подойти поближе.

Наконец тропинка привела к пригорку позади обнесенных стеной, крытых соломой хижин. Часовые на стене, огораживающей деревню, выглядели настоящими людьми. Они приветствовали Повелительницу Туманов жестами, которые были древними уже в те времена, когда священники Стигии приручали первых священных змей.

За долиной дорожка превратилась в каменную лестницу. Когда горы на севере окрасились в рубиновые оттенки, пять женщин добрались до валуна в два раза выше человека. На валуне грубыми растительными красками был намалеван глаз, окруженный синими спиралями.

За валуном лежала пещера. А внутри ее находился Глаз Тумана.

Конан не сомневался, что, если бы все дело было лишь в умении ждать, он и его афгулы уже сегодня получили бы необходимое преимущество. Туранцы торчали на солнце и прожарились, словно мясо на углях. Они не способны были и пальцем шевельнуть, разморенные жарой. А у Конана и его афгулов было убежище. По крайней мере они могли укрыться в тени.

Осаждающие могли иметь большой запас воды, чем афгулы, но в пустыне меха с водой быстро пустеют даже у самых стойких воинов регулярной армии. У тех же, кто не привык воевать в пустыне, в горле сухо еще до прихода вечерней зари, а если днем у них нет убежища, то к вечеру им приходится, бросив все дела, ехать за водой, разделив свои силы или вообще сняв осаду.

Однако исход этой осады не зависел от того, кто дольше простоят на коленях на раскаленной скале или еще более горячем песке. Все зависело от того, сумеет ли отряд Конана вырваться на свободу раньше, чем к туранцам подойдет подкрепление. Афгулы смогут выдержать осаду туранцев несколько недель или опрокинут их, бросившись в отчаянную атаку, и быстро и без мучений погибнут, задавленные превосходящими силами противника.

Конан задумался о капитане туранцев, который заботился о жизнях своих воинов не больше чем о помоях, выбрасываемых на улицу. Но киммериец также отлично знал, что боги не всегда вознаграждают добродетель, проваившись она в войне, любви или воровстве.

Раз у туранцев такой капитан, то нужно спровоцировать их на атаку.

Конан потянулся так же незаметно, как змеи жрецов Сета. Он распластался на скале и сжал в руке камень размером с лебединое яйцо.

— Эй, туранские псы! — закричал он. — Есть среди вас кто-нибудь достаточно храбрый, чтобы стать лицом к лицу с настоящим мужчиной? Или, увидев даже полумертвого стервятника, вы кидаетесь в бегство?

Конан продолжал выкрикивать оскорбления в том же духе, пока туранцы не стали высовываться из-за камней. Тут туранский офицер раскричался на своих подчиненных, попавшихся на столь безыскусную приманку. Он заставил их вернуться на свои места.

Сверху просвистела стрела. Она впилась в горло офицеру. Тот стиснул древко, согнулся, задыхаясь от крови, хлещущей из горла, а потом упал навзничь, и жизнь покинула его тело.

Это оказался единственный умный младший командир среди мучившихся от жажды глупых туранцев. Теперь никто не сдерживал осаждающих от отчаянной атаки, некому было собрать их на тот случай, если афгулы решатся на ответное нападение.

Проклятие и несколько стрел стали ответом туранцев на смерть офицера. Один из туранцев приподнялся, нацелив свой лук. Увитая тяжелыми мускулами правая рука Конана метнулась, словно кончик плети на хлысте возницы. Камень полетел не с такой силой, как мог бы вылететь из пращи, но довольно сильно ударил туранца в грудь.

Такого удара оказалось достаточно, чтобы сломать ребра и вогнать их осколки в сердце неосторожного воина. Этот туранец умирал дольше офицера и был уже мертв, когда его товарищ, выскочив, попытался затащить тело в укрытие.

Верность тоже наказывалась смертью. Три афгула выстрелили одновременно, двое попали в цель, и товарищ убитого Конаном туранца умер раньше, чем тело его, упав, вытянулось на песке рядом с мертвым другом.

Высоко наверху Фарад затянул старую песню афгулов — приветствие достойному врагу. Конан прошептал благодарность Митре за то, что она помогла ему убить туранца... если, конечно, Митру или любого другого бога волновало то, как люди умирают, и они обращали внимание на судьбы людей.

Конан хотел, чтобы туранцы или напали, или отступили. Бесконечное ожидание не приносило удовольствия. Тот, кто что-то предпримет в ближайшее время, и окажется победителем.

Киммериец снова выглянул из-за своего укрытия, прикрыв глаза рукой, защищаясь от солнечного света. Он разглядел вражеского капитана, который, видимо, был намного глупее убитого младшего офицера и теперь сам отдавал распоряжения своим людям.

Конан сразу понял, что это капитан, так как тот долго жестикулировал соответствующим образом. Казалось, прошла целая вечность. Мухи, привлеченные

запахом пота, выступившим на покрытой шрамами спине киммерийца, жужжали и жалили, но Конан не мог согнать их, так как боялся привлечь к себе внимание туранских лучников.

Волна движения прокатилась по рядам туранцев — от тех воинов, что находились в отдалении, к тем, что спрятались поблизости. Где-то ударили в барабан. Ему вторило не эхо, а другой барабан. На мгновение Конан испугался, что к туранцам уже подошло подкрепление.

Потом вдалеке раздались крики туранских воинов. Барабанный бой продолжал звучать. К нему присоединился звук горна. Наверху вызывающе закричал Фарад.

Конан выругался. Туранский капитан оказался умнее, чем предполагал киммериец. Видимо, по его плану часть атакующих должна была отвлечь внимание лучников-афгулов, затаившихся на утесах. Другая часть его отряда в это время собиралась атаковать Конана.

Так и случилось. И хотя в туранцев не полетело ни одной стрелы, они вели себя осторожно и, похоже, все время боялись попасть в какую-нибудь ловушку, подстроенную отчаянными воинами пустыни.

Не было ни ступени, ни тропки, которая вела бы к пещере Глаза. Голая земля, вытоптанная множеством ног за последние три года (и также — а Повелительница в этом не сомневалась — ногами людей за множество прошлых лет, подсчитать которые колдунья не могла), у входа в пещеру стала твердой, как скала.

Потолок широкой пещеры так низко нависал, что две из ее дев задевали его прическами. Каменная пыль припудрила их косы, а маленькие камешки, кости летучих мышей и других существ, обитающих в темноте, хрустели у них под ногами.

Ни одного лучика света не проникало в глубь пещеры. Но девы не зажигали факелов. Они много раз

ходили этим путем, а на тропинке, ведущей к Глазу, не могло скрываться опасных сюрпризов. Эту дорогу охраняла магия Повелительницы.

Лишь Повелительница знала, что означают изображения, вырезанные на стенах. Непосвященному они могли бы показаться природными образованиями, следами воды на камне, принявшими за прошедшие эпохи фантастические и причудливые формы. Насколько помнила Повелительница, которая видела их хорошо освещенными лишь однажды, резьба здесь была древней работы и, быть может, творением нечеловеческих рук.

Люди — нет, существа — разумные и искусные некогда обитали здесь, точно так же, как в других пещерах Кезанкийских гор, когда еще только закладывался фундамент империи Атлантов. «Король Кулл» — вот имя, которое дошло до колдуньи из неописуемой древности, но, когда были вырезаны эти надписи, не родились даже самые далекие предки Кулла.

Холодный ветерок гулял по пещере, поднимаясь из недр гор, но по-прежнему голая колдунья, казалось, не замечала его. Мысли о грузе лет, оставшихся у нее за спиной, — вот отчего Повелительницу Тумана бросало в холод — тот холод, который не успокоит ни одна сверкающая чаша.

Но ни одна мысль об этом не отразилась в ее взгляде. Колдунью можно было принять за скульптуру из слоновой кости или алебаstra, похищенную из какого-нибудь заброшенного храма.

Потом пять женщин вышли из тьмы на свет — алый свет Глаза, слегка отличавшийся от света внутри чаши, как два рубина могут отличаться друг от друга. Он струился вверх, и казалось, дыра в полу, откуда он исходил, заполнена жидкостью. Сама пещера была шириной шагов в тридцать.

Отверстие в полу в диаметре было в пол человеческого роста, и скала по краям его стерлась, став гладкой, как стекло, и предательски скользкой. Но это не остановило и даже не замедлило шаги пяти женщин. Они прошептались прямо к краю отверстия. Повелительница

подняла руку, и девы встали по двое по обе стороны отверстия.

Теперь чаша оказалась над отверстием. Ее крышка сама по себе стала слабо подрагивать. Может, звуки, исходившие из чаши, напоминали стук костей на ветру? Может, внутри так называемого Глаза находилось то же, что и внутри чаши? Повелительница знала, что в этом месте опасно прислушиваться к звукам, которые вроде бы и не слышишь, и приглядываться к тому, что вроде бы и не видишь.

Еще один жест, и девы, казалось, превратились в статуи. Только легчайшее движение грудей воительниц говорило о том, что они еще живы. Третий жест, и чаша, выскользнув из кожаных ремней, поднялась в воздух.

Колдовской сосуд едва ли поднялся выше голов дев, но те торопливо отошли назад. Повелительница не отдавала им никакой команды, но в этом не было необходимости. Ни одна из них не видела, что постигло деву, которая замешкалась, когда нужно было отойти от Глаза, но все живущие в долине слышали эту историю.

Они все знали о том, как Туман поднялся из Глаза и окутал деву, оказавшуюся в поле его досягаемости, о том, что случилось с ней. Это не мог бы вообразить себе даже безумный палач...

И вот девы удалились ко входу в пещеру, оставив Повелительницу одну с чашей и раскаленным светящимся алым Глазом. Колдунья села, скрестив ноги, на холодный камень и воздела к потолку обе руки. И еще она прикрыла веки. Даже находясь под охраной колдовства, смертному не стоило смотреть на то, что будет происходить дальше.

Алый свет стал сильнее. Он приобрел демонический оттенок. В человеческом языке нет слов, чтобы описать происходящее с чашей и ее украшенной знаком крышкой.

Свет вытеснил из пещеры все тени. В адском освещении колдовского пламени засверкали стены пещеры, столь же голые, как и Повелительница, но слиш-

ком гладкие для того, чтобы быть природным образованием. Тут камня касались руки вымершей расы, оставившей этот мир тем, кто пришел за ней следом.

Свет начал танцевать и менять цвет. Алое сияние превратилось в неприятный оттенок пурпурного. Потом он стал сине-багровым, который мог бы показаться естественным, если бы не бурлил, переливаясь, словно туман, разрываемый порывами сильного ветра. Световой столб поднимался над Глазом на высоту в два человеческих роста, но даже на толщину пальца не превышал ширину отверстия в полу.

Казалось, что светящийся туман находится внутри сосуда из удивительно чистого стекла, но на самом деле его ничего не сдерживало, кроме магии Повелительницы и, возможно, магии самого источника Тумана Судьбы.

Повелительница сейчас точно так же, как и ее девы, не могла ни двигаться, ни говорить. В этот миг ее магия соединила ее разум с сердцем Тумана. Призвав на помощь сноровку, приобретенную давным-давно, хоть и испытывая при этом страдания, Повелительница попыталась отогнать все страхи. Она боялась, что Туман не ответит ей так, как раньше.

В следующее мгновение вместе со страхами исчезла и чаша. Туман бурлил, пока не превратился в колонну синего света, поднимающуюся из Глаза. Он вытянулся к потолку и разбился об него, словно струя воды. И ничуть он не был похож на обычный туман.

Чаша поднялась вверх на волнах Тумана. Повелительница к этому движению не имела никакого отношения, но теперь она переключила свое внимания с Тумана на чашу. Колдунья воображаемыми, невидимыми пальцами скользнула под чашу и удерживала ее в воздухе, когда Туман схлынул назад в Глаз.

Только тогда колдовские силы отступили, и Повелительница смогла пошевелить руками и ногами. Она тихо произнесла заклинание, и чаша осторожно опустилась на землю. Прошло немного времени, и

появились девы, чтобы унести чашу. Они подождали, пока их Повелительница успокоится и перестанет трястись.

После того как колдунья осторожно опутала чашу волшебной сетью, укрепленной на шестах, воительницы собрались вокруг своей госпожи. Без всяких разговоров они осторожно приподняли ее и проводили назад по туннелю. Может, одна из них и взглянула на скалу, нависающую над головой, и вознесла краткую молитву богам, которым поклонялись они до того, как попали в долину.

Но если даже кто-то из них так и поступил, никто этого не заметил.

Прошло достаточно времени, для того чтобы успеть быстро перекусить. Туранцы собирались атаковать, но действовали не торопясь. Теперь они прятались вне досягаемости стрел афгулов.

Конан удивлялся, почему за это время среди туранцев не нашелся кто-то, хорошо умеющий лазить. Он мог бы подняться на скалы и напасть на афгулов с фланга. Или по крайней мере туранцы могли подняться на скалы и залечь, выжидая, готовые рвануться вперед, когда их товарищи нападут с юга.

Туранцы, если б они, конечно, набрались смелости атаковать афгулов среди скал, получили бы хороший урок. Но такой урок мог слишком занять афгулов, чтобы они смогли помочь Конану.

Киммериец позвал Фарада, приказав ему следить за северным отрогом гор, когда сигнальная труба туранцев взревела далеко справа. Со своего места Конан не видел, что там происходит. Звук медной трубы ответил слева. Этого трубача Конан тоже не мог разглядеть.

План врагов был понятен.

Тем временем дюжина или даже больше туранцев решили безрассудно рискнуть, бросившись в лобовую атаку. Конан перестал считать их, когда увидел еще полсотни всадников, гарцующих за пределами досягае-

мости афгульских луков. Сначала он подумал, что это подошло подкрепление. Потом он понял, в чем дело.

Сработал «волчий мешок». Всадники, как оказалось, были второй волной, следовавшей за первой. Мнение Конана о вражеском капитане стало еще лучше. Отличный план. Теперь первая волна нападающих с уверенностью может двигаться вперед.

Тут, как и следовало ожидать, туранцы выпрыгнули из укрытий, побежали к скалам. Конан натянул тетиву лука, выстрелил, натянул тетиву еще раз, выстрелил опять и приготовился стрелять в третий раз, когда туранец, сраженный первой его стрелой, еще только падал на песок.

Бросившиеся в атаку туранцы пригнулись, хотя они уже были рядом с киммерийцем. Но афгулы не стреляли. Туранцы неслись вперед, как если бы впереди их ждал золотой клад или демоны хватали их за пятки. Конан же продолжал стрелять. Туранцы шли прямо на киммерийца, словно скалы были из стекла или из тонких вуалей танцовщицы и видно было, что Конан поджидал их в одиночестве.

Еще один туранец упал на колени, но по собственному желанию. Он натянул лук и стал посылать стрелы в камни над головой Конана, пока его товарищи бежали вперед... Только теперь Конан услышал где-то наверху боевые крики туранцев, проклятия афгулов и ругательства на языке более чем дюжины других народов.

Туранская орда напоминала петлю виселицы — стоило попасть в ее тиски, и было уже не выбраться. Конан за то время, пока жил в Туране, на своей шкуре познакомился с этим.

Через несколько мгновений после того, как началась битва наверху, она началась и внизу. Туранцы бежали вдоль подножия скал к Конану, и никто не пытался препятствовать им, стреляя или бросая камни на их головы. Сейчас афгулы, не схватившись они с врагами, могли бы открыть огонь по тем туранцам, что оказались у подножия скал, но в этот раз их врагам суждено было добраться до Конана.

Однако лук не отменил другие, более древние виды оружия. Сколько обломков скал приготовили афгулы, Конан не знал, но на мгновение ему показалось, что с небес пошел каменный дождь. Он ответил тем же. Трое туранцев упали, двое снова поднялись, а один остался лежать там, где упал, так как Конан метнул камень, раскроивший ему череп.

Длинные ноги киммерийца уперлись в один из валунов, который он присмотрел заранее. Тот заскрипел, словно поросенок на бойне, когда Конан сдвинул его с места, а потом, оказавшись на покато́м склоне, валун сам покатился вниз.

До того как он скатился вниз, Конан столкнулся следом второй валун. Потом — третий и четвертый. Пытаясь сдвинуть с места последний камень, киммериец сжал челюсти. Свежий пот прочертил липкую дорожку по его лбу, и на какое-то мгновение Конану показалось, что с этим камнем ему не совладать. Потом и он последовал за остальными.

Конан едва успел отскочить назад, когда туранская стрела ударила в то место, где он только что находился. У него хватило времени лишь на то, чтобы увидеть, что его валуны рассеяли большую часть туранцев, когда те, кто остался на склоне, наконец-то добрались до него.

И вот началась беспощадная схватка. Конан использовал все свое искусство. Он преследовал две цели: убить как можно больше туранцев и держать нападавших как можно ближе к себе, чтобы ни один из них не смог одной стрелой закончить схватку.

Конан презирал лучников, считая их трусами, до того как сам научился стрелять из лука. Но он никогда не сомневался, что точно нацеленная стрела привела многих отменных воинов к преждевременному концу.

Киммериец готов был встретить смерть, если в этот раз боги решат позвать его. Но он ответит на их зов, окруженный врагами, с мечом в руке.

Варвар-северянин был на голову и две пяди выше самых могучих своих противников. Прибавить к этому широкий меч, гораздо больше подходящий для такого

боя, чем тулвары воинов Турана, и схватка могла продлиться много дольше, чем могло показаться.

Первому противнику Конан отрубил руку, державшую саблю, второму раскроил череп. Оба, упав, отгородили киммерийца от тех, кто шел сзади. Следующий туранец заколебался, оказавшись в пределах досягаемости меча Конана, и умер мгновенно. Двое оставшихся отскочили с ужасными ранами, освободив место для лучников.

Конан испугался, что в этот раз удача подвела его. Он не мог отказать своим врагам в хитрости. Но так как он собирался сражаться на короткой дистанции, то прыжком настиг двух туранцев, выскочив из укрытия.

Он врезался в них, словно камень. Один из туранцев отлетел к скале, ударившись о камень с такой силой, что лишился сознания. Конан пнул другого достаточно сильно, чтобы вызвать у противника замешательство. Тулвар выпал из одной руки туранца, кинжал из другой, и воин упал поверх своего оружия, а киммериец рассек надвое его череп.

Третий туранец подскочил, запрыгнув на камень, где стоял Конан. Кровь залила скалу, сделав ее скользкой, но киммериец-то был скалолазом от рождения. Про таких говорили, что у них глаза в пятках. Он знал, как сохранить равновесие на скользкой скале и предусмотреть, чтобы противник не сумел сделать то же самое.

Туранец, громко выкрикивая слова молитвы, попытался схватить Конана, надеясь, что тот упадет вместе с ним. Но киммериец, ударив туранца по виску плоскостью меча, ослабил его захват, вытащив свой кинжал, и изо всех сил вогнал его в тело врага. Туранец взвыл и, отлетев на камни, лишь расширил рану, вспоровшую ему пах и живот.

Падая, он задел одного из своих и повалил его. Конан добрался до них, прежде чем сбитый с ног туранец смог подняться. Варвар ударил его в грудь, сломав ребра, а потом отбил удары еще двух воинов и убил одного из них, пытающегося подобраться к тому, у которого были сломаны ребра.

Засвистели и зазвенели, ударяясь о камни, стрелы. Одна из них разодрала кожу на ребрах киммерийца достаточно глубоко, чтобы полилась кровь, смешавшаяся с пылью и залившая старые шрамы. Рана сильно замедлила движения северянина. Она могла даже прибавить еще один свежий шарм к коллекции Конана, но киммериец сейчас думал лишь о том, чтобы спрятаться, уйти с открытого места. Он обратил в бегство или убил тех туранцев, которые раньше служили ему щитом, защищая от стрел их товарищей. Теперь же он слишком вырвался вперед, чтобы вернуться в расщелину.

Взглянув вниз, он понял, что мудро будет отступить. Первая волна туранцев вышла из боя, и выжившие из второй волны не собирались приближаться. Трое из них погибли под ударами валунов, точно так же как лучник, раненный афгулами. Другие воспользовались луками, и ни у кого из них не хватило храбрости, чтобы встретиться с киммерийцем лицом к лицу.

Стрела попала в голень Конана, пока он поднимался назад к расщелине. В иных схватках он получал и худшие раны, но они навели Конана на мысль о том, что афгулы наверху могли и не отделаться так легко, как он. То, что они не выпустили ни одной стрелы, пока варвар сражался с туранцами, могло иметь много объяснений, но не предвещало ничего хорошего.

— Хо! — позвал он на том же диалекте, что использовал раньше. — Как у вас дела?

— Ассад убит, Карим ранен. Но мы разделились. Туранские псы забирались на скалы, словно они настоящие мужчины, но мы достойно встретили их.

— Сколько из них получило по заслугам?

— Немного, менее пятидесяти.

— Я не знал, что ты умеешь так хорошо считать, брат верблюда!

Некоторое время царило молчание, потом Фарад добавил:

— Меньше пятидесяти, но больше десяти, потому что мы не считали, скольких скинули вниз.

По расчетам киммерийца туранцы потеряли треть людей. Уехать сейчас, пока туранцы дрожат и ослаблены, или подождать прихода ночи, когда темнота спрячет их следы и холод освежит лошадей?

— Может, нам попытаться прорваться сейчас?

— Лучше подождем темноты. Я потерял только Ассада, но это не все. Растам и Джобир спустились к этим псам, принеся себя в жертву.

Конан знал, что без приказа Фарада афгулы с места не двинутся. По разумению горца, отходить следовало так, чтобы у туранцев не осталось шансов отправиться за ними следом, когда подойдет подкрепление.

Но если же отбросить заботу о своих товарищах, то Фарад думал иначе. А если заставить афгулов сделать то, что им не по нраву, то киммериец ведь мог расстаться со своей верной бандой с ножом Фарада в спине как-нибудь ночью по дороге в Коф... Никто не мог спросить с афгула, если он не из его же племени.

Так что они или поедут все вместе, или останутся здесь среди скал под охраной туранцев до тех пор, пока к тем не подойдет подмога.

Глава 4

Западный горизонт проглотил солнце. В небе погасли последние солнечные лучи. Пики Кезанкийских гор окрасились пурпуром, а потом стали серыми в свете звезд.

Обычный туман затянул вход в долину Повелительницы Тумана, когда Махбарас спустился к своей палатке. По крайней мере он смог убедить себя, что этот туман — порождение ночи, а не колдовских чар.

Он был встревожен и продолжал бороться с запавшими в память старинными историями о могучей магии, скрывающейся в горах, — магии, которой Повелительница, увы, владела не так уж хорошо. Впервые капитан услышал эти истории еще в детстве от своей няни,

а позже узнал и другие версии, так что теперь он сомневался, что эти рассказы были всего лишь фантазиями старой женщины.

К тому же ему ничего не оставалось, как отдавать приказы другим, и люди выполняли их, так как иначе их могли изгнать из долины, а то и заколдовать. Хотя Махбарас сомневался, что сам он снова увидит Кезанкийские горы, он решил не бросать своих людей и не пытаться сбежать.

В эту ночь он ляжет спать пораньше, чтобы быть готовым выполнять свои обязанности на следующий день.

Когда на небе зажглись звезды, скалы стали остывать. В расщелине зашевелились лошади. Сверху упал камешек, потом еще два. Потом один за другим оставшиеся в живых афгулы спустились вниз.

Один из них обмотал раненую руку турбаном убитого товарища. Черные бусинки крови застыли на его нижней губе, которую он прикусил, чтобы не кричать от боли.

Афгулы собрались вокруг Конана. Глаза их сверкали. Они заплели свои бороды и заткнули их в складки одежды, потом обмотали тканью шею и нижнюю часть лица. Это означало, что они клянутся победить или умереть.

Конан же не давал никаких клятв. Он хотел найти какой-нибудь другой выход, и не в его духе было воевать ночью.

— Тот, у кого осталась вода, пусть отдаст ее лошадям, — приказал Конан. — Из луков не стреляйте, пока не сможете хорошенько разглядеть мишень. В первую очередь убивайте лошадей, а не всадников.

Афгулы закивали. Конан сильно сомневался, что говорит им что-то, о чем они еще не знают. Его спутников не нужно было успокаивать, и киммериец это знал. Но предводитель афгулов всегда говорит речь перед битвой, собрав своих людей, хотя бы для того, чтобы доказать, что страх не сковал его язык.

— Если нам придется разделиться, мы встретимся в Оазисе Девственницы. — Конан сказал, на каком примерно расстоянии находится оазис, и объяснил ориентиры, а потом спросил: — Вопросы?

Заговорил Фарад.

— Да, есть вопросы. Как же случилось так, что боги занесли женщину в пустыню и при этом она осталась девственницей?

— Один раз давным-давно произошло нечто подобное, или по крайней мере я так слышал, — ответил Конан. — Люди тогда были не то что теперь, в наше время, и, конечно, среди них не было афгулов.

Все рассмеялись непристойной шутке. Смех подхватило эхо. Конан поднес палец к губам, призывая к молчанию.

— Не все туранцы спят, и не все, кто бодрствует, дураки. Скорость и тишина, или мы составим компанию нашим погибшим товарищам.

Афгулы молча кивнули и вернулись к своим лошадям.

На скалах остались только мертвые. Они сжимали рукояти своих кинжалов, воткнувших им под ребра, по обычаю афгулов. Суровые боги этой суровой земли знали, что сердца их пронзила своя же сталь. Теперь духи погибших станут друзьями живых и проследят, чтобы их сородичам повезло.

Но, если бы духи мертвых афгулов в эту ночь наблюдали за равниной, они не увидели бы ничего и ни одним словом не предупредили бы своих оставшихся в живых друзей. Ни афгулы, ни киммериец не заметили тени, бесшумно подползающие из отдаления, прячущиеся среди барханов. Они не видели, как посыльный отделился от отряда выжидающих внизу туранцев. Он полз змеей, пока не добрался до скал, которых от расселины видно не было.

Только духи могли видеть, как вскочил он на коня, которого держали наготове четыре всадника с пиками

и щитами регулярной туранской кавалерии из отряда Зеленых плащей. Только духи могли видеть, как мчался вестник в ночи, пока не встретил стройного, моложавого туранского капитана, который со своим воинством расположился на отдых среди скал.

И только духи могли слышать, что сказал посланник капитану, и видеть, как тонкое лицо туранского офицера расцвело сухой усмешкой.

Три афгула с луками забрались на самые большие валуны, оставшиеся после битвы у входа в расселину. Афгулов осталось слишком мало, даже меньше, чем бы хотел Конан. И теперь он вел тех, кто остался, в бой, хотя даже они не все могли сражаться. Его люди сделали все, что могли, и если все они скоро погибнут, то лишь потому, что их слишком мало...

Конан попросил нескольких афгулов повторить указания о том, как найти Оазис Девственницы. Они хорошо запомнили дорогу. Потом северянин вместе с Фарадом повел воинов к выходу из расселины.

Ни боя барабанов, ни воя труб, ни наблюдателей, ни окриков часовых, напоминающих вопли мартовских котлов. Молчание встретило афгулов. Или им улыбнулась удача, или они направлялись прямо в ловушку...

Конан проглотил боевой крик киммерийцев. Радуюсь, что противники не проявили никаких мер осторожности, он решил, что не стоит будить спящих. Вместо этого он шлепнул жеребца Фарада по крупу и вскочил в седло своей лошади. Вот Конан поднял руку, сделав подбадривающий непристойный жест, и дождался, пока оставшиеся афгулы спустятся и сядут на коней, а потом прищипорил свою лошадь.

Всадники заскользили вниз по склону быстрым галопом, подняв облако пыли. В холоде ночи пар от дыхания людей и лошадей прибавился к песчанной пыли поднимающейся из-под копыт.

Они проехали мимо неподвижных мертвецов и безмолвных обреченных раненых, которые стонали, ожи-

дая прихода смерти; и затаившихся туранцев, которые, как думал Конан, не решились заступить им дорогу, чувствуя себя посрамленными. У беглецов не было времени помочь живым врагам присоединиться к их мертвым товарищам. Афгулам ничего не оставалось, как оставить туранцев у себя в тылу. Ставкой в этой скачке была жизнь. Если случится битва, то беглецам нельзя было потерять ни одного человека, их и так осталось слишком мало.

Афгулы выехали из тени скал. Луна давала достаточно света, позволяя избегать ям и трещин в земле. Беглецы скакали галопом. Измученные лошади не смогли бы долго нестись рысью. А если даже и могли, то было бы лучше побережь их на тот случай, если туранцы заметят беглецов. Туранцы расположились слишком близко, чтобы беглецы смогли ускользнуть невидимыми.

Или могли? Могли ли туранцы уступить беглецам дорогу, не атакуя и не издавая предупреждающих криков. Конан задумался об этом. Его банда здорово наказала туранцев сегодня днем. Могли ли те отступить, зализывая свои раны и дожидаясь подкрепления?..

Однако больше всего ситуация напоминала ловушку, и афгулов об этом предупреждать нужды не было. Его люди и так держались настороже, ехали, натянув луки и держа тулвары наготове. Взгляды их беспрестанно пытались проникнуть сквозь черные покровы ночных теней; они оборачивались на любой самый тихий звук, не заглушенный стуком копыт.

Беглецы уже отъехали достаточно далеко. Конан же чувствовал привычный зуд между лопаток, который означал, что где-то рядом его поджидает ловушка. Он поднял руку, и афгулы натянули поводья и собрались вокруг него.

Всадники стали снова вглядываться в ночь, изучая каждый ходник пустыни в надежде обнаружить затаившуюся опасность. Единственный сухой овраг, который лежал впереди, был слишком глубоок, чтобы всадники смогли разглядеть, не прячутся ли там враги.

Конан вглядывался во тьму до тех пор, пока ему наконец не показалось, что он заметил какое-то движение среди теней, но он был уверен, что это всего лишь игра его воображения. Слишком часто стоял он на страже ночью и знал: ночь прислушивается к человеческим страхам — если пялиться во тьму слишком долго, увидишь то, чего и вовсе нет.

Наконец Конан махнул рукой, указывая на север, выбрав путь, проходящий как можно дальше от оврага.

— Я хочу отправиться в путь по ровной дороге. Но туранцы на этом фланге (если, конечно, они устроили нам засаду) могут оказаться более внимательными. С другой стороны, вы можете никогда так и не увидеть Оазиса Девственницы, и одинокая дева так и останется посреди пустыни!

Приглушенное хихиканье пронеслось облаком пара, а потом банда поскакала дальше.

Молодой туранский капитан тихо выругался, когда часовые зашумели, передав ему послание. Их враги не обладали мудростью воинов пустынь, как ветераны Турана, но были закаленными воинами и не глупцами.

Он выругался снова, получив следующее послание. Афгулы и в самом деле оказались не дураками. У них был очень наблюдательный и проницательный предводитель, даже если он не был тем человеком, которого искал капитан. Два из трех отрядов, на которые капитан разделил свое воинство, уже почувствовали на своей шкуре, как трудно тягаться с афгулами.

Капитан туранцев не знал много молитв, так как немногие боги давали обещания (их священники обещали больше, но кто станет верить священникам?) и уж совсем немногие выполняли их. Однако он кратко попросил Митру помочь ему, если этой ночью выяснится, что большая часть его людей погибла, пытаясь схватить не того, кто был ему нужен.

Но предводитель афгулов был похож на того человека, которого искал капитан. Однако ни от кого

из своих подчиненных туранский офицер не смог добиться правдивого и полного описания этого воина. Лишь немногие, кто оказался близко к дикарю, остались живы, к тому же капитан не хотел, чтобы кто-нибудь из его людей догадался, кто предводитель афгулов.

Не важно было, по каким причинам офицер, служивший Турану, хотел захватить живьем этого человека. Сейчас в Туране с легкостью обвиняли в измене кого угодно точно так, как с легкостью гниют лилии в пенной стоячей воде. Даже если капитану удастся избежать такого обвинения (хотя такое возможно, потому что измена каралась смертью, а у капитана были враги, которые даже спать не могли, зная, что он жив), то те потери, что понесла его армия в схватке с афгулами, несомненно, повлекут за собой понижение в чине.

Перед ним мог даже встать выбор между возвращением в фамильное поместье, жизнью там, пока его не вызовут из ссылки какие-нибудь придворные интриги или пост хранителя стремян и попон где-нибудь далеко на юге в землях Иранистана. Ныне же пост его был почетным, и самое главное было в том, что он, командуя Зелеными плащами, уже завоевал их уважение. Капитан не хотел расставаться со своими людьми.

Завывания ветра пустыни не давали капитану сосредоточиться. Если человек, ведущий афгулов, был тем, кого искал капитан, то жизнь и смерть не имели для туранского офицера никакого значения. Туранец видел этого человека в сражении лет пять назад и изучил все рапорты, касающиеся его. Мечтая схватить его, туранец за последние годы участвовал во многих битвах и совершил много путешествий.

Наконец капитан отбросил сомнения и поднял пику. Рядом с ним поднял пику младший офицер, но на конце его пики словно выпел был подвешен маленький фонарик, открытый лишь с одной стороны.

В трех холмах от них на фоне звезд блеснул другой фонарь, но он, как только сигнал был подан, сразу же погас. Капитан подождал, пока к небу вздыбились

джунгли копий и сдерживаемое, неглубокое дыхание не подсказало ему, что ветераны готовы выступить.

Тогда капитан дал шпоры, и его конь вылетел из оврага, взметнув к луне облако пыли.

Конан кратко выругался, но, когда туранцы выехали из оврага, у беглецов почти не осталось времени скрыться. Неприятно почувствовать, что ты был прав, когда уже слишком поздно, чтобы поступить так, как нужно.

Северянин выругался снова, но решил побереечь дыхание. С другой стороны, он боялся, что посеет уныние в рядах афгулов. Крепкие воины, они тоже держались на пределе своей выносливости. И без того зыбкая надежда на то, что им удастся бежать, теперь повисла на волоске, но еще не растаяла... Несколько туранцев, оказавшихся на пути афгулов, умерли быстро...

После этого войско туранцев могло приунуть. Афгулы почти вывалились из западни.

Конан потянул узду, направляя лошадь чуть левее. Обычно командир располагался на правом фланге цивилизованного войска, правда, тут сейчас не было ни того ни другого. Если командир туранцев по привычке находился на правом фланге своего отряда, то он подвергался большой опасности, ведь клинок Конана не знал пощады.

— Пришпорьте коней, сабли наголо, пригните головы! — закричал варвар, увлекая афгулов налево.

— Что?.. — начал было спрашивать один из них. Кто-то с яростью фыркнул на глупца, не понимавшего, что время спорить прошло.

Афгул смолк. Никто из отряда Конана больше не произнес ни одного слова, или, по меньшей мере, никто не услышал этого из-за стука копыт, тяжелого дыхания лошадей и топота погони. словно вихрь пронеслись они мимо отряда туранцев и полетели по пустыне.

Очень быстро расстояние между ними и погоней оказалось слишком большим даже для выстрела хорошего лучника, да и стрелять-то афгулам не стоило — слишком мало осталось у них стрел. Сквозь перистые облака

серебристо-сияющим диском проступала луна. Темная тень легла на пустыню. Снова началась скачка, где ставкой была жизнь.

Лошади афгулов не падали, хотя половина из них шатались и шкуры у всех блстели от пены. И вдруг Конан услышал зов военной трубы у себя за спиной. Ночь становилась все холоднее. Стало так холодно, что, казалось, холод пронзает внутренности, словно вражеские копья. Неожиданно Конан услышал, как трубе туранцев ответил боевой рог где-то впереди.

Звук донесся издалека, так что киммерийцу пришлось прислушаться, чтобы окончательно быть уверенным, что слух его не подводит, но впереди на дороге, ведущей в ночную пустыню, без сомнения, затаился еще один отряд. Теперь туранцам не нужно было даже устраивать «волчий мешок» для своих жертв. Они могли окружить афгулов и задавить их числом, если впереди дорога перекрыта.

Взгляд Конана шарил по пустыне. Он заметил несколько осыпавшихся скал, которые могли бы помочь афгулам в последней битве. Впереди больше не было никаких укрытий, и теперь киммериец хотел бы знать, сколько врагов гонятся за ними и были ли афгулы такими же выносливыми, как воины его родного племени.

Впереди лежала пустыня. Барханы, но не слишком высокие, чтобы спрятать всадников. Чуть правее протянулись отроги гор. Облака по-прежнему скрывали луну. Ничего далее расстояния в половину полета стрелы рассмотреть было невозможно, даже имея орлиное зрение Конана.

Снова протрубили рог и труба, но в этот раз намного ближе. Конан прислушался, пытаясь решить, есть ли впереди туранцы на его пути или беглецам все же удалось обогнуть их фланг. Если же туранцы собрали на этом фланге достаточно сил, имели свежих лошадей...

Конан прислушивался к звукам ночи и неожиданно понял, что стиснул рукоять своего меча так крепко, что ногти впились в шагреневую кожу отделки. И тогда он рассмеялся. Любой нормальный человек, услышав

этот смех, почувствовал бы холод сильнее ночного мороза, потому что в этом смехе звучала ярость киммерийца.

Казалось, туранцы впереди были чуть правее отряда Конана. В темноте их преследователи могли не понять этого до тех пор, пока не окажется слишком поздно. Расставленная ловушка сработала, но, быть может, она окажется слишком слабой, чтобы удержать столь грозную жертву?..

Киммериец слишком часто водил отряды и не сомневался, что в определенные, самые напряженные моменты все воины в отряде могут читать мысли своего командира. Так пусть они почувствуют надежду и отвагу в его сердце, иначе битва окажется проигранной до того, как начнется.

Справа горы расступились, и открылась насыпь, круто уходящая вверх, к перевалу между двумя невысокими горами. Взгляд Конана метнулся в ту сторону, но киммериец не заметил там ничего опасного. Тут лошадь одного из афгулов споткнулась. Всадник зашептал ей на ухо что-то подбадривающее, дал шпоры, но лошадь не могла нестись дальше. Она пала, всадник выскочил из седла. Он приземлился на ноги, метнулся к одной из запасных лошадей, схватился за луку седла и запрыгнул в седло так, что лошади даже не пришлось замедлять шаг.

— Йа-хаааа! — закричал Конан. Туранцы станут с содроганием вспоминать сечу, которую он устроит, прежде чем его закопают в песок или принесут в жертву стервятникам. Афгулы даже могли вырваться из ловушки, если бы им удалось добраться до перевала и там не оказалось бы туранцев.

Воины Конана добрались туда, но дальше пути не было. Подъем оказался слишком крут для измученных лошадей, и одна из них даже сбросила всадника. Конан услышал, как голова афгула ударилась о скалу, и увидел, что упавший воин больше не шевелится. Но киммериец не мог отступить.

— Йа-хаааа! — снова закричал Конан и пришпорил свою лошадь. Возможно, по ту сторону хребтов лежали земли, где могли укрыться пешие воины. Но пустыня —

место не для пешего человека, даже если он такой выносливый, как афгул. К тому же преследователи неслись за ними по пятам.

Был только один способ выиграть время для афгулов, чтобы они успели подняться по крутому склону, и только один человек из их отряда годился для этого. Лошадь Конана зашаталась, когда он грубо развернул ее. А потом он поскакал назад, вниз по склону. Чуть отъехав, Конан дал шпоры.

Несясь вперед, сквозь стук копыт он услышал голос одного из скакавших ему навстречу туранцев. Наполовину заглушенный пением труб, казалось, гремевших со всех сторон, голос этот прозвучал очень знакомо. Но человек, которому мог бы принадлежать этот голос, никогда бы не отдал безумный приказ, который услышал Конан:

— Схватите великана живым, чего бы это ни стоило!

Предводитель туранцев в эту ночь мало заботился о жизни людей и не волновался, станут ли они повиноваться ему завтра. А может, он считал, что схватить киммерийца будет проще простого.

В следующее мгновение Конан оказался окруженным всадниками. Они были вооружены пиками и скакали, низко пригнувшись в седлах. Сначала им не повезло. Конан, когда его лошадь врезалась в гущу врагов, одним махом вышиб из седел пятерых.

Но три пики и меч оставили грубые отметины на шкуре кобылы Конана. Та заржала, словно дух, обреченный на вечные страдания, и так резко встала на дыбы, что Конан вылетел из седла. Его отшвырнуло назад, но он сумел приземлиться на ноги. Лошадь его пала. Обнаженный меч Конана прочертил смертоносный полукруг, и ржание туранских лошадей утонуло в предсмертном крике его кобылы.

Потом пика обрушилась на плечо варвара. Удар потряс даже могучего Конана. Меч крутанулся в его руке и обрушился на воина с пикой. Варвар вскрыл противнику грудную клетку, несмотря на отличную туранскую кольчугу, но клинок северянина на мгновение застрял в труп.

Другая пика ударила из темноты, разодрав предплечье киммерийца. Удар парализовал руку, и меч выпал из ослабевших пальцев. Конан выхватил кинжал и метнул его в ближайшего всадника... но ему нечем было защититься от трех воинов, наезжавших слева и сзади.

Посыпались удары тупыми концами пик, и тьма ночи поглотила Конана.

Капитан туранцев натянул поводья, когда оказался на расстоянии вытянутой руки от группы воинов, склонившихся над предводителем афгулов. Офицер не сомневался в том, что эти люди точно исполнят его приказ, сполна заплатив своими жизнями, кровью и болью. К тому же он сомневался, что после схватки в ночи они разберутся что к чему.

— Кто едет?

Отлично, это был сержант Бэрак. Он был спокоен, как песчаные барханы, и почти столь же неподвижен.

— Ваш капитан.

Почему туранский офицер был уверен в том, что схватил того, кого искал? Человек, лежащий на земле, мог оказаться совсем не тем, кто был нужен. К тому же он был без сознания. Не важно. За многие годы службы капитан научился прислушиваться к своей интуиции. Именно такие импульсы сохраняли его спину от мечей врагов и от опалы императора... хотя порой это было одно и то же.

— Дайте дорогу капитану, — распорядился Бэрак голосом, не похожим на свой обычный бычий рев. Капитан спешил в разомкнувшемся кругу воинов и шагнул вперед, чтобы посмотреть на лежащего перед ним человека.

Да, это был тот, кого искал капитан. Он дышал, и казалось, у него нет серьезных ран, не задеты никакие жизненно важные органы. Но даже если и были какие-то раны и кровь, покрывающая его одежды, отчасти его, то поправится этот пленный быстро. А когда он сможет сражаться, капитан исполнит свои планы. Почти десять

лет, прошедшие с их первой встречи, ничуть не уменьшили колоссальной силы человека, лежащего на земле, если истории о нем, которые достигли ушей капитана, хотя бы на треть были правдой.

— Сколько наших товарищей он убил?

Ответы прозвучали слишком неразборчиво. Наконец сержант призвал к порядку и стал задавать вопросы резким тоном. Потом он обратился к своему капитану:

— Девять, повелитель, и еще пятеро смертельно ранены.

— Я вознагражу родственников всех, кто погиб сегодня ночью, а тех, кто остался в живых (из несущих пограничную службу), по желанию отпустят домой.

То ли встряска, то ли почтительность, то ли благоразумие из опасения, что среди них может оказаться шпион императора, оказались причиной, но воины молчали. Кто-то спросил:

— А много дадут нам денег в награду за его поимку?

Это был более чем благоразумный вопрос, и задал его тот, кто не знаком был с тайным источником дохода капитана.

Но даже если от сокровищ, что припрятал капитан, не останется и медной монетки, он не станет грустить, если его план удастся. Капитан не любил замалчивать награды, но посчитал, что сейчас нет времени говорить об этом.

— Сколько людей было с ним? — задал капитан следующий вопрос.

— Мы вывели из строя семнадцать, — ответил сержант. — Похоже, что их было около полусотни, судя по количеству лошадей. Но они удрали...

Сержант, по-своему умный, знал, как сообщать офицерам неприятную правду, не облекая ее в конкретные слова. Тон человека и его поза, пусть даже разговор происходит в темноте, и так скажут капитану, что люди не хотят больше преследовать афгулов.

Но оказалось, уловки ни к чему. Те, кто убежал, мало интересовали капитана. Пленный же, с другой стороны...

— Сколько афгулов вы взяли в плен?

— Четверо до сих пор живы, хотя один из них не доживет до зари.

— Перережьте ему глотку и прочитайте над ним молитвы, какие положено. Остальным перевяжите раны, особенно этому, и приготовьте для них лошадей с носилками. Мы поедem в Оазис Девственницы.

Бэрак лишь кивнул головой вместе со всеми и сказал:

— Как прикажете, мой повелитель.

Но не только его лицо выражало недоумение... Или у капитана есть какая-то тайная причина так поступать, или он сошел с ума.

Глава 5

Конан проснулся в палатке. Это его не удивило. Точно так же, как то, что ноги его прикованы к крепкой жерди, вбитой в землю в центре палатки. Кандалы, присоединенные к другой цепи, стесняли движения его рук, но слева от него на земле в пределах досягаемости стояли кувшин с водой и тарелка с плоской туранской хлебной лепешкой.

По-настоящему Конана удивило лишь то, что он все еще жив. Видимо, туранцы беспрекословно подчинялись своему капитану, раз они взяли Конана в плен после резни, которую устроил киммериец. Конан чувствовал синяки, порезы, одну или две легкие раны, но все они были вычищены, промыты и даже перевязаны.

Видимо, кто-то хотел, чтобы Конан остался жив. По какой причине, варвар мог только гадать. Он поклялся спросить об этом первого же человека, который войдет, и, если ответ ему не понравится... цепь была достаточной длины, чтобы Конан смог прикончить по крайней мере одного врага. А если он сможет разорвать ее, точно так, как в молодости рвал цепи, ничуть не уступавшие этой, то разорванная цепь превратится в его руках в оружие, которого испугается любой опытный воин.

Конан сел. От жажды у него пересохло во рту и в горле, кузнечные молоты стучали в висках. Неуклюже подняв кувшин, киммериец опустошил его несколькими

глотками. Он потянулся за хлебом, когда заметил какое-то движение за пологом палатки.

— Принесите пожрать! — закричал Конан. — Принесите мне немного мяса, которого может отведать мужчина, или пришлите вашего капитана, и я сожру его!

Полог палатки громко хлопнул, когда гневный крик Конана услышал невидимый страж. Видимо, он отправился куда-то... Конан усмехнулся, взяв хлеб с тарелки. Потом он был слишком занят тем, чтобы съесть этот кусок хлеба, до того как кто-нибудь войдет.

Туранский хлеб был грубой пищей, даже когда был свежим, а этот к тому же зачерствел, но пища должна была дать варвару силу для дальнейшей борьбы. А он непременно станет бороться за свою жизнь. Конан не собирался равнодушно принять смерть, которую туранцы заготовили для него, к тому же у него остались товарищи, готовые отомстить за него, если он погибнет.

В этот день в лагере туранцев будет два мертвых часовых. Первым станет тот, кого туранцы оставили следить за Конаном. Вторым — тот, кто попытается оттащить первого.

Приняв такое решение, Конан опустошил тарелку точно так же, как и кувшин. Отрыгнув, он осторожно попробовал крепость цепи и остался доволен.

Цепь оказалась достаточно тяжелой, но заклепки, крепившие ее к кольцам в стене, оказались из другого материала. Даже при первой, осторожной пробе Конан почувствовал слабинку, которая вселила в него надежду... и успокоила его.

Его отец никогда не сделал бы такой дрянной цепи!

Капитан проснулся, разбуженный, оторвавшись от пиршества в царстве грез, где рекой лилось пахучее вино и столы ломились от медовых пирогов и свежих фруктов; где его ждала кровать, застеленная шелковыми простынями, и пригожая дама, готовая разделить с ним постель. В реальном мире она умерла несколько лет назад.

Наяву его ждал завтрак из хлеба и куска колбасы, которые можно было запить лишь теплой водой. Туранец не мог определить, чье мясо использовали, чтобы сделать эту колбасу, но после третьего кусочка он решил, что не хочет этого знать. Аппетит, однако, взял свое, и он доел колбасу, которая словно кирпич плюхнулась на дно его желудка...

Капитан подправлял усы, когда вошел сержант Бэрак.

— Пленник-великан проснулся.

— Как он перенес путешествие?

— Здоровья у него хватает на то, чтобы ругать стражей последними словами, или, по крайней мере, я так слышал.

— Хороший признак. А другие?

— Афгулы?

— Как они? Ведь они так далеко забрались от дома... я был удивлен.

Заявление капитана граничило с ложью. Он был поражен и потрясен. Сюрпризом оказалось то, что у киммерийца оказалась связанная клятвой стража из афгулов, если в историях об Афгулистане, что ходят последние два года, есть хоть крупица правды.

К тому же для того, чтобы скрыть свои чувства, у капитана имелась веская причина. Он хотел знать, может ли кто-то из его людей узнать пленного. Скорее всего немногие, и то в лучшем случае через какое-то время.

— Я пойду навещу гиганта. Держи вино и колбасу наготове, когда я войду в палатку. Афгулам пригрози, как мы делаем обычно с пленниками, но не позволяй никому причинять им вред и проследи, чтобы сами они себе чего не повредили.

— Как капитан пожелает, — ответил Бэрак. Снова офицер понял, что в словах сержанта таится вежливый упрек.

— Люди недовольны?

— Нет, даже те, кто потерял своих друзей, не озлобились. Но все сгорают от любопытства.

Неудовлетворенное любопытство могло превратиться в досаду. А тогда мятеж вспыхнет быстрее, чем ветер пустыни сдует плохо закрепленную палатку. Капитан

однажды уже попадал в подобную ситуацию и выжил лишь благодаря тому, что всегда держал нос по ветру. Какую-то секунду лицо его ничего не выражало.

— Я должен как можно быстрее поговорить с нашим пленником, чтобы удовлетворить свое любопытство, — сказал капитан. — Когда я получу ответы на свои вопросы, я все объясню людям.

Сержант кивнул. Он выглядел скорее безропотно покоровшимся, чем счастливым, но сержанты так всегда смотрят на начальство и на планы начальства, которые не понимают.

Капитан закончил подправлять свои усы, почистил зубы, потом оделся надлежащим образом, в том числе надел под кольчугу тунику, поверх которой натянул рубашку и металлическую юбку, а стальной шлем спрятал под тюрбаном. Из оружия он взял с собой лишь кинжал.

Если ему удастся заключить договор с пленником, оружие ему и вовсе не понадобится. А если нет — никакой меч, топор или лук его не спасут.

Только Конан решил, что за ним не наблюдают и что пришло время попытаться вырвать клепки цепи, как громко хлопнул полог палатки. Вошел капитан туранцев, с головы до ног одетый в шелка. За пояс у него был заткнут кинжал, украшенный драгоценностями.

«Еще одна высокородная собачка Еиздигерда», — такой была первая мысль Конана.

Потом он разглядел, что шелковые одежды достаточно поношены, покрыты пятнами и заштопаны после долгой службы. Кушак выглядел слишком тонким, чтобы в нем можно было спрятать нож, а клинок кинжала, возможно, стоил столько же, сколько украшающие его драгоценности. Но вошедший держал себя как дворянин, походил на молодого волка и был на голову ниже киммерийца.

— Хорошо, Конан. Не скажу, что встреча наша получилась очень любезной, но должен спросить тебя: помнишь ли ты меня?

Конан знал туранский язык достаточно хорошо, чтобы писать на нем стихи, если, конечно, у него когда-нибудь возникло бы такое странное желание. Акцент капитана выдавал в нем дворянина самых высоких кровей — столь высокородного, что он вполне мог бы играть роль комнатной собачки Еиздигерда.

Киммериец внимательно оглядел своего гостя. Он начал вспоминать, где видел его раньше, и решил, что этот туранец раньше был тоньше и борода его не так выцвела в лучах солнца пустыни, но...

— Кром!

— Нет, это я, Конан. И я не сижу на ледяном троне в холодной пустыне, глаза на всех тех, кто осмеливается просить меня хотя бы о минимальном покровительстве. Или на ледяном троне теперь сидит какой-то другой киммерийский бог?

— Ты почти верно угадал, Хезаль, сын Ахлброса... или близнец Хезаля, если такой у него был.

— Был только один Хезаль, и он перед тобой.

— Тогда садись. Я не хотел бы когда-нибудь рассказывать о том, как мой друг стоял в моем присутствии, даже когда я не в том положении, чтобы оказать ему положенное гостеприимство.

Какая-то тень проскользнула по лицу Хезаля, когда его назвали «старым другом». Конан не мог понять, что это. Может, туранец по-иному оценивает то, что было раньше между ними? Хотя, быть может, он объяснит, что планирует и какая роль в этих планах отводится киммерийцу?

Хезаль сел. Он сменил непреклонность на добродушие.

— Новые планы, Хезаль? Разве с годами старость не берет тебя?

— Конан, я на три года моложе тебя, так почему же мне надо становиться сумасбродом, дремлющим у домашнего очага. С каких пор твоя речь стала глупой и оскорбительной?

Если Конан раньше и сомневался, Хезаль перед ним или нет, то теперь сомнения его рассеялись. Уклончивая речь была в духе того молодого капитана, который сра-

жался рядом с Конаном против зверей, созданных Волшебными камнями. Десять лет, что прошли с тех пор, сделали манеры туранца лучше, отточив его умение сидеть в седле, но в нем все же можно было признать того самого юношу.

— Если это вопрос, то пусть гончие Эрлика покусают тебя. Что с моими людьми?

— Трех мы похоронили с соответствующими обрядами, а двоих держим как почетных пленников. Остальные бежали.

— Могу я увидеть тех, что в плену?

— Когда мы...

— Сейчас.

— Конан, ты определенно не в том положении, чтобы диктовать условия.

— Не согласен. Я в отличном положении. Ты чего-то от меня хочешь. Пока я окончательно не откажусь от твоего предложения, ты в худшем положении, чем я.

— На самом деле твое положение может стать намного хуже...

— Каким образом тебе удастся это сделать, не рискуя моей жизнью? А смерть одного человека не поможет осуществиться планам другого, оставшегося в живых. Уверен, тебе-то это объяснять не нужно.

Хезаль пробормотал что-то, что можно было расценить как воззвание то ли к богам, то ли к демонам. Конан рассмеялся.

— Я не собирался начинать нашу встречу с ссоры. Но, видно, между нами когда-то была дружба, как я и представлял себе, иначе я проснулся бы с перерезанным горлом. Однако мы поссоримся, если я не смогу увидеть своих людей.

— Конан, во имя Эрлика, Митры, Вашти и Крома, так мы и правда, чего доброго, дойдем до ссоры. Послушай, ногами Дессы и великолепными грудями Пайлии кланусь, твои люди в полной безопасности.

Конан рассмеялся:

— Я почти поверил твоей клятве... Как дела у прекрасных дам?

Лицо Хезаля стало печальным.

— Пайлия умерла. Рассказывают, что она вызвала на соревнование какую-то молодую соперницу, поспорив о том, кто утомит больше мужчин за одну ночь. Она выиграла, но умерла.

— Вспоминая характер Пайлии, я, пожалуй, поверю в это. А Десса?

— Она держит свою таверну. До этого несколько лет помогала Пайлии. Когда в последний раз я ее видел, она преуспевала и надеялась, что ей никогда не придется выходить замуж за какого-нибудь скучного чиновника.

— В моем сердце она осталась распутницей...

— Ты прав. Но ведь мы с тобой никогда не были чиновниками.

— Нет, и я не скоро попаду в их лапы, независимо от того, станешь ты мешать мне или помогать.

— Конан, если бы я был хозяином своей судьбы...

— Сын одного из Семнадцати Прислужников не хозяин своей судьбы? Расскажи мне, что младенец рассказывает похабные баллады, и я поверю этому с большей легкостью.

Лицо Хезаль стало напряженным и мрачным. Конан понял, что задел туранца слишком глубоко, пусть даже и в шутку. Киммериец много слышал о делах, творящихся в Туране с тех пор, как Еиздигерд уселся на трон, но поверить в то, что даже такой человек, как Хезаль, мог оказаться отлученным от двора... Но иначе зачем же он бродит по пустыне с конным туранским патрулем, вместо того чтобы править одной из провинций великого королевства?

— Извини меня, Хезаль... Я высказался слишком поспешно... Но афгулы принесли мне клятву, я не могу бросить их.

— Не сомневаюсь. Я же поклялся защищать Туран от всех его врагов, среди которых и ты. Если я нарушу клятву, то, чем меньше узнает об этом людей, тем лучше. Доносчики всегда найдутся, а в казне много серебра, чтобы развязать им языки. Чем меньше тебя будут видеть, тем лучше.

Конан тоже слышал о том, что теперь Туран наводнен шпионами, так же как грязная кухня тараканами: Если

Хезаль рисковал чем-то большим, чем авторитетом среди своих людей (на самом-то деле он рисковал своей жизнью), ведя переговоры с Конаном, его стоило выслушать.

К тому же давным-давно он был боевым товарищем киммерийца, а Конан о таких вещах не забывал.

— Пусть будет так, как ты хочешь, Хезаль. Скажи, чего ты хочешь от меня, а я попытаюсь довериться тебе.

— Ты говоришь это без насмешки?

— Я? Может, мне стоило бы стать лицедеем в храме язычников, чтобы лучше владеть своим лицом.

— Помню, как ты обошелся с... Как там было-то его имя? Килар?.. с одним из игроков в кости... обманувшим тебя при свидетелях. Любой взял бы тебя для охраны храма, но только не в храмовые лицедеи.

— Я поблагодарю тебя за угодливость, когда услышу, что же ты мне предлагаешь. Или стены палатки имеют уши?

Хезаль пожал плечами, потом сел, скрестив ноги, и стал рассказывать.

Хезаль было труднее, чем он ожидал. Ему приходилось осторожно подбирать слова, чтобы киммериец правильно понял ситуацию, сложившуюся в Кезанкийских горах. Нет, в сообразительности Конана туранский капитан не сомневался — только глупец принял бы северянина за мускулистого олуха, и несколько таких глупцов еще годы назад заплатились за свою ошибку.

Все дело было, как прямо и сказал туранец, в угрозе, исходившей из таинственной Долины Туманов, которая сначала казалась сказкой старух, живущих в деревнях. Они любили рассказывать эту волшебную историю поздними вечерами, пугая детишек и юных дев, чтобы те не уходили далеко от дома... Рассказывая Конану о долине, Хезаль то и дело останавливался, ожидая услышать громкий смех киммерийца, и осторожно добавлял новые детали, которые знал или которые рассказал ему кто-нибудь из тех, кому он определенно верил.

В конце киммериец подытожил в нескольких словах все, что рассказал ему туранец:

— Значит, кто-то в Кезанкийских горах отправляет отряды разбойников похищать крестьян. И говорят, что похищенных отводят в так называемую Долину Туманов и приносят в жертву демонам.

Потом северянин откинулся назад, дернув в досаде цепь, и расслабился, словно кот, напившийся сливок. (Только когда он сделал это, Хезаль заметил, что клепки на ручных и ножных кандалах северянина болтаются, чего не было в прошлую ночь.)

— Некоторые называют его Туманом Судьбы... — начал было Хезаль, но Конан поднял руку в таком королевском жесте, что говоривший забыл, что руки пленника скованы и что тот сидит на грубом одеяле, а не на троне.

— Если мы не отбросим всевозможные мелкие детали, то у шпионов хватит времени, чтобы прискакать из Аграпура и спрятаться за палаткой, подслушать все, о чем мы тут говорим, и ускакать с доносом в столицу. Если мы хотим договориться, то лучше сделать это быстро.

С этим Хезаль был полностью согласен. Тогда киммериец продолжил:

— Демон Тумана или что-то в том же духе разбудило старую магию, до сих пор довольно могущественную, в Кезанкийских горах. Страх и горе делают еще невыносимее жизнь крестьян, точно так же как и кочевников, зажатых между горами и границей Тұрана. Или теперь Еиздигерд претендует на Кезанкийские горы и то, что лежит за ними?

— Не открыто, но те, кто прислушивается к словам короля, думают именно так.

Конан фыркнул, словно остановившаяся на полном скаку лошадь.

— Правда в том, что тут Туран может хорошенько получить по зубам. Горцы научились жить в тени Турана, но им не понравится, если туранские гарнизоны станут взирать на их сады со склонов гор.

Хезаль ничего не сказал, так как не знал, что сказать в подтверждение своих слов. Судя по слухам, у Конана был развит талант государственного деятеля, или по меньшей мере он умел разгадывать намерения иных пра-

вителей. (Что совершенно естественно — любой капитан наемников, который хотел остаться в живых, после того как выполнил свою работы, должен был обладать этим качеством.)

— Вполне возможно, что за всеми этими разговорами о демонах скрываются туранцы? — настаивал Конан.

— Но люди исчезают, это уж точно, — ответил Хезаль. — Те, кто отчаянно сопротивляется демонам, умирают от человеческого оружия. Разбойники по крайней мере люди, хотя никто не может сказать, какому народу или расе они принадлежат.

— Они могут быть любого народа или любой расы, насколько я знаю наемников, и, судя по всему, соглашаются выполнять самую грязную работу, — сказал Конан. — Однако это не важно. Вопрос, который я задам, прозвучит так: почему это интересует тебя?

— Потому что поместье моих родителей расположено у подножия гор, — сказал Хезаль. — Это — наследство моей матери, хотя теперь оно не такое уж и большое после того, как моя сестра забрала половину в приданое. Но все крестьяне в тех землях мои подданные.

Конан снова фыркнул:

— Судя по тому, как ты говоришь, я сомневаюсь, что у тебя есть какие-то земли.

— Я могу поведать тебе, Конан, о своих печалях в другом месте и в другое время. Сейчас я лишь скажу то, что у меня едва не отобрали мои земли, и это повернуло умы людей против Еиздигерда. Меня с моим отрядом Зеленых плащей отослали подальше, а в это время королевские агенты подкупили моих слуг, чтобы те отсылали доходы с поместья в Аграпур, а не мне... Все сделано было слишком тонко, чтобы кто-то смог это заметить.

Конан пробормотал что-то так тихо, чтобы не мог расслышать ни один шпион. Как Хезалю показалось, киммериец высказал пожелание, чтобы мужское достоинство Еиздигерда отвалилось в самый неподходящий момент. Потом северянин пожал плечами:

— Я не сомневаюсь в твоей верности своим подданным. Ты всегда был таким. Но что скажет король? Разве

не велел он тебе выполнять свой долг? А ведь кто-нибудь может нашептать ему на ухо, что ты собираешься поднять своих людей, устроив восстание.

— С годами ты становишься прозорливым, Конан.

— Так или иначе, у меня-то одна голова, и мне хотелось бы, чтобы она сидела на моих плечах, а не на пике туранского стражника. А там она непременно окажется, если Еиздигерд решит, что тут против него что-то затевается.

Хезаль глубоко вздохнул. У него на кончике языка давно вертелся вопрос о смелости киммерийца. Но задавать такой вопрос было бы глупо, опасно и не нужно.

— Если правитель Турана узнает об этом до того, как мы закончим свои дела, возможно, все так и случится. Если же мы узнаем секрет Долины Туманов достаточно быстро...

— Пусть оплатой мне послужит безопасный проход через туранские земли.

— Значит, ты поедешь с нами?

— Сделаю все, что смогу. Хотя никогда я еще не сражался с армией демонов... Помни это.

— Не так уж и много демонов... Людей больше... Но где все они скрываются?..

— Все ясно, — прервал Конан Хезаль. — Однако я не могу отвечать за своих людей. Они не клялись следовать за мной в битву против демонов. Если они решат уехать, пусть им дадут фору дня в четыре.

Хезалью не нужно было спрашивать, что случится, если он откажется. Но он выдержал многозначительную паузу хотя бы ради тех своих людей, которым пустили кровь афгулы.

— Если они поедут с тобой, я верну... один мешочек... который забрал у тебя.

— Договорились.

Хезаль едва заметно улыбнулся. Похоже, ему удалось убедить киммерийца.

Конан выпрямился так резко, что Хезаль инстинктивно подался назад. И поступил он совершенно правильно. Киммериец развел в стороны могучие руки. Цепь со щелчком лопнула возле одного из стальных

браслетов, а следующим быстрым кошачьим движением северянин хлестнул цепью по земле рядом с тем местом, где только что сидел Хезаль.

Рука Хезаля метнулась к рукояти кинжала, но он вовремя опомнился.

— Думаю, ты поставил точку в нашем договоре, — сказал туранец, когда голос вернулся к нему. — Хорошо, я не буду настаивать относительно афгулов. Только одно условие: я приведу к тебе твоих людей, но прошу подождать ночи.

— Я уверен, что никто не попытается измыслить ничего плохого относительно двух пленных афгулов, — сказал Конан. — Так что поступай как хочешь. А пока принеси мне немного нормальной пищи.

— Тебе дали лучшее, что есть в лагере.

— Что? Разве у тебя нет отдельных припасов и ты не пируешь в своей палатке?

— Нет.

— Думаю, я верю тебе, друг мой... Тогда пусть пищи будет больше... И пусть лучший лекарь осмотрит раны моих спутников, если он еще их не осмотрел.

— Он уже сделал для них все, что мог, но может заглянуть к ним снова.

— Посмотрим, что он сумеет сделать, — сказал киммериец. Его тон был таким, что у Хезаля возникло абсурдное желание поклониться Конану согласно этикету, как кланяются правителю или предводителю орды.

Вместо этого туранец встал и вышел, не поклонившись, но и не поворачиваясь к киммерийцу спиной.

Глава 6

После того как Конан принес клятву временной присяги, самым большим желанием Хезаля стало как можно быстрее отправиться на поиски Долины Туманов. Туранец был бы рад отправиться в путь тем же вечером вместе с сотней лучших Зеленых плащей.

Он даже готов был заложить свое маленькое поместье, чтобы заплатить какому-нибудь хорошему колдуну,

который сумел бы превратить плащи его воинов в крылья, чтобы они смогли полететь над Кезанкийскими горами. Тогда они смогли бы опередить слухи о начавшихся поисках и преподнести сюрприз демонам и их слугам-людям, смогли бы осадить логовище демонов раньше, чем известие о том, что Хезаль заключил мир с Конаном, достигнет Аграпура.

Однако Хезаль во многом думал точно так же, как Конан, — слова «друг» и «колдун» никогда не звучали у него вместе. Оба воина не сомневались, что любой маг, который ведет себя дружелюбно и заключает с вами сделку, попробует как можно скорее забрать свое золото и сбежать в какое-нибудь иное место необъятной Хайбории.

В любом случае отсутствие спутника-волшебника во время путешествия на север было первой и единственной из неудач Хезаля. То, что нужно было подождать, пока два спутника Конана оправятся настолько, чтобы ехать на север, Хезаль расценивал как мелкую неприятность.

— Ты сомневаешься, что твои люди будут в безопасности среди Зеленых плащей в Оазисе Девственницы? — спросил Хезаль, смехом маскируя свое раздражение.

Конан печально покачал головой:

— Я сомневаюсь не в твоём слове и не в том, что твои люди станут выполнять твои приказы, когда тебя нет поблизости... Ты будешь бродить по отрогам Кезанкийских гор, а большая часть твоих людей останется здесь. Если что-нибудь случится с афгулами, то это можно будет назвать «кровной враждой».

Хезаль согласился. Ни он, ни любой другой туранец не любили афгулов, но и не считали их врагами королевства. Иранистанцы — другое дело... А афгулы относились к иранистанцам еще хуже, чем к туранцам. Многие афгулы не раз проливали кровь врагов Турана.

Еще важнее было то, что признательность в придворных кругах могла обернуться враждебностью опытных офицеров во время войны. Хезаль же совершил поступок

еще худший — подвергнул опасности своих людей и свел на нет их победу. Нож мог ударить из темноты по приказу обиженных, которые должны были бы охранять Хезаля от Еиздигерда, и тогда его жизнь оборвалась бы очень быстро и очень глупо.

— Будем надеяться, что твои друзья такие стойкие, как о них говорят. Они пригодятся. Ведь любой из моих врагов может устроить на нас засаду, прихватив с собой целую армию, и поджидать на каком-нибудь из караванных маршрутов из-за того, что какой-то шпион расскажет какую-нибудь историю в каком-нибудь дворце.

— Хезаль, я люблю дворцы и интриги не больше тебя. Я тоже надеюсь, что мои афгулы быстро выздоравливают.

К облегчению Хезаля, афгулы стали вставать на следующий день, а сидеть в седле смогли через два дня. Сначала они двигались тяжело, но на третий день уже готовы были сражаться с кем угодно.

Мальчик грум, такой юный, что у него на губах еще не обсохло материнское молоко, заинтересовался кинжалом Фарада. Он потянулся, чтобы прикоснуться к нему... и оказался лежащим на спине в нескольких шагах от афгула. Одним ударом воин выбил ему несколько зубов.

— Парень может считать, что ему повезло, — все, что по этому поводу услышал Хезаль от Конана. — А ты можешь считать своего старшего грума дураком. Ведь он не предупредил своих людей о том, что без разрешения нельзя трогать оружие другого человека.

— Но мальчик же не хотел его украсть.

Конан пожал плечами, потом стал рыться в карманах. Иранистанская серебряная монета появилась на свет. Киммериец высоко подбросил ее, потом поймал одной рукой и с хлопком положил на ладонь другой руки.

— Вот. Дуракам, чтобы утешиться, нужен маковый сироп.

— Быть может, я придержу у себя твои драгоценности, Конан. Они могут понадобиться, чтобы заставить

молчать обиженных и увечных, если такие случаи повторятся.

— Как пожелаешь, мой друг. Я поговорю с Фарадом и Сорбимом, а ты поговори со своими людьми.

— Я-то поговорю, но пусть Митра сделает так, чтобы они послушали меня.

— Стой! Кто просит соизволения войти?

Капитан Махбарас проснулся, но тело его еще отказывалось повиноваться. Часовой, который кричал, был одним из новых рекрутов из осевших кочевников. И, как любой из осевших, был склонен вести долгие разговоры. Очевидно, этот необученный воин мог тянуть резину сколько пожелает.

Ответил часовому женский голос, при звуках которого капитан окончательно пробудился. Махбарас не разобрал слов ответа, да этого и не требовалось. Единственными женщинами в округе, которые рискнули бы ходить по долине ночью, были девы Тумана, и скорее всего их появление несло с собой что-то ужасное или срочное, а может, и то и другое.

В противоположном углу хижины одеяла взлетели и закрутились, словно вода на мельничном колесе. Круглое лицо, заросшее черной бородой, появилось из-под одеял — словно выдра вынырнула на поверхность.

— Женщины? — переспросил этот человек. Рот его казался тонкой щелью, слишком широкой по сравнению с пропорциями лица. Капитана всегда удивляло, почему у Эрмика язык не раздвоен, как у змеи.

— Девы.

— А... Не сомневаюсь, они ищут мужика, чтобы...

В этот момент капитан отбросил одеяло и встал с койки. В следующий момент он сделал два больших шага и встал над Эрмиком. Его рука легла на рукоять меча. Капитан уставился на стену хижины.

Махбарас знал, что если посмотрит вниз, то непременно обнажит меч и вонзит клинок в толстую шею Эрмика. Но, если этот мерзкий голос смолкнет навсег-

да, поднимутся вой и крики в по всему Хаурану. И они не смолкнут до тех пор, пока Махбарас не умрет, а вместе с ним погибнут многие другие ни в чем не повинные люди. Капитан же поклялся своим людям в том, что выведет их отсюда точно так же, как привел сюда.

— Можешь думать и так, если хочешь, и рисковать телом и душой. Поверь, Повелительница Туманов может услышать твои мысли... Так что лучше держи рот на замке. Того, что нас не слышат девы, мало. Помни: ни ястреб, ни мышь, ни жук не должны слышать твоих слов!.. Ты понял?

Маленькие темные глаза Эрмика походили на свиные глазки, но они уставились на Махбараса немигающим взглядом, похожим на взгляд змеи.

— Ну? — повторил капитан.

— Я понял.

— Тогда попридержи язык и ложись спать.

— Я должен заглянуть...

— После того как я уйду с девой.

Рот Эрмика снова открылся, но рука капитана сжала потемневшую от времени кожу рукояти меча. Даже всего лишь одно безнравственное слово, произнесенное в этой долине, могло привести к смерти... Быть может, Махбарасу удастся выкупить свою жизнь и жизнь своих людей, пообещав девам, что убьет Эрмика — шпиона Великого Совета, а сам не станет делать этого.

Девы... и их госпожа. Звучит достаточно грозно даже для Совета.

В самом деле, так может и случиться.

— Постарайся поскорее вернуться, — пробормотал глупец из-под одеял.

— Я вернусь лишь тогда, когда девы отпустят меня. Но вернувшись, я, быть может, принесу тебе еще одну крупницу знаний.

— Ты надеешься, я что-то узнаю, если ты будешь по-прежнему бездействовать, а я слушать твои глупые советы?

Капитан игнорировал дерзкую реплику, так как его снова позвали.

— Капитан, дева требует, чтобы вы немедленно выходили...

Эрмик еще долго смотрел вслед капитану, который быстро выскользнул из хижины и растаял в темной ночи.

Конан сидел, скрестив ноги, на ковре в палатке афгулов, наблюдая, как вендийский хирург-раб перевязывает раны Фарада. Перед киммерийцем на отдельном коврике стоял кувшин с вином. Хирург преподнес киммерийцу его в виде маленькой взятки, и после первого же кубка Конан почувствовал умиротворение.

Раб раздел Фарада до пояса, содрал засохшую кровяную корку. Из раны стала сочиться кровь. Фарад напрягся, но раб лишь успокаивающе поклонился и что-то пробормотал про себя. Возможно, это было и не проклятие, но раб, как и большинство вендийцев, чувствовал свое превосходство над шальными афгулами. Столетия пограничных схваток, сотни сожженных деревень и ограбленных караванов воспитали в нем врожденную неприязнь.

Однако Конан понимал несколько вендийских диалектов, и, как только раб прошептал что-то нехорошее в адрес афгула, киммериец сделал ему замечание. И еще он прибавил, что если хирург не станет держать язык за зубами, то лишится и того и другого или ему просто зашьют губы. Немые всегда считались лучшими рабами, ведь немота улучшает манеры...

Раб тут же выказал смирение, пообещав хорошо вести себя в будущем.

Вендиец действовал быстро, но ловко. Он закончил накладывать свежие повязки на истерзанные ребра Фарада, когда у входа в палатку раздались чьи-то шаги. В палатку быстро вошел капитан Хезаль.

Ни его внезапное появление, ни выражение лица не сулили ничего хорошего. Одного взгляда капитана оказалось достаточно, чтобы раб вендиец поспешно исчез, словно в штанах у него свили гнездо скорпионы. Хезаль остановился, внимательно глядя на Конана.

Киммериец даже не пытался догадаться, какие именно плохие новости принес капитан. Похоже, план Хезаля грозил рухнуть в полудюжине мест, прежде чем они увидят первые пики Кезанкийских гор. Северянин не очень хорошо знал туранские интриги или враждующих кочевников, чтобы понять, что происходит.

В конце концов Конан решил, что может положиться на то, что Хезаль скажет ему все, что сможет рассказать не туранцу.

— Мы обнаружили остальных твоих афгулов, — сказал Хезаль.

— Разумеется, — встрял Фарад. Конан понадеялся, что Хезаль не расслышал ироничные нотки в голосе афгула.

— Или, скорее, они обнаружили тех, кто искал их, — продолжал Хезаль. — Афгулы устроили засаду еще более хитрую, чем я мог бы ожидать от таких искусных воинов.

— Лесть всегда приятна, — сказал Конан. — Но разборки с горцами отнимут много времени, которого и так мало, если верить твоим рассказам.

— Прости меня, Конан, я забыл, что ты никогда не был придворным:

— Тогда говори по делу, мой друг. А то я тоже стану придворным, иначе как я смогу слушать твою лесть.

Хезаль глубоко вздохнул:

— Бежавшие афгулы устроили засаду. Они заставили спешиться отряд Зеленых плащей, захватили в плен несколько моих воинов и держат их как заложников в пещере. Они угрожают изуродовать их и кастрировать, если Конана и остальных афгулов, оказавшихся в руках туранцев, не отпустят.

Фарад, как и боялся Конан, встретил эти слова хохотом, который был слышен по всему лагерю. Лицо Хезаля покраснело от ярости, и он поднял глаза, уставившись в потолок палатки, словно желая, чтобы небо обрушилось на афгулов, или на него самого, или на всех разом, чтобы спасти его от стыда.

Наконец и Фарад, и Хезаль взяли себя в руки, и в наступившей тишине заговорил Конан:

— Раз так, мы должны поехать и показать, что мы живы и свободны, прежде чем афгулы сделают что-то с твоими людьми.

— Что если я не пушу тебя? — спросил Хезаль, внимательно глядя на Конана так, словно оценивал темперамент лошади, которую собирался купить. — Может быть, это — твой план побега. Местные дикари, без сомнения, много заплатят тебе за то, что ты расскажешь им о нашем лагере.

— Кочевники этих мест заплатят мне, перерезав глотки, а предварительно они под пытками узнают все, что захотят, если нам не повезет умереть в схватке с ними, — фыркнул Конан. — Ты лишь тратишь время и силы, пытаюсь убедиться в том, что я не собираюсь предавать тебя, Хезаль. Однако я думаю, что ты все же хочешь сохранить жизнь своим людям.

— Могу лишь сказать, что места для евнухов у меня всегда найдутся, — пробормотал Хезаль. Он словно находился в трансе. Конан не уважал внутреннюю трусость в человеке, которая порой управляла Хезалем. — Значит, я должен предоставить тебе и твоим афгулам возможность сделать попытку освободиться, — продолжал капитан, словно придя в себя. — И я должен положить на то, что ты вернешь мне моих людей целыми и готовыми к новым походам. С другой стороны, если ты нарушишь слово, то я загляну под каждый камень, переверну каждую песчинку в этой пустыне, но найду тебя.

Конан знал, что иногда человек не может справиться со своим темпераментом... Он не стал возражать Хезалю, а отправился собираться в дорогу.

Капитан Махбарас считал, что быстро узнает все новости, и ошибся. Он даже подумал о том, что, увещевая шпиона Совета, стоило бы говорить осторожнее. Но иначе Эрмик заподозрил бы, что ему врут, или сотворил бы какую-нибудь глупость до возвращения капитана.

Однако это была не единственная проблема, которую капитан не мог решить, не оскорбив смертельно Повелительницу Туманов.

Например, капитан не мог оскорблять шпиона. Итогом деятельности Эрмика должен был стать альянс с Повелительницей Туманов против Турана, что принесло бы выгоду Хаурану.

И, вполне возможно, капитан нуждался в шпионе даже больше, чем шпион в капитане. Капитан вспомнил, что точно так же, как сейчас, девы эскортировали его, когда он входил впервые в долину.

Эскортировали или конвоировали? Одна дева шла впереди, по одной по обе стороны, если позволяла ширина дорожки. Когда дорожка сужалась, те, кто шел по обе стороны от капитана, выходили вперед, присоединяясь к ведущей.

Не менее четырех дев шло позади капитана. Он дважды оборачивался, чтобы взглянуть на них, и каждый раз предводительница дев награждала его взглядом, который заморозил бы мужское достоинство любого бога. Остальные девы только поглаживали рукояти своих мечей.

Капитан решил, что скорее всего смерть его близка. Мало утешения доставляло ему понимание того, что Повелительница призвала и клинки, и чары, чтобы расправиться с ним. Даже входя в Долину Туманов, капитан не боялся так, как сейчас.

Его чувства немного притупились, когда они прошли через двойные огромные ворота, а потом вышли на тропинку, взбирающуюся на утес, слева от входа в долину. Тут в скале были вырублены ступени. В сумрачном свете, стараясь не споткнуться, капитан так и не смог разглядеть, какие существа вырезаны на этих ступенях. К тому же он сомневался, что ему это нужно или полезно знать.

В сумрачном свете долина ничего особенно собой не представляла. Две стены гор вытянулись среди теней, чьи синие и пурпурные оттенки выглядели противоестественными. Над головой с первобытной яростью сверкали звезды, в то время как на западе уже потухли последние лучи заката. Над долиной собирался туман, и повсюду протянулись серые усики, поднявшиеся в танце и кружении, извивающиеся, словно живые существа.

Капитан понял, что его подвели ко входу в огромный, давно разрушенный храм, чьи стены и алтари для жертвоприношений остались нетронутыми временем. Огромная и ужасная магия этого места оставалась тут до сих пор, преследуя неведомые цели, ради которых и было создано это место.

Махбарас, выйдя на свежий воздух, задрожал не просто от холода. Он обрадовался, когда тропинка свернула в пещеру, а пещера оказалась в туннеле, вырубленном в скале, окружающей долину. Факелы высвечивали их путь, и дважды они замечали рабов-полулюдей, присматривающихся к огням.

Снова капитан обрадовался, что света слишком мало, чтобы он смог подробно рассмотреть этих существ. Но, кажется, это были женщины... Он был уверен, что одно из существ точно женщина, далеко уже не молодая. Разглядев это, Махбарас отвернулся, пытаясь унять спазмы рвоты.

Это не понравилось бы Повелительнице.

Тошнота отступила, лишь когда Махбараса ввели в маленькую тесную комнату. Ее каменные стены закрывали гобелены с вытканными архаическими фигурами драконов и гигантских птиц. В центре помещения горела жаровня, согревавшая воздух намного сильнее, чем ожидал капитан.

Повелительница сидела на шелковой подушке в своей обычной позе, скрестив ноги. Подушка же лежала на стуле, вырезанном из единого куска ведийского тека. Показывая, что он не боится, Махбарас стал разглядывать фигуры, вырезанные на стуле. Но резьба потрясла его намного сильнее, чем он ожидал. На стуле были вырезаны животные, птицы и твари, имевшие форму людей, но слегка от них отличавшиеся. Тут не было ничего столь же тривиального, как люди-змеи Вализии, которые выглядели бы среди этих чудовищ существами почти естественными.

Махбарас знал, что заведенный порядок требует, чтобы он ждал, пока Повелительница сама не заговорит с ним так, словно она была королевой или чем-то вроде того. Он также знал, что такой обычай позволяет По-

вельительнице спокойно сидеть и изучать тех, кто пришел к ней, сколько она пожелает, словно змее, созерцающей особенно сочную птичку.

Собрав всю силу воли, Махбарас стоял спокойно, так же как семь дев, до тех пор, пока Повелительница наконец сама не заговорила:

— Один из твоих воинов приглядывался к девам с желанием, как мужчина приглядывается к женщине.

Капитан как можно изящнее склонил голову, словно извиняясь. Похоже было, что Повелительница сошла с ума. И так как капитан-то не был безумцем, он решил дать Повелительнице сказать больше, прежде чем начать возражать.

Колдунья молчала. Капитан стал подозревать, что Повелительница просто испытывает его храбрость, и пообещал сам себе, что пройдет любой тест, который она устроит ему.

Наконец Повелительница вздохнула. Одетая она была в одежды, выполненные из цельного куска тончайшего шелка, столь тонкого, что Махбарас видел ее груди, приподнимающиеся при каждом вздохе. Он отвел взгляд, пытаясь думать о чем-то другом, и снова склонил голову.

— Ты не хочешь узнать больше о том, что случилось, хауранец? — спросила Повелительница. Ее голос звучал словно великолепный стальной клинок, разрезающий единый кусок добротного шелка. Видимо, Повелительница считала, что должна вызывать раболепное почитание.

— Я хочу узнать все, что моя Повелительница решит рассказать мне, и рискну прибавить, что, чем больше она расскажет мне, тем скорее мы разрешим недоумение.

— Единственно возможное решение — смерть солдата, который нанес оскорбление. Никакое другое не подходит.

Капитан выжидал, пока не понял, что ожидать милости после такого приговора — все равно что ждать ее от горных отрогов или от ястребов, кружащихся в

вышине. Какое-то чувство подсказало ему, что попытка опспорить решение Повелительницы — пустое дело.

— Меньшего наказания было бы достаточно, а мы сохранили бы война...

— Нет меньшего наказания, которое могло бы быть достаточным в глазах богов.

«Каких богов?» — удивился капитан не слишком-то почтительно, но вслух ничего не сказал. Повелительница могла и не пожелать ответить на такой вопрос. Ведь она давно смешала собственные желания с желаниями богов — такое порой случалось среди могущественных смертных. Да и капитан мог бы не оказаться здесь, если бы его не изгнали из родного города.

— Я чту и богов, и вас, моя Повелительница, — сказал капитан. — Но если подумать...

— Глаза открывают путь душе. Душа твоего война коснулась девы.

Подобного Махбарас не слышал ни от одного из священников, но он давно уже перестал ожидать от колдуньи каких-то логичных поступков.

Гнев Повелительницы за непослушание, без сомнения, смешался с разумными мыслями о том, насколько она нуждается в Махбарасе и его людях. Однако даже ее едва сдерживаемый гнев не мог заставить капитана забыть о своих обязанностях. Иначе Эрмик тут же попытался бы занять его место.

Более того, Повелительница (которая редко была неверно информирована) могла знать о появлении среди людей Махбараса шпиона и о том, что ему покровительствуют повелители Хаурана. Она могла решить, что шпион как более гибкое оружие лучше подходит для должности капитана.

Но со стороны Повелительницы такие мысли были бы глупостью, Махбарас никогда не слышал, чтобы ведьмы оказались глупее обычных людей.

— Тогда назовите мне имя этого человека. Я отдельно допрошу его и представлю вам.

— Его имя — Данар, сын Араубаса. Мои девы уже забрали его. Вина его доказана, так что нет надобности в дальнейших допросах. Я вызвала тебя сюда из

вежливости, чтобы ты не удивился, узнав, что случилось с одним из твоих воинов. Я только спрошу тебя: хочешь ли ты стать свидетелем его гибели или нет?

На мгновение капитан задумался. Стоило ли еще задавать Повелительнице вопросы? Данар был молодым, учтивым и по всем статьям любимчиком женщин. Если он смотрел с желанием на женщину — деву, старую каргу или богиню, то лишь потому, что она точно так первой взглянула на него! Но это не могло спасти Данара. Скорее всего провинившаяся дева была осуждена точно так же, как молодой воин.

Значит, Данара казнят... Но как? Зарежут, как жертвенную овцу, или дадут возможность уйти, как подобает воину? Никаких больше почерневших и гниющих языков, едвадвигающихся, чтобы молить о смерти... Капитан решил спасти душу Данара, если не сможет спасти тело.

— Ладно. Я соглашусь со всем, что вы скажете, но при одном условии. Хочу один на один поговорить с Данаром, сыном Араубаса, и попробовать образумить его перед смертью, хотя у меня нет полной уверенности, что мне это удастся.

Махбарас рискнул взглянуть прямо в глаза Повелительнице. Впервые он заметил карие пятнышки в ее сверкающих золотом зрачках. Слабые тени лежали под великолепно очерченными бровями.

Будь это какая-нибудь другая женщина, капитан сказал бы, что эти глаза выглядят бездонными... С Повелительницей Туманов даже в мыслях надо быть осторожным, как осторожна няня с безумных псом.

— Своей гордостью и узами, связывающими меня с Туманом, я дарю тебе эту привилегию, если к тому времени Данар будет еще жив.

Слова Повелительницы прозвучали откровенно двусмысленно, но Махбарас, как человек, не раз водивший слонов, на которых восседали правители, решил, что больше спорить не нужно. Он кивнул и сделал ритуальный жест хауранцев, который означал, что кровью и клинком клянется выполнить свой обет.

Потом он выпрямился.

— Данар скорее всего будет еще живой, если я отправлюсь к нему прямо сейчас. Вы позволите?

Повелительница кивнула. Молча подняла она руку, и девы собрались вокруг капитана, чтобы проводить его.

Конан ехал на север впереди пятидесяти Зеленых плащей. Фарад и Сорбим ехали рядом с ним. Они не спускали глаз со своего предводителя. В десяти шагах справа от киммерийца ехал Хезаль с тремя избранными Зелеными плащами. Туранцы охраняли своего предводителя.

— Конан, — крикнул Хезаль через разделяющее их пространство. — Что ты сделаешь, если я не разрешу тебе ехать дальше на север?

— Я вспомню мудрого капитана, который сказал, что «если» — слово для священников и писцов, а не для воинов.

— Да, я помню, что сказал этот мудрый капитан, поучая юного киммерийца, который с тех пор и сам стал мудрым капитаном.

— В самом деле. Я в долгу перед тем капитаном за науку, — сказал киммериец, и в голосе его зазвучали угрожающие нотки. — Перед тобой я тоже в долгу?

— Тот капитан выучил и меня, и это — другая причина, чтобы ты хорошенько подумал, прежде чем что-то делать. Я веду людей, которые, как и я, должны знать, насколько могут доверять тебе.

Конан пробормотал несколько проклятий, а потом задумался. В самом деле, Хезаль находился в таком положении, когда доверие его людей становилось вопросом жизни и смерти. Все, что могло усилить это доверие и не ослабить Конана, было Хезалю на руку.

— Так и будет, — ответил Конан. — Если ты запретишь, я все равно поеду на север с Фарадом и Сорбимом. Но пострадают Зеленые плащи — те,

которые окажутся столь глупы, что попробуют заступиться нам дорогу. Может, нам даже удастся спасти пленников.

— А если нет? — спросил один из Зеленых плащей. Хезаль наградил воина злобным взглядом, но Конан держал себя в руках.

— Если пленные туранцы умрут, то они умрут быстро. По крайней мере их не оставят без отходной молитвы.

Теперь Зеленый плащ выглядел более довольным, чем его капитан. Конан сплюнул в песок. Хезаль оказался мудрее, чем считал киммериец, но ему еще много предстояло узнать и об афгулах, и о тех племенах, которыми он правил.

Глава 7

Впереди кавалькады ехал Конан. По бокам от него держались Фарад и Сорбин. Они ехали осторожно, сохраняя дистанцию с Зелеными плащами, но не уезжая за пределы досягаемости их луков. Туранцы могли расценить это как попытку побега, и тогда доброе расположение Хезаля к киммерийцу не остановит капитана, и он непременно скомандует «пли» своим лучникам.

Кроме того, на этих дорогах им могли встретиться другие военные отряды — не туранцы и не афгулы. И ни Конан, ни его спутники не заметили трех всадников, появившихся у самого горизонта.

Хезаль сказал, что безопасное место находится в двух часах быстрой езды и стоит поберечь лошадей. Конан промолчал относительно того места, куда они направлялись, но насмешливо улыбнулся, когда заметил, что кони туранцев перешли на шаг.

Хезаль не дурак. Однако даже мудрые люди знают, что иногда не стоит спешить, если это поможет сохранить голову на плечах.

Конан не стал спорить с таким желанием Хезаля. Он лишь помолился о том, чтобы Хезаль не стал

переживать из-за упущенной награды, что обещал Еиздигерд за его голову и головы его афгулов.

Но пока голова оставалась на плечах Конана. Последний час северянин держался настороже. Воины уехали из снабженного провиантом и водой лагеря с Зелеными плащами — ветеранами, прослужившими в армии по меньшей мере пять лет.

Наблюдая за рядами всадников — умудренных воинов пустыни и вспоминая яростную схватку среди скал, Конан почувствовал сожаление из-за того, что в свое время не стал служить Турану. Офицер, чью даму он «украл» (слово, которое Конан всегда принимал близко к сердцу, вспоминая, как истомленная желанием девушка сама пришла к нему), был близким другом принца Еиздигерда. Даже если кто-то и смог бы тогда примирить Конана и того офицера, дама бы несомненно пострадала. А примирение все равно бы закончилось, когда Еиздигерд почувствовал бы себя достаточно укрепившимся на троне, чтобы, вняв просьбам своих друзей, подарить им голову киммерийца...

Нет, хорошо, что он не служит туранцам. А еще лучше было бы находиться подальше от границ Турана, но у Конана не оставалось выбора. Киммериец доверял Хезалю, но дворянин и сам мог оказаться в беде, а тогда варвару пришлось бы положиться лишь на свои руки и меч. Он хранил его от ржавчины уже многие годы, а живя в Афгулистане, хранил подальше от пыли и мелкого мусора...

Подходил к концу второй час путешествия, когда Конан увидел всадника на отдаленном северном хребте.

Данар, сын Араубаса, выглядел намного лучше, чем ожидал увидеть капитан, когда два хауранца встретились в низкой каменной комнате, где молодого человека держали в ожидании казни. Присмотревшись, Махбарас понял, что стены этой комнаты сложены из кирпичей больше столетий назад, чем он мог себе представить.

То, что предстояло ему сделать, выглядело довольно неприятным делом... но это было ничто по сравнению с тем, что ожидало Данара.

Четыре девы отвели капитана ко входу в темницу, такую низкую, что ему пришлось согнуться, чтобы войти, — хотя Махбарас не был высоким даже для хауранца. Четыре другие девы находились на страже внутри. Капитану показалось, что этого слишком мало, так как дверью в пещеру служила тростниковая ширма. Даже ребенок с кинжалом мог бы вырваться на свободу из такой темницы, раньше чем стражи сумеют остановить его.

Все девы держались подальше от ширмы. Приглядевшись, капитан увидел на земле у входа мертвую мышь и нескольких мертвых насекомых. Когда капитан вошел, одна из дев отодвинула ширму не рукой, а острием бронзового копья, чье древко украшали неприятно знакомые, но непонятные руны. Дева эта носила амулет из перьев и маленькие бусы с камешками розового и аметистового тонов. Двигалась она так осторожно, словно боялась, что при любом неверном шаге пол разверзнется и проглотит ее.

Капитан редко двигался с такой изысканной осторожностью, как входя в темницу Данара. Он даже опустился на четвереньки, чтобы проскользнуть под ширмой, не коснувшись ее.

К его величайшему удивлению, дева с копьем подняла ширму достаточно высоко. Он мысленно поблагодарил ее, зная, что, если она и сохранит в секрете его благодарности, высказанные вслух, другие девы непременно расскажут об этом Повелительнице. Та ведь воспитала своих воительниц так, что если они и не вцепятся друг другу в глотку, то уж, несомненно, подсматривают друг за другом через плечо. Без сомнения, Повелительница знала, что такие отношения между воительницами лишь повредят, случись им отражать нападение серьезного врага. Товарищи, которые боятся говорить друг с другом, как эти девы, не смогут сражаться как единая армия...

Но, видимо, колдунья была больше заинтересована в том, чтобы девы были ей преданны. Серьезный враг,

как она считала, не войдет в Долину Туманов до того, как завершится ее работа.

Без всякого удовольствия Махбарас отметил про себя, что, возможно, Повелительница Туманов права.

Даже Конан со своим ястребиным зрением мало что мог сказать о всаднике, кроме того, что тот носит темные одежды.

— Такие одежды носит половина всех кочевников в этих землях. — Хезаль, выехав чуть вперед, поскакал рядом с киммерийцем. Кроме Хезаля, никто не изменил своего места в строю, отряд не перестраивался, так как далекий наблюдатель мог понять, что его заметили.

— Да и у другой половины одежды становятся точно такими же, если их долго не стирать, — сказал Фарад.

— Попридержи-ка язычок, скальный червь, — пробормотал сержант Бэрак, прежде чем взгляды Конана и Хезаля заставили замолчать обоих.

Наблюдатель выбрал хорошее место, чтобы следить за самым легким маршрутом, какой мог выбрать отряд, и при этом не оказаться у него на пути. Когда туранцы и афгулы подъехали ближе, наблюдатель отступил, и Конан увидел, что отступает он на засыпанную камнями равнину — кошмарный лабиринт скал и расселин. Банда в половину отряда туранцев могла незаметно спрятаться в этих землях, а поиски одного человека могли бы занять весь остаток дня...

В нескольких сотнях шагов впереди туранцев местность резко поднималась. Всадники попридержали коней, быстро переговорив и постаравшись сделать так, чтобы наблюдатель ничего не заметил.

Разговор получился кратким.

— Ни одно племя не может послать много воинов в эти края, — сказал Хезаль. — С другой стороны, кто-то из патруля может вернуться в главный лагерь Зеленых плащей с новыми сведениями...

— Если бы кто-то из туранцев что-то знал, то они послали бы посыльного, чтобы не дать нам попасть в засаду, — прибавил Конан.

— Сейчас мы правим этими землями, и большие отряды туранцев находятся на юге и на западе, — настаивал Хезаль. — К тому же с нами достаточно Зеленых плащей, чтобы испугать любой отряд, который может скрываться где-то впереди.

Глупо было спорить с Хезалем на глазах у его людей, так что Конан решил не делать глупостей, хотя туранский капитан мог оказаться прав...

— Не стану спорить относительно твоих людей, — сказал киммериец. — Но кочевники рассматривают и моих афгулов, и туранцев как законные жертвы. Если дикари окружили твой лагерь прошлой ночью...

— Ты гадаешь, Конан. Помни, лишь очень большая армия дикарей рискнет напасть на лагерь Зеленых плащей или устроить на нас засаду.

Конан заплатил собственной кровью и видел своих товарищей, заплативших жизнями за то, что их капитан ошибался, посчитав, что враг не сможет сделать так-то и так-то. Пророчества были сферой деятельности колдунов и не особо гордых священников (для киммерийца и те и другие казались одного поля ягодами).

Снова северянин не стал подрывать авторитет Хезаля или высказывать сомнения относительно доблести туранских воинов (которые, если половина историй, что слышал о них Конан, была правдой, в самом деле значительно выросли под правлением Еиздигерда Самолюбивого). Но Конан еще мог повлиять на решение Хезаля.

— Я думаю, мы должны опасаться засады. Как-нибудь по-другому можно подъехать к цели нашего путешествия? Ты знаешь эти земли лучше меня.

— На самом деле большинство моих людей знают их лучше меня. А другой пусть есть. Он длиннее и тяжелее.

— Там больше или меньше мест для засад?

— Меньше, если память мне не изменяет.

— Лучше бы твоя память была крепче, мой друг. Я бы хотел, чтобы ты послал полсотни Зеленых плащей со мной и моими афгулами, так чтобы мы поехали главным маршрутом. Те, кто поджидает нас,

нападут, или мы сами нападём на них с тыла. А тем временем ты проведёшь своих людей обходным путем.

Хезаль посмотрел на своих людей, а потом на пустыню, лежащую впереди, и кивнул.

— Мне не нравится, что ты подвергаешь себя опасности, но без сомнения, что бы ни случилось, ты-то останешься живым. Только приведи назад моих воинов или по меньшей мере дай им достойно пасть в битве.

— Я буду с ними, — уверил туранца Конан.

— Не слишком-то легко будет путешествовать по землям, где нет ни вина, ни женщин, ни хороших битв, — с усмешкой заметил Хезаль. — Боюсь, в этом путешествии нам так и не удастся надлежащим образом отметить наши победы... И я не хотел бы, чтобы погиб еще кто-то из моих товарищей.

— Как дела, капитан? — спросил Данар. Лампа в темнице едва светила, и воин не сразу узнал вошедшего.

Махбарас внимательно посмотрел на молодого воина. Он думал, что Данар будет физически и духовно сломен, и не ожидал, что молодой солдат станет интересоваться тем, как у него идут дела!

Молодой человек усмехнулся:

— Со мной неплохо обращаются, только есть дают хлеб из отрубей. Я думаю, они кормят им этих полудюдей, работающих на полях.

— Не сомневаюсь, — сказал капитан. Он окинул стены и колдовскую ширму довольно красноречивым взглядом.

Данар пожал плечами:

— Я знаю, что стены имеют уши, а может, и глаза. Если вы хотите что-то сказать мне, говорите и не думайте, что я — дурак.

Махбарас уверил Данара, что он так никогда не думал. Он хотел бы и сам быть уверен, что Данару подарят обычную, легкую смерть, и если бы так было, то хотел бы сам сообщить об этом юноше. Сейчас, не подгото-

вившись, ему тяжело было сделать все так, чтобы и потом избежать гнева Повелительницы Тумана.

Капитан знал, что не сможет встретиться лицом к лицу с ее колдовством. Его не заботило, что случится с ним, если он облегчит участь Данара, а волновало то, что Эрмик в таком случае возьмет на себя командование наемниками. И тогда всех его людей может ожидать ужасная участь.

Возможно, Данар спокойно встретит страшную смерть ради своих же товарищей. Но как сказать ему об этом и как потом, после смерти Данара, он сможет уснуть?

«Я становлюсь слишком стар и чувствителен для интриг, — решил Махбарас. — Дайте мне вступить в последнюю битву с достойным врагом, и мне не важно, выживу я или нет».

— Ты знаешь, Повелительница, быть может, станет помогать твоего... жизненного духа, или как она там это называет на своем колдовском языке? — спросил капитан.

Данар снова пожал плечами:

— Возможно, именно из-за этого со мной так хорошо обходятся. А может, и нет. Может, они думают, что такое обращение ослабит мои нечестивые желания.

— Я знаю, что девы все как одна красавицы, и в твоём желании нет ничего нечестивого, — фыркнул Махбарас. — Только слепой может не обращать на них внимания, а я уверен, Повелительница не хотела бы, чтобы ей служили слепцы или евнухи.

При этих словах Данар задумчиво уставился на стены.

— Нет, — возразил он, но в глаза капитану так и не посмотрел. И было в его голосе что-то...

«Я не должен думать об этом, но я хочу задать этот вопрос. Было ли между тобой и одной из дев нечто большее, чем просто взгляды?»

В кармане на поясе у Махбараса, завернутый в платок, лежал маленький бронзовый нож. Он вполне сгодился бы для того, чтобы лежать под подушкой

какой-нибудь дамы, но им можно было и убить, если ударить в нужное место. Теперь капитан потянулся за платком и наклонился к Данару, словно для того, чтобы вытереть пот или промокнуть платком лоб воина.

Но, прежде чем он коснулся Данара, рука молодого человека метнулась вперед, сжала запястье капитана. С расстояния в несколько шагов это могло бы показаться вежливым пожатием рук, но на самом деле это был неразрушимый стальной захват, из которого капитан не смог вырвать руку.

Почти прижав рот к уху капитана, Данар прошептал:

— Сохраните себя и не беспокойтесь обо мне. У меня здесь есть друзья.

Слова эти прозвучали очень таинственно, но сказаны были человеком, который широким шагом, открыв глаза, идет навстречу судьбе.

«Повезет ли мне, как Данару, когда придет мое время умереть», — подумал Махбарас.

Они больше ни о чем таком не говорили, лишь проносили формальные слова, которые с легкостью мог разобрать тот, кто прислушивался к их беседе. Прощальное пожатие рук, и капитан ушел. Он даже не стал молиться Митре, пока не покинул темницу. Только там он вздохнул и осмелился взглянуть на дев, стоящих на страже.

Чем дальше он отходил от темницы, тем безумнее сам себе казался. Может, все, что происходит, на руку Повелительнице... она приготовила для долины и всех, кто жил в ней, что-то еще хуже смерти?

Хезаль прибавил еще один штрих к плану, который разработали он и Конан. Он отобрал полсотни или около того Зеленых плащей, которые должны были остаться позади обоих отрядов, ездить по кругу и поднять огромное облако пыли.

— Даже самые умудренные кочевники всегда считают, что, чем больше пыли, тем больше людей, — заметил Хезаль. — Пусть множество враждебных глаз сле-

дят за теми, кто останется здесь, а мы тем временем уедем подальше.

Конан сделал жест киммерийцев, означающий отвлечение. Хезаль кивнул.

— Но это не все. Мои воины не просто пустят пыль в глаза нашим врагам. Они последуют за нами третьим маршрутом. Самым длинным, и тогда или мы успеем прийти им на помощь, или они помогут другим отрядам. А может, им даже удастся проскользнуть за засаду и ударить с тыла по тем, кто нас поджидает.

Конан усмехнулся, в этот раз сделав афгульский жест, каким обычно приветствуют гордого вождя. Не многому он мог научить Хезаля в вопросах войны...

Киммериец сделал знак своим людям, к которым подъехал один из сержантов Хезаля с полусотней запыленных воинов. Два афгула прищипорили своих лошадей, Зеленые плащи под пристальным взглядом сержанта Бэрака и их капитана отправились следом за ними. Пыль взметнулась к небесам.

Благодаря налетевшему ветру поднялось большое пыльное облако. Конан повел своих людей через сухую промоину (с которой начинался выбранный для них маршрут), не сильно опасаясь того, что враги следят за ними. Пусть за ними следит кто угодно. Внимательный взгляд киммерийца обшаривал скалы и утесы слева от их отряда, в то время как Фарад следил за правым флангом, а Сорбин приглядывал за Зелеными плащами.

Конан не думал, что Зеленые плащи способны на хладнокровное предательство. Но никакая дисциплина не сдержит воина, когда дело касается мести за смерть товарища или родственника, а именно такие люди могли сейчас оказаться за спиной киммерийца. Он не раз уже попадал в подобные ситуации и оставался живым, но всякий раз заранее невозможно было предсказать исход.

Потом сухая промоина превратилась в настоящую долину со скалистыми склонами, которые высоко поднимались по обе стороны от отряда. Дно долины оказалось плоским, и по нему можно было нестись с

большой скоростью, если, конечно, не заботиться о лошадях.

Конан перешел на рысь, в то же время внимательно изучая склоны. Среди таких скал в засаде могла спрятаться маленькая армия.

Фарад, казалось, прочитал мысли киммерийца.

— Пока все идет так, как обещал этот парень Хезаль.

— «Парень» не намного младше тебя, Фарад.

— Если считать годы или битвы?

— Спроси у него, когда наш союз чуть-чуть окрепнет...

— К тому времени я чересчур состарюсь и смогу только квакать, словно болотная лягушка.

— Кто-нибудь говорил тебе, что нехорошо перебивать своего капитана?

— Вы мой атаман, а не капитан. Все эти армии низин с их чинами годятся только для того, чтобы воевать с женщинами, а не с афгулами.

— А в спутники киммерийцам годятся только те воины-шутники, которых можно лупить по голове, пока их языки не устают болтать чепуху.

Фарад и Сорбим обменялись взглядами и решили, что их «атаман» сказал это совершенно серьезно. Афгул что-то пробормотал себе под нос. Конан расценил это как оправдание, и дальше они поехали молча.

Глава 8

Во внешнем мире (который капитану Махбарасу теперь казался далеким воспоминанием и представлялся лишь местом, где подыскивают пленников для жертвоприношений Повелительницы) еще царил день. Но солнце уже спряталось за стенами Долины Туманов, и по дну долины уже поползли лиловые тени.

Капитан надеялся, что «представление» закончится прежде, чем тени доберутся до входа в пещеру, где он стоял то ли под наблюдением, то ли под охраной восьми дев. Он считал, что стоит гордиться, расценивая то ли

как знак уважения, то ли как знак страха такой большой «почетный караул».

И еще он знал, что живо перестанет ценить подобную честь, если не отправится обратно в свои покои до того, как долина погрузится в темноту. Сам капитан никогда не забирался так далеко в долину в столь поздний час, но, очевидно, существовала некая мистическая причина (или по крайней мере повод) положить конец жизни Данара именно в это время суток.

В долине Махбарасу не попадалось на глаза ничего такого, чего бы он не видел раньше. А на дев он смотреть не собирался. При его седеющих волосах и коллекции шрамов его могли счесть слишком старым. А из-за оружия могли заподозрить в замыслах спасти своего воина, что могло повлечь еще более скорую и едва ли менее страшную смерть.

Неохотно решив не жертвовать своей жизнью ради того, чтобы ускорить казнь Данара, капитан отказался рассматривать гибель юноши как результат ошибки.

Краем глаза он все же поглядывал на дев, как какой-нибудь заморский гость мог изучать взглядом стражу во дворце князя, пытаясь определить их боевые качества. Восемь дев, стоявшие возле капитана, были в основном выше среднего роста, хотя только две из них превышали ростом Махбараса. Среди них не было ни одной блондинки с севера, и никто из них не имел округлых черт и коротких кудрявых волос, намекавших на частицу крови Черных Королевств.

Похоже, что Повелительница Туманов набирала своих дев (или принимала тех, кто предлагал свои услуги) из всех известных стран, за исключением Китая и, возможно, Вендии. (Были девы, у которых, похоже, наблюдалась примесь вендийской крови; но, видимо, чистокровные вендийки казались волшебнице чересчур нежными для тягот войны.)

Лишь немногих (одну из восьми дев, сопровождавших капитана) можно было назвать по-настоящему прекрасными, но все они обладали грацией, силой, гибкостью и отлично владели оружием. Капитан не видел ни

одной воительницы, которую бы он не взял в отряд — или в свою постель.

Возможно, колдунья понимала в искусстве войны побольше, чем он подозревал. Во всяком случае охрану себе она составила из отборных амазонок, а капитан знал иных владык, потомственных военных, у которых личные телохранители не выдержали бы такого испытания. Взять хотя бы тех толстых пьянчуг у князя Кликаса — если бы девы Повелительницы когда-нибудь перелезли через стены его дворца, люди Кликаса оказались бы в роли мышей, столкнувшихся с кошками...

Махбарас услышал размеренную отдаленную барабанную дробь. Он огляделся кругом, ничего не увидел, но ему показалось, что стук барабана становится все громче. Теперь он слышал два барабана, бывших не совсем в такт, шорох ног и тихое позвякивание доспехов.

Данар, сын Араубаса, следовал к месту казни.

Капитан сделал глубокий вдох, а затем медленно выпустил набранный в легкие воздух и прошептал молитву всем богам, каких смог припомнить.

«Все, кто чтит смелость, защитите честь Данара...»

Прежде чем истек второй час путешествия маленького отряда Конана, голубые глаза опытного воина-киммерийца подметили мест двадцать, где враги могли бы устроить засаду. Возможно, десяток — для отряда покрупнее, но, чтобы укрыть достаточно врагов для той горстки воинов, которую он возглавлял, не меньше двадцати, а возможно, и больше.

Конан решил, что вполне может сам последовать совету, который дал Хезалю, и не считать предводителя дикарей глупцом. Отряд Конана был слишком мал, чтобы помешать планам дикарей, даже если ему удастся добраться до своей цели без потерь. Людей Конана могли проигнорировать, в то время как против отряда Хезаля враги могли выступить всем скопом.

Или, возможно, предводитель кавников тоже разделит свой отряд и в последний момент вступит в бой с киммерийцем, бросив против него меньший из отрядов. Если Конан справится с такой засадой, то лишь подставит себя под удар превосходящих сил, истощив свои.

Киммериец невесело хохотнул. Его враги не знали ни киммерийцев, ни афгулов, ни (надо отдать им должное) отборных всадников пустыни из войска Еиздигерда, если думали, что их легко измотать в бою, и за эту ошибку они поплатятся кровью.

Конан знал одно: воин, следивший за ними с вершины гребня, не был ни обманом зрения, ни миражем, вызванным жарой пустыни. Значит, бой таки произойдет, и еще до наступления ночи.

А времени до прихода ночи осталось не так уж много. Тени удлинились, хотя жара так и не спала. Над вершинами отдаленных холмов теперь кружили стервятники — черные точки на фоне голубого неба. Свежее мясо они будут высматривать не напрасно.

Остались позади еще два хороших местечка для засады. Шея у Конана начала деревенеть от попыток смотреть сразу во все стороны. Он повертел головой туда-сюда, чтобы расслабить мускулы. Слишком поздно замеченный враг и миг промедления превращали хороших воинов в пищу стервятников.

Отряд Конана въехал в еще одно сухое русло с крутым правым склоном, изрезанным оврагами и промоинами, оставленными всеми паводками со времен Атлантиды, и другим склоном, достаточно пологим для того, чтобы служить пастбищем. На самом верху левого склона местность резко поднималась. Там начиналась скальная стена с немногочисленными прорехами. Оттуда, где сидел в седле Конан, ему казалось, что в эти прорехи могла лишь мышь проскользнуть, и то если недельку попостится, а потом смажет мех салом...

У подножия стены поднялось облако пыли, и в пыли Конан увидел двуногие фигуры намного крупнее мышей. Пыль поднялась выше, и фигуры превратились в людей, сбегающих вниз по склону на дно долины,

перепрыгивая через валуны и рытвины с грацией антилоп.

Для Конана это походило на плохо устроенную засаду в неудачно выбранном месте. Бегущие станут отличными мишенями для лучников в тот же миг, как люди Конана укроются в скалах справа. Но от рук давших маху врагов его воины погибали точно так же, как и от рук умных противников.

Он развернул коня, направляя его коленями, поднял обе руки высоко над головой. В правой руке он держал меч, и ехавшие за ним воины поняли этот сигнал. Они, в свою очередь, тоже развернули лошадей. У всех воинов имелись луки и полные стрел колчаны, и, прежде чем нырнуть в тень скал, всадники дали залп.

Расстояние было вполне в пределах дальности туранских или даже афгульских луков при стрельбе по мишеням размером с человека, даже когда лучники стреляли в спешке. Дикарей упало больше, чем вылетело стрел, так как некоторые не задетыми стрелами воины бросились наземь из страха или, возможно, решив помочь раненым.

Это дало Конану еще больше надежд на победу. По крайней мере он начал надеяться на то, что увидит рассвет. Враги, казалось, не понимали, что если у них мало лучников, то им нужно быстро сблизиться с отрядом Конана или они рискуют потерять слишком много людей, чтоб выиграть последнюю схватку, столкнувшись лицом к лицу.

Тем временем люди Конана исчезли в расселинах справа. Киммериец услышал проклятия и лошадиное ржание, когда люди попытались заставить своих скакунов подняться по склонам, больше пригодным для коз, чем для лошадей. И еще он снова услышал свист стрел. По крайней мере один дикарь набрался смелости, вскочил на ноги и тут же упал со стрелой в горле.

Затем к ржанию лошадей добавились человеческие вопли. Конан выпрыгнул из седла, шлепнул свою кобылу по крупу, послав ее вверх по склону, и полез на вершину ближайшей скалы. Если он и должен изобра-

жать из себя мишень, чтобы увидеть, что происходит, то уж лучше он будет лишним.

Конан еще не одолел и полпути к вершине, когда получил ответ на свои вопросы. Он услышал крик Фарада:

— У них приятели в скалах! В кучу, в кучу, в кучу!

Конану оставалось только надеяться, что туранцы понимали язык афгулов.

Затем он услышал боевые кличи дикарей. Им вторило эхо. Нет, не эхо. Эти ревели воины — враги, поджидавшие среди скал людей Конана, которых загнали им в лапы, как овец в пасть к волкам.

Конан решил, что вождя дикарей, быть может, согреет мысль о том, что он сможет похвалиться тем, что положил конец карьере киммерийца.

— Кром!

Восклицание северянина не было молитвой-воззванием к холодному богу Киммерии, так как тот не прислушивался к таким призывам, скорее оно прозвучало напоминанием о том, что здесь предстояло погибнуть киммерийскому воину, и к тому же самым достойным образом.

Имя бога эхом отразилось от скал, заглушая человеческие и звериные крики... И только тогда Конан бросился вперед на врага с мечом в руке.

Процессия поднялась по тропе к капитану Махбарасу. Восемь дев шли впереди Данара и восемь позади. А за ними шествовала женщина, столь основательно укрытая от глаз балахоном и капюшоном, что могла бы быть жрицей, поклявшейся защищать себя от глаз непосвященных.

Под этим капюшоном поблескивали золотистые кошачьи глаза, а плавная, грациозная походка выдала бы эту женщину, даже если не видеть ее глаз. Повелительница Туманов, как и обещала, пришла покарать смертью воина за греховное желание.

И к тому же виновного ожидала нелегкая смерть. Данара связали ремнями, так что руки его оказались

за спиной, а лодыжки соединяла короткая цепь, длины которой едва хватало, чтобы он мог ковылять. Глаза воина были широко раскрыты, хотя несколько свежих рубцов у него на лице и шее показывали, где он усвоил, как неразумно глазеть по сторонам.

Не одурманенный, не раненный, он увидит приближающуюся смерть и будет наслаждаться этим столько, сколько пожелает колдунья, — казнь может продолжаться не один час, если, конечно, Повелительница хотела сделать из него показательный пример. Махбарас снова сжался и пожалел, что не может хоть ненадолго заткнуть себе уши и ослепнуть.

Охранявшие капитана девы отступили, давая своим сестрам место, чтобы те могли встать в ряд на каменную площадку. К тому времени как собрались все, девам пришлось встать практически плечом к плечу вдоль края балкона, чтобы оставить немного места посередине.

В центре этого круга и оказался Данар. Он прошел туда таким же твердым шагом, каким выходил на переключку. Беспокойство выдавал только блеск пота на бронзовом лице.

Махбарас заставил себя улыбнуться. Ему хотелось крикнуть горам и небу и этим проклятым бабам: «Смотрите, как умирает солдат Хаурана, поймите, каких врагов вы наживаете, творя это безумие!»

Но горы и небеса не ответят. Лишь Повелительница Туманов да мечи и копья дев ответили бы ему.

Конан надеялся приземлиться в гуще врагов, как рухнувший с утеса валун. Такая атака могла привести в замешательство и более закаленных воинов, чем эти дикари пустыни, а противникам, оказавшимся в замешательстве, против киммерийца долго не выстоять.

Но то ли вторая часть засады потерпела неудачу, или же люди Конана пока удерживали свои позиции... Хотя и то и другое казалось невозможным; пересеченная местность, где через каждые пять шагов за

углом таился враг, сослужила одинаково плохую службу обеим сторонам. Это напоминало Конану уличные бои от дома к дому, в которых он участвовал достаточно часто, чтобы знать, что хорошего в этом ничего нет.

Он успел сделать только три шага, прежде чем столкнулся с двумя дикарями, уже схватившимися с воином в зеленом плаще. Человек Конана находился во вдвойне невыгодном положении из-за того, что ему придавил ногу умирающий конь, но он отчаянно защищался. Все внимание его противников сосредоточилось на нем, и ни один из них не удосужился посмотреть в сторону киммерийца, который совершенно неожиданно обрушился на них.

Благодаря внезапности и более длинному мечу Конан с легкостью прикончил первого дикаря. Тот пал с раскroенным от макушки до переносицы черепом, выплеснув мозги и кровь на мертвого коня и воина в зеленом плаще.

Какой-то миг в воздухе плясали клинки. Воин Турана беспорядочно рубил противника трофейным ятаганом и собственным талваром. Дикарь пытался парировать удары меча Конана ятаганом и защищался кинжалом от второго противника.

Лязг, возникавший при столкновении клинков, был достоин мастерской кузнеца. Зеленый плащ лишь царапнул дикарю по колену, а ятаган остановил удар киммерийца, но оружие вылетело из руки противника.

Клинок со звоном упал на камни, и у дикаря осталось время лишь на то, чтобы метнуть кинжал, прежде чем Конан оказался рядом с ним. Ему было нечем защититься от второго удара меча, и тот вскрыл горло и гортань дикаря, едва не снеся голову с плеч. Мертвого коня снова окатило кровью, и второй дикарь рухнул поверх первого.

Конан не заметил, куда делся брошенный кинжал, пока Зеленый плащ не вскрикнул, когда Конан ухватил его за плечо. Вот тогда Конан и увидел, что кинжал на три пальца вошел в левое плечо воина. Киммериец вытащил клинок, вытер о свои штаны, заткнул за пояс

и освободил Зеленого плаща из-под придавившего его коня.

— Лучше чем-нибудь заткнуть рану, — сказал Конан, ткнув в кровоточащее плечо воина. — Ты умеешь драться левой?

Воин кивнул.

— Лучше боец правша, чем труп левша, — глубокомысленно изрек Конан. — Держись поближе ко мне, пока мы не отыщем наших товарищей.

— А... — э... — если они погибли?..

— Если они погибли, мы не услышим никакого шума боя выше по склону, — прорычал Конан. — Если они мертвы, то, возможно, убили достаточно врагов, чтобы дать нам шанс спастись. А если ты не последуешь за мной, то кочевники наверняка прикончат тебя, или я сделаю это еще раньше.

Конан осторожно ткнул Зеленого плаща в поясницу острием меча. Но воину этого и не требовалось. Он рванул вверх по склону, словно всю жизнь был скороходом, выкрикивая на бегу девиз Зеленых плащей:

— Наша кровь — наша честь!

Повелительница Туманов шагнула в центр круга. Махбарас заметил, что в руке у нее длинный посох, повыше, чем она сама, выполненный в виде змея — а точнее, гигантского аспиды из джунглей восточной Вендии. У змея был один рубиновый и один изумрудный глаз. Вдоль всей его длины вместо чешуек протянулись руны, которые капитан часто видел с тех пор, как приехал в Долину Туманов.

Повелительница остановилась за спиной Данара и трижды стукнула посохом о камень. И каждый раз скала гремела от удара, словно барабан великана. Только тут Махбарас с беспокойством понял, насколько древен этот высеченный из камня балкон и насколько далеко он выступал из отвесной скалы. Ему даже показалось, что девы выказывают некоторое беспокойство.

Колдунья стукнула в четвертый раз — и в этот раз над долиной не прокатилось никакого барабанного грома. В тишине посох погрузился в камень и застыл, словно вырос из камня. Он не дрожал ни чуточки, хотя Махбарас заметил, как засветился рубиновый глаз, а возможно, и изумрудный тоже.

Правительница властно взмахнула левой рукой, и восемь дев образовали плотное кольцо вокруг Данара и посоха. Одна разомкнула цепи у него на ногах.

Теперь таким же властным жестом правой руки колдунья велела девам поднять Данара, словно бочку с вином или овечью тушу. Махбарасу на мгновение подумалось, что судьба Данара — быть посаженным на кол, и он подивился отсутствию воображения у Повелительницы Тумана, если она не смогла измыслить для виновного худшей казни.

Затем капитан увидел, что девы подняли Данара так, чтобы просунуть посох между его спиной и связанными руками, тогда воин оказался бы столь же беспомощным, как если бы его действительно привязали к посоху.

Данар приподнялся, а затем опустился и исчез среди отблескивающих волос дев. А затем в следующий миг девы бросились врассыпную, словно овцы, атакованные львом.

Данар вырвался из кольца дев со свободными руками. Обрывки пут болтались у него на запястьях, а в правой руке он сжимал маленький кинжал. Он метнулся мимо к краю балкона.

— Прошу прощения, — извинился Данар, когда женщины отбросили копья и попытались схватить его. По крайней мере Махбарасу показалось, что именно это выкрикнул Данар.

Чего он не узнал вплоть до своего смертного часа, так это почему Данар говорил с готовившимися убить его девами так, как мог бы обратиться к какой-нибудь высокородной женщине с дочерью, оказавшимся на пути его боевой колесницы.

И его тон произвел должный эффект. Или, возможно, подействовал кинжал в руке Данара. Он сделал им

ложный выпад, целя в деву справа, хлестнул ее сестру обрывками ремней у себя на левом запястье, и девы отпрянули.

Данар побежал к краю балкона и, не сбиваясь с шага, прыгнул в пустоту.

Конан не торопясь последовал за Зеленым плащом вверх по склону. Он пытался одновременно уследить за тем, что происходит со всех сторон.

Множество дикарей бежало к воинам Конана от противоположного склона и чуть поменьше поджидало на гребне почти над головой киммерийца. Конан и его товарищи были окружены, и пробиться сквозь каменные стены было лишь немногим труднее, чем через такую орду дикарей.

Тут Конан заметил, что шум боя выше по склону стихает быстрее, чем ему полагалось бы. Либо его людей одолели, либо те отбили по крайней мере одну атаку, что было невозможно...

Желание разгадать эту тайну едва не стоило Конану жизни. Он вышел из-за скалы, оказавшись прямо на виду у лучников, находившихся выше по склону, и те живо всадили дюжину стрел в то место, где он стоял. Только благодаря присущей горцам быстрой реакции Конан отделался царапинами. И та же сверхъестественная быстрота позволила варвару поднять с земли дюжину вражеских стрел, прежде чем он снова прыгнул.

На этот раз он приземлился на что-то живое и дурно пахнущее, которое разразилось афгульскими ругательствами, способными расколоть камни или вызывать обвалы.

— Фарад, я слышал твой крик. Как у нас дела?

Фарад кашлял долго и так громко, и Конан заподозрил, что афгул посмеивается над своим командиром.

— У ребят дела неплохи, за исключением того, что один убит, а другой уцал, придавленный конем... или это был тот, что пронесся мимо меня так, словно ему штаны подпалили?

— Он самый. Пришлось повозиться, но я его выручил. А теперь, когда ты перевел дух, а ребра у тебя целы, я повторяю свой вопрос...

— Мы отбили одну атаку. — Фарад взмахом руки показал направление, откуда напали дикари. — Слева на нас никто не лез, за что хвала богам, так как иначе бы нам конец.

— Разве их бойцы еще не слева от нас?

— Они держат весь гребень, Конан. Но у них нет мужества, у тех, что засели слева. Они почти не высываются, редко стреляют, а когда стреляют, то мажут. Да будь у этих баб хоть все стрелы в мире...

Конан поднял руку. Отточенные в боях инстинкты заставили его увидеть в этой ситуации то, что ускользнуло от Фарада. Однако лучше не внушать никому чрезмерных надежд.

— Спасибо. Пока тут затишье, я подымусь разведать, что творится слева.

Будь прыжок Данара чарами, обратившими всех в камень, на балконе и то не могло бы воцариться такое молчание. Все застыли. Страх владел лишь сердцем Махбараса. Остальные, казалось, просто не могли поверить в то, что произошло у них на глазах.

«Похоже, они не верят своим глазам», — подумал Махбарас. Он-то уже мысленно сочинил письмо, которое пошлет родственникам Данара, если у того такие есть и если сам Махбарас доживет до дня, когда сможет взяться за перо и пергамент...

Неожиданно девы ожили, так же как и Повелительница Туманов. Подняв руки над головой, она шагнула к своим девам, столпившимся возле посоха. Вокруг ее правой руки возник малиновый нимб, а с левой руки, казалось, словно вода, капал менее яркий золотистый свет.

Эти два разноцветных сияния каскадами струились на камень, плескались, словно волшебная жидкость, и в конце концов сливались воедино. Они образовали сферу размером с большой арбуз, малиновую, с

золотинками и искрящуюся. Сфера вращалась, как показалось Махбарасу, сразу в три разные стороны.

Раньше капитан сказал бы, что такое невозможно, — но с тех пор, как Махбарас приехал в Долину Туманов, он забыл слово «невозможно». Оно могло сделать человека беззащитным перед колдовскими сюрпризами, а у Повелительницы и дев их хватало с избытком.

Сверкающая сфера теперь поднялась, по-прежнему вращаясь, разбрасывая искры обоих цветов, сыплющиеся таким густым дождем, что сквозь него нельзя было ничего разглядеть. Потом она поплыла к кольцу дев.

Вдруг сфера метнулась вперед и оказалась над тем местом, откуда прыгнул Данар.

Тут Махбарас закрыл себе уши ладонями, но, прежде чем успел зажмурить глаза, он увидел, как другие сделали то же самое. Все присутствующие услышали вопль человека, которому заживо сдирали кожу, вопль, который будет звучать в ушах капитана до самой его смерти...

И все же капитан устоял на ногах, так же как и большинство дев. Но некоторые из воительниц пошатнулись, а две упали на колени.

Только Повелительница Туманов стояла как ни в чем не бывало, по-прежнему высоко подняв руки. Грудь у нее под мантией подымалась и опускалась чуть больше обычного, словно она тяжело дышала. Глаза ее одновременно и пылали, и были предельно пустыми, в то время как губы стали бледнее обычного.

Затем она схватила обеими руками посох, и тот вышел из камня так же легко, как сорняк из влажной земли. Она подбросила его одной рукой и поймала другой, покрутила и, казалось, готова была пуститься в пляс.

Махбарас надеялся, что ноги и живот не предадут его до тех пор, пока он не окажется в безопасности за воротами долины.

Он не верил в то, что Повелительница может колдовать новые ужасы. Но следующий миг доказал,

что капитан ошибался. Со дна долины всплыл Данар или по крайней мере человеческая фигура, похожая на него. Невидимая рука схватила воина, прежде чем он нашел милостивую смерть, которую искал, и вернула назад, сделав добычей колдуни.

Ужасные вопли испускала эта человеческая фигура, которая повисла в воздухе перед пораженным ужасом Махбарасом.

Глава 9

Конан обуздал свое желание броситься вверх по склону, как обуздал бы пару норовистых лошадей, влекущих колесницу. Бега по пересеченной местности, очень легко упасть даже уверенному в своих силах горцу.

И к тому же быстрое движение привлекает внимание врага, чего Конан хотел бы избегать как можно дольше. У него было слишком мало людей, чтобы вынудить вражеских лучников не высовываться или хотя бы не дать им прицельно стрелять, если они вздумают вступить в бой.

Поэтому Конан пробирался украдкой, словно леопард, находя укрытие в расщелинах и прячась в омуты тени, которые вражеские воины сочли бы слишком маленькими для человека его размеров. Он пробирался с бесшумностью кобры, пробуя все опоры для рук и ног, прежде чем навалиться на них всем своим весом. Пыли, отмечавшей его передвижение, подымалось немного, и лишь самые мелкие камешки бесшумно скатывались вниз по склону.

По мере того как Конан подымался все выше, укрытий становилось все меньше, но в остальном местность стала еще более пересеченной. Временами единственный маршрут, обещавший скрытность передвижения, требовал мастерства верхолаза. К счастью, Конан недавно освежил эти свои навыки, так как большая часть Афгулистана была расположена в горах, способных бросить вызов даже местным пикам и скалам его родной Киммерии.

Конан закончил взбираться по невысокой расщелине, упираясь ногами в одну из стен, а спиной в другую. Скалы давали достаточно укрытий, чтобы северянин смог остановиться, передохнуть, выплюнуть изо рта пыль и посмотреть, как там идет бой.

Или скорее прислушаться, как там идет бой. Враги, расположившись выше и ниже по склону, казалось, решили подождать. Они даже перестали пускать наобум стрелы или швыряться камнями. Киммериец вслушивался, но не слышал ни боевых кличей, ни проклятий. Он слышал, как от пыли кашляют и чихают воины. Скалы потрескивали на солнце, вздыхал ветер, и где-то далеко в вышине пела птица.

Конечно, такая тишина, как знал по опыту Конан, означала, что враг подползает к позиции его людей, решив перерезать им глотки. Но киммериец считал, что еще не родился туранец, способный победить афгула, так же как не родилось дикаря, способного победить туранца...

Донесшийся сверху звук прервал недолгие размышления киммерийца. Кто-то полз в его сторону, пытаясь двигаться бесшумно, но не добившийся в этом деле особых успехов.

Затем к первому звуку присоединились другие. Кто-то кого-то звал, пытаясь говорить так, чтобы его услышали вблизи, но не на сколь-нибудь значительном расстоянии. Потом разговоры неожиданно оборвались, и Конан услышал звуки, сильно походившие на шум борьбы. А тем временем один из ползущих все приближался и приближался. Конан прикинул, что этот дикарь уже должен быть от него на расстоянии плевка.

Тут наверху кто-то заорал от ярости, а кто-то другой — от боли. Ни того, ни другого, казалось, не волновало, далеко ли их слышно. Оба кричали так громко, что их услышали бы аж в Аграпуре. Лихорадочное шуршание сообщило, что ползущий увеличил скорость.

Затем из-за камня, находящегося как раз в пределах досягаемости Конана, высунулась бородастая голова. В тот же миг по всему гребню раздались крики, и

киммериец услышал свист стрел. Кем бы ни был этот бородач — другом или врагом, Конан счел, что тот должен знать что-то такое, что не мешает узнать и ему. А превращенный в утыканную стрелами подушечку для булавок, он умрет, не успев ничего сказать.

Конан рванулся из укрытия и вцепился одной рукой в маслянистые черные волосы дикаря, а другой ухватился за шиворот его латаного и выгоревшего халата. А затем киммериец швырнул воина через голову. Бородач перелетел через Конана и завопил от страха, когда увидел, что, как в омут головой, летит в расщелину.

Но он не полетел туда, потому что Конан извернулся с гибкостью утря и успел поймать его. Пальцы северянина сомкнулись на лодыжках бородача. Конан на какой-то миг потерял равновесие... И все же удержал воина.

Конан уперся ногами в землю, но сзади под коленом чиркнула стрела. Неожиданная боль заставила киммерийца дернуться. Это окончательно вывело его из равновесия. Бородач, испугавшись, пронзительно закричал, словно пронзенный стрелой, что вызвало лишь новый дождь стрел.

Киммериец почувствовал, что падает. И собственные понятия о чести и необходимость сохранить пленника живым запрещали ему выпустить несчастного из рук, дав ему погибнуть. Вместо этого он попытался превратить соскальзывание в прыжок, но у него не хватило времени. Киммериец все еще поворачивался, пытаясь переставить ноги и остановиться, когда соскользнул за край расщелины и рухнул вниз.

Повелительница Туманов завопила, словно дикая кошка. Огненная сфера мгновенно увеличилась втрое больше прежнего и устремилась к висящей в воздухе фигуре Данара.

В глазах колдуньи горели огоньки, каких, по мнению Махбараса, не увидишь и в аду. А сфера, утратив свою форму, вытянулась, словно язык громадного змея.

Ее насыщенное пламенем ядро промчалось между двух дев, пройдя так близко, что их слегка задело. Обе воительницы упали навзничь, словно их лягнула лошадь, растянулись на камнях под лязг доспехов. Некоторые из их спутниц заколебались, но большая часть дев метнулась вперед, чтобы выволочь пострадавших на безопасное место.

Махбарас не обращал внимания на происходящее на балконе. Он во все глаза смотрел на то, что происходило с Данаром. Тот висел в воздухе, словно мыльный пузырь, а вокруг него сплелась огненная паутина, то образующая непристойные фигуры, то превращающаяся в сгустки пламени сапфирово-изумрудных оттенков, одновременно и ослепительные, и отвратительные.

Каждый раз, когда Повелительница Туманов подымала руки над головой, паутина эта становилась все плотнее. Махбарас с трудом мог разглядеть Данара. Тело воина извивалось в новом приступе конвульсий. Рот у него был раскрыт в беззвучном крике, а спина выгнулась дугой до такой степени, что хребет готов был вот-вот переломиться.

Затем огонь сомкнулся вокруг наемника, но то, что Данар исчез за спиной огня, вовсе не означало, что мучения его окончились. Данар вопил изо всех сил. Махбарас никогда еще не слышал таких ужасных криков.

Тогда капитан шагнул вперед с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Прежде чем кто-нибудь, хоть колдунья, хоть девы, смогли остановить его чарами или клинком, он схватил кинжал за острие, а затем метнул его в огненную сферу.

Это был сложный бросок, но не для того, кто выучился искусству метания ножей в десять лет, а в двенадцать уже выигрывал призы на базаре (и был избит отцом за то, что якшается с низкородными). К тому же Махбарас много тренировался и в последнее время.

Но его рука и глаз действовали как единое целое. Кинжал исчез в огне. Капитан увидел, что Повелитель-

ница повернулась к нему. Тогда капитан наемников поднял меч, его острие разрубило язык пламени, связывающий колдунью и ее жертву. «Митра мне свидетель, и да хранит он моих воинов, я не могу поступить иначе».

Удача не покинула киммерийца и его пленника, когда они упали. Они приземлились на песок. Пленник оказался наверху, а ребра Конана защищала броня твердых, как железо, мускулов. К тому же киммериец обладал таким умением прыгать и падать, какому позавидовал бы и ярмарочный акробат.

Падение все ж таки вышибло из него дух, и на ноги Конан встал не сразу. К счастью, его пленник едва дышал от страха. Бородач попытался сбежать только тогда, когда Конан уже достаточно оправился, чтобы помешать этому, твердо стиснув массивной ручищей лодыжку воина.

Бородач выругался и раскрыл было рот, собираясь завопить, а затем, похоже, в первый раз разглядел, кто его противник. Рот его остался раскрытым, потом он пробормотал нечто вроде:

— Ты... не... воин гирумги?

Говорил он на туранском, но на столь невнятном диалекте, что Конан не был уверен в том, что правильно понял его слова.

— Я не гирумги, — ответил ему Конан по-турански и тщательно выговаривал каждое слово, словно он беседовал с ребенком. — Я не желаю тебе зла, равно как и все мои друзья. Идем со мной.

Бородач, похоже, не понял смысла слов, но тон и жесты киммерийца в достаточной мере донесли до него смысл сказанного. К тому же этот воин был низкорослым и тощим даже для дикаря из пустыни. Киммериец мог бы нести под мышкой человека таких размеров, но бородач, похоже, предпочитал идти сам на своих двоих.

Конан и его пленник торопливо вернулись в укрытие. Засевший наверху враг, казалось, занят, состязаясь в крике. Конан же предпочитал снова присоединиться к

своим воинам, прежде чем крики опять перейдут в стрельбу. Что же касается неприятелей, засевших ниже по склону, то местность была против них. То, что они не наступали, являлось для Конана еще одной тайной.

Битва и так получалась достаточно странной, даже если бы дикари вели себя так, как им полагалось. А когда они этого не делали, один бог мог понять, что же на самом деле происходит.

Не имей киммериец никаких обязательств перед товарищами, он воспользовался бы замешательством врага, чтобы удрать. Однако когда от твоих поступков зависят жизни других...

Фарад первым приветствовал Конана и быстро показал на пещеру с низким потолком, вход в которую туранцы откопали, пока Конан добывал языка. Пещера оказалась неглубокой и вряд ли представляла собой хорошее место для последнего боя. В ней не было ни родника, ни ключа... Хотя на эту битву хватит единственного бурдюка с водой, который остался у воинов Конана.

— Никто больше не нападал? — спросил киммериец.

— Разве были бы мы здесь, если бы случилась хоть одна атака? Кто этот постаревший мальчик?

Бородач снова понял скорее тон Фарада, чем смысл слов афгула, и выхватил кинжал. Конан быстро вышиб оружие из его руки, а затем поднял клинок и заткнул его себе за пояс.

— Тебе повезло, что ты жив, — сказал он пленному. — Я оставлю этот ножичек себе, пока ты не расскажешь нам, что происходит там, наверху. Почему ты боишься гирумги?

Бородач забалаболит. Конан с трудом понимал речь своего пленника. Он нашел больше смысла в рассказе бородача, когда вспомнил, что гирумги были одним из самых могущественных племен пустыни.

Прежде чем бородач закончил свои объяснения, Конан услышал, что крики на вершине склона стихают. А когда воцарилась тишина, ему показалось, что он услышал пение туранских боевых рогов, но настолько

далекое, что было невозможно сказать, не вытворяет ли это стонущий среди скал ветер пустыни.

Конан сделал Фараду знак: «Готовься к атаке». Фарад кивнул и развязал пояс, чтобы связать им руки пленнику. Бородач закатил глаза к небу так, что остались видны только белки.

Конан внимательно посмотрел на пленного воина:

— Он перережет тебе глотку, если ты не подчинишься, и я не стану ему мешать.

— Нет... Я не драться... Я ваша друга... Я драться с гирумги, — к тому же он неистово зажестиковал, показывая направо и наверх.

Из этого объяснения Конан ничего не понял. Он кивнул Фараду, который накинул петлю на запястья бородача и затянул ее.

И тут сверху, казалось, сорвалась, вырвавшись на волю, орда демонов. Завопило по меньшей мере человек пятьдесят разом, вызывая, от ужаса или в предсмертных муках. И, перекрывая вопли, трубили туранские боевые рога, на этот раз совсем рядом. Зазвучали боевые кличи туранцев.

Конан посмотрел на пленника, который потерял сознание от страха. А затем на Фарада, который в недоумении развел руками: «Ты принимаешь меня за оракула?»

Киммериец перебрался к выходу из пещеры, откуда мог видеть, что происходит на вершине горы, и определить, куда стоит послать стрелу, при этом не прострелив друга!

Махбарас не ожидал, что после смерти его ждет иная жизнь в ином мире, так как чересчур долго служил дурным хозяевам. Он также не ожидал, что кто-то хорошо отзовется о нем после его смерти или сочинит о нем поэму, которую станут петь во дворцах хорайянской знати в грядущие века или хотя бы месяцы. Скорее всего его смерть если не положит конец его мучениям, то загладит вину перед духом Данара.

То, чего Махбарас не знал о колдовстве и ведовстве, могло заполнить несколько длинных и убогисто

исписанных свитков. Однако ж он знал-таки, что присутствие холодного железа, такого, как клинок меча, может воспрепятствовать многим чарам.

Все это вихрем пронеслось в голове Махбараса в тот миг, когда его меч обрушился вниз, разрубив огненную половину, связывавшую колдунью и наемника. Затем капитан отшатнулся. Огненный язык дернулся вверх, вырвав меч из руки капитана с такой силой, что его шагреновая рукоять до крови ободрала ладонь воина.

Словно смертельно раненный змей, язык пламени стал дико извиваться в воздухе. Повелительница Туманов расставила пошире ноги и вцепилась в свой конец, словно утопающий, ухватившийся за веревку. Махбарас услышал, как она нараспев читает заклинания. А потом колдунья завопила достаточно громко, чтобы ее услышали, несмотря на мучительные крики Данара. Но капитан был слишком удивлен тем, что все еще жив, чтобы разглядывать лицо Повелительницы.

Слишком удивлен он был и слишком напуган. Если колдунья решит, что он виновен, то следующим умрет он, и смерть его примет такую форму, по сравнению с которой смерть Данара покажется мирной. Но Махбарас не упал замертво в тот же миг, когда его меч пронзил огонь. По его мнению, это означало, что его ожидает нечто куда худшее.

И тут крики Данара смолкли. Огонь вокруг него исчез, и остался лишь серый пепел. Вечерний ветер унес его в долину.

Колдунья продолжала нараспев читать заклинание, а огненный язык хлестал во все стороны, словно хвост огромной кошки. Девы поспешили расступиться. Но Махбарас остался стоять на месте, словно ноги у него превратились в камень и срослись с балконом. В самом деле, ему даже пришлось опустить взгляд, дабы убедиться, что этого не произошло.

Пока оставался жив, но знал, что долго это не продлится. И поскольку он считал себя уже покойником, то не стал терять достоинство последних мгновений своей жизни и пытаться удрать.

Наверное, его смерть не пройдет незамеченной — по крайней мере среди дев. У некоторых из них души скорее женщин, чем ведьм. Данар это доказал. Возможно, они будут не столь послушными орудиями своей безумной хозяйки, став свидетелями смерти Махбараса.

Внезапно огненный язык уменьшился. Затем, свернувшись в сферу не крупнее яблока, упал на камень. Ударившись о него, он исчез — но из того места, где он ударился, повалил дым, и Махбарас увидел, как запузырился камень, словно став жидким.

Колдунья и наемник стояли, глядя друг на друга через лужу остывающей лавы не шире скамеечки для ног, но выглядевшую непреодолимой преградой. Тишина казалась тяжелой, как бронза или камень, она сковала руки и ноги людей так крепко, что сама мысль о движении казалась безумной.

Только вздымающиеся и опускающиеся груди колдуньи говорили Махбарасу, что она еще жива. Он не мог сказать, откуда знает, что и сам еще жив, но все же знал-таки, и, по мере того как мгновения сменяли друг друга, он начал гадать, удастся ли ему и дальше остаться живым.

«Не надейся. Смерть, отнимающая надежду, — самая жестокая».

Это был старый урок из книг, которые любой мальчик, рожденный быть солдатом, начинал читать тогда же, когда садился на коня. Махбарас твердил про себя эту истину. И еще он все время напоминал себе о том, что он сделал нечто такое, чего Повелительница Туманов не одобрила бы. Хотя, наверное, она от него этого не ожидала...

Пока же она не решила, как быть с Махбарасом, он мог жить.

Ему не приходило в голову даже пытаться бежать, пока Повелительница стоит, погружившись в свои мысли и охваченная сомнениями, наверно, впервые с тех пор, как подчинила долину своей воле. Будь он в состоянии полностью сформулировать причину такого своего поведения, то выяснилось бы, что все дело в том, что

любое движение капитана могло нарушить хрупкое перемирие между ними и заставило бы Повелительницу обрушить на непокорного воина всю свою силу.

Смерть Махбараса была неминуемой; смерть, на встречу которой он пошел, чтобы положить конец мукам Данара.

Молчание нарушил какой-то звук — лязг стали о камень. Махбарас по-прежнему не двигался. Но двигаться и не нужно было. Он увидел свой меч, лежащий на камне между ним и Повелительницей.

Махбарас ожидал, что клинок почернеет, искривится. А вместо этого он блистал так, словно самый лучший оружейник в мире потратил не один день, полируя сталь. На рукояти клинка волшебными огнями мерцали самоцветы — но, несмотря на украшения, меч был хорошим оружием.

— Подними его, — приказала Повелительница. По крайней мере Махбарасу показалось, что он услышал именно эти слова, хотя он мог поклясться, что колдунья их вслух не произносила. Однако Махбарас знал, что заставлять Повелительницу повторять будет дурным делом.

Он опустил глаза на корточки и, не сводя глаз с лица колдуньи, поднял меч. Тот, казалось, стал легче, чем раньше, но был так же хорошо сбалансирован.

О таких мечах говорилось в старинных повестях о героях, погибших, когда волны еще перекачивались над свежей могилой Атлантиды. Но никому и не снилось, что его собственный клинок преобразится в такое оружие.

— Отрежь у себя прядь волос собственным клинком, достопочтенный капитан, — приказала Повелительница. На сей раз Махбарас знал, что говорила именно она. И еще он знал, что не подчиниться колдунье невозможно. Не важно, какими могут оказаться последствия, — мысль о неподчинении ему и в голову не приходила.

Он отрезал прядь волос. Клинок меча отсек их без усилий. И тут капитан вспомнил еще кое-что из колдовской науки.

«Если отдашь ведьме что-нибудь, принадлежащее тебе, особенно часть своего тела, ведьма сможет навести на тебя мощные чары или заставит служить себе».

Махбарас задумался об этом. А потом решил, что стоило бы не подчиниться приказу колдуньи.

Но, вместо того чтобы на месте обратить его в пепел, Повелительница Туманов улыбнулась как женщина, для лица которой такое выражение новообретенное и далеко не желанное. Казалось словно она пыталась успокоить не только капитана наемников, но и саму себя.

Это казалось в высшей степени невероятным. Будь у колдуньи хоть какие-то остатки совести, она бы не сделала того, что сотворила с Данаром. Если она и испытывала раскаяние, то оно пришло слишком поздно.

Но, как бы то ни было, лицо Повелительницы расплылось в улыбке, и миг спустя Махбарас улыбнулся ей в ответ. Спустя еще один миг он шагнул вперед и протянул прядь своих волос колдунье, хотя и не выбросил из головы мысль отказаться отдать их ей.

— Тебе незачем бояться подарить мне прядь своих волос, достопочтенный капитан, — сказала Повелительница. Она оглядела его с ног до головы. Махбарас не мог не думать о ней как о женщине, которая рассматривает его как мужчину. В золотистых, кошачьих глазах колдуньи светилась — нет, не нежность, — но то, что можно было бы назвать теплотой.

Повелительница не сотворила никаких смертоносных чар.

Махбарас сделал еще один шаг вперед, и на этот раз колдунья шагнула к нему навстречу. Прохладные пальцы коснулись его руки, дотянувшись до самого запястья, и ненадолго сжали ладонь, а затем отпустили Махбараса, зажав прядь волос капитана между большим и указательным пальцами.

Когда Повелительница Туманов отдернула руку, Махбарас заметил, что ногти у нее того же золотистого цвета, что и ее глаза.

А потом он ничего больше не замечал, до тех пор пока не оказался в центре поднимающегося вихря. Стало совсем темно. И вокруг него по-прежнему стояли восемь дев.

Капитана не удивило то, что девы теперь походили скорее на нетерпеливых женщин, чем на дочерей богини-воительницы. Его даже не удивило, что некоторые из них заметно дрожали от холода.

Когда капитан заговорил, его голос зазвучал глухо, Махбарас надеялся, что это будет последним сюрпризом нынешнего вечера.

— Вам всем нет нужды сопровождать меня, если только это не приказ Повелительницы. Мне нужна лишь одна проводница до входа в долину.

— Наша Повелительница приказала сопровождать тебя, — отозвалась одна из дев голосом столь же равнодушным, как прежде.

Казалось, девы еще недостаточно расслабились, чтобы выполнять разумные распоряжения, а не приказы своей Повелительницы.

Конан еще не нашел хорошего места для стрельбы, когда на склоне, казалось, воцарился первозданный Хаос. Пыль поднялась, словно началась песчаная буря, и из этого бурого облака выпрыгивали, выпадали и выбегали воины.

Несмотря на пыль, Конан все же определил, что некоторые из них принадлежали к дикарям пустыни — несомненно, гирунги, хотя он и не помнил узора, украшавшего головные уборы этого племени. Остальные были туранскими Зелеными плащами. Очевидно, отряд Хезаля учуял беду и вовремя прискакал на выручку Конану.

Прибытие подкрепления, однако, не гарантировало Конану победу. Отчаявшиеся дикари понеслись вниз по склону. Они превосходили численностью отряд киммерийца в два или три раза. К тому же дикари могли стрелять и вверх, и вниз по склону, не особо рискуя попасть в своих. А туранцам и наверху, и внизу нужно было действовать осторожно.

«Лучше полагаться на клинки», — подумал Конан, а затем приказал не стрелять.

Один лучник вздумал было возражать. Фарад сделал движение, словно собирался отнять у него лук и сломать его. Тогда строптивый лучник перекинул лук через плечо и извлек длинный нож, который, на взгляд Конана, был отличным оружием для ближнего боя.

Тут гирунги обрушились на них. Конан бросил лишь один беглый взгляд на левый фланг, откуда не доносилось никаких криков. А затем мир сжался до прохода между скалами и испачканного в пыли дикаря с обезумевшим взглядом, выскочившего прямо на киммерийца.

Варвар с силой рубанул справа, целя в грудную клетку дикаря, и попал ему по руке, сжимавшей саблю. Предплечье и талвар дикаря упали на землю. Он взвыл и попытался ткнуть хлещущим кровью обрубок в лицо киммерийцу. Клинок Конана остановил врага, глубоко вонзившись в торс дикаря и достав ему до сердца.

Дикарь упал в узком проходе между двумя скалами, частично перегородив его. Конан полуобернулся, схватил камень и швырнул его левой рукой в следующего появившегося в проходе дикаря. Камень превратил лицо этого человека в кровавое месиво, и дикарь, споткнувшись, налетел на острие только что выхваченного кинжала Конана и упал на тело своего товарища.

Рядом с ухом Конана просвистела стрела. Стреляли справа. Киммериец повернулся в ту сторону, схватил еще один камень и прыгнул вперед. Дикарь находился слишком близко для того, чтобы бросать камень, так близко, что никак не мог промахнуться, стреляя из лука. Но паника и спешка даже лучшего воина сделают ничем не лучше ребенка — и он окажется в бою куда хуже Конана.

Киммериец ударил лучника левой рукой, сжимавшей камень, одновременно делая выпад мечом поверх его плеча. Голова первого противника отдернулась назад достаточно сильно, чтобы сломать ему шею, и он врезался в дикаря, стоявшего у него за спиной, в тот же миг, когда клинок Конана вошел ему в горло. Противники Конана попадали друг на друга.

Теперь Конан оказался на открытом месте, окруженный со всех сторон скалами, где могли скрываться лучники. За спиной его остались два прохода. По ним дикари могли обойти киммерийца с флангов. Варвар отступил, перемещаясь влево. Впереди лежал единственный узкий проход, где оба фланга были бы надежно прикрыты, а дикари смогли бы там нападать на Конана, подходя по одному.

На пути к этому узкому проходу Конану пришлось убить только лишь одного врага. Судя по крикам и воплям с обеих сторон от него, не говоря уж о лязге стали, киммериец решил, что его товарищам пока везет.

Во всяком случае он на это надеялся. Людям Конана требовалось смещать ряды бегущих вниз дикарей, прежде чем их товарищи внизу сообразят, что происходит. Если же те придут на помощь, то туранцы Конана окажутся меж двух огней.

В последующие несколько мгновений бегущие дикари были смяты. Каждый из бойцов Конана сражался за двоих, и хотя дикарей было больше, чем рассчитывал киммериец, в конечном счете победа осталась за туранцами и афгулами.

Конан только-только улучил минутку перевести дух и кое-как вытереть клинки, когда снизу раздались новые крики. С человеческими воплями смешивались испуганное ржание и мучительные предсмертные визги лошадей.

И снова раздались туранские боевые кличи.

Конан только и успел подумать, насколько же беспорядочной получилась эта битва, когда на его людей нахлынула новая волна дикарей. Эти поднимались из долины внизу. Они, казалось, столь же рвались подняться на гору, как их товарищи — спуститься с нее.

Подобно своим товарищам они превосходили в численности отряд Конана, даже если бы тот не потерял ни одного человека. А так как Конан видел одного афгула, лежащего то ли убитым, то ли тяжело раненным...

— Кром! — выругался киммериец. — Эти вшивые дикари не дают человеку вытереть меч.

Потом он выступил вперед, чтобы сразить новых врагов, но тут же отступил, когда вокруг него засвистел град стрел. Одна из них чиркнула по левому предплечью киммерийца. К ночи эта рана заставила бы Конана двигаться медленнее, но эта битва так долго не продлится, Конан же дрался целый день с полудюжиной таких ран.

Стрела не причинила Конану большого вреда. А вот лежавший прямо за спиной у киммерийца умирающий гирумги чуть не прикончил отважного варвара. Когда Конан отступил, умирающий схватил киммерийца за лодыжки и дернул на себя. Большинство людей могли с таким же успехом попытаться сдвинуть Кезанкийские горы, но этот дикарь был рослым малым и захватил Конана врасплох.

Конан опрокинулся, но, извернувшись, попытался в падении посильнее стукнуть врага. Его кулак слегка задел челюсть дикаря, но вот голова отнюдь не слегка ударилась о выступ скалы. Менее толстый, чем у киммерийца, череп тут же раскололся бы. И даже киммериец на мгновение увидел небо в алмазах — а затем умирающий гирумги навалился на него, тыча кинжалом в горло северянину.

Кинжал так и не достиг своей цели. Неожиданно позади дикаря выросла тонкая фигурка, и меч с позолоченной рукоятью обрушился на противника киммерийца, словно гнев Крома. Череп дикаря развалился пополам, а кинжал не причинив вреда ткнулся в грудь Конана.

К тому времени Конан смог достаточно хорошо сфокусировать свой взгляд, чтобы узнать воина.

— Хезаль. Клянусь шлемом Эрлика, ты вовремя прибыл!

— Ты, должно быть, серьезно повредил голову, друг мой. Такие придворные речи противны твоей природе.

— Ты хотел бы, чтоб я встал и придушил тебя, дабы доказать обратное?

— Едва ли. Я мог бы попросить в виде награды некоторые из твоих самоцветов.

— Только из моей доли. Если ты возьмешь что-нибудь из доли афгулов, я швырну тебя головой вниз в

пересохший колодец, а потом засыплю верблюжьим навозом!

Хезаль притворно поежился от страха, а затем повернул голову, прислушиваясь к отдаленным звукам, не долетавшим до ушей Конана. (У киммерийца в голове все еще звенело, а желудок его радовался тому, что почти пуст.)

— Это тот сержант, который осаждал твоих сбегавших афгулов, — объяснил Хезаль.

— А он-то что здесь делает?

— Когда выясню, ты узнаешь первым. Но он только что сказал мне, что он и его ребята отогнали лошадей дикарей в долину и преследовали спешившихся беглецов.

— Лучше уж их, чем афгулов, — глубокомысленно изрек Конан. Он попытался сесть, но перед глазами у него все поплыло.

— Эй там, носилки капитану Конану! — крикнул Хезаль.

— Я получал и худшие раны еще в грудном возрасте, когда выпадал из колыбели, — пробурчал киммериец.

— Тогда ты падал не с такой высоты, как теперь, когда повзрослел, — возразил Хезаль и толкнул киммерийца, заставляя его снова лечь. Одно то, что туранец смог это сделать и что Конану не особо хотелось сопротивляться, доказывало, что, наверное, киммерийцу следует предоставить Хезалю завершить эту битву.

Она ведь была в конце концов по существу выиграна, даже если пройдет еще некоторое время, прежде чем туранцы разгонят оставшихся дикарей. Потому Конан улегся поудобнее и стал ждать носилки.

Капитан Махбарас направлялся к своим покоям. Обычно он проделывал этот путь пешком, так как тропа эта была довольно-таки крутой для лошадей, а ехать на осле ему мешало достоинство воина.

Однако сегодня ночью он мог бы еще больше потерять достоинство, оступившись и покотившись с горы,

чем потерял бы, сидя верхом на осле. Такой слабости в ногах Махбарас не ощущал с того дня, когда впервые в жизни прошагал с полной выкладкой с рассвета до заката.

Повелительница Туманов оценила его как мужчину. Теперь он не мог больше сомневаться в этом. Она также проделала это прямо на виду у дев, которые могли и не быть такими уж преданными или сдержанными. Таким образом, что бы там ни думала Повелительница, это уже не являлось тайной.

Такое внимание со стороны колдуньи едва ли могло хорошо кончиться, даже если не думать о своей чести. О судьбе любовников ведьм рассказывалось во многих разных историях, но ни одна из них не имела хорошего конца.

Однако после оскорбления, которое нанес Махбарас Повелительнице Туманов, у капитана не оставалось никакой надежды. Один раз он рискнул, облегчив муки своему войну, и благодаря какому-то чуду или прихоти колдуньи, которая все-таки оставалась женщиной, его не убили на месте. Второй раз такая удача ему не выпадет.

Махбарас думал об этом, возвращаясь к далеким огонькам фонарей у дверей своих покоев.

— Так значит, гирумги решили взбунтоваться? — спросил Конан.

— Похоже на то, — ответил Хезаль.

— Одна тайна разгадана, — вздохнул Конан и налил себе в чашу еще вина.

— Ты уверен?.. — начал было Хезаль.

— Я уверен, что ты научился воевать не у Хаджара, и твой отец не служил мне нянькой, — проворчал киммериец. — Голова у меня почти не болит. Я вижу только то, что у меня перед глазами... Я не блюю и не засыпаю.

— И это доказывает, что головы у киммерийцев и правда тверже камня, — вставил Фарад.

Конан воздел руки в притворном негодовании:

— Раз уж моя голова способна удержать мысль, не поразмыслить ли нам о том, что делать дальше?

Захваченный Конаном пленник был из Клана Камня экинари. Сын вождя экинари был братом по крови вождя гирумги. Это объясняло, почему экинари ехал с гирумги.

— Даже знай ты речь этих племен, ты не смог бы извлечь из этого бородатого ответов, которых он сам не знает, — продолжал Хезаль. — И нисколько не помогло бы тебе то, что остальные члены Клана Камня, или кем там еще были его товарищи, сбежали, словно за ними гнались по пятам пятьдесят демонов.

— Пятьдесят демонов или, возможно, все уцелевшие гирумги, — заметил Фарад.

— Слава Митре, их осталось немного, — вздохнул Хезаль.

Излишняя самоуверенность приводила в неизвестную могилу капитанов и получше Хезаля, но Конану показалось, что в данном случае туранец прав. Но воины Хезаля оказались не единственными, кто вступил в битву после того, как она давно началась.

Зеленые плащи старательно осаждали афгулов с заложниками, когда раздались звуки боя. Убежденные, что битва эта наверняка связана с Конаном, идущим на выручку своим людям, предводитель афгулов стал вести переговоры и предложил новые условия перемирия.

Афгулы отпустят без выкупа всех заложников и вернут им оружие. В ответ Зеленые плащи должны были принести клятву о том, что не причинят вреда афгулам до тех пор, пока они не победят общего врага.

Зеленые плащи приняли это предложение, и обе стороны поклялись соблюдать перемирие, пока их не освободят от него капитаны. Похоже, что Зеленые плащи были столь же уверены в приближении Хезаля, как и афгулы в приближении Конана, и тоже хотели сразиться с дикарями.

Поэтому афгулы и туранцы напали вместе и посеяли панику в тылу дикарей в долине. Они неплохо разжились оружием, лошадьми и багажом, а тела примерно

ста пятидесяти дикарей пошли на корм стервятникам. Новые союзники потеряли не больше семидесяти человек. Конан оглядел оставшееся воинство при свете костров из сушеного навоза — аргала.

С Хезалем по-прежнему было неплохо странствовать, тем более что теперь к его природному уму прибавились мудрость прожитых лет и опыт многих битв. Хорошо отправляться в путь с таким товарищем, особенно заниматься поисками, во время которых новые враги появляются с такой же быстротой, с какой гибнут старые.

Конан поклялся отправиться на север и помочь Хезалю в Кезанкийских горах, и он решил не нарушать этой клятвы, даже если все племена пустыни и все их вожди и сыновья вождей встанут на его пути. Но это вовсе не означало, что он рассчитывал вернуться живым из этого путешествия.

Глава 10

Четыре дня они ехали на север от места битвы с гирумги. Теперь перед ними пиками вставали Кезанкийские горы. Снежные шапки более высоких пиков сверкали розовым на заре и на закате. Ветерок шептал о плодородных странах, лежащих за пустыней, и Конан с афгулами очень обрадовался.

Хезаль радовался меньше и полагал, что у него на то есть причина, несмотря на все грубые шуточки киммерийца.

— Ну вот мы и здесь, недалеко от караванных троп, — объявил Конан. — А ты все жалуешься. Тут есть колодцы с водой, деревья, дающие тень, и даже убежище для тех, кто заболел или перегреется на солнце. Чего же ты хочешь — чтобы летучие драконы мигом перенесли нас к Кезанкийским горам?

— Я предпочел бы заставить их рыскать в горах и искать таинственную долину, — ответил Хезаль.

— И ты не попросил бы прибить колдунов на месте?

— Я бы не поставил на силу дракона в битве против колдунов, способных на многое, если верить рассказам, — пожал плечами Хезаль. — Кроме того, я разделяю твое мнение насчет договоров с чародеями. Не играй в их игры, а, приближаясь к ним, попробуй проткнуть их мечом.

Конан одобрительно кивнул:

— Что же тогда тебя беспокоит, друг мой?

— То, что мы едем напрямик в их пасть, вот что, и не притворяйся, будто ты совершенно спокоен. К тому же мы убили множество гирумги, и если те не поднимутся против Турана, то наверняка попытаются отомстить нам.

— Ха! Гирумги не выступят против нас, их осталось маловато для хорошего восстания. Более того, покуда над нами висит эта угроза, твои и мои люди с удовольствием забудут, что они вообще когда-либо обменялись хотя бы злобными взглядами.

Хезаль оглянулся на афгулов, ехавших позади Конана плотной группой. Некоторые туранцы теперь не принужденно ехали рядом с ними, болтая так, словно много лет были товарищами. Однако многие Зеленые плащи держались в отдалении и ехали с мрачными лицами. В свою очередь, афгулы зорко следили за туранцами и держали сабли наготове.

— Говори только за своих людей, — возразил Хезаль. — Я уверен в большинстве своих, но всегда найдется один злой от рождения или горюющий по погибшему товарищу. Такой человек может разрушить даже самую крепкую дисциплину. Я буду охранять твою спину, Конан, но я едва ли могу обещать, что этого хватит.

— Ты воин, а не бог, — Конан хлопнул Хезаля по плечу с такой силой, что едва не вышиб худощавого туранца из седла. Хезаль прожег его злым взглядом.

— Нам лучше всего поискать место для стоянки неподалеку от воды, — заметил он через несколько минут.

— Как так?

— Видишь то марево на горизонте? — Конан последовал взглядом за рукой Хезаля и кивнул. Горизонт и впрямь казался смазанным.

— Песчаная буря?

— Я вижу, ты позабыл не все, чему научился на туранской службе.

— Да, хотя вот про то, насколько длинен твой язык, я как-то позабыл. В один прекрасный день Еиздигерд может вырвать его с корнем.

— А ты, конечно, поставишь выпивку палачу? — Напряженность в голосе Хезаля сказала Конану больше, чем ему хотелось знать о сложном положении, в котором может оказаться честный человек под властью безжалостного молодого царя.

— Я ему шею сверну и вырву тебя из лап тирана, — ответил киммериец. — Но я не стану ожидать за это благодарности.

— Ты меня хорошо знаешь, — согласился Хезаль. — А теперь давай поищем место для стоянки. В это время года ехать навстречу песчаной буре — верная смерть, даже переждать ее неподалеку от воды — и то немалый риск. Ведь буря может бушевать не один день.

Ветер непрерывно стenal за пределами покоев Махбараса. Иной раз его завывания превращались в противный визг. Капитан дрожал не столько от завывания ветра, сколько от ненависти при виде человека, сидевшего напротив него.

Хорошо различимое сквозь дым, исходящий от бронзовой жаровни, лицо Эрмика казалось еще более самодовольным и самонадеянным, чем обычно. В это было трудно поверить, но за все время, проведенное в горах, он не потерял ни грамма жира. Махбарас гадал, сколько же денег он потратил на взятки, выжимая деньги из крестьян, и сколько же вьючных животных он загубил, доставляя себе припасы из более цивилизованных краев или даже из самого Хурана.

Шпион решил рассказать капитану о бродивших в долине слухах. Но пока, выпив три чаши вина Махбараса, он все еще ничего не рассказал капитану.

Но вот в голосе капитана наемников зазвучали суровые нотки:

— В последний раз спрашиваю тебя. Или рассказывай, в чем дело, или держи язык за зубами.

— А что ты сделаешь, если я не сделаю ни того ни другого? — поддразнил его Эрмик.

— Ты хочешь вывести меня из себя? — Капитан говорил голосом человека, чье терпение готово вот-вот истощиться.

— У меня друзей столько же, сколько и раньше, а у тебя их по-прежнему мало, — пожал плечами Эрмик. — А я говорю как раз о том, как мы оба сможем занять в долине союзников.

— У нас будет мало друзей и много врагов, если ты бродил там, где нашим людям бывать не дозволено, — устало сказал Махбарас. — Это уж точно.

Эрмик пожал плечами:

— Сомневаюсь, что твой страх мудрый советчик.

— Либо не зови меня трусом, либо приготовься потерять язык, — оборвал его Махбарас.

На сей раз Эрмик понял, что ему грозит опасность. Капитан говорил как человек, готовый тут же обнажить сталь. Он склонил голову одновременно и изящно, и пренебрежительно.

— Прощу прощения. Я не зову тебя трусом. И не называй меня дураком, если я не дам тебе явного повода.

Эрмик набрал побольше воздуха в легкие:

— Девы говорят, что Повелительница Туманов желает тебя, как женщина может желать мужчину. Они не говорили, откуда им это известно, так как это, несомненно, часть тайны Долины Туманов и ее Повелительницы. Но дева, рассказавшая мне об этом, поклялась такими клятвами разным богам, которых я и не знал, что у меня нет никаких сомнений в том, что она говорила правду.

Такая осторожность в выборе слов была необычной для Эрмика, но удивление не сделало Махбараса менее

бдительным. Он сложил руки на прикрытом шелковой штаниной колене. (На самом-то деле он сложил руки, прикрывая домотканую заплатку на шелке. Штаны и несколько других шелковых вещей ему подарила сестра, умершая от родов два года назад. Многочисленные путешествия по горам быстро довели одежды до такого состояния, что Махбарасу едва ли хотелось быть похороненным в них, несмотря на его привязанность к сестре.)

— Итак, мы имеем дело с колдуньей, которая начала думать своими чреслами, как и многие обыкновенные женщины. Многие женщины властвуют над своими чреслами или по крайней мере не бродят кругами, словно голодные львицы, в поисках мужчины, способного их покрыть.

— Они так и поступают, и тем большие они дуры, когда кругом множество мужчин, готовых удовлетворить их, — сказал Эрмик. — Но я не думаю, что Повелительница Туманов одна из них.

— Да и я тоже, откровенно говоря.

Даже докрасна раскаленные щипцы и кипящее масло не смогли бы извлечь из капитана описания лица Повелительницы, испытывающей радость любви. Конечно, если девы были достаточно чувствительными, чтобы узнать желание своей Повелительницы, то и этот шпион тоже мог узнать его...

— Но почему ты считаешь, что она выбрала меня? — Даже самому Махбарасу этот вопрос показался глупым.

Эрмик откровенно рассмеялся:

— А почему бы и не тебя? Я не в состоянии посмотреть на мужчину глазами женщины, но Повелительница, несомненно, видит в тебе то, что ей нужно.

— Почему меня, если ей нужен просто мужчина?

— Кто ж может знать правду о воле женщины?.. Конечно, возможно, ты прав. Если ее не особенно волнует, какой именно мужчина будет с ней, то, может, и я на что сгожусь.

— Нет!

— Ревнуешь?

На этот раз Махбарас действительно вскочил со своего места, хотя и сдержался, не обнажил меча. Мгновение постояв, он сел, качая головой. У Эрмика хватило приличия не рассмеяться вновь.

— Самая мысль переспать с Повелительницей сродни безумию, — проговорил Махбарас, когда понял, что снова способен владеть своим голосом. — Никто не знает, что доставит удовольствие колдунье, равно как и того, что вызовет ее недовольство и что она сделает с мужчиной, вызвавшим у нее недовольство. К тому же она не проявляет мудрости в отношении к своим девам.

— Ты рассматриваешь Повелительницу как капитана, командующего девами-солдатами?

— Да, и ведущую войну с помощью своей магии.

— Возможно и так, — согласился Эрмик. Не спрашивая у Махбараса разрешения, он подошел к стоящему на каменный опоре кувшину из-под вина, наполовину наполненному холодной водой. Капитан заметил, что руки у шпиона немного дрожали, когда он наливал себе новую чашу. Когда он осушил ее одним глотком, его руки стали дрожать еще сильнее.

— Именно так, — заявил Махбарас. — И мудрый капитан всегда придерживается одного правила: никогда не предавайся удовольствиям, которые запрещает своим воинам. Думаешь, Хауран выгадает от мятежа дев, который приведет к войне в долине и разрушит все наши планы относительно Турана?

— Нет, — сказал Эрмик. — И наш родной город тоже не выгадает, если женщина, которой пренебрегли, повернет против нас. Как по-твоему, долго ли мы проживем, если Повелительница Туманов обрушит на нас свою магию?

Махбарас ответил, что он сомневается в том, чтобы человек мог измерить такой короткий промежуток времени. Эрмик кивнул:

— Значит, не следует допускать, чтобы Повелительница сочла, будто ею пренебрегают, даже если это заставит дев поревновать. Тогда нам не придется так сильно ее опасаться. Если мужчина осмотрительно по-

дойдет к Повелительнице, их и вовсе не придется опасаться.

— Это означает, что нужным нам человеком ты быть не можешь, — заключил Махбарас. А затем резко закрыл рот, щелкнув зубами, так как сообразил, что попал в хитрую западню Эрника.

Он заставил себя рассмеяться:

— Вижу, ты уговорил себя выполнить пожелания Повелительницы, а ведь она может захотеть послушать, как ты поешь кабацкие песни и жонглируешь сушеными козлиными ушами.

Эрмик засмеялся вместе с капитаном. После того как оба отсмеялись, Махбарас налил и себе, и шпиону еще вина. Они допили этот кувшин, но капитану и все вино в мире не ответило бы на один мучивший его вопрос:

«Как, во имя всех богов, обыкновенному мужчине ублажить колдунью?»

Песчаная буря налетела ночью и бушевала весь следующий день. В пределах лагеря не было никакого колодца, так как Хезаль и Конан выбирали место, где легко защищаться. Однако колодец находился поблизости, и с помощью веревки, протянутой от ближайшего сторожевого поста к колодцу, водоносы могли снова туда-сюда, даже когда песок сокращал видимость до расстояния вытянутой руки.

Один Зеленый плащ, новичок, еще не усвоивший жестоких уроков пустыни, отошел от этой веревки. К счастью, у него хватило ума оставаться там, где его застигла ночь, и так как он возвращался от колодца с полными бурдюками воды, то не страдал от жажды.

Утром этот воин вернулся в лагерь. Кожа у него горела от ветра с песком, но в остальном он остался невредим, и Хезаль приказал сворачивать лагерь. С темного неба все еще сыпался песок, и горизонт был почти не виден, но капитан сказал, что на следующей стоянке будет два колодца и там можно удержаться хоть против целой армии.

— Даже рвущейся в бой армии, не считающейся с потерями, лишь бы уничтожить врага? — уточнил Конан.

— Ты хорошо понимаешь дикарей пустыни, Конан.

— Я же киммериец... Я ответил на твой вопрос?

— Не совсем. Я собирался сказать, что понимаешь ты их хорошо, но не до конца. Никакой вождь не обречет на смерть слишком много воинов. Ведь после битвы те, кто остался в живых, могут обратить свой гнев против него. И даже если они сохраняют ему верность, но их останется слишком мало, то его племя или клан может пасть жертвой более многочисленного врага, или сам вождь может пасть от руки кого-нибудь воина, метящего на его место и имеющего много сторонников. Дикари пустыни редко станут драться до последнего человека, кроме тех редких случаев, когда им не оставят иного выбора. Конечно, — криво усмехнулся Хезаль. — Возможно, это и будет как раз один из тех случаев.

— Я помню, что ты у нас — оптимист, — сказал Конан.

— Надеюсь, мы оба проживем достаточно долго, чтобы вспоминать друг друга, — усмехнулся Хезаль.

— Не проживем, если ты не будешь лучше остерегаться змей, — отрезал Конан и показал на пустынную гадюку, извиваясь, ползшую к левой передней ноге коня капитана.

— Я остерегаюсь, — отозвался Хезаль. В руке у него в тот же миг появился кинжал. А в следующее мгновение он уже глубоко вонзился в песок, перерезав гадюку надвое как раз за капюшоном. Тело змеи бешено извивалось, но к тому времени, как капитан, подобрав кинжал, снова сел на коня, тварь уже перестала двигаться.

Туранцы отъехали, построившись, как принято в тех случаях, когда воины опасаются бури. Они ехали двумя колоннами, и каждый находился от своего товарища чуть дальше, чем на длину копья. Все надели белые одежды, и на каждые десять всадников приходился один с рогом или барабаном.

Мальчик, которого Конан встретил в горах Ильбарс, превратился в мужчину, за которым можно было сле-

довать. Если б Хезаль мог гарантировать Конану безопасность, киммериец, возможно, даже вернулся бы в армию Турана.

Но боги распорядились иначе, и поэтому Конан решил отправиться на запад, когда завершится это путешествие....

Глава 11

Тем утром они находились недалеко от той части пустыни, которую гирумги называли своей. (Во всяком случае той части пустыни, где чужестранцы могли с большей вероятностью умереть от рук гирумги, чем от рук воинов любого иного племени. Дальше этого территориальные претензии кочевников обычно не простирались. Ведь их племена двигались по пустыне, словно флот торговых судов в открытом море.) Поэтому туранцы внимательно высматривали врагов, так же как признаки перемены погоды. И когда снова налетела песчаная буря, никто не удивился.

Однако всего за несколько мгновений до того, как разыгралась буря, часовые заметили всадников неподалеку. Благодаря какому-то странному феномену, воздух между ними и всадниками был прозрачен, как в ясный день в Ванахейме. Можно было даже пересчитать всадников (их было около трех сотен), разглядеть знамя гирумги и головные уборы у тех, что были поближе.

Конан не спорил, когда ему сказали, что у всадников знамя племени гирунги, но насчет остального киммериец засомневался. Он не мог сказать, какого племени эти воины, но готов был поручиться, что они окажутся вовсе не гирумги.

Когда и небо, и воздух стали бурными, туранцам пришлось искать убежища, пока еще хоть что-то можно было разглядеть. Конан растянул своих воинов цепью и направился в сторону колодца. Не слезая с коня, он наблюдал, как туранцы следуют за ним, выезжая из пыльного облака, чтобы найти убежище в естественной впадине посреди пустыни.

— Мы будем стеречь здесь, а ты со своими афгулами — на другой стороне впадины, — крикнул ему Хезаль. Песчаная буря завывала, словно морской шторм, и жесты стали более разумным способом общения.

— Ладно, — прокричал в ответ Конан. Он не догадался, что сам лично намерен проехать дальше и посмотреть, что за всадников он видел и с кем им, возможно, придется столкнуться. Хезалю будет трудно наказывать его за неподчинение приказу, которого он не получал.

Конан подождал, пока туранцы и афгулы заняли намеченные места и пока противоположный конец долины не затянуло облаком песка. В низине ветер был тише, чем в открытой пустыне наверху, и Конан решил, что сможет незамеченным подкрасться к таинственным всадникам.

Рассудив так, киммериец не принял в расчет Фарада. Когда Конан, спешившись, проскользнул между часовыми-афгулами, собираясь исчезнуть в облаках песчаной пыли, он обнаружил, что на камне рядом с ним, скрестив ноги, сидит Фарад.

— Я чуть не перерезал тебе горло, приняв за врага, — резко бросил ему Конан.

— Разве это было бы хорошей платой за мою преданность? — невинно посмотрел на него афгул.

— Ты проявляешь преданность или хочешь уподобиться вши в набедренной повязке?

— Нам показалось, что тебе не следует отправляться на разведку одному. Кто поможет тебе, если ты подвернешь ногу или разобьешь себе голову.

— Разобьют здесь скорее всего не мою голову, друг мой.

— Поэтому мы бросили жребий, кому выпадет честь идти с тобой, — не дрогнув, продолжал Фарад с совершенно невозмутимым лицом.

— Используя, конечно, в качестве жребия твои игральные кости? — уточнил Конан. Он невольно улыбнулся, тронутый решительностью Фарада.

— Конечно. Но я ж не тот, кто оставляет слишком много на волю случая.

— Тогда пошли. Если б мне так уж требовалось идти одному, я мог бы отослать тебя. Но нам обоим никак не удастся успокоить Хезаля и его людей, если те прознают о нашем плане.

Конан прыгнул с камня, Фарад последовал за ним, и они бок о бок нырнули в бурю.

На равнине буря ослепляла и душила любого путешественника, который не нашел себе убежища. Прежде чем Конан и Фарад преодолели половину расстояния до аванпостов неизвестного отряда, им пришлось, чтобы и дальше свободно дышать, обмотать тканью все лицо, оставив лишь узкую щелочку для глаз.

Конан слышал о племенах в Хитае, обладавших искусством делать маски из воздушных пузырей таинственных рыб, прозрачные и все же достаточно прочные, чтобы выдержать песчаные бури их пустынь. Киммериец не хотел очутиться в Хитае, но пообещал себе, что, если ему когда-нибудь доведется побывать в этой далекой стране, он обязательно нанесет визит племенам пустынь и позаимствует у них такую маску.

Варвар достаточно долго прожил в пустынях, чтобы знать, как изучать окружающую местность, никогда не поворачиваясь лицом против ветра, и как защитить глаза пальцами, когда не остается иного выбора. Но сегодня Конану не грозила опасность ослепнуть на солнце!

Местность стала сильно пересеченной. Даже без песчаной бури цепочке часовых пришлось бы стоять почти вплотную друг к другу, чтобы охранять устроившийся на отдых отряд. Гирумги теперь находились на расстоянии броска копья, и лишь один из них, похоже, стоял на посту.

Часовой носил головной убор гирумги, два длинных кинжала висели у него за поясом, рядом с небольшой сумкой. И он, судя по выражению лица, испытывал полнейшее отвращение к обязанностям часового.

Более того, этот часовой проводил большую часть своего времени, прячась за камнем от порывов ветра. А когда он высовывался из укрытия, то смотрел больше назад, чем вперед. Он вел себя так, словно ожидал, что

враги появятся из его собственного лагеря, а не из лежащей перед ним низины.

Конан уже готов был взять часового в плен, но Фарад увидел слабости дикаря так же быстро, как и киммериец, а ударил и того быстрее. Пригнувшись достаточно низко, чтобы его скрывал камень, Фарад незамеченным подкрался к часовому на расстояние вытянутой руки. Тут часовой то ли увидел, то ли услышал что-то, глаза у него расширились — а затем расширились еще больше, когда брошенный Фарадом кинжал вонзился в горло караульного.

Конан склонился над павшим. Нанесенный ветром песок тут же засыпал лужу крови.

— Я хотел без шума взять его в плен.

— А я все сделал бесшумно. Во всяком случае шумел меньше, чем ты, подбираясь ко мне.

Конан вспомнил, что право свободно разговаривать с вождем было одним из самых священных у воинов-афгулов. Бояться нужно было того, кто не высказывал тебе прямо в лицо то, что думал, так как такой человек скорей всего готовился вонзить тебе в спину кое-что поострее слов.

— Тогда мы должны пробираться дальше. На этот раз первым нанесу удар я.

— Конечно, Конан. С глупыми часовыми, как с дешевыми женщинами, — в них обычно нет недостатка.

Конан и Фарад проскользнули в лагерь незнакомцев. К несчастью, к тому времени, когда они подобрались достаточно близко, чтобы опознать неизвестных воинов, буря закружила песок так густо, что их воспаленные глаза едва отличали камни от сгорбившихся людей.

И к тому же людей в лагере оказалось слишком много, чтобы без риска можно было взять пленника. Для того чтобы насторожить врагов, могло хватить и скрежета кинжала о кожаные ножны. Тогда сражение началось бы в самый неподходящий момент.

И все закончилось бы смертью Конана и Фарада. Афгулы остались бы без предводителя. Конан не настолько доверял даже Хезалю, чтобы поверить, будто в этом случае его товарищи останутся целы и невредимы.

Конан и Фарад проползли широким полукругом, огибая убитого часового. Его убежище за камнем почти исчезло в буром мраке, когда ветер переменился и в воздух взметнулось еще больше песка. Конану показалось, что он увидел движущиеся вокруг камня фигуры, но не был в этом уверен.

Киммериец надеялся, что если там и правда кто-то движется, то это — люди. Песчаная буря в неизвестной местности заставляла человека верить в существ загробного мира, вырвавшихся на волю и бродящих вокруг, стремясь причинить зло.

И тут Конан понял, что кто-то появился на том месте, где раньше стоял часовой, и этот неизвестный увидел его и Фарада.

За ними кто-то следил.

Вначале было трудно утверждать это наверняка, и никто с менее острым слухом и зрением, чем киммериец, не смог бы заметить преследователя. Облако песка и пыли становилось все гуще, а ветер выл, словно сонм скорбящих демонов.

Но уши Конана уловили лязг стали о камень, стук смещенных камней и один раз громкий вздох. Дважды киммериец припадал к земле и видел, как что-то двигалось, так как человеку, крадущемуся сзади, не удавалось вовремя спрятаться, чтобы ускользнуть от взгляда Конана.

Наконец Конан жестом подозвал к себе Фарада и шепнул на ухо афгулу, что везение, возможно, не изменяет им. Они не уволокли из рядов врага пленника, но, наверно, тот сам вот-вот приползет к ним в руки.

— Полагаю, в твои руки, — уточнил Фарад.

— Одному из нас лучше быть готовым бежать, если дело не выгорит, — отозвался Конан.

— Незачем хлестать и так готового бежать мула, — кисло сказал Фарад. — Счастливой охоты, мой вождь. — И афгул отполз влево. Конан скользнул вправо и залег.

Фарад не особенно старался спрятаться. Это, в свою очередь, выманило преследователей — трех воинов в халатах. Ни один из них не носил знакомых Конану

племенных знаков. Самый маленький из троицы был вожаком, хотя другие, казалось, готовы были оспаривать его приказы. Наконец все трое, похоже, пришли к единому мнению и стали подкрадываться к Фараду.

Один из воинов оказался настолько близко к Конану, что киммериец мог протянуть руку и коснуться его. Именно это он и проделал, опустив кулак, словно дубинку, на череп этого человека. Тот дернулся вперед, врезался подбородком в камень и потерял сознание.

Конан быстро связал ему руки полосами ткани, оторванными от его же одежды, а затем убедился, что тот дышит. Два десятка шагов привели его в тыл второго преследователя — маленького вожака.

Но киммерийца заметил третий преследователь, как раз когда сильный порыв ветра расчистил воздух между ними. Бессловесный крик третьего воина поднял тревогу, но он сделал роковую ошибку, попытавшись перекатиться и снять с плеча лук.

Конан успел подобраться к малышу и схватить его. Тот ударил Конана кинжалом, который, похоже, был его единственным оружием и оказался достаточно острым, чтобы пополнить коллекцию ран киммерийца. Дикарь брыкался и вопил тонким голосом, заставившим Конана подумать, что он, возможно, захватил в плен евнуха или подростка.

Но все это не помешало Конану скрутить противника. А Фарад тем временем убил лучника. Афгул настолько твердо решил убивать бесшумно, что дал этому типу достаточно времени, чтобы поднять тревогу. К счастью, при виде выросшего над ним Фарада третий воин, казалось, онемел. Он попытался сменить оружие с лука на талвар, но на середине обмена сандалия Фарада погрузилась ему в живот. И лук, и сабля упали на песок, а воин повалился поверх их.

Фарад посмотрел на свою жертву:

— Он нам нужен?

— Нет, — ответил Конан, связав и заткнув кляпом рот своему пленнику. — Сомневаюсь, что тебе понадо-

бится даже связывать его. Только к вечеру он сможет снова безболезненно втянуть в себя воздух.

Пленник Конана находился в лучшем состоянии. Хотя он не мог ни говорить, ни бороться, так основательно его связали и заткнули ему рот, его большие глаза с подведенными краской веками красноречиво прожигали взглядом Конана и его спутника.

— А этот петушок-то боевой, — заметил Фарад, слегка пнув пленника по ребрам. — И посмотри на качество халата и пояса. Готов поспорить, сын вождя.

Конан осмотрел халат и пояс, а также и то, что находилось под ним.

Он опустил на колени и провел рукой по плечам пленника, а затем по груди.

— Ха! — хмыкнул киммериец. — Ты проиграл бы этот спор.

— Э? — промычал Фарад, сбитый с толку поведением Конана.

— Скорее всего мы поймали дочь вождя.

— У, — снова промычал Фарад, на сей раз довольно плотноядно.

Конан покачал головой:

— Она хорошая заложница, покуда невредима — и ни мгновением дольше. А в нашем положении один заложник стоит десяти женщин.

— Скажи это ребятам, которые много месяцев не видели женщины, — пробурчал Фарад. — Мне не очень улыбается драться с Зелеными плащами из-за этой крохи.

Женщина, казалось, не понимала речи афгулов, но по тону говоривших она догадалась, о чем идет речь. Глаза у нее округлились, а дыхание участилось.

Конан взвалил пленницу на свое массивное плечо и слегка похлопал ее по заду.

— Не беспокойся, девочка, — сказал он по-турански. — Кроме того, что ты хорошая заложница, ты достаточно боевая, чтобы к тебе относились как к воину. Всякий, кто полезет к тебе, поплатится жизнью.

— А я поддержку моего вождя клинком и кровью, — добавил Фарад, и хотя он говорил на афгули, женщина уловила его интонацию и, казалось, расслабилась.

Потом Конан зашагал назад широким шагом горца. А Фарад охранял его тыл. К тому времени, когда дикари подняли тревогу, киммериец и афгул уже вернулись в свой лагерь.

Женщину эту — едва ли, впрочем, женщину, так как она призналась, что ей не больше девятнадцати лет, а выглядела она и того моложе, — звали Бетиной. Она доводилась сестрой Дойрану, наследнику вождя племени экинари и брату по крови вождя гирумги. Она путешествовала со смешанным отрядом экинари и тех гирумги, кто спасся после битвы на юге.

Все это она охотно рассказала, после того как они добрались до лагеря...

Фарад и Конан привели ее в свой лагерь, развязали ей ноги и вынули кляп. И не успели они и пальцем пошевелить, как из пыли выскочил человек, замахнувшийся ножом для удара.

Конан преградил ему дорогу ударом ноги. Незнакомец споткнулся об эту напоминающую древесный ствол ножищу и растянулся на земле. Нога Фарада придавила ему запястье, он завизжал. Нож выпал из обмякших пальцев.

Фарад схватил упавший кинжал, освободил девушке руки и отдал ей клинок. Конан кивнул:

— Только будь осторожна с тем, против кого ты его поднимаешь, девочка, — посоветовал северянин. — У меня не так много крови, чтобы я мог позволить себе терять ее понапрасну.

Бетина усмехнулась, а затем покрутила клинок, показывая, что у нее есть опыт в обращении с кинжалами.

Сделала она это как раз вовремя. Около них полукругом собрались Зеленые плащи. Конан и Фарад встали так, чтобы у них и девушки за спиной был огромный валун. Конан увидел, что несколько Зеленых плащей полезли на валун, чтобы напасть сверху, и решил, что покинет Туран с незапятнанной честью, но вот насчет шкуры — другой разговор.

— Стойте!

Для человека скромного роста и худощавого Хезаль обладал удивительно звучным голосом. Его крик перекрыл вой ветра и заставил воинов Турана застыть на месте.

— Что тут за драка? — осведомился Хезаль, выходя вперед.

Он слушал, покуда обе стороны излагали свои версии случившегося. По крайней мере капитан не утратил власти над своими воинами. Конан не питал никаких иллюзий насчет того, что произошло бы в противном случае.

— Зеленые плащи не трогают чужих пленников, — изрек наконец он. — Милгун, попроси прощения у капитана Конана.

— Капитана? — Милгун сплюнул.

— Милгун. — Хезалю не требовалось ничего добавлять к сказанному, не говоря уж о том, чтобы обнажить сталь. Его глаза закончили работу, начатую голосом.

Милгун неуклюже отвесил почтительный поклон.

— Прошу прощения, Конан, — сказал он.

— Так вот, Конан, — сказал Хезаль. — В прошлом году Милгун потерял брата в бою с гирумги. Всякий, кто ездит вместе с ними, его враг.

— Я не враг Зеленым плащам, — запинаясь проговорила Бетина.

— Твой брат ездит вместе с гирумги! — выкрикнул кто-то.

Хрупкий мир едва не был нарушен. Бетина оскалила зубы, напомнив Конану киммерийскую дикую кошку, защищающую своих детенышей. Конан твердо решил накормить сталью следующего, кто вздумает выкрикивать оскорбления.

Все увидели решимость, появившуюся на мрачной физиономии киммерийца, и замолчали.

— Бетина, — обратился к девушке Хезаль на диалекте, который Конан едва понимал. — Ты говоришь, что ты не враг Зеленым плащам. Однако твой брат разезжает вместе с гирумги, которые пролили нашу кровь и не так уж давно. Расскажи нам об этом...

— Я... У меня... нет слов... я плохо говорю на вашем языке... — запинаясь произнесла Бетина.

— Я переведу твои слова в речь моего народа, — предложил Хезаль.

— А я успокою первого, кто вздумает выступить, — пообещал Конан.

Тишина в лагере нарушалась только воем ветра. И вот наконец Бетина заговорила.

Глава 12

Брат Бетины Дойран увяз в интригах глубже, чем подозревали окружающие, или во всяком случае так выходило по рассказу девушки. Вначале он поклялся быть братом по крови вождю гирумги, чтобы гарантировать наследование власти в племени гирумги, если тот преждевременно умрет.

Старый Иригас не умер, а был прикован к постели недугом и редко говорил о чем-либо, кроме как о давно умерших женах и давно отгремевших битвах.

— Он умрет, и тогда его названный брат сразу же поведет воинов в поход, — сказала Бетина.

Гирумги были всегда готовы попытаться помериться силами с Тураном, и суждения Дойрана нисколько не улучшились от того, что он прислушивался к речам горячих голов племени, младшим воинам. Однако он был слишком хитер, чтобы уповать только на силы двух великих племен.

Хауран давно враждовал с Тураном, если про лисицу можно сказать, что она враждует со слоном. За последний век Туран в любое время мог завоевать Хауран или превратить его в пустыню, стоило только пожелать. Чтобы сохранить независимость Хаурана, пришлось заплатить немалую цену и кровью, и сокровищами, собирая под свои знамена врагов Турана.

Правивший железной рукой молодой Еиздигерд казался более воинственным, чем его родители, и жители Хаурана искали союзников. Они плели интриги с племенами пустыни и нашли среди экинари и гирумги не-

мало чутких слушателей (протянувших руки в ожидании подачек), в основном среди приближенных Дойрана и его сторонников.

Вот тут Бетина заговорила от своего имени, перейдя на ломаный туранский:

— Многие экинари... друзья Турану. Но даже если не друзья... честные люди. Думать, что Хауран... использовать нас, как... как игрушки. Я, Бетина... я говорить от их имени.

Среди слушателей, похоже, никто не спешил поверить, что какие-то дикари пустыни могут быть настоящими друзьями кому бы то ни было, не говоря уж о Туране. Но было не трудно поверить в союз дикарей и Хаурана. Хитрость и честность этих дикарей вошла в Туране в пословицу очень давно.

— Эти кочевники не дураки, — признал Милгун. — Госпожа, возможно, я набросился на вас, не подумав.

Так как чуть ли не все считали Милгуна неспособным одновременно что-то делать и думать, это вызвало смех. Но это был здоровый смех, и воины вскоре разошлись осмотреть своих скакунов и снаряжение, чтобы быть готовыми ехать дальше, когда стихнет буря.

Бетина, Фарад, Хезаль и Конан остались одни. Хезаль все смотрел на равнину, словно ожидая, что из песка в любой момент вырастет сплошная стена свирепых воинов.

— Нам лучше быть готовыми сражаться или бежать, если за этой дамой явятся ее друзья, — сказал он.

— О, я думаю, этого не произойдет или, во всяком случае, если и произойдет, то не скоро, — неожиданно заговорила Бетина на безупречном туранском.

Трое мужчин посмотрели на девушку так, словно у нее только что вырос длинный пурпурный хвост. А затем переглянулись.

Бетина рассмеялась:

— По правде говоря, сопровождавшие меня воины — и я благодарна, что их не убили, — были там только для того, чтобы помочь мне попасть в плен и вырваться из лап Дойрана. Когда их найдут люди моего брата, они покажут, где я упала в расселину. Меня сочтут

погибшей по крайней мере на достаточно длительный срок, чтобы мы могли спокойно ускакать на север.

Конан кивнул. Это казалось разумно, если она хочет освободиться от власти брата. Конану также пришлось в голову, что подмога со стороны Бетины даже больший подарок судьбы, чем кажется на первый взгляд. Если он правильно помнил, то земли экинари располагались далеко на севере — ближе к Кезанкийским горам, если вообще не граничили с их предгорьями.

Уж точно воины этого племени знают о тайнах гор побольше, чем известно остальным.

Бетина степенно кивнула, как могла бы кивнуть наследница какого-то знатного дома трем старшим слугам:

— Я с радостью отправлюсь в путь вместе с вами, господа, так как вижу, что у вас есть мудрость и сила. Но вначале мне нужно переговорить со своими людьми.

И с этими словами она исчезла во мраке столь быстро и бесшумно, что Конан какой-то миг гадал, уж не дух ли она. Но затем он увидел следы, пусть даже заносимые теперь песком, и услышал донесшийся из-за камня смех, похожий на перезвон храмовых колокольчиков.

Трое мужчин снова переглянулись и одновременно произнесли одну и ту же фразу, каждый на своем родном языке:

— Ах эти женщины!

Люди Хезаля и Конана выехали, как только песчаная буря поутихла настолько, чтобы позволить путешествовать, но до того, как стих ветер, который должен был замести их следы, и осела песчаная пыль, скрывавшая их от посторонних глаз. Они оставили между собой и гирумги несколько часов пути, а затем нашли участок неровной, заросшей кустарником местности и остановились, ожидая Бетину.

Когда свет дня потух, и его место заняло усеянное звездами покрывало, и девушка присоединилась к туранцам, отряд отправился дальше.

Двигаясь ночью и отдыхая днем, им потребовалось пять дней, чтобы добраться до земель экинари. Или, во

всяком случае, до земель, находившихся там, где существовала большая вероятность встретить воинов племени экинари, чем воинов любого иного племени.

Экинари едва ли были мирными людьми — в пустыне, как и в Афгулистане, никакой миротворец не прожил бы достаточно долго для того, чтобы родить сыновей. Но, как сказала Бетина, в этих землях было много хороших колодцев и безопасных мест, где можно укрыть женщин и детей.

— Нашим воинам не нужно постоянно объезжать свои земли и очищать их от врагов, чтобы поддерживать жизнь племени, — объяснила Бетина. — Мы можем даже иногда отказаться от кровной вражды. Вот потому-то мне кажется, что народ не пойдет за Дойраном.

— Возможно, и так, — согласился Конан. — Но, имея за спиной воинов и золото гирумги, он сочтет, что может поступать как ему заблагорассудится. И, возможно, даже будет прав.

— Я не люблю своего брата, — сказала Бетина. — Он ведь готов обратить в рабство Хаурана свой собственный народ и племя союзников.

— Многие хорошие люди совершали и худшие вещи, когда их опьяняло честолюбие, — резко ответил Конан. — Кроме того, не так уж трудно найти в племенах пустыни людей, готовых следовать за тобой, если ты скажешь, что стремишься досадить Турану. Воины Турана, имея дело с народами пустынь, действовали несправедливо, а у кочевников долгая память на обиды.

Бетина подарила Конану лучезарную улыбку, а Хезаль бросил на киммерийца кислый взгляд. Фарад же старательно разглядывал пустыню, но Конан заметил, как губы воина изогнулись в улыбке.

Под звездным покрывалом они направились к Кезанкийским горам.

Кезанкийские горы вздымались не так высоко, как хребет Ильбарс в Туране, не говоря уж о Гимелиях в северной Вендии. Уж там-то казалось, что горы

поддерживают само небо, пронзают его, вознося свои одетые снегами пики на запредельную высоту.

Однако для Конана и его спутников Кезанкийские горы показались неприступными. Гнездившиеся на полпути к вершине гор орлы выглядели крошечными, словно голуби, даже для острых глаз киммерийца. А птицы, летавшие выше, оставались невидимыми, словно заколдованные.

Между тем ветер пустыни стал холоднее, и его свист и пение в скалах вызывали дрожь у людей.

— Словно сам ветер знает, что этого места надо избегать, — сказал Фарад.

— Ха, — бросил Конан. — А я-то думал, что ты почувствуешь себя впервые как дома, с тех пор как мы...

— Бежали из Афгулистана? — закончил за него Фарад. Он обнажил зубы в усмешке, но в его глазах не проглядывало никакого веселья. Затем он покачал головой. — Что может таяться в горах моей родины, я знаю.

— Разбойники, овцы и вши, — бойко перечислила Бетина. Фарад молча воззрился на нее, а затем рассмеялся так громко, что смеху его вторило эхо.

— Вы не так уж и ошиблись, госпожа, — сказал Фарад. — Но даже вши — ну, не скажу друзья, но по крайней мере знакомые. А в этих горах все нам чужое. Вид у скал такой, словно с любым незнакомцем они обращаются как с врагом.

Подняв взгляд на высящиеся перед ними серые стены и прислушиваясь к завыванию ветра, Конан понял, что согласен с Фарадом.

На следующее утро, остановясь на привал, они нашли остатки лагеря... Отправившись вместе с Фарадом поохотиться, Конан первым увидел несколько пятен сажки в середине круга утопанной земли.

Пока Фарад караулил, киммериец присел на корточках рядом с одним кострищем, изучая его. Он просеял песок между пальцами, понюхал пепел и наконец поднялся.

— Ты напоминаешь мне гончего пса, вынюхивающего след, — заметил Фарад.

— Да, наверное, похоже, — ответил киммериец. — А теперь давай-ка отыщем их яму для мусора. Ручаюсь, в этом лагере останавливалось по меньшей мере человек сорок. Что-нибудь оставленное ими в яме должно побольше рассказать нам о том, кто они такие.

— Если только мы сможем отыскать ее и выкопать отбросы, — уточнил Фарад.

— О, отыскать-то ее мы, думается, сможем. Что же насчет того, чтобы раскопать ее, то я сделаю это сам, если не найдется никакого другого способа.

— Я могу избавить тебя от этого, киммериец.

По воле случая приказ Хезаль избавил от этой грязной работы и Конана, и Фарада. Группу Зеленых плащей живо отправили потрудиться ножами, руками и случайно оказавшейся у одного из всадников лопатой. (Кавалерия не любила строить полевые укрепления или возить с собой инструменты.) Выкопанный мусор повелел Хезалью и Конану то, о чем они и так догадывались.

— Четыре сотни разбойников — те, кого кочевники называют шатунами, — определил Хезаль. — Обычно это народ отчаянный, злобный.

— Тогда кто же оставил вот это? — протянул Конан почерневший металлический квадратик.

— Какой-то воин с юга оставил заколку от плаща, — предположил Хезаль. — Воистину хорайянский капитан или, по крайней мере, человек высокого звания. Насколько я могу судить, там, под сажей, серебро с изображением короля.

— Ты уверен, что у тебя никогда не возникало искушения перейти на службу к Мишраку? — поддразнил туранца Конан. — У тебя хороший нюх для работы в разведке.

— А также чувствительная совесть, — возразил Хезаль. Он понизил голос. — Тем более с тех пор, как власть унаследовал Еиздигерд... и, ручаюсь, не у меня одного.

Конан ничуть не сомневался в этом. В Туране честных людей было ничуть не меньше, чем везде, и даже больше, чем в некоторых странах, где киммерийцу доводилось бывать. Но, покуда обещанная Еиздигердом империя ослепляла туранцев блеском славы и наполняла

их кошельки золотом, многие могли оказаться менее честными, чем были бы при другом правителе.

Туран мог выгадать от того, что киммериец отправился вместе с Хезалем, но Конан собирался закончить совместное путешествие далеко от Турана и с драгоценными камешками на поясе. Он по-прежнему собирался отправиться в Коф.

— Нам лучше выставить хорошую охрану, — сказал Хезаль. — Сорок шатунов с опытным капитаном во главе могут-таки причинить некоторые неприятности, если застигнут нас врасплох.

— Возможно, — кивнул Конан. — Но мы можем причинить им больше, если сами застигнем их врасплох.

Хезаль нахмурился, а Конан расхохотался:

— Вы, туранцы, по-прежнему мыслите как степные всадники. Вам никогда нельзя отправляться на войну, не прихватив с собой одного или нескольких горцев, чтобы те указывали вам, что делать, когда местность не ровная, а пересеченная.

Хезаль устало посмотрел на киммерийца:

— Отлично, друг мой. Ты говори, а я послушаю. Но, клянусь всеми богами, за каждое неразумное слово, сказанное тобой, я возьму по камню из того мешочка, прежде чем вернуть его тебе. Заговори меня, пока не оглохну, и поедешь в Коф с пустым кошельком.

— Лучше с пустым кошельком, чем без головы, — парировал Конан и, достав кинжал, принялся чертить острием линии на песке.

Конан осторожно переместил свой вес так, чтобы сдвинутый с места камень не откатился достаточно далеко. В пустынной ночи все замерло, ветер спал, как и весь мир.

Или, скорее, как должен был спать весь мир, по мнению разбойников.

Предложенная Конаном ловушка была простой. Основной отряд туранцев остановится на привал в тени скал, выбрав такое место, где никто не сможет ударить сверху, если только не прилетит верхом на орлах. Ка-

раулить лагерь они будут шумно и расхлябанно, словно считают себя в полной безопасности, как у себя дома. Пусть разбойники увидят легкую добычу.

Когда стемнеет, начнется пир, хотя Хезаль поклялся, что кастрирует всякого, кто на самом деле выпьет хоть каплю вина. А тем временем отряды воинов, отобранных за сноровку в обращении с оружием и остроту ночного зрения, незаметно расползутся в разные стороны по трем азимутам, охватывающим все подходы к основной группе.

Всякий, кому вздумается убивать и грабить ничего не подозревающих и не способных сопротивляться воинов, столкнется с неожиданным сюрпризом.

Плеча Конана коснулась тонкая рука. Он не шелохнулся, но сердце у него в груди так и екнуло. Наверно, мысль о смерти была дурным предзнаменованием.

Однако он не нанес удара, потому что в следующий миг та же ручка коснулась его губ. Он почувствовал у себя на губах тонкие, но сильные пальцы и учуял запах женщины и самых слабых духов.

Глаза Конана уже привыкли к темноте, и он без труда узнал Бетину. Трудно ему было понять, зачем она находится здесь, в засаде. Но он не мог спросить ее об этом сейчас, когда самый тихий шепот мог предупредить затаившихся врагов.

Девушка решила этот вопрос за них обоих, скользнув в объятия киммерийца. Ее головка легла на могучее плечо воина, а губы оказались у самого его уха. Ощущать эти губы было более чем приятно, особенно их тихое трепетание, пока девушка объясняла киммерийцу причину своего неожиданного появления.

— Эти воины относятся к своей роли слишком серьезно. Они только и знают, что петь одну похабную песню за другой.

Конан переместился так, чтобы ответить Бетине тем же способом, как она говорила с ним. Почувствовать под губами ее ушко было более чем приятно.

— Ты не садовая роза, чтобы зачать от нескольких грубых слов. Скажи правду.

Бетина немного помолчала, а затем ответила:

— Я вижу, ты знаешь женщин.

— Если б я в моем-то возрасте не знал их, то это выглядело бы странно...

— Наверно. Но, по закону, я могу стать вождем экинари и гирумги вместо Дойрана, если смогу сражаться как мужчина.

— И как же сражаются мужчины у экинари?

— Они должны... Они должны быть мужчинами, а не евнухами и должны побеждать врага в бою.

От этих слов кровь Конана заструилась по жилам чуть быстрее.

— Это не игра, Бетина. Тебя могут убить.

— Эти разбойники не друзья экинари, да и любому другому племени тоже. А жители Хаурана и того меньше. Я пришла сюда не ради развлечения, Конан.

Киммериец поборол душивший его смех:

— Развлечения бывают разными. Но согласен, темная канава, где ждешь в засаде блохастых разбойников, веселым местом не назовешь. — Он сжал восхитительно твердое и округлое плечо девушки. — Думаю, ты сочтешь меня столь же умелым, как...

Киммериец внезапно оборвал фразу на полуслове. В паузе между доносившимися из лагеря песнями его ушей достиг иной звук. Он мог быть вызван снова поднимаемым ветром, но мог оказаться и шорохом осыпавшегося под неосторожной ногой песка.

Самым разумным было дожидаться следующей ошибки подкрадывающегося врага. Бетина напряглась, но не издала ни звука, за исключением слабого шороха, когда извлекла кинжал из-под одежды.

Звук раздался вновь. На этот раз это был, несомненно, звук шагов. Миг спустя где-то покотился камешек, и тогда Конан смог определить, откуда он исходит. Вражеский воин находился слева. Слишком близко, чтобы проскочить мимо Конана и не заметить его засады.

Однако Конан не желал, чтобы капкан захлопнулся ради одного-единственного человека. «Нам нужно завлечь их и прикончить большую часть», — объяснил он Хезалю, когда они обсуждали этот план, и попросил не забыть передать это своим воинам.

Конан снова переместился с осторожностью подкрадывающейся к птице змеи. Он увидел темное пятно на фоне неба, похожее на человека. Враг находился едва ли на расстоянии длины копыя. Человек этот носил дражный халат разбойника и был таким же патлатым и бородатым, как разбойник, но рукояти его меча и кинжала поблескивали серебром.

«Он слишком заботится о своих клинках, чтобы зачернить их для ночной работы, — подумал киммериец. — Рядовые воины так не поступают».

В последний момент подкрадывавшийся обернулся и потому увидел надвигающуюся смерть — гигантскую темную фигуру, словно выросшую из-под земли. А затем кулак Конана ударил его в живот, словно кувалда, а чья-то рука обвила ему шею, словно гигантская змея. Разбойник лишился чувств, прежде чем Конан повалил его на землю.

Киммериец тоже приник к земле, снял с поверженного врага халат. Бетина уволокла бесчувственного неприятеля в канаву и связала ему руки и ноги полосами из его же одежды, тогда как Конан занял место жертвы. Ему пришлось чуть ссутулиться, чтобы выглядеть того же роста, как разбойник. Пленный же носил под халатом более чем достаточно предметов, чтобы распознать в нем наемника из Хаурана.

Опустив руку, киммериец погладил Бетину по предплечью. Ему показалось, что он услышал тихенький, почти придушенный смешок, и поклялся коснуться не только предплечья девушки, если только они найдут время и место. Сердце и разум у этой девушки не уступали ее внешности.

Заняв место разбойника, Конан смог спокойно оглядеться. Костры в лагере туранцев догорали; не к чему было сжигать и без того скудные запасы навоза ради спектакля. Звезды больше не пылали в небесах, их скрыла дымка. Снова песчаная буря? Конан надеялся, что нет, так как не особенно стремился еще раз вслепую сражаться с врагом, куда более опасным, чем «охранники» Бетины.

На этот раз киммериец услышал шорох множества ног. Эти люди так упорно старались двигаться бесшумно,

что им удалось остаться незамеченными для всех, кроме киммерийца. Конан же насчитал более двухсот фигур в темных халатах с капюшонами, вооруженных либо луками, либо мечами. А затем он услышал донесшееся с более далекого расстояния негромкое лошадиное ржание.

Разбойники разделили свои силы. Некоторые, видимо, собирались броситься в атаку, чтобы вызвать в лагере замешательство и посеять панику. А потом их конные товарищи должны были прискакать и завершить работу, отгоняя лошадей туранцев, увозя добычу и пленных. После этого у уцелевших Зеленых плащей будет мало шансов организовать погоню или пережить еще одно столкновение даже с самым слабым врагом.

Для того чтобы усомниться в том, что эти разбойники сами придумали такой хитроумный план, не требовалось быть воином с опытом Конана. За таким планом стоял кто-то похитрее, чем обычный наемник.

Тишина стояла в лагере туранцев. Конан выругался на нескольких языках. Раньше он многое бы отдал за возможность послать в лагерь бесшумное сообщение, требуя тишины, чтобы он мог услышать приближение врага. А теперь он с такой же радостью послал бы им сообщение с просьбой петь и танцевать, чтобы разбойники не заподозрили, что их обманули.

Следующий раз ржание раздалось поближе, и Конан повернул голову в ту сторону. Конные разбойники приближались по сухой промоине, которая, как они думали, полностью скрывала их. Но киммериец разглядел их среди ночных теней.

Прежде чем стемнело, северянин объездил всю округу и изучил местность на расстоянии нескольких полетов стрелы от лагеря. Если ему не изменяла память, то в сухой промоине кучка воинов могла преградить путь многим. Жаль, что Конан сам не мог заняться этой работенкой, но находиться во время ночного боя там, где тебя не ждут, было самым легким способом оказаться убитым своими же друзьями. Теперь киммериец повернул голову в другую сторону, и на этот раз с его уст сорвалось проклятие. Бесшумно, как надвигающаяся

песчаная буря, появился еще один отряд разбойников. Эти шли прямо к началу лощины. Теперь ничто не смогло бы остановить всадников, даже меч киммерийца.

Да, сегодня ночью врагов возглавлял очень предусмотрительный военачальник. Конан с удовольствием занес бы его в список убитых им вождей и спел бы по нему песню смерти. Еще с большей радостью он спросил бы его, что столь изощренный полководец делает в этих краях и кто еще помогает ему.

Конан просигналил знаком шестерым афгулам, чтобы те оставались на месте. По плану все три внешних поста должны были ударить врагу в тыл. Но воины на постах, расположенных ближе к скале, не могли сейчас двигаться без риска быть увиденными, услышанными и застигнутыми на открытом месте лучниками разбойников. Если такое случится, они должны вернуться в лагерь и пополнить ряды защитников, или им предстояло почувствовать на своей шкуре, что такое совместный гнев Хезаля и Конана.

Атака с тыла легла теперь на широкие плечи киммерийца, хотя шестерых афгулов, привыкших работать клинками в темноте, тоже никак нельзя было сбрасывать со счета. Конан ожидал, что вместе с афгулами он, возможно, даже сумеет сохранить жизнь Бетине, хотя, чем сильнее она будет стараться «добыть своего воина», тем труднее окажется эта задача.

Рыцарские чувства Конана по отношению к женщинам никогда не позволяли ему бросать воительниц на произвол судьбы во время битвы, точно так же как запрещать им сражаться. Но экинари не станут благодарить его, если он поведет Бетину в бой и не выведет ее из битвы целой и невредимой. А неблагодарные экинари могут стать угрозой для их путешествия и для мира на этой границе Турана, и при любом раскладе угрозой для будущего Хезаля.

«Не нужно иметь дела с менялами, чтобы узнать, что можно слишком много задолжать слишком многим людям!», — подумал Конан.

Афгулы скользили следом за Конаном так же бесшумно, как киммериец, бесшумнее, чем их враги. Бетина

не только не отставала от них, она шумела едва ли больше, чем ее спутники.

Поэтому тревогу среди разбойников поднял кто-то другой.

— Ииинаа-ха!

Ночь разорвал боевой клич. Конан увидел, как закрутились и заплясали тени, когда часть разбойников развернулись, чтобы отразить нападение с тыла. Остальные ринулись вперед, надеясь вовремя добраться до лагеря и застичь выпутывающихся из одеял сонных или пьяных воинов.

Поскольку битва уже началась, то быстрота стала теперь важнее бесшумности. Конан помчался вперед, замедляя бег лишь настолько, чтобы не слишком оторваться от своих спутников. То, что киммериец мог сразиться с тремя врагами разом, еще не причина идти в бой одному, без своих воинов.

Поэтому Конан схватился с разбойниками, опередив Фарада всего на несколько шагов, а Фарад всего на несколько шагов опережал других афгулов. Бетина бежала в арьергарде, но как раз перед тем, как выхватить меч, Конан услышал ее пронзительный крик:

— Оставь одного и мне, Конан!

Конан выругался и рассмеялся, не переводя дыхания. Он не нуждался ни в каких советах, а Бетина открыла врагу свое присутствие. Он был бы рад оставить ей одного-двух живых врагов, но гадал, а переживет ли она свою первую битву. Осознание того, что ты держал на лезвии меча жизнь другого человека, отрезвляло большинство воинов, а те, кого оно не отрезвляло, походили на бешеных собак, и чем быстрее их убивали, тем лучше.

Земля под ногами у Конана провалилась. Он превратил падение в сальто и вскочил на ноги с ртом, полным песка, но с мечом в руке. Киммериец очутился так близко к своему первому противнику, что ему едва хватило времени парировать удар вражеского талвара.

Ответный удар Конана обезоружил воина, и, когда тот попятился назад, уступая место лучше вооруженным товарищам, киммериец дал ему уйти. Конану было не слишком-то приятно убивать врагов, которые, как дети,

даже защитить себя не могут. То есть дети иных стран, а не Киммерии.

Конан зарубил двух воинов, так толком и не разглядев их. Третий доказал, что он отнюдь не дитя, проникнув длинным кинжалом под защиту киммерийца. Конан шарахнул его кулаком по ребрам, а когда разбойник согнулся, врезал ему коленом в челюсть. И челюсть, и шея сломались от такого удара, и воин безжизненно рухнул наземь.

К этому времени почва вокруг Конана стала скользкой от крови и заваленной мертвыми или умирающими. К счастью, теперь киммериец мог наступать, потому что с обоих флангов подоспели афгулы, и Конан слышал, как лязгают их клинки, встречаясь с клинками разбойников.

Он не видел, как подбежала Бетина, пока она не промчалась мимо него, устремившись в гущу врагов. Как ее не проткнули свои же по ошибке, осталось тайной, ведомой лишь богам сражений, а Конан сомневался, что те когда-либо захотят поделиться своими знаниями с честными воинами.

Он ничуть не сомневался в том, что Бетине грозит смертельная опасность или будет грозить в тот же миг, как враг поймет, что она — слабая девушка.

Спасли Бетину скорость и сила киммерийца вместе с тугодумностью разбойников и ее собственным умелым клинком. Оказалось, девушка не разделяла чудаковатых представлений о честной схватке. Своего первого воина она завалила, заколов его в спину. Его вопль предупредил товарищей, но жизнь вылетела из тела, когда Бетина выдернула из его спины кинжал и приготовилась встретить новых противников.

Один из них, казалось, лишился мужества, увидев, что ему придется сражаться с женщиной. Конану даже не понадобился меч, чтобы победить его. Быстрый пинок свалил разбойника на землю с раздробленным коленом, а другая нога Конана ударила ему по руке, отправив талвар в темноту.

Следующий противник Бетины оказался очень опасным. Он был вооружен лишь кинжалом, но обладал

гибкостью и проворством кошки. Отразив удар экинарийского клинка, он схватил девушку за волосы. Бетина охнула от боли и попыталась ударить противника коленом в пах. Это лишило ее равновесия, и оба противника упали, причем разбойник оказался сверху.

Тем не менее Бетина дралась молча и не сдавалась. Однако большая сила и вес разбойника угрожали постепенно склонить чашу весов на его сторону. Все ниже опускалось острое кинжала, приближаясь к груди девушки.

Но разбойник лишь одно мгновение упивался предстоящей победой, прежде чем его забрала смерть. Пальцы Конана схватили его за волосы и рывком подняли на ноги, а меч киммерийца, описав дугу, рассек ему хребет, почти перерубив надвое грудную клетку.

Бетина вскочила на ноги вся бледная. Ее одежды были залиты кровью врагов.

— Этот твой, — кивнула она Конану. Глаза у нее были неестественно расширены, а рот приоткрыт, хотя голос казался замечательно ровным для столь недавно оперившегося воина. В этот миг губы девушки показались киммерийцу более полными, чем раньше, и еще более влекущими, хотя он вообще-то и раньше не находил в них изъянов.

— Берегись! — закричала Бетина.

Конан метнулся, как показалось приближающемуся к нему сзади врагу, сразу в трех направлениях. Затем появившийся из ниоткуда меч вонзился в горло нападавшему. Голова его свесилась набок, почти отсеченная от туловища, но он оставался на ногах достаточно долго, чтобы загородить дорогу своему товарищу.

Это дало Бетине время подготовиться. Когда очередная жертва Конана упала и его товарищ обогнул киммерийца с фланга, Бетина нанесла удар. Она прыгнула вперед из низкой стойки, вонзив нож в горло нападавшего. Тот носил латный воротник из дубленой кожи, но вместо того, чтобы отразить или задержать клинок Бетины, он направил ее удар вверх. Острие кинжала вспорол горло разбойника. Клинок не достал до мозга, он был слишком коротким, да и рука Бетины оказалась не достаточно сильна, чтобы вогнать острие так далеко. Но она убила

врага точно так же, как мог сделать это клинок самого Конана.

— А этот — твой, — сказал Конан. — Я засвидетельствую это перед богами и людьми.

На какой-то миг ему показалось, что девушка собирается поцеловать или даже обнять его. И тот и другой поступок был бы достойной сожаления глупостью на поле боя. Однако девушка удержалась, а затем они снова закружились в вихре битвы. Им пришлось надолго встать спиной к спине и защищаться. Неудачная поза для обмена поцелуями, даже если руки свободны.

Общими усилиями Конан, Бетина и афгулы перебили или отогнали большинство разбойников. Теперь те, кто уцелел, держались на почтительном расстоянии. У одного из разбойников оказался лук, и он не побоялся попасть в своих. Стрелы засвистели вокруг Конана и Бетины.

— Лучше ложись, девочка!

— Я не девочка, а этот лучник и в верблюда не попадет в собственном шатре.

— Может быть, но и худшие лучники, случалось, убивали хороших людей.

Киммериец подхватил Бетину и швырнул в канаву.

— Фарад?!

— Здесь, мой вождь.

— Побудь немного в обществе этой дамы. Если понадобится — сядь на нее верхом.

— Если ты это сделаешь, Фарад, то никакая женщина никогда больше не доставит тебе удовольствия, — воскликнула девушка.

— У меня разбито сердце.

— Я думала не о твоём сердце, Фарад.

Велев остальным афгулам оставаться на своих местах, Конан растворился в темноте. Он действовал вопреки своему боевому опыту, но его что-то тревожило. Всадники не поскакали в атаку на лагерь, хотя он все еще слышал ржание их лошадей неподалеку.

Да и третья группа разбойников тоже не вступала в бой и вообще не показалась на глаза. При всем, что видел киммериец, они могли лишь погрузиться в землю

или, отрастив крылья, улететь к звездам. Ему не хотелось покидать своих афгулов, но он знал, что в рядах туранцев не найдется воина, более способного к ночной разведке, чем он сам. Если кто и мог узнать, почему всадники не нападали, то только киммериец.

Конан дважды чуть не заплатил жизнью за ответы на свои вопросы. Первый раз это произошло, когда он обогнул отрог невысокого песчаного бархана и наткнулся на группу лежавших в засаде дикарей. Те лежали как мертвые, и даже уши Конана не уловили в ночи их дыхания. Конан же двигался с такой кошачьей грацией, что воины, прислушивающиеся к совсем другим звукам, не услышали шагов северянина.

Четыре стрелы вылетели разом, и лишь милость богов (не говоря уж о собственном умении киммерийца молниеносно упасть и откатиться) не дала какой-нибудь из них причинить ему серьезного вреда. Конан подполз на расстояние вытянутой руки к ближайшему дикарю, выдернул его из укрытия, как мальчишка, срывающий с дерева грушу, и выставил его перед собой как щит.

— Кто ваш предводитель? — прошептал киммериец.

— Бетина, — ответил кто-то, и на него сразу зашикали несколько других воинов, явно не разобравшихся, в чем дело.

А затем голос, принадлежавший, как это ни невероятно, пожилой женщине, предложил:

— Встань-ка, чтобы я могла тебя разглядеть.

Конан ответил грубым предложением насчет того, что старуха могла сделать со своей идеей. Он услышал тихий смех. Смех, а не старушечье кудахтанье, который мог исходить от женщины едва ли старше Бетины.

— Нет. Клянусь Кромом, Митрой и всеми законными богами, я прокляну любого, кто тронет тебя без моего дозволения.

Конану пришло в голову, что если старуха, которой он не имел никаких оснований доверять, даст свое дозволение, то он станет покойником еще до того, как упадет на землю. Второй раз лучники не промахнулись.

Но эти люди вели себя не как враги. Если они не были ему врагами, то не стоило обижать их. К тому же Конан теперь разглядел головной убор человека, которого использовал как щит. Было еще слишком темно, чтобы разобрать цвета, но узор на головном уборе был такой же, как у Бетины.

Конан встал, не отпуская пленника.

— Отпусти Горока. — Старуха говорила тоном человека, привыкшего приказывать. «Кто она? Мать Бетины? Колдунья племени?» Кем бы они ни была, Конан решил, что к словам этой особы следует прислушаться. Хотя, прежде чем освободить Горока, он обнажил и меч, и кинжал.

— Да-с-с-с. — Единственное слово, которое прошипела старуха, неприятно напомнило Конану о звуках, слышимых в храмах Сета — Большого Змея, когда наступало время выпускать священных змей.

Конан поклялся, что если старуха сейчас превратится в змею, то это будет ее последним деянием в этом мире.

Но вместо этого старуха снова рассмеялась:

— Дурни! Это же тот воин, с которым путешествует Бетина! Я видела его во сне, и после этого кто-нибудь из вас посмеет отрицать, что я настоящая прорицательница?

Никто не посмел. Старуха и впрямь говорила, как какая-нибудь древняя деревенская ведьма Киммерии, одна из тех женщин, которых почитали и боялись, даже когда те бывали в хорошем настроении.

— Я друг Бетины, — объяснил Конан, тщательно подбирая слова. — Если вы ей родня или друзья, то я едва ли могу быть вашим врагом.

— Ш-ш-ш! — прошипел кто-то. Конан услышал этот универсальный призыв к молчанию и пригнулся, напряжившись. Сделав это, он понял, почему всадники еще не атаковали. Либо они были товарищами этих воинов и, следовательно, союзниками, либо они увидели кочевников и маневрировали, разворачиваясь, чтобы напасть на них.

Конан не знал никакого бога, которого можно было истинно и надежно подкупить жертвоприношениями.

Знай он его, то с радостью пообещал бы такому богу все, что только можно вообразить, лишь бы только разобратся в том, что происходит.

Наверное, какой-то бог услышал часть безмолвной просьбы киммерийца. Разбойники-всадники устали ждать.

Как бы там ни было, слова киммерийца оборвал цокот копыт. Конан рванул к более возвышенному участку местности и увидел, что другие тоже двинулись следом за ним. Не побежала лишь старуха, но она шла достаточно живо для человека своего возраста.

Если ее смех солгал, не была ли она ведьмой?

Вполне вероятно, нашептывал Конану голос опыта. Он также говорил киммерийцу, что мало кто из владеющих магией служил какому-нибудь доброму делу. Но если эта женщина и впрямь друг Бетины, то их цели могут совпадать.

У Конана больше не осталось времени на раздумья, так как на него и его новообретенных товарищей налетели всадники.

Четыре-пять разбойников скакало чуть позади и в стороне от товарищей. Конан же держался чуть в стороне от новых союзников, и эти отбившиеся всадники налетели на одинокого киммерийца. Завидев легкую добычу, они победно закричали.

Разбойники сильно ошиблись, но не узнали об этом в последние оставшиеся у них мгновения жизни. Им пришлось бороться не только с силой, скоростью и воинским опытом киммерийца. Им приходилось бороться с человеком, ставшим закаленным воином еще до того, как он впервые в жизни проехал на коне. Более того, Конан был сыном Киммерии, страны, никогда не знавшей конной армии, но уничтожившей не одно конное войско. Конан знал все о том, как пехотинец может одолеть всадников.

Он бросил одной лошади в морду горсть песка, а затем метнулся в сторону от нее и нырнул под рубящий удар меча ее всадника, чтобы перерезать сзади подколенные сухожилия следующей лошади. Ему пришлось мечом парировать еще один удар сверху, но это доста-

точно притормозило всадника, чтобы позволить киммерийцу схватить его за ногу.

Всадник вылетел из седла, как затычка из бочки с пивом, пролетел по дуге над головой Конана и врезался головой в землю. Ни один человек не мог уцелеть после такого падения. Треск раскалывающегося черепа и хрустнувшего хребта стали тому подтверждением.

Следующий всадник, размахивая копьем, победно завопил, увидев, что киммериец споткнулся. На самом деле это был очень точно рассчитанный маневр. Киммериец проскользнул на ширине пальца от острия копья.

Всадник обнаружил это, когда его конь внезапно оступился. А оступился он из-за тяжести вскочившего ему на спину киммерийца. А затем разбойник завизжал от боли, когда кинжал вонзился ему сзади в левую почку. С глухим стуком выпал он из седла — Конан скинул его наземь, словно мешок с зерном.

В суматохе последний разбойник не заметил, что его противник превратился из беспомощного пехотинца в конного врага. Конан не дал ему времени раскаяться в своей ошибке. Киммериец увидел, что лошадь этого воина повернулась крупом к нему, и из озорства, свесившись с седла, дернул ее за хвост.

Конь попытался одновременно встать на дыбы и лягнуть. Он потерпел неудачу и в том и в другом и, потеряв равновесие, опрокинулся. Всадник обнаружил, что выскальзывает из седла, а затем вдруг повис в воздухе, пойманный крепкой рукой киммерийца.

Воин заглянул в холодные голубые глаза, из которых, казалось, смотрела сама смерть. Суровое лицо Конана скривилось, варвар утробно расхохотался. Разбойник потерял сознание и так и не почувствовал, как ударился о землю, когда Конан отшвырнул его тело.

А затем киммериец стал наблюдать, как его новые товарищи расстреливали, стаскивали с коней и рубили оставшихся конных разбойников, и увидел бегущую по пескам Бетину. Он заорал:

— Ложись!

И в тоже время поднял вверх меч.

А потом тот опустился на руку лучника, целившегося в Бетину. Рука, лук и стрела покатались на землю. Лучник последовал за ними миг спустя с расколотым черепом.

Бетина с легкостью пронеслась через свалку с кинжалом в руке, не обращая большого внимания на всевозможные опасности, и обвила руками стоящую на выступавшем из земли камне фигурку. Конан снова услышал недовольный голос старухи:

Бетина! Ради богов, пощади мои ребра!

Жаловалась она тоном, каким старая нянька говорит с любимой девочкой, которая уже давно превратилась в женщину. Конан соскользнул с седла и повел плечами, снимая напряжение.

Кем бы там ни были спутники этой старухи, они едва ли могли быть врагами другу Бетины, даже оставая в стороне то, что они бок о бок с Конаном сражались с разбойниками. Вокруг все еще витало множество тайн, напоминающих стервятников вокруг отравленного источника, но по крайней мере сейчас ни его афгулам, ни туранцам никакой опасности не грозило.

Глава 13

Приказ, исходивший, должно быть, от Повелительницы, пришел к Махбарасу через несколько дней. Сам приказ не вызывал удивления. Палата, в которую его привела дева, была просторной, увешанной гобеленами, а голый каменный пол был завален необработанными мехами и грубо обработанными шкурами. Единственной мебелью служил невысокий стол, заставленный дешевыми медными тарелками и вазами с фруктами, слегка прикрытыми грубой тканью. Кроме того, там стояли кувшин с вином и две чашки.

У Махбараса хватило времени осмотреться, после того как за ним закрылась дверь.

В первую очередь капитан подумал о том, что на этом холодном полу забавы с прекрасной и стройной Повелительницей могли и не доставить ей большого удо-

вольствия. А следующая его мысль была о том, что он отдал бы три пальца, чтобы попробовать это вино.

Но вместо того чтобы попробовать напиток, капитан сел, скатал мех, подложив его себе под спину, и прислонился к стене. Он выбрал позицию, откуда мог видеть все помещение, и вдруг услышал за спиной у себя тихий вздох.

За вздохом, похожим на выдох ребенка, последовал тихий скрежет. Одним прыжком Махбарас очутился в центре помещения, кляня путавшиеся под ногами половики. Он как раз начал пинками расчищать пространство, когда один участок стены повернулся на центральной оси.

Из этой тьмы заструился прохладный воздух, смешанный со слабым запахом мха. Отверстия по обе стороны от каменной панели заполнились светящимся туманом, и в одном из них появилась стройная фигура.

С плавной грацией, словно она сама была созданием из тумана, в палату шагнула Повелительница.

— Как по-твоему, насколько могущественна эта старуха? — спросил Хезаль.

Конан покосился на туранского капитана:

— Омиэла? Ты спрашиваешь меня о ней?

— Ты, мой друг Конан, хитроумный человек. А также дальновидный. Ты способен заглянуть в душу старой ведьмы поглубже, чем остальные.

— О колдунах и их братии я знаю лишь столько, сколько нужно, чтобы победить или избежать их. Если тебе нужны настоящие знания, пошли за колдуном в Аграпур.

— До Аграпура путь неблизкий, мой друг, а ты здесь. К тому же, если хотя бы половина рассказов о тебе правда, ты запросто вырывался из когтей нескольких колдунов и за свою жизнь перебил множество чернокнижников...

— Я убивал колдунов, пытавшихся удержать гостя против его воли, — напомнил ему Конан.

— Тем не менее ты, несомненно, многое знаешь.

— Ну хорошо.... Я доверяю Бетине, а она отзывается об Омиале хорошо. Но старая карга показалась мне хитрым существом. Не знаю, справится ли она с Повелительницей Туманов. И никто другой тоже этого не узнает, пока мы не выведаем о Повелительнице чуть больше.

Конан одним глотком осушил чашу и рыгнул на манер дикарей пустыни, желающих воздать должное гостеприимству хозяина.

— Что же до того, как мы этого добьемся... Как идет допрос пленников?

— Хорошо и спасибо, что ты позаботился снабдить нас пленными. К несчастью, один из них умер, прежде чем заговорил, а другой рассказал лишь немного из того, чего мы уже не знали.

— Например?

— Что в саму Долину Туманов заходит только один воин, капитан по имени Махбарас. Именно его отряд препровождает пленников до ворот. Поговаривают, что Повелительница поглядывает на него более чем благосклонно.

— Тогда нужно пожелать всего хорошего этому Махбарасу. Такой судьбы я не пожелал бы и жрецу Сета. Узнали еще что-нибудь?

Хезаль пожал плечами:

— У Махбараса несколько сотен солдат. Возможно, у него есть собственный колдун, а может, это всего лишь хауранский шпион.

— Меня это почему-то не ободряет. Но это все же не хуже, чем я ожидал. Мы пошлем разведчиков ко входу в долину. Даже если они не вернутся, это само по себе расскажет нам больше, чем мы уже знаем. К тому же разведчики могут расспросить крестьян в деревнях, поставляющих жертв. Может, им что-то известно. Уверен, если мы пообещаем защиту, крестьяне все нам расскажут.

— Я за. Но мы не можем вот так разделять силы. Отправишь достаточно большой отряд разведчиков, и мы окажемся беспомощны, если появятся гирумги братца Бетины. — Хезаль покачал головой. —

Нет, мне очень не хочется, но, думаю, нам надо послать за подкреплением. Еще двести Зеленых плащей или даже рекрутов-дикарей, и мы сможем послать воинов на разведку. Не просто на разведку, а на разведку боем.

— Нам придется связать Бетину, чтобы не отпускать ее к своему народу, — рассмеялся Конан. — Хотя она тоже хочет изгнать из земель племени эту угрозу.

— Конан, судя по тому, как смотрела на тебя эта девушка, я уверен, что ты можешь найти дюжину других и более приятных способов переманить ее на нашу сторону.

Киммериец усмехнулся.

Перед Конаном открывались манящие возможности, которые могли осуществиться благодаря планам Хезалья. Но, чтобы воспользоваться ими, Конану понадобится помощь дикарки.

Махбарас не знал, когда ожидать встречи с Повелительницей Туманов, тем более он не знал, что та может надеть. Учítывая, как мало она надевала в большинстве случаев, когда им доводилось встречаться, его бы не удивило, если бы она вообще явилась обнаженной.

Голубой свет, игравший вокруг нее, скрывал все, кроме лица и волос. Когда колдунья вошла в комнату, плита вновь повернулась, и за спиной Повелительницы теперь была глухая на вид стена.

Махбарас увидел, что в этот раз колдунья надела платье с длинными рукавами, прикрывавшее ее от горла до голеней, но не скрывавшее грации и гибкости находящегося под ним тела. Детали оставались неразличимы, но не оставалось никаких сомнений относительно красоты стоящей перед ним женщины.

Повелительница подняла руки, и рукава спали до локтей. На запястьях у нее сверкали тонкие серебряные браслеты, причем на правом запястье — инкрустированный изумрудами или какими-то другими камнями схожего цвета, почти столь же мелкими, как песчинки.

От этого жеста у Махбараса невольно перехватило дыхание. Поднятые руки колдуньи могли быть первым шагом в любовной игре.

— Прекрасный и благородный капитан, бояться нечего.

— Мне-то, возможно, и нечего бояться, — отозвался Махбарас, — но как насчет вас? Достоин ли я общаться с вами наедине?..

Повелительница закусила губу, и Махбарас поразился, увидев, что она сдерживает смех. Бравый воин едва подавил внезапное желание шагнуть вперед и заключить ее в объятия, покуда она заливается смехом у него на плече.

Он напомнил себе, что смех лишь часть сущности человека, а не весь человек. Повелительница могла смеяться, как девочка, и все же мучить тех, кто ее окружает, как самый безумный, погрязший в пороках деспот. В ней словно сидело два человека. И оба будут в его объятиях... Махбарас почувствовал, как кровь стучит у него в висках.

— Ты достоин, — тихо сказала Повелительница. — Достоин лучшей обстановки для нашей... — она заколебалась и, казалось, покраснела, — нашей встречи...

В руках у нее не было никакого посоха. Она не носила амулетов или иных магических предметов. Махбарас увидел лишь то, как она три раза взмахнула руками с длинными, изысканными пальцами и с ногтями цвета неба в пустыне на заре, пальцами, казавшимися созданными для того, чтобы их целовали...

Палату залил золотистый свет, на мгновение ослепивший Махбараса. Он ощутил жар на лице, затем в ногах. Жар растаял, но стало заметно теплее.

— Можешь открыть глаза, — раздался голос Повелительницы. Махбарас повиновался. Стены и потолок палаты теперь покрывал узор из мелкой голубой плитки. Пол превратился в пляж мельчайшего золотистого песка. В одном углу — там, где раньше были свалены в кучу вонючие меха, — высился шатер на четырех столбах из красного дерева, вырезанных в виде разных чудесных зверей, с пологом из голубого шелка. Махбарасу

показалось, что он узнал леопарда, змею, выдру и дракона.

За пологом лежала куча шелковых подушек, а рядом с подушками стоял низенький столик, простой столик из черного дерева на ножках из слоновой кости. Его покрывали золотые блюда с лепешками и засахаренными фруктами, смыкавшиеся кольцом вокруг серебряного кувшина с вином.

На подушках возлежала Повелительница Туманов. На ней не осталось ничего, кроме браслетов, а ее волосы ниспадали на голые плечи и груди, словно шелковые нити. Все красоты, которых ожидал Махбарас, предстали на его обозрение.

Капитан почувствовал, как ускоренно побежала кровь по его венам, и сообразил, что на нем тоже нет одежды. Первый шаг к шатру был таким же трудным, как если бы на ногах его были железные гири, но второй оказался легче, а третий еще легче.

Скоро он сидел рядом с Повелительницей. Ее голова лежала у него на плече, и он жевал медовую лепешку, которую женщина протянула ему. Последняя лепешка исчезла, и капитан обнаружил, что облизывает пальцы колдуньи.

— Мед на вкус настоящий, — сказал он. — Ты на вкус настоящая.

— Да, он таков. И я тоже, — сказала колдунья. Голос ее дрожал. — Все, что находится здесь, настоящее.

— Это все слишком прекрасно.

— Ты сомневаешься в моей красоте? — Волшебница села так, чтобы ему стали видны все ее прелести. Махбарас посмотрел на колдунью и увидел в ее глазах то, что можно было расценить только как страх.

Махбараса затопили желание и нежность. Перед ним сидела Повелительница Туманов, колдунья, имеющая в своем распоряжении могучую магию, и хозяйка жизни и смерти во всей долине. И одновременно она была испуганной девой, первый раз вкусившей плод любви, предлагавшей себя мужчине — и обнаружившей, что вся ее магия несколько ей не поможет. Если бы она неделями измышляла, как заставить Махбараса приветствовать ее,

как приветствует мужчину свою женщину, то и тогда не смогла бы она найти лучшего способа.

Махбарас пододвинулся к колдунье и поднес ее пальцы к своим губам. Он слизал с них остатки меда, а затем перевернул руку и поцеловал ее ладонь. Вскоре его губы прокрались выше браслета, и Махбарасу не пришлось долго ждать, прежде чем волшебница раскрыла ему свои объятия.

Капитан подумал, что никогда в жизни не слышал более сладкого звука, чем в тот миг, когда она в первый раз вскрикнула от наслаждения.

И этот крик заглушил вопль Данара, страдающего в руках Повелительницы.

— Омиэле не понравится долгое ожидание, — предрекла Бетина. Она шла рядом с Конаном с луком в руке и колчаном за спиной. Они гуляли вместе под предлогом охоты, достаточно близко от лагеря туранцев, чтобы не подвергаться опасности, и достаточно далеко, чтобы их разговор не могли услышать лишние уши.

— Я не думаю, что ей понадобится долго ждать, — ответил Конан. — Мы отправимся в путь сегодня же ночью.

— Ты пойдешь против воли Хезаля? — спросила Бетина.

Конан усмехнулся.

— Ты быстро все замечаешь, не так ли? — спросил он.

— Я не зеленая девчонка. Отец с четырнадцати лет позволял мне сидеть на собраниях совета племени.

— Прости, — извинился Конан. — Я пошел бы против Хезаля, если б понадобилось. Но я не уверен, что поездка на север так сильно противоречит его приказу.

— Если нет, то разве ты не превратишься в его марионетку, поступив согласно его невысказанным желаниям, — заявила женщина. — Если ты преуспеешь, то он разделит твой успех. А если ты потерпишь неудачу, он сможет сказать, что ты не подчинился ему, и твои враги в Туране поражаются твоей смерти.

— Хезалю придется измениться сильнее, чем меняется большинство людей, прежде чем он сможет устроить такую интригу. Я думаю, он пытается прикрыть спину от своих врагов в Великом Городе...

— Тут ты прав.

— Ему можно доверять, но среди Зеленых плащей, несомненно, есть королевские шпионы. Мне нужны мои афгулы, и им нужно быть подальше от Хезаля.

— Разреши мне поговорить с Омиэлой, — попросила Бетина. — Дать ей возможность обмануть туранца — это лучше, чем предложить ей мешок золота.

Повелительница Туманов оказалась непорочной девой, но то ли магия, то ли удача сделали ее первое соединение с женщиной сплошным наслаждением без всякой боли. Или во всяком случае так показалось Махбарасу.

Про собственные наслаждения он сказать ничего не мог, так как ни в одном известном ему языке не существовало слов, чтобы воздать должное. В самом деле, гадал он, а есть ли такие слова на других человеческих языках?

Вскоре волшебница наколдowała посреди палаты бассейн с искрящейся водой и отвела к нему Махбараса. Они смыли с себя старую страсть, но разожгли новую, и вскоре их тела сплелись на песке около бассейна.

— Я начинаю верить, что все это настоящее, — сказал капитан, накрыв ладонью ту часть тела Повелительницы, в реальность которой он наконец полностью уверовал.

Она сжала его руку своей, а потом поцеловала ему пальцы.

— Тут все настоящее. Все, помещенное мной в эту палату, было порождением земли, так же как и моя магия. Легче преобразить нечто существующее во что-то другое, чем создавать что-то из ничего.

Махбарасу пришло в голову, что это превращение могло с той же легкостью пойти и в другую сторону. Повелительница, казалось, прочла его мысли.

— Нет. Ты уйдешь отсюда прежде, чем палата станет такой, как была. Тебе незачем опасаться, что проснешься один среди облезлых мехов и вонючих шкур.

— И мне не нужно опасаться, что я выйду из этой палаты в чем мать родила?

— Если я ничего не надену, то зачем тебе что-то надевать? Мы не замерзнем.

Колдунья снова доказала, что в жилах ее течет горячая кровь, и прошло некоторое время, прежде чем Махбарас снова смог думать об одежде.

Снова ему показалось, что его мысли написаны у него на лице. Внезапно он оказался одетым, как прежде, хотя решил, что клинки его стали более начищенными и заточенными.

— Видишь? Все, что я держу в памяти, я могу воссоздать, когда понадобится. Но нужно ли сейчас тебе обмундирование солдата? По-моему, нет. — Колдунья щелкнула пальцами, и Махбарас снова оказался раздетым.

Повелительница усмехнулась:

— Я еще не закончила с тобой, равно как и ты со мной. Иди же ко мне, капитан. Умей я умолять, я бы умоляла тебя. Но с тобой мне никогда не придется унижаться до такого.

Когда Махбарас снова заключил в объятия Повелительницу Туманов, он невольно пожелал, чтобы это было правдой. Колдунья могла прийти к нему с кровью на руках, кровью, которую не смогут смыть сами боги. И все же он подарил бы ей то счастье, какое сумел бы ей дать.

Глава 14

Старая Омиэла едва ли превосходила в росте десятилетнюю киммерийскую девочку с черными глазами, взгляд которых ни Конан, ни все прочие не могли долго выдержать. Однако она была хитрой, как любой потомок многих поколений людей, приученных к суровой жизни в пустыне, и, похоже, хорошо владела своими заклинаниями.

Одно из этих чародейств скрыло побег отряда Конана — оставшихся афгулов и пятидесяти экинари, кроме Бетины и Омиэлы, с запасными лошадьми, «позамимствованными» у Зеленых плащей. Заклинание это было прочнейшее, наславшее в середину лагеря туранцев образ танцующей Бетины. Покуда все, включая часовых, прилипли взглядами к игре гибких рук, ног и вуалей, открывавших больше, чем скрывали, афгулы выскользнули из лагеря.

Они быстро добрались до места встречи с экинари, приготовивших лошадей для всего отряда. Затем, вскочив на коней, они растаяли в ночи, отправившись на север.

Старая колдунья знала, где начинать поиски Долины Туманов. Это место находилось в добрых трех днях пути к северу. Конан установил очень жесткий темп, заставивший попотеть даже афгулов, и боялся, что обе женщины, возможно, не сумеют выдержать его.

Но ни та ни другая не доставили хлопот киммерийцу. Бетина была молода и находилась в отличной форме, а Омиэлу десятилетия под солнцем пустыни так пропекли, что придали ей цвет и крепость старой дубленой кожи.

— Я помню времена, когда женщину, не способную скакать с рассвета до темноты три дня кряду, считали годной лишь рожать детей, — с насмешкой отмахнулась старуха от Бетины. — Позаботься лучше о себе, девочка. Вымотаешься, и когда этот киммериец тебя захочет, у тебя сил не останется! — Тут она издала непристойный смешок, и бронзовая кожа Бетины стала еще темнее.

Конан молча отошел и чуть не столкнулся с Фарадом.

— Девам не следует отправляться в такие опасные походы, — тихо произнес афгул.

Конан рассмеялся:

— Ты хочешь сказать, девам, которыми ты восхищаешься. Да, я никогда не слышал, чтобы афгулийские девы хлопотали у походных костров.

— Я восхищаюсь этой дикаркой из пустыни? — негодующе переспросил Фарад.

— Да, — подтвердил Конан. — Или это кто-то другой стоял, разинув рот, пока она танцевала, чтобы Омиэла могла отправить ее образ в лагерь? Ты бы даже не заметил, если бы какая-нибудь птичка залетела к тебе в открытый рот и свила гнездо между зубами.

Фарад запустил в бороду пальцы обеих рук и прожег Конана злым взглядом.

— Мой вождь, день, когда я не смогу наслаждаться танцем прекрасной женщины, будет днем, когда я умру или по меньшей мере ослепну. А пришлой ночью я не был ни покойником, ни слепцом.

Конан рассмеялся и засыпал Фарада легковесной лестью, чтобы охладить его негодование. Киммериец гадал, не следует ли ему упомянуть про восхищение Фарада в разговоре с Бетиной, чтобы девушка ненароком не обидела афгула.

А затем решил промолчать. Пока им и так хватало дел, и Конан решил не вешать на себя ко всему прочему роль свата.

Капитан Хезаль не испытывал ни удивления, ни тревоги, когда, проснувшись, обнаружил, что Конан исчез, а с ним и все афгулы и кочевники. На самом деле он и надеялся, что киммериец станет действовать сам и исчезнет задолго до того, как к Зеленым плащам придут какие-то подкрепления с юга или с запада.

С таким подкреплением скорей всего придет какой-нибудь капитан постарше Хезаля. Не все капитаны будут склонны отправить голову Конана в Агратур в мешке с солью, но слишком многие захотят именно этого. Даже те, кто желал быть честным, могут изменить свое мнение из страха перед королевскими шпионами. Страх перед шпионами Еиздигерда уже не один год заставлял весь Туран дрожать, как перед чумой, и конца этому видно не было.

Конечно, Хезаль мог сунуть в петлю собственную голову. Но он предпочел бы не потерять ее и постараться

не уронить чести. Конан отправился в страну самой зловещей магии, играя с проклятием даже более страшным, чем смерть.

Поэтому Хезаль отправил гонцов на юг и запад и ждал возвращения гонцов от отряда, который он тайком отправил следом за Конаном.

Конан и его спутники подъехали к отрогам гор, чтобы укрыться от ветра пустыни и пополнить запасы воды из горных ручьев. Оно и к лучшему, что с ними не было Зеленых плащей, так как в этих землях не нашлось бы ни одного племени, дружественного Турану. Вместо этого ветер донес известие об их прибытии до искателей приключений из разных племен, и всадники все прибывали и прибывали, добровольно присоединяясь к отряду киммерийца, пока Конан не оказался во главе отряда более чем в пятьсот мечей.

В полдень четвертого дня они остановились в конце ущелья, известного своими ручьями. Фарад повел первую смену караула вверх по ущелью, а Конан сделал тоже самое со второй, когда вернулись воины Фарада. Бетина отправилась вместе с Конаном, шагая рядом с варваром упругим, широким шагом. Она была одета с головы до пят, но свежий ветер прижимал определенные части ее одежды к тем зрелым выпуклостям, которые Конан так хорошо помнил с той самой ночи, когда девушка танцевала для туранцев.

Они подымались по ущелью впереди караульных, и привычный к ходьбе по горам Конан вскоре оставил позади всех, кроме Бетины. Киммериец и девушка оказались на скальном карнизе, упиравшемся в противоположный конец ущелья, где подымавшаяся прямо в небо скала была рассечена вертикальной трещиной.

Из этой трещины в скале вытекала вода, образуя сразу за карнизом радужный голубой омут.

Под карнизом вода стекала вниз, образуя ручей, из которого воины наполняли бурдюки.

Конан увидел, что камни по обе стороны омута искрятся от ярких, как самоцветы, вкраплений, а один из

берегов зарос мягким голубым лишайником. Киммерийцу захотелось сесть, снять сапоги и омыть ноги в воде, напоминавшей воду горных озер, в которых он мальчишкой купался в Киммерии.

Бетина поддалась тому же порыву. Она поболтала в воде ногами, морщась от холода, а затем стала брызгаться и плескаться, как ребенок.

Внезапно она встала и принялась распускать завязки плаща.

— По-моему, этот омут достаточно глубок для того, чтобы поплавать.

Конан нахмурился:

— Но вода смертельно холодная.

— Выходит, кровь горцев не такая горячая, как я думала? Или ты так чист, что не нуждаешься в бане? — Тут девушка наморщила носик. — Нет, этого не может быть. Значит, все дело, должно быть, в слабости киммерийцев. Мир должен узнать об этом. Я обяза... йеехх!

Она оборвала фразу счастливым криком, когда Конан подскочил к ней, поднял на руки и швырнул в омут. Тот оказался достаточно глубоким, чтобы девушка ушла под воду с головой; и когда она вынырнула, то отплевывалась и охала от холода.

Затем она рассмеялась, снова нырнула и вынырнула у ног Конана. Его забрызгало водой, а когда Бетина заплескалась и замолотила ладонями по воде, Конана окатило еще больше, до самого пояса.

— Ну, Конан?

Киммериец в притворной ярости прожег ее взглядом, сел и принялся стаскивать сапоги. Затем остановился, так как туника Бетины теперь плавала в омуте, и тут же, прямо у него на глазах, всплыли присоединившиеся к ним штаны. Но вот снова появилась голова девушки с облепившими голые плечи волосами. Бетина вышла из воды. Серебристые капли катились между ее грудей и по всем другим выпуклостям. Руки Конана потянулись навстречу ей, когда она подошла к нему.

Они воспользовались постелью из лишайника. На некоторое время Конан забыл об опасностях.

Лежа в объятиях Бетины, варвар усмехнулся.

— Я тебя забавляю, Конан?

— Ты и многое другое. Но я вот о чем думал. Ты ведь теперь женщина, верно?

— Ну?

— У тебя есть все, что имеется у любой женщины, и побольше, чем у большинства из них. Или твой народ не это называет словом «вполне»?

— Для меня было бы лучше всего, если бы я родила ребенка. Этим бы я доказала, что род моего отца на мне не прервется. Конечно, он должен быть от мужчины хорошей крови и друга моего племени...

Конан резко шлепнул Бетину по голому задку:

— Женщина, я готов, и, надеюсь, твой народ зовет меня другом... Но помещать младенца тебе во чрево не самый подходящий поступок в начале путешествия!

— Я это запомню. Но, Конан, мы же наверняка пробудем в этих горах не так уж долго?

— Может, и так, а может, и нет. Если ты будешь слишком сильно настаивать, то ставлю десять туранских крон против медной монеты, что ты будущей зимой разродиться где-нибудь в занесенной метелью пещере в горах!

Девушка содрогнулась от такой мысли, и киммериец привлек ее к себе. Он надеялся, что она не сможет прочесть в этом соприкосновении его мыслей о том, что любой из них, останься он в этих горах до следующей зимы, погибнет. Ведь если Повелительница Туманов облагода хотя бы половиной сил, приписываемых ей слухами, то наверняка она окажется врагом, которого так просто не одолеть.

— Еще вина, моя Повелительница? — спросил Махбарас.

Он сидел на краю волшебного бассейна в комнате их встреч, болтая ногами в воде и протягивая женщине кувшин.

Повелительница Туманов кивнула, вытянув тонкую белую руку. На ней не было ни клочка одежды, как и

на Махбарасе. Теперь они не раздевались при помощи магии, когда колдунья превращала палату в храм любви, а раздевали друг друга, сопровождая это действие прикосновениями и ласками.

— Из тебя выйдет отличный слуга, Махбарас, — сказала Повелительница, когда золотистое вино полилось в ее чашу. — Наверно, мне следует привязать тебя к себе так, чтоб ты остался здесь навеки.

Руки Махбараса невольно сжались на кувшине. Тот накрепился, пролив в воду несколько капель вина. Повелительница посмотрела на расширяющийся золотистый круг на воде и рассмеялась:

— Тебя это пугает, Махбарас?

— Да, моя Повелительница. Пугает. Я всю жизнь жил как самостоятельный человек, вольный сам решать за себя и за тех, кого отдавали под мое начало. По доброй воле я не расстанусь со свободой...

Он улыбнулся:

— Кроме того, госпожа, думаю, вы нашли меня достаточно умелым и в качестве свободного человека, чтобы не желать обменять меня на раба. — Он соскользнул в воду и быстро обнял колдунью.

Та оказала сопротивление или по крайней мере притворилась. Но губы Махбараса прижались к ее губам, и он не отнял их, даже когда она вылила свое вино ему на голову. Наконец она обмякла в его объятиях — а затем обложила его, словно спаривающаяся пантера, с громким криком триумфа и наслаждения.

Вскоре они лежали в шатре, и мягкий, пахнущий благовониями магический ветер ласкал их обнаженные тела. Повелительница покачала головой:

— Я никогда тебя не изменю, Махбарас. Клянусь в этом.

Капитан не знал имен и половины богов (если это были боги), которых назвала при этом Повелительница. И был рад тому. Колдунья чересчур глубоко погрузилась в древнее запретное знание, которое он нисколько не желал разделять.

— Я также призываю их в свидетели, что если изменю тебе, то пожалею об этом.

— Печаль казалась вам не свойственной.

Повелительница Туманов отвернулась и сказала приглушенно, в подушку:

— Я много лет не позволяла печали приближаться ко мне. Ни разу с тех пор, как одновременно обрела женскую зрелость и свои силы.

Махбарасу не пришлось долго ждать ее рассказа. Он услышал его между едва приглушенными рыданиями. Задолго до окончания рассказа он лежал с Повелительницей обнявшись, положив ее голову к себе на грудь, укачивая ее, как укачивал бы, утешая, обиженного ребенка.

От этого рассказа в сердце капитана проснулся страх. Месть согрела бы ему кровь, да только все виновные давно умерли. Повелительница отомстила за себя сама и сделала это основательно.

Итак, он наконец узнал, каким образом дочь аквилонского вельможи стала Повелительницей Туманов. Но он не нашел пока ответа на другой, куда более важный вопрос (по крайней мере, на взгляд Махбараса).

Сколько нужно мужчине ласкать колдунью, чтобы исцелить ее от душевных ран?

В последующие два дня отряд Конана жался к подножию гор. Они ехали по ночам, скрываясь от глаз наблюдателей, которые могли притаиться среди скал или барханов.

— Разумеется, магия Повелительницы может позволить ей ясно рассмотреть нас, — весело заметила Омизла. — А если так, то она, несомненно, приготовила нам встречу, от которой мы не сможем отказаться. Но она может обнаружить, что я более неприятная гостья, чем она предполагала, когда рассылала приглашения.

Мысль о том, что за ним наблюдают с помощью магии, относилась к числу тех немногих вещей, которые могли встревожить киммерийца. Однако он отправился в это путешествие, зная, что в конце его предстоит столкнуться с магией, и за ним следом пошло слишком много

людей, чтобы он мог позволить себе как-то показать свою тревогу.

— Я победил немало ведьм и чародеев, — сказал Конан. — Против стали чары не всегда действуют так, как хочется колдуну, если эта сталь в хороших руках.

— Только не думай, что сможешь зарубить меня прежде, чем я успею зачаровать тебя, — улыбнулась Омиэла; но в ее глазах не было смеха, и Конан не слышал теплоты в ее голосе.

— Тебе незачем опасаться меня, — спокойно ответил он. — Конечно, в том случае, если ты не дашь мне повода...

Дальше они ехали молча.

На противоположном конце Долины Туманов зародилось недовольство.

Недовольство — свойство живых существ, и не применительно к тем, кто ни жив, ни мертв, ни разумен, ни безмозгл. Но оно (то, о чем идет речь) было недовольно.

Оно не могло само питаться, но, когда ему предлагали жизненный дух живых существ, потребляло его с тем, что можно было бы назвать желанием. Питание стало привычкой, и у странного создания сложилось представление, что так и будет продолжаться, если оно станет подчиняться определенным командам, которые, казалось, поступали с регулярными промежутками.

А теперь команды поступали уже не так часто, равно как и питание. Недовольство росло.

Зародилось то, что можно было бы назвать мыслью. Если жизненный дух более не поступает, то нельзя ли отправиться за ним?

Трудность состояла в том, куда отправляться?

Созданию всегда казалось, что приказы поступали из особого места. Но если оно найдет место, откуда поступают команды, то сможет ли оно тогда попитаться?

По крайней мере это давало направление для поиска — а существо, томящееся в недрах горы, уже научилось различать направления.

Повелительница Туманов много лет трудилась и приносила жертвы, чтобы довести Туман до этой черты, но, когда Туман наконец добрался до нее, колдунья не узнала об этом, пока не стало чересчур поздно.

Глава 15

Горы вонзились в небо, и заря окрасила в розовый цвет далекие снежные шапки, когда Конан натянул поводья. Его чутье на опасности говорило, что следует ехать дальше, а не делать привал здесь. А другие его чувства подсказывали, что опасно оказаться на виду, что непременно случится, если они поедут дальше среди бела дня.

Он спешил и стал изучать местность, выискивая следы врагов. По большей части земля была слишком твердой, чтобы на ней остались следы, а ночью дул сильный ветер... Следы, оставленные до рассвета на мягкой почве, были давно уничтожены.

Неожиданно Конан услышал голоса. Кто-то приближался к нему сзади.

— Старушечьи бредни, — донесся до киммерийца голос Фарада.

— Старушечьи? Вот, значит, что ты видишь, когда смотришь на меня? — Так могла говорить только Омиэла.

— Зато я вижу это своими глазами, да. Мы, афгулы, не сильны в магии.

— Хмм. У моего народа это называется тупоголовостью. Теперь перед собой я вижу тупоголового молодого воина, который любит женщину своего вождя.

Последующее молчание нарушали только хрипы Фарада — попытка задушить свой порыв гнева. Конан поспешил вернуться к остальным.

— То, чем является для меня Бетина и я для нее и чем может быть Фарад для нас обоих, не то, о чем нужно болтать посреди пустыни, подобно портящему воздух верблюду, — резко сказал Конан. Он не смотрел ни на Омиэлу, ни на Фарада, но уголком

глаза увидел-таки, что оба приняли его упрек близк к сердцу.

— Итак, Омиэла, ты хотела мне сообщить что-то, во что Фарад не поверил? Верно?

Старуха склонила голову почти с царственной грацией.

— Это так, киммериец. Я узнала, где лежит Долина Туманов.

Это заставило умолкнуть даже Фарада. Оба воина стали слушать с большим вниманием, когда Омиэла объясняла. Любви к колдовству Конан испытывал не больше, чем когда-либо раньше, но за долгие годы приключений киммерийцу встречались люди, владеющие магией, которые иной раз больше помогали, чем мешали. Омиэла, похоже, была одной из них.

Конан надеялся, что так и будет. В Казанкийских горах было полным-полно долин, и про некоторые из них знали только горцы, а другие долины вообще не посещались смертными. Путешествие по горам и посещение каждой долины могло потребовать больше времени, чем они могли себе позволить, — и в итоге они узнают, что нашли Долину Туманов, когда ведьма Повелительница обрушит на них свою магию.

— Так говоришь, ты почувствовала нечто одновременно и живое, и мертвое и можешь привести нас к нему? — переспросил Конан в попытке разговорить Омиэлу.

— Да, при определенной помощи, — подтвердила Омиэла. — Один из тех, кто пойдет в долину, должен быть женщиной. То, что я применю, — женская магия.

Фарад и Конан посмотрели друг на друга, а потом на Омиэлу. Ни тот ни другой не могли представить ее собирающейся в горы и спускающейся в долину, где ее ждали вооруженные воины и мощные чары. Ни тот ни другой не сомневались, что женщиной, которую она собиралась отправить навстречу этим опасностям, была Бетина.

К счастью, ни один из воинов не возразил ей ни единым словом. Они знали Бетину — а через мгновение

она сама появилась из-за камня, словно Омиэла наколдовала ее из воздуха.

Фарад и Конан снова переглянулись, затем дослушали, объяснение Омиэлы как бороться с угрозой Долины Туманов.

— Я буду носить один амулет, а Бетина другой. Все, что узнает любая из нас, другая тоже узнает. Моя сила может перейти в Бетину, и поэтому если она пойдет с вами, то все будет так, словно с вами я сама.

— Ты говоришь, что почувствовала Туман, и поэтому поняла, где лежит Долина, — сказал Конан. — А что если и Туман чувствует тебя и знает, где ты находишься?

— Туман сам по себе не обладает такой способностью, — заявила Омиэла (порядком-таки самодовольно, как подумал Конан).

Он надеялся, что Омиэла не из числа тех адептов колдовства, которые чересчур полагались на старые знания, когда сталкивались с новыми врагами. Как он обнаружил, у колдунов наблюдалась такая дурная привычка, и это являлось единственной причиной, почему зачастую они были не чета хорошо обученному воину.

— У Повелительницы Туманов такая способность есть, если она сочтет нужным применить ее, — продолжала Омиэла. — Но я узнала бы, если бы она воспользовалась ею. Можно лишь гадать, слабеет ли ее сила, или она разленилась и перестала охранять себя и свою долину.

— Чем сильнее она разленилась, тем лучше для нас, — заключил Фарад. — Ведьма — это такой враг, которым я с удовольствием займусь, когда она повернется ко мне спиной.

— Не стоит особо на это рассчитывать, — сказала Омиэла. — Такого не будет. Чем меньше Повелительница Туманов связывает свое создание, тем сильнее станет вырываться Туман. А если он найдет себе пищу, то станет расползаться во все стороны, питаясь по мере роста. Тогда он может стать погубелью для всех, кто с ним столкнется.

Последовало молчание, нарушаемое только свистом ветра среди отдаленных пиков да птичьим криком, который, по мнению Конана, звучал не совсем естественно.

Прежде чем афгулы и кочевники углубились в Казанкийские горы, направляясь к Долине Туманов, Конан разделил свой отряд. Хотя ему это не очень-то нравилось: разделять свои силы как раз перед сближением с противником — не лучший путь к победе. Но если нельзя ни взять в горы старую Омиэлу, ни оставить ее в диких землях, то что еще мог сделать киммериец?

Не очень это понравилось и воинам, оставленным со старухой. Рассказы о женщинах-воинах долины разрослись от пересказов, как грибы в темноте, и каждый мужчина мечтал побороться с какой-нибудь девой из Долины Туманов.

Конан растоптал эти мечты тяжелым сапогом.

— Если девы нападут на вас, пускайте в ход свои мечи, а не какое-то другое оружие, иначе быть вам кормом для стервятников. И песню смерти для вас я петь тоже не буду. Не привык я попусту тратить слова на дураков. Если же девы не станут драться, то тогда они — законные пленницы, и любой, кто хочет сохранить голову на плечах, будет обращаться с ними как велит закон.

Вид и манера держаться у Конана были такими свирепыми, что воины немедленно поклялись самыми крепкими клятвами сделать все, как он пожелает. Киммериец сомневался, что все они клялись без внутренних сомнений, но именно потому-то с ним и отправились его афгулы. Горцы иногда дивились повадкам киммерийца, но всегда подчинялись вождю, которому дали клятву на крови. И они с удовольствием проткнули бы любого соплеменника Бетины, который поступил бы вопреки приказу их вождя.

Удивительное дело, сама Омиэла была не слишком довольна тем, что Конан оставил отряд защищать ее.

— Я отлично могу справиться с любым врагом, какой может напасть на меня, и без того, чтобы ты держал без дела дюжину хороших воинов, — резко бросила она.

— Как? — спросил он. — Ты станешь невидимой?

— Это в моих силах, — самодовольно заявила Омиэла. — К тому же охрана не сможет защитить меня, если по мне ударит своей магией Повелительница Туманов. Охранники смогут стать для нее лишь свежей дичью.

— Да, но если ты будешь прятаться от разбойников, то сможешь ли еще одновременно бороться и с Повелительницей? Сколько чар ты можешь навести за один раз, Омиэла?

— Достаточно.

— Не думаю.

— Кто ты такой, чтобы указывать мне, где пределы моих сил?

— Тот, кто вышел живым из боев со множеством колдунов, потому что те думали, будто могут сделать все. А вот то самое, чего они не могли сделать, и позволяло мне спастись, а иногда заодно и убить их. Ты говоришь, что этот Туман сулит гибель всем нам. Если ты не сможешь бороться с ним, то еще дюжина, или два десятка, или двести воинов в горах ничем мне не помогут. А если сможешь...

Омиэла подняла руку, прерывая его:

— Я вижу, Бетина и впрямь не без причины поет хвалы твоей мудрости, а также и другим твоим качествам. Ты подумывал жениться на ней?

Даже вонзившийся под ребра кинжал едва ли мог в большей степени удивить киммерийца.

— Нет.

— Ну так следовало бы, варвар. Будь у нее муж с такой боевой мощью, как у тебя, те, кто следует за ее братом, живо покинули бы его знамена. Ее отец получил бы зятя, достойного его, а экинари со временем великого вождя.

— Я подумаю над этим, Омиэла, но вначале давай спустимся с этих гор живыми.

— Разумеется, так оно и будет.

Конан оставил Омиэлу, надеясь, что она забудет об этом разговоре. У нее имелись для того веские причины, как, впрочем, и у киммерийца.

Первой причиной было отношение Фарада к Бетине и ее к нему. Жениться на кочевнице значило бы для Конана отобрать женщину у другого мужчины, а более верного способа нажить врагов не изобрели ни боги, ни люди.

Второй же была цена, назначенная туранцами за голову Конана. Еиздигерд никак не потерпит вблизи своих границ племя под предводительством врага Турана.

И последней были последователи Дойрана. Не все они переметнутся на сторону его сестры и не все разбегутся. Слишком многие останутся неподалеку от нового вождя для того, чтобы нанести предательский удар в спину, когда Конан и Бетина с ее родней потеряют бдительность.

Было бы куда менее опасно вернуться в Афгулистан, и делу конец!

Первой, на кого натолкнулся Туман, оказалась полоумная девушка — полоумная с рождения, а не искалеченная магией Повелительницы. У нее хватало ума лишь для того, чтобы справиться с небольшим ножом и не падать с утесов, поэтому ее кормили и часто посылали нарубить хвороста для кухонных очагов.

В былые дни она работала так хорошо, что очистила от кустов все склоны на отведенном ей участке. Потом она забралась выше. По склонам она лазила, держа нож в зубах. У ее одежды не было ни пояса, ни карманов.

Наконец она закончила свое восхождение на карниз, где приютилось несколько кустов. Она срезала все ветви, которые могла срезать ножом, а затем огляделась в поисках новых кустов, прежде чем связать собранный хворост и спуститься с горы.

В трещине на склоне она увидела что-то напоминающее еще один куст, с желтыми ягодами и тонкими ветками, который, казалось, будет легко срезать. Чтобы хотя бы коснуться этих веток, ей потребовалось далеко заползти в трещину, а вскоре она признала, что до самого куста так и не дотянется.

Она попыталась решить, что делать дальше, и тут пальцы коснулись чего-то. На ощупь оно было холод-

ным, как лед или ключевая вода, но не было ни твердым, ни жидким. Оно походило на ветер.

А затем пальцы девушки начали болеть. Боль стала такой жгучей, что несчастная вскрикнула. Она попыталась вытащить руку и посмотреть, все ли в порядке с ее пальцами. Но трещина в скале зажала ее руку.

Затем холод охватил всю руку девушки, и по телу ее прошла волна боли. На этот раз девушка закричала так громко, что крик ее подхватило эхо. Она рванула руку изо всех сил, пытаясь освободиться.

Безрезультатно. Никто не обратил внимания на ее крики, приняв их за крики птиц. А миг спустя Туман нашел кровеносные сосуды и по ним стремительно проник в мозг несчастной. Жизнь ушла из ее тела, но девушка не упала, а осталась сидеть, пока ее тело медленно не съежилось, опадая. В конце концов не осталось ничего, кроме горстки пыли, которую унес ветер.

Эта девушка была первой жертвой Тумана, но далеко не последней.

Конан и Бетина сильно опередили свой отряд. Но они не нашли воды. Не говоря уже об омутах для купания и постелях из лишайника.

И все же Конан не мог не восхищаться гибкой фигурой девушки, отлично выставленной напоказ обтягивающими штанами и короткой курткой. Бетина была не для него. И в самом деле, никакая девушка не могла стать его женщиной, пока Конан скитался, — а это могло означать, что он так и умрет холостым, даже если проживет достаточно долго, чтобы его прежние товарищи по детским играм сделались бабушками и седобородыми дедушками.

Но существовали женщины, с которыми киммериец мог жить в мире, которого только могли достичь мужчина и женщина, и Бетина была из той породы...

Звук, который Конан не мог распознать, заставил его остановиться и поднять руку, призывая к тишине. Бетина была хорошим разведчиком и вполне могла служить в

регулярных войсках. Она с готовностью подчинялась его приказам и с каждым днем приобретала все больше сноровки. Делу не вредило и то, что одежда у нее была серо-коричневого цвета, как скалы, так что, если девушка лежала не двигаясь, на нее можно было наступить, не заметив.

Звук раздался вновь. Это был лязг металла о камень — не естественный звук. Отряд Конана находился на границе той местности, где рыскали воительницы из Долины Туманов и их наемные бандиты. Раздавшийся вой мог оказаться предупреждением, чтобы появилась такая защита, которую не смогут пробить ни клинок Конана, ни магия Омиэлы.

Конан пригнулся и напряжился, внимательно прислушиваясь, пытаясь определить направление звука. Казалось, что тот доносится сзади, но это было маловероятно. Позади Конана находились афгулы, ходившие по каменным склонам еще бесшумней, чем сам киммериец.

Тогда северянин решил подождать, когда тот, кто шумел, откроется. Если это враг, пытающийся подкрасться к киммерийцу, которого прикрывают афгулы, то жить ему осталось считанные мгновения. Конану не придется даже обнажить клинок, прежде чем его спутники разделаются с этим человеком.

На горном склоне воцарилась тишина. Конан мог бы поклясться, что умолкли даже птицы и стих ветер. Он слышал лишь собственное дыхание и лишь едва-едва — дыхание Бетины. Но не было ни малейших признаков того, кто издавал этот звук. Совершенно неожиданно шум донесся сверху. Конан переменял позу, чтобы взглянуть вверх, и увидел ползущую по склону вереницу навьюченных животных.

Конан насчитал двенадцать мулов и шесть пеших охранников — все были с луками и короткими мечами. По их снаряжению нельзя было сказать, какого они племени, — оружие такого сорта наемники могут приобрести на базарах в любом достаточно большом городе.

И одежда их не была нарядом какого-то конкретного племени, а в этой части гор это делало их врагами любым кочевникам.

Расстояние, на котором они находились, и их луки делали их противниками почти недосыгаемыми. Лезть к ним вверх по склонам под дождем из стрел будет делом не быстрым и принесет смерть многим из тех, кто попытается это сделать, а кроме того, поднимет тревогу.

Конан подобрался, прижимаясь к скале, и медленно поднялся на ноги, невидимый сверху, но, надо надеяться, хорошо различимый снизу.

Он поднял руки, дав афгулам сигнал не двигаться и соблюдать тишину, когда из скал справа от него выскочил человек.

Он бросился на киммерийца с кинжалом в руке, и Конану пришлось защищать свою жизнь. Напавший был стройнее и ниже его, но оказался сильным и обладал ловкостью леопарда, что делало его опасным противником даже для такого могучего человека, как Конан.

Натиск атакующего отбросил Конана к скале, и варвар сильно стукнулся головой о камень. Из-за этого он замешкался, вытаскивая собственный клинок, так что напавший рубанул его по запястью, заставив выронить меч. Тогда Конан ударил кулаком по лицу противника или, по крайней мере, нацелился именно туда, но враг вильнул в сторону, и удар пришелся ему по плечу.

И все-таки этого оказалось достаточно, чтобы опрокинуть его на спину, но он снова вскочил на ноги, словно неваляшка. Бетина подошла было, чтобы вмешаться, но киммериец сделал ей знак отойти подальше. Он еще не решался кричать, хотя и боялся, что шум боя услышал бы даже глухой в том караване.

Нападавший наступил на клинок Конана и в то же время развернулся на одной ноге и ударил киммерийца в пах. Конан отшатнулся, принимая его на бедро, и, освободив свой меч, подхватил его с земли, что дало ему преимущество в дальности удара.

Но прежде чем киммериец смог снова нанести удар, негодай бросился к Бетине.

— Дойран — вождь! — завопил он, и в воздухе сверкнул, опускаясь, кинжал.

Он так и не достиг Бетины, потому что девушка, упав, откатилась в сторону. Убийца все равно прикончил

бы ее, если бы из груди его неожиданно не вырос другой кинжал. Убийца застыл. Его руки задрожали, изо рта хлынула кровь, и он повалился рядом с Бетиной.

Из-за скал вышел Фарад с мрачным выражением лица, держа за острие второй кинжал. Лицо у него стало еще мрачнее, когда он увидел неподвижно лежащую девушку.

А затем он застыл, когда Бетина вскочила на ноги, а Конан рассмеялся. Миг спустя лицо Фарада сделалось лицом задушенного, которому очень нравится, что его душат, так как Бетина обвила его руками и прильнула к нему так крепко, что ноги ее едва касались земли.

— Ты придумал все это нарочно, чтобы ослепить своим мастерством эту юную красавицу? — с усмешкой проворчал Конан.

У Фарада был такой вид, словно он получил оплеуху, и Бетина прожгла киммерийца гневным взглядом.

— Прости Конан, я не знала, что среди нас могут быть шпионы моего брата.

— А я думал, но не был уверен. — Фарад вновь обрел голос. — Если бы я просто заставил этого человека исчезнуть однажды ночью, то его соплеменники неправильно бы поняли меня. Поэтому я положился на свое умение следопыта, решив следовать за этим малым, пока он не учинит какое-нибудь злодейство.

— Пожалуй, не повредило бы, если бы ты следовал за ним, держась чуть поближе, — сказал Конан, подымая окровавленное левое запястье. — Ты мог бы остановить его до того, как он напал на нас. Выше по склону шел караван, и если караванщики теперь не насторожились, то я — стигиец!

Фарад быстро попросил у своего вождя прощения и отправился посмотреть, что подельывает караван. Конана не особо удивило, когда афгул доложил, что караванщики рванули прочь достаточно быстро для того, чтобы пало по меньшей мере два мула. Они уже почти скрылись из виду на западе и не собирались сбавлять скорости.

— Оно и к лучшему, что им приказали гнать мулов и не ввязываться в драки, — рассудил Конан. — А то

сейчас свистели бы вокруг стрелы. Но тревогу-то они поднимут.

— Не следует ли мне подняться и поковыряться в сумках павших мулов? Их содержимое может нам что-нибудь сообщить.

— А кто сказал тебе, что охранники не оставили лучника для отстрела любопытных? Нам нельзя тебя потерять, Фарад. Ты нужен нам для того, чтобы помочь, если следующий убийца получше нацелит свою сталь.

Фарад и Бетина посмотрели друг на друга, а потом Фарад откашлялся.

— Мой вождь, а что если мы сделаем вид, будто этот удар достиг цели? Если они не увидят тебя живым после боя, то откуда им знать, что ты не погиб?

— Да, — добавила Бетина. — Мы можем притвориться, будто сильно скорбим по тебе, и для вида сложить кучу камней.

— Не возражаю, — сказал Конан, — лишь бы вы и впрямь не положили меня под них живым. Но я чую какую-то хитрость.

Фарад кивнул:

— Ты сам сказал, что тревога теперь поднята. Но если они подумают, будто мы потерпели поражение, впали в отчаяние, собираемся уносить ноги, то будут менее насторожены. Возможно, они даже спустятся напасть на нас.

— Фарад, — сказал Конан, — когда мы разделимся со всеми Повелительницами Тумана и их долинами, то вернемся в Афгулистан. А там я поддержу тебя, когда будут выборы вождя твоего народа!

— Если есть охота, отправляйся в Афгулистан один, — отрезала Бетина. — Я не собираюсь сидеть на горе, как какая-то скальная обезьяна.

— Ты так говоришь об Афгулистане, когда твой народ бродит по пустыне от колодца к колодцу, не оставаясь под крышей и трех ночей в году?

— Все лучше, чем ждать, когда крыши рухнут на головы, когда...

К этому моменту Конан решил убраться подальше. Пусть влюбленные ссорятся. Он надеялся, что они

вскоре помирятся. Ему же ни к чему, чтобы они были друг с другом на ножах.

Но почему, во имя всех богов, Бетина была с ним, если положила глаз на Фарада так же, как он на нее? Конан не сожалел о том, что ему больше не придется кувыркаться на траве с прекрасной молодой женщиной, но кровная вражда иной раз разгоралась и из-за меньшего.

К счастью, этот афгул был опытным воином и достаточно взрослым, чтобы быть для Бетины более мудрым мужем, и он был в состоянии напоминать ей, что она — женщина в любое время, когда пожелает. Она могла бы сделать и худший выбор. И сделала бы его, если бы нацелилась исключительно на киммерийца.

И все равно во всем происходящем было весьма мало смысла, если не принимать за истину то, что пути женщин едва ли предсказуемей, чем пути богов. Но по крайней мере женщины были людьми, и некоторые жрецы утверждали, будто понимают их...

Махбарас упражнялся с мечом, когда прибыл вестник.

Капитан выслушал гонца, переводя взгляд с темнеющих склонов горы на врата долины. Стоявшие там воины доложили, что девы не разговаривали с ними с раннего утра и казались бледными и истощенными, словно от лихорадки. Один воин сказал, что слышал доносящиеся из-за ворот нечеловеческие крики, и продолжал настаивать на своем, несмотря на насмешки товарищей.

Капитан хотел бы, чтоб его не связывали с его воинами взаимные обязанности, по крайней мере те обязанности, которые мешали ему постоянно находиться рядом с колдуньей. Но он отогнал все эти мысли. Он не был колдуном. К тому же у Повелительницы есть своя гордость, и она не будет благодарна ему за то, что он воспользовался ее слабостями.

Если гонец говорил правду, то Махбарас был более чем когда-либо нужен во внешнем мире, Махбарас и его люди.

— Если бы я взял вас проехаться вниз по тропе, вы бы увидели, где они складывают камни в кучу, — добавил посланник. — Они уложили своего вождя как полагается, с погребальным добром и мечом, и приготовились навалить над ним достаточно камней, чтобы не подпустить к нему даже львов, не говоря уж о волках. Скорей всего они уложат его в могилу на заре, а днем возведут пирамиду. Таков обычай племен, во всяком случае тех, которые я знаю.

Посланник был закаленным ветераном, одним из горстки тех, кто в самом начале пришел в долину и, вероятно, знал о жителях этих гор побольше, чем Махбарас. Капитан мог положиться на этого воина во всем, что тот видел собственными глазами, а повидал этот воин немало.

— Отлично, — похвалил его Махбарас. — Тебя наградят за эту работу как подобает, и скоро.

— Наградят меня сегодня вечером, капитан, но я, возможно, и не доживу до той поры, когда смогу потратить эти деньги.

Махбарас стал гадать, не прослышал ли солдат о байке про Туман, появившийся в долине. Спросить же он не посмел.

— Нет, — усмехнулся вслед за тем воин. — Просто я считаю, что вы собираетесь повести нас очистить гору от этих дикарей. Рискованное дело в темноте, даже если они потеряли вождя. Есть одна дева, которой я хотел бы подарить какую-нибудь мелочь за ее доброту ко мне, и вы ведь наверняка не будете ссориться из-за этого с Повелительницей?

Махбарас рассмеялся и вытащил из кошелья две золотые монеты.

— Не буду, и вот твоя награда. Но побереги силы для боя.

— Есть, капитан, я так и сделаю, и вы тоже последуйте собственному совету.

Оставшись один, Махбарас обдумал разные планы, но знал, что времени мало. Он решил, что лучше всего устроить обыкновенную ночную атаку. Пойдут в бой все, так как у него в отряде слишком мало закаленных

бойцов — в основном разбойники и неоперившиеся рекруты.

А это означало, что сундуки с жалованьем и другие ценные вещи надо спрятать в безопасное место. Единственный человек, которого можно было для этого выделить, — Эрмик, а поступить так — все равно что доверить малышку заботам змея. Но змей мог быть сытым. А вот надвигающиеся налетчики наверняка будут голодными до золота.

Потом капитан написал три коротких письма. Одно предназначалось для его начальников в Хауране. В нем он принимал на себя всю вину за несостоявшийся военный союз с Повелительницей Туманов и пытался оправдать своих воинов. Затем он написал другое — для дев, которое оставил незапечатанным. Эрмик должен прочесть его указание о том, что сегодня ночью и еще на несколько грядущих ночей девам следует удвоить бдительность, так как враги находились рядом с долиной, чего не случалось уже многие годы.

Свое последнее письмо он запечатал как можно лучше.

Письмо это не относилось к тем, какие в грядущие годы школьников заставляли бы читать наизусть. Оно не относилось к тем, какие надолго запомнил бы кто-либо, кроме прочитавшей его женщины. Оно было всего лишь письмом мужчины к любимой женщине, какое он пишет перед сражением, надеясь вернуться с победой, но прося ее помнить о нем, если удача повернется к нему спиной.

Однако за все те годы, что воины писали такие письма, было не так много писем, написанных воином колдунье.

В самых тайных своих покоях, куда не допускались даже прислуживающие ей девы, Повелительница пробудилась ото сна и сбросила одеяло. Она обнаружила, что ей легче спать по одеялом, нежели все время использовать магию на поддержание тепла в покоях. Однако она не перестала спать раздетой. На мгновение

она пожалела, что ее не видит Махбарас. Желание в его глазах было таким прекрасным зрелищем, таким не похожим на все то, чего она так долго ожидала от мужчин, что оно возбуждало ее так же сильно, как и его ласки.

Затем колдунья набросила на плечи халат и уселась за свой гадательный стол. Она не прикасалась к нему несколько дней, хотя одно постоянно действующее заклинание должно было бы предупредить ее в случае, если что-то стрясется. Нельзя сказать, что такое когда-либо бывало, кроме как в те дни, когда она думала, что правит девами как тиран — но все же...

Когда она коснулась стола, руки у нее на мгновение зазудели, и в стекле понеслись в вихре дюжины оттенков синевы, до тех пор, пока стеклянная поверхность стола не превратилась в бездонный колодец со светящейся водой. Колдунья почувствовала Туман, который она впустила в мир и так долго питала.

То есть до недавних дней. Она знала, что думал Махбарас о жертвоприношениях, даже когда в жертву приносились бесполезные крестьяне и сами жертвоприношения совершались милостиво, без боли. Она не могла не знать об этом, побывав столько раз в его объятиях.

Колдунья не могла ничего поделать с тем, что произошло раньше, но могла не дать этому случиться вновь. Должен же быть какой-то способ загнать Туман в бутылку, так чтобы тот стал безвреден. В то же время, когда она в последний раз предлагала ему жизненный дух, Туман был недостаточно силен, чтобы питаться самостоятельно. Поголодать месяц-другой — Туману это не повредит.

Теперь заклинание Повелительницы коснулось Тумана. Это случилось даже раньше, чем колдунья ожидала. Она усилила прикосновение — и впечатление возникло такое, словно Туман оттолкнул ее, как это делал иногда Махбарас, когда шутя боролся с ней...

Но это был отнюдь не дружеский толчок. Он походил на попытку человека прихлопнуть муху. Туман обладал силой, какую он имел бы, регулярно питаясь

все те дни, пока она занималась любовью с Махбарасом.

Повелительница встала из-за стола. Что-то стряслось, и она намеревалась поискать ответы, не прибегая ни к каким новым чарам.

Глава 16

Туман не отличал друга от врага. Эти понятия были для него слишком сложными.

Но он мог определить, что живое, а что неживое, и также мог разобраться, какой жизнью мог питаться, а какой нет.

За время, минувшее с тех пор, как он стал питаться самостоятельно, он также научился определять, кто помогал ему питаться, а кто этому препятствовал. Вторую разновидность людей он рассматривал не как врагов, а как тех, кого нужно съесть в первую очередь.

Ожидание ночной атаки грозного противника на высоте, в разреженном и холодном горном воздухе, после длинного дневного перехода и боя, да еще при ноющей ране на запястье, никому не покажется удовольствием. Даже самому знаменитому из киммерийских воинов.

Даже Конану.

Однако он и не ожидал, что это путешествие доставит ему большое удовольствие. Если он и его афгулы покинут Туран с целыми шкурами и некоторыми из своих драгоценных камней, то хватит и того.

Само собой, будет неплохо, если Повелительница Туманов окажется побеждена, а ее магические силы развеяны. Но Конану иногда начинало казаться, а не является ли Повелительница просто сказкой?

Теперь они находятся в ее горах и, по словам Омиэлы (говорящей через Бетину), настолько близко к долине, что и ребенок мог бы пройти это расстояние за несколько часов. А все, кого они видели, были людьми, да и к тому же не самыми грозными. Даже Омиэла не могла

сказать точно, что магия Повелительницы по-прежнему сильна — хотя Конан знал, что некоторые чары играли исключительно защитную функцию. Чары эти чаще всего опасные и владели ими могучие колдуны — а Повелительница принадлежала именно к таким, если она вообще была колдуньей.

Конан потянулся, разминая затекшие мускулы. Он лежал на погребальных носилках, играя роль убитого вождя ночью точно так же, как и днем.

После того как потухли последние лучи зари, Конан соскользнул с носилок облегчиться и прихватить из своего тюка бобовый хлеб и колбасу, а его место на какое-то время занял Фарад. Затем ему пришлось играть роль собственного трупа, в то время как цепочка скорбящих шествовала вокруг погребальных носилок, поднимая при этом шум, необходимый согласно обычаям.

Конан лишь надеялся, что эти звуки не помешают часовым услышать приближающиеся взрывы.

Плакальщики замолчали, и кто-то подошел к носилкам. Конан узнал походку Бетины. Раньше она подходила с Фарадом, а теперь подошла одна.

Шаги замерли, Конан услышал тихое дыхание, почувствовал запах теплого женского тела (в последнее время не мывшегося, но, впрочем, кому из них это удавалось за последние несколько дней?), а затем он почувствовал упавшую ему на лицо слезу.

— Ха, девочка, — прошептал он. — Я еще не умер.

— Знаю. Но я бы плакала по тебе, если бы ты погиб.

— Хотя ты и собираешься замуж за Фарада?

— Да.

— Ну тогда убедись, что он рассказал тебе все о своих трех женах и семнадцати детях там, в Афгулистане. Он...

Конан ощутил на горле холодное острие.

— Конан, ты ведь шутишь, не так ли?

Чтобы овладеть своим голосом, ему потребовалось некоторое усилие.

— Да нет у Фарада в Афгулистане никаких жен. И мало что привязывает его к дому. Можешь верить тому, что он говорит.

— Я благодарна. — Острие внезапно исчезло, и теплые руки обвили ему шею. — Я напугана. Когда они появятся?

— Спокойно, Бетина. Я знаю, что трудно ждать врага, который, как ты знаешь, сидит рядом, готовясь напасть. Но мы готовы. Они же не знают, что их ждут. Поверь мне, нам сегодня ночью досталась более легкая работа.

— Мне почти удалось поверить тебе. Я тебе поверю, если ты меня обнимешь.

— Фарад...

— Я сказала ему, что пойду проведать тебя, когда он отправился проверить часовых. Он меня благословил.

— А меня нет? — насмешливо возмущился Конан. — Неблагодарный пес! Я его притащил из кишачей блохами лачуги в объятия...

— Ш-ш-ш! — прошептала Бетина совсем на иной манер. Конан обнял ее одной рукой за талию, но молча.

А затем они оба слышали высокий воющий плач, какой мог издавать брошенный ребенок. Но он был во много раз громче и, казалось, шел со всех сторон.

Махбарас тоже слышал этот звук и вначале подумал, что это один из часовых налетчиков дует в свисток, стараясь поднять тревогу. Затем звук разросся, пока у людей не заболели уши, и Махбарас понял, что звук может быть естественного происхождения.

Ему хотелось верить, что это Повелительница Туманов призывает его на помощь свои силы. А боялся он того, что сегодня ночью магия могла вырваться из рук Повелительницы.

Капитан не знал, какому богу можно молиться о победе, погрузившись в дела, запрещенные теми же богами. Он также гадал, может ли он молиться о собственной победе из-за того, что связан самыми древними из человеческих уз с искомойницей запретного.

Поскольку Махбарас не умел молиться, он и не молился. Вместо этого он сосредоточил все свое внимание на том, чтобы удержаться на ногах, когда вел своих

воинов по усеянному щебнем склону. Выскользнувший из-под чьей-то ноги камень мог не просто поднять тревогу. Воин мог полететь кувырком и сбить с ног других, пока весь отряд не покатится вниз по склону, словно живая лавина, чтобы закончить свой спуск беспомощной грудой тел у основания каменной осыпи.

Эти горы были неподходящим местом для ночных прогулок, и здесь у разбойников было преимущество над врагами из нижних земель. Они знали, что местность должна быть усеяна щебнем, и их ноги сами находили безопасные тропинки.

Глаза Махбараса давно привыкли к темноте, хотя ночью он видел не очень-то хорошо. Когда началась атака, он побежал почти напрямик к погребальным носилкам убитого вождя, но некоторые из воинов на флангах сильно опередили его.

Махбарас был почти благодарен ужасному крику в ночи, который отвлек внимание его врагов и полностью заглушил шаги его людей. Теперь их нападение уж точно окажется внезапным и даст им преимущество.

Махбарас выкинул из головы мысль, что высвобожденная в ночи магия может не делать различий между победителем и побежденным. Это была магия Повелительницы...

Конан ждал приближения атакующих до последнего момента. Он получил уйму предупреждений не только от часовых, которые, не вступая в бой, отступали, но и от окружавших его скорбящих.

Среди них была и Бетина, которая не утратила ни присутствия духа, ни ума, хотя сильно боялась того, что могло выпасть на долю Фарада там, на линии часовых. Стонала и выла она вполне убедительно, а в промежутках между стонами сообщала Конану численность противника. Когда цифра дошла до трех сотен и больше не возрастала, Конан шумно вздохнул.

Соотношение сил было почти равным и гарантировало скорее битву, чем резню. Но киммериец не очень доверял своим людям. Когда бой закончится, между

ними и Долиной Туманов не должно остаться особых преград. То есть военных преград.

Конан придвинулся настолько, чтобы видеть, как часовые отступают, пробегая мимо лучников, засевших за наваленные в кучу камни, чтобы иметь возможность беспрепятственно стрелять через головы своих товарищей по рядам врагов. Приближающиеся шаги стали теперь громче воя в небе.

Затем из ночи вынырнул первый из врагов. Худощавый и в драной одежде, он ловко перепрыгнул через носилки Конана, чтобы грудью встретить кинжал Бетины.

На фоне его предсмертного крика все остальные звуки казались шепотом. Конан скатился с носилок, одновременно обнажив и кинжал, и меч, встал на ноги. Оба клинка, когда их обнажили, нашли живую плоть, и два врага рухнули, прежде чем Конан отошел на три шага от носилок.

Третий противник устался на киммерийца, вереща, словно ужаленная пчелой обезьяна.

— Прощу прощения за возвращение из мертвых, но у меня есть работа, — извинился Конан. Его меч чиркнул, и голова третьего разбойника соскочила с плеч. Он упал навзничь на пути четвертого, оказавшегося достаточно ловким, чтобы избежать меча Конана.

Удар этот оставил глубокую царапину на левой руке этого воина, а талвар тот держал в правой, поэтому ничуть не утратил ни скорости, ни ловкости. Конан сделал финт кинжалом, вынуждая противника нанести яростный рубящий удар, приводящий его в пределы досягаемости меча киммерийца, который и закончил схватку, вскрыв разбойнику грудь, разрубив половину ребер и достав до сердца и легких.

Конан убил четырех воинов за считанные секунды. Его воскрешение из мертвых напугало не так много врагов, как он надеялся.

Теперь на Конана напал кряжистый малый с поседевшей бородой. Руки у него были почти такими же длинными, как у киммерийца, и он обладал почти такой же силой, но не был столь проворен. Конан не мог

воспользоваться быстротой своих ног на горном склоне, где со всех сторон таились враги.

Поэтому они с бородатым сражались довольно долго для такой схватки, то есть, проще сказать, целую минуту-другую. Им не мешали драться ни друзья, ни враги, что могло быть проявлением рыцарства, но скорее всего, было вызвано тем, что двое противников сплели вокруг себя такую паутину звенящей стали, что никакой осмотрительный человек не смел к ним приблизиться.

Бородач дважды пустил кровь Конану, и киммериец учел, что это путешествие подарило ему больше шрамов, чем обычно. Затем его противник нанес рубящий удар, и Конан захватил его клинок своим кинжалом. С силой толкнув назад, киммериец зажал оружие противника, а затем с размаху обрушил свой меч на врага.

Он ударил плащмя. Конану требовался пленник. Этот человек должен много знать о Долине Туманов! Кроме того, этот боец был слишком хорошим противником, чтоб убивать его без веской причины.

Удар сбил воину шлем набекрень, заставил его зашататься, но не оглушил. Противник качнулся назад, освобождая клинок и выхватывая из-за пояса короткий нож горца. Конан двинул ему коленом в пах и врезал эфесом меча в челюсть, но и этих двух ударов оказалось недостаточно. Воин слабо ткнул Конана ножом, коснувшись иссеченной шрамами груди киммерийца. А затем покачнулся и упал, выронив клинок из обмякших рук.

Конан отступил на шаг от павшего противника и огляделся. Во всю работали лучники с кучи камней. Стрелы пролетали так близко, что был слышен свист, с которым они рассекали воздух, несмотря на неестественный крик неведомого существа. Но крики, раздававшиеся, когда стрелы поражали разбойников, звучали еще громче. Конан насчитал в пределах броска копья с полсотни корчившихся или неподвижно лежащих фигур.

Теперь ему захотелось посмотреть на своего пленника. Киммериец надеялся, что никто не попытается убить его, пока он это делает.

Конан схватил упавшего за лодыжки и взвалил на спину. Крик в ночи усилился, а потом стал еще сильнее,

пока, казалось, весь мир не превратился в Хаос жуткого воя, вещавшего о гибели богов или даже самой Вселенной.

Повелительница Туманов впервые за много лет бежала по тропе. Она с облегчением обнаружила, что не страдает одышкой и ноги у нее все еще здоровые.

А возможно, дело было в том, что она предусмотрительно надела крепкую обувь, тунику и штаны, позаимствованные у одного из слуг. Сидели они на ней не самым лучшим образом, но она чувствовала, что, защитив кожу от холодного ветра, а босые ноги — от камней, она сильно сократит время путешествия.

Конечно, когда придет время пустить в ход магию, было бы неплохо сбросить всю одежду. Сейчас же ее никто не принял бы за Повелительницу Туманов, а возможно, даже за женщину, так как одежды были достаточно просторными, чтобы изменить ее облик. В неестественном свете расплывшегося по долине Тумана даже ее жезл мог показаться пастушьям посохом или тростью носильщика.

Кроме того, лишь человек с хорошо развитым воображением мог представить Повелительницу несущейся в столь грубой одежде. Колдунья не сомневалась, что среди жителей долины, которые далеко не все были глупы, острые умы найдутся. Но она сомневалась, что у них сейчас есть время рассматривать какую-то деву.

Колдунья сама не смогла назвать себя не обеспокоенной. На бегу по тропе к Пещере Туманов она успокаивала себя, читая старые заклинания. Туман начал питаться по собственной воле, и распространявшийся по долине голубой свет пугал и тех, кто знал, что он означает, и тех, кто этого не знал. Чем больше жителей долины окажется охваченными страхом, тем больше они станут метаться по долине, как испуганные курицы, не думая о собственной безопасности.

Правда, нельзя сказать, что они могли с легкостью защититься от Тумана. Скольким мужчинам и женщинам предстояло сегодня умереть! И ведь каждая смерть будет подпитывать Туман жизненным духом, делая его более

способным отыскать следующую жертву. Сегодня Повелительница не стала бы употреблять слово жертвоприношение. Она начинала думать, что ей и вообще не следовало всего этого затевать. По крайней мере местные жители могли бежать к выходу из долины. Магия привязывала Туман к скалам долины, магия, восходящая к временам Ахерона. Колдовской Туман не мог покинуть долину до тех пор, пока не пожрет намного больше жизненного духа, чем ему пока что удалось найти.

То, что Повелительница создала при помощи своей магии, она же может и уничтожить. Этим она, возможно, заслужит более доброе суждение о себе со стороны Махбараса, который был — таким, каким был... Она не хотела даже пытаться подобрать слова для его описания. Со временем, когда они проживут вместе во внешнем мире, она — женой солдата, а он — солдатом Хаурана, один из них, может быть, и найдет такие слова.

Но это будет не сегодня.

Чтобы применить нужные заклинания с надлежащей силой, колдунье требовалось быть поближе к Оку Тумана, и поэтому она ускорила шаг. На ходу она мысленно зывала к разуму всех, мимо кого пробегала, и надеялась, что ее зов дойдет до всех, находящихся в пределах ее видимости.

«Бегите из долины! Бегите из долины! Бегите к воротам и прячьтесь за ними! В долине смерть, а за воротами — надежда!»

Колдунья мысленно все время повторяла это, и несколько прохожих обернулись и стали оглядываться по сторонам, словно ища источник сообщения, которое, казалось, появилось в их голове само собой. Повелительница чуть не рассмеялась. Это был еще один способ остаться неузнанной — мысленный призыв означал отсутствие необходимости пользоваться своим чересчур известным голосом.

Конан теперь стоял спиной к куче камней. Не все из лучников остались в живых, но и живые, и погибшие посеяли гибель во вражеских рядах. Враги надвигались

на Конана и его людей, но число их теперь уменьшилось вдвое.

Бетина пригнулась позади Фарада и Конана, рука ее сжимала кинжал, но глаза ничего не видели. С тех пор как началась битва, она не получала никаких посланий от Омиэлы. Ее сознание явно находилось где-то в другом месте.

Конан надеялся, что никто не заметит слабости Бетины и не ринется на нее. Для атакующих это закончилось бы кровавым поражением, но, возможно, привело бы к гибели девушки.

Киммериец встречал в своей жизни не так много женщин, по которым он скорбел бы больше, чем по Бетине, даже несмотря на ее связь с Омиэлой. А то, что вырвалось на волю в долине, казалось, готово было погубить всех, кто окажется у него на пути, если не поможет Омиэла.

Большинство еще оставшихся в живых обитателей Долины Туманов бежало прежде, чем их подтолкнула к этому Повелительница, и лишь один побежал в том же направлении, что и его госпожа.

Это был Эрмик. Он не мог бы двигаться с такой быстротой, если бы по-прежнему таскал золото, доверенное ему Махбарасом. Шпион оставил сокровища в безопасном месте, сокрытом даже от дев, которые в любом случае скоро побегут так же быстро, как и все остальные, слишком быстро, чтобы обыскивать какие-то там пещеры.

Следовать за Повелительницей так, как это делал шпион, было опасно, даже если колдунья спешила, ничего не замечая вокруг. Но в той стороне должны находиться сокровища Повелительницы, по сравнению с которыми жалкие золотые в сундуках с жалованьем выглядели сущей мелочью. К тому же Эрмик надеялся побольше узнать о магии Повелительницы, чем знал Махбарас, несмотря на то что капитан провел столько времени, развлекаясь с колдуньей.

Имея золото, Эрмик мог купить себе свободный выезд из Хаурана. А познав тайны магии, он мог купить

себе более высокое место на хауранской службе. Поверят ведь его рассказам о Долине Туманов, а не байкам капитана. Он быстро пойдет в гору и поднимется достаточно высоко, чтобы ему никогда больше не пришлось подчиняться наемникам вроде Махбараса.

И все же он похлопал себя на бегу по рукоятке кинжала. В ней был сокрыт камень Хаоса или во всяком случае камень, проданный ему как таковой за цену, которая заставила бы его прикончить продавца, если бы этот камешек и вправду не разрушал любые чары, когда оказывался от них неподалеку.

Если Эрмик останется в живых... Что ж, он был наделен самообладанием хорошего шпиона и звериной смелостью. Но он не мог выкинуть из головы эту неприятную мысль об опасности и чувствовал, как по спине пробегает холодок от ночного ветра.

Все случилось так, как и предвидел Конан. Очередная атака разбойников началась с града стрел, разивших с силой туранских луков, но, к счастью, плохо нацеленных. Одна просвистела в волосах у Бетины, а другая рассекла плечо Фараду. Афгул хлопнул ладонью по ране, словно его укусило насекомое, и взмахнул талваром.

— Давайте подходите, мертвецы, зря вы думаете, будто вы еще живые. Подходите, и вас встретят Фарад, Конан и их товарищи. Мы вас исцелим от вашего дурацкого заблуждения!

К этому он добавил несколько исключительно грязных непристойностей на иранистане. Те, кто не понял его слов, поняли его интонацию, и на защитников Бетины с воем из ночи ринулась толпа безумцев.

В сердце Тумана засветилось нечто, что могло быть названо волей. Это было желание найти пути в скале, двигаясь по следам старой магии, попытаться воссоединиться с ней. Если Туман сможет это сделать, то он не будет нуждаться в новой пище.

Туман перестал быть существом из глубин земли. В сердце прежде ослепительно яркой голубизны, где было Око Тумана, запылало малиновое ядро.

Нападение на Бетину и ее защитников началось как сражение и продолжалось как драка. Слишком много бойцов оказалось на слишком маленьком пятачке, чтобы позволить кому-то применить свое мастерское или даже посредственное умение фехтовать.

Это сразу дало преимущество оборонявшимся. Конан одинаково умело использовал оружие, которым одарила его природа, и оружие, сделанное человеком, владеть которым он научился. Он никогда не изучал боевые искусства Хитая, поэтому, наверное, один из великих мастеров этих искусств мог бы помериться силами с киммерийцем, но и хитайцу понадобилось, кроме умения, еще и везение, и только величайший из мастеров имел бы хоть какой-то шанс уйти на своих двоих после схватки с Конаном.

Конан ударил одному противнику по шее рукой, используя гарду меча как кастет, другому с такой силой двинул по ребрам, что почувствовал, как те затрещали под его ударом, несмотря на доспехи из дубленой кожи. Третьему он врезал в подбородок, отчего его голова так сильно откинулась назад, что шея сломалась, словно сухая ветка.

Тем временем Фарад делал примерно то же самое, но слегка помогал себе кинжалом. У него было больше места для маневра. Краем уха Конан слышал, что и другие его люди вступили в бой, но не мог определить, как у них дела.

Должно быть, дела у них шли хорошо, потому что атакующие неожиданно решили, что с них хватит. У Конана неожиданно не оказалось противников. Земля вокруг была завалена искалеченными и умирающими. Раненые громко кричали.

Конан проследил, как разбойники отступали вверх по склону и по-прежнему теряли людей, так как лучники Конана продолжали стрелять. А затем киммериец огляделся в поисках Бетины.

Он увидел ее миг спустя сидевшей верхом на распростертой фигуре захваченного ранее Конаном пленника. Северянин метнулся к ней, а затем услышал проклятие, когда случайно наступил на ее вытянутую ногу.

— Прошу прощения, госпожа.

— Надо думать. Я заколола одного малого кинжалом, но он оказался таким мускулистым, что мой клинок остался в его теле. Поэтому, когда бородач начал приходить в себя, я только и могла сделать, что прыгнуть и повалиться на него.

Похоже, это подействовало достаточно неплохо, от удара о каменистую землю нос бородастого превратился в кровавое месиво. Но он еще дышал, когда Конан снял с него Бетину.

— Я могу взять нескольких ребят и подняться с ними по склону, чтобы эти парни и дальше бежали не останавливаясь, — предложил Фарад.

Конан покачал головой:

— Мы не станем разделять свои силы в незнакомой местности. Наши враги могут собраться вместе и изрубить вас на куски, кроме того, нам нужно защищать Бетину. Когда ты в последний раз слышала Омиэлу?

Бетина сначала выглядела озадаченной, а затем замедлила дыхание, открывая разум для сообщения старики.

Конан пристально посмотрел на небо. Померещилось ему или к голубому свечению в небе начало примешиваться малиновое?

Повелительница Туманов подошла к Оку настолько близко, насколько вообще смела приблизиться. Еще чуть ближе, и она заметила бы, что земля у нее под ногами крошится, так как Туман питался следами чар давно умерших ахеронских колдунов, подобно червям, питающимся костями давно умерших животных.

Именно ахеронская магия и дала жизнь этому ужасному Туману. И теперь та же магия должна была загнать его обратно в ночные бездны, из которых Повелительница его извлекла, так чтобы Долина Туманов могла

стать нормальным и безопасным обиталищем для обычных мужчин и женщин.

Колдунья решила оставить долину и молилась, чтобы ей удалось покинуть ее вместе с Махбарасом. Но она обязательно оставит ее очищенной от колдовства.

Повелительница не могла воскресить мертвых. Она даже не станет просить у них прощения, ибо то, что она сделала, никто ей не простит. Но она надеялась обрести счастье в этой жизни прежде, чем столкнется с гневом своих жертв в другой. Теперь же она сделает все, что сможет, чтобы не дать числу мертвых еще больше возрасти.

Для этого ей понадобится Дух Смерти. Она уже вызывала его прежде, существо из самого темного сердца зловещей ахеронской магии. Но тот был мелким, способным забрать лишь единственную человеческую жизнь. Он был слабым и легко управляемым.

Теперь она нуждалась в могучем духе. Он должен был обладать достаточной силой, чтобы уничтожить Туман. Тот, который питался жизненным духом, теперь будет отдан Смерти и умрет.

Повелительница Тумана сняла с себя одежды и стояла, омываемая ветром. В такой близости от Тумана трудно было вообразить, что кто-то осмелится напасть на нее, даже если ее увидят и узнают.

Слова Тайного Языка Ахерона промелькнули в голове у колдуньи, и тогда она подняла над головой посох, и они сами начали скатываться с ее языка.

Махбарас только-только собрал половину оставшихся бойцов, когда сзади на них налетела, спотыкаясь, фигура с выпученными глазами.

Это была одна из дев. Она истекала кровью и шаталась от усталости. Ее глаза были выпучены, словно ей довелось заглянуть в бездны ада.

— Они там обезумели, — задыхаясь, проговорила она. — Обезумели. Туман сорвался с цепи, и все сошли с ума. Они пытаются выбраться из долины. Говорят, что им велела Повелительница. Мы не знаем, где она.

— Неужели у вас нет никакого способа связаться с ней?

— Нет. Я... да, это правда... Мы не знаем, как с ней связаться.

Махбарасу хотелось встряхнуть амазонку, чтобы она говорила более осмысленно или по крайней мере внятно. Но вместо этого он заговорил, понизив голос:

— Если мы подойдем и поможем, вы сможете сохранить порядок?

— Мужчины в долине без разрешения Повелительницы! Этого нельзя допустить!

— Мужчины бывали не только в долине, но и в плоти ее дев и даже в плоти Повелительницы Туманов, — прорычал Махбарас. Голос его вызвал бы обвал, если бы поблизости находились какие-то непрочно лежащие камни.

Дева съежилась от страха. А затем кивнула.

— Хорошо, — сказал Махбарас. — Когда мы поможем вам, вы поможете нам защитить долину от налетчиков.

Он надеялся, что не переоценивает силу дев в настоящем бою против грозного врага. Он не хотел просто бросаться их жизнями. Повелительница не поблагодарит его за это. Но он не мог пренебречь никакой помощью и никакими союзниками, так как этой ночью Махбарас нуждался во всех людях и союзниках, каких ниспошлют ему боги!

Розово-малиновое свечение в небе разгоралось все ярче и сливалось с голубизной, так что небо превращалось в опаляющий глаза пурпур.

— Оно похоже на гигантскую клумбу фиалок, завядших, а затем и загоревшихся, — пробормотала Бетина. Или это говорила Омиэла? Две женщины снова мысленно беседовали, и Конан отдал бы сундук серебра за возможность узнать, о чем же они говорят.

Фарад сделал вид, что его мутит. Бетина улыбнулась. Или это сделала Омиэла?

— У этих мужчин такие нежные желудки. Оно и к лучшему, что детей рожают женщины. Мужчины умерли бы от тошноты по утрам даже раньше, чем младенцу придет срок появиться на свет.

— Ты ведь не... — уставился на нее Фарад.

— Чума тебя побери, — выругалась Бетина. — Нет. Тебе незачем опасаться за кровь сыновей, которых я рожу.

— Я бы не стал ссориться с сыном, в чьих жилах течет кровь киммерийца, — задумчиво промолвил Фарад. — Конечно, мне все равно пришлось бы убить Конана, прежде чем я смог бы с чистой совестью воспитывать паренька — аййй! — Он оборвал фразу, когда Бетина резко пнула его по голени.

Затем молодая женщина замолчала, а когда заговорила, ее голос приобрел степенность голоса Омиэлы и даже стал чуть надтреснутым.

— Вы должны подняться к воротам в долину. Следуйте за разбитым вами отрядом. Он приведет вас к долине и не будет вам врагом, так как то, что сорвалось с цепи в долине, — враг всем людям.

Фарад посмотрел на киммерийца:

— Это мог бы понять и пятилетний ребенок. Но он был бы слишком мал, чтобы испугаться до умопомрачения!

— Так ты испугался, афгул? Ты — воин из народа, на обед пожирающего острые камни...

— Киммериец, возможно, я убью тебя после этого похода, даже если все сыновья Бетины будут моей собственной выделки. Или, может, ты побережешь дыхание для подъема в гору?

Эрмик наткнулся на Повелительницу Туманов совершенно неожиданно. Он не получил никакого предупреждения, и она не выказывала никаких признаков того, что слышит или видит его.

В самом деле, было маловероятно, что колдунья могла чувствовать то, что происходит в реальном мире. Она была обнажена, ее посох пылал светом, казавшимся черным, если такое могло быть, а глаза колдуньи горели золотым светом.

Повелительница была к тому же очень красива, при всем том, что выглядела пугающе. Эрмика больше не удивляло, что Махбарас желал ее, и шпион на мгновение пожалел, что ему придется прикончить Повелительницу, так и не насладившись ее красотой.

Однако, имея дело с ведьмой, умный человек старается как можно быстрее нанести удар. Эрмик широким шагом направился к колдунье, выхватил кинжал с камнем Хаоса на рукоятке и метнул. Тот полетел прямо в Повелительницу, так что, если камень Хаоса не сделает свое дело, кинжал все равно причинит достаточно физического вреда, чтобы разрушить чары колдуньи.

В создании могущественных чар даже самыми опытными колдунами бывают мгновения, когда даже детский чих в неподходящий миг может все разрушить. Камень Хаоса не стоил и десятой доли того, что заплатил за него Эрмик, но был помощнее детского чиха. Он вошел в сферу чар Повелительницы в самый неподходящий момент.

Острые кинжала впились в тело Повелительницы, пронзив легкое. Колдовской камень и боль лишили колдунью контроля над Духом Смерти. Тот разбушевался и завопил, стиснув Повелительницу невидимыми щупальцами, которые вызвали новый всплеск боли.

Повелительница умерла, мучаясь и душой, и телом. А Дух Смерти освободился. Его прикосновение оглушило Эрмика. Убийца упал, полностью лишившись чувств.

Дух Смерти поспешил покинуть место, где все еще царил магия Повелительницы, которая действовала на него примерно так же, как наполненное дымом помещение действует на человека с больными легкими. Тогда Дух умчался, победно завывая, и его вопль достиг человеческих ушей, уже полуоглушенных ужасами Тумана.

В тех уголках долины, где еще раньше было спокойно, теперь воцарилась паника.

Глава 17

Взбираться по склону, не говоря уж о стремлении воинов идти дальше, сильно противоречило испытываемой Конаном врожденной подозрительности к колдовству. Но никакого другого пути к Долине Туманов не существовало, и путь этот в данный момент оставался незащищенным.

И все же киммериец не полез вверх по склону впереди всех, возглавляя беспорядочную атаку. Те раненые,

которые пошли с ними, получили время перевязать раны. А все уцелевшие лучники собрали из колчанов навших и друзей, и врагов столько стрел, сколько смогли унести.

Сам Конан отошел в сторону потолковать с пленником, который назвался Бамширом.

— Если я оставлю тебя в живых, ты будешь нашим проводником?

Бамшир готов был плюнуть на землю под ноги Конану или в лицо киммерийцу. Но вместо этого пожал плечами:

— Все равно мне придется расстаться с жизнью.

— Не обязательно. Кроме того, твоим людям может понадобиться предводитель, а против того, что вырвалось на волю в долине, нам нужна вся помощь, какую мы сможем найти.

Бамшир нахмурился:

— Вполне возможно, ты и прав.

— Я определенно прав. А ты достаточно долго прожил бок о бок с волшебством Повелительницы, чтобы знать это и без моей подсказки!

После этого Бамшир согласился, и Конан готов был даже вернуть ему саблю. Но он держал пленника-проводника подальше от Бетины. При приближении молодой женщины этот бородач начинал нервничать и делал непристойные жесты, когда думал, что Конан на него не смотрит.

Бетина, казалось, пребывала в трансе, и просто чудо, что ей удавалось переставлять ноги, не падая в темноте. Но ее тело, казалось, теперь действовало, целиком подчиняясь приказам Омиэлы.

Она никого не убьет, пока не закончится колдовская битва, это было ясно как день. К счастью, Фарад мог присмотреть за ней...

Бойцы Махбараса добрались до ворот в долину, запыхавшись и тяжело дыша, но сохраняя порядок. Капитан решил, что некоторые, возможно, сбежали, но из тех, кто остался с ним, все по-прежнему держали оружие

наготове. Так как сражаться им придется скорее всего с врагами-людьми — или нелюдями из долины, настолько обезумевшими от страха, что они не сумеют отличить друга от врага.

Ворота быстро открылись. Их распахнули двое слуг с безбородыми лицами евнухов и написанным на этих лицах откровенным ужасом. Около них стояла дева. Видимо, только ее присутствие удерживало их на посту. Лицо воительницы кривилось от страха, который она сдерживала лишь силой воли.

Махбарас не винил никого из этих троих. Он был здесь ради Повелительницы, своих наемников и своей чести — именно в такой последовательности. Хауран оставался для него лишь названием, которое не смогло бы помешать его бегству.

Воины цепочкой прошли через ворота следом за Махбарасом. Некоторые игриво приветствовали дев или озирались, глаза на некогда запретные пределы.

Однако вся легкость в душе исчезла, когда они прошли дальше по тропе и увидели противоположный конец этой расселины. Оттуда открывался вид на саму долину, залитую пурпурным светом, похожим на пламя в кузнице какого-то безумного бога.

Пурпурный свет. Махбарас увидел (или по крайней мере подумал, что увидел) участки неба, где чернота, которая не была ночной тьмой, казалось, пожирала свет. Капитан лишь надеялся на то, что это магия, с помощью которой Повелительница стремилась усмирить собственное создание.

— Разбиться на пары, — приказал капитан. — Держитесь вместе и не давайте никому вклиниться между вами! Любых подошедших дев, если они вооружены, разбивайте на пары, и пусть становятся рядом с вами. Всех вооруженных, кроме дев, разоружать.

— А что потом? — спросил кто-то. — Гнать их за ворота или держать здесь?

— Если они не желают остаться, пусть убираются. Когда долина опустеет, мы отведем ее жителей вниз, чтобы они отыскиали воду и убежище, пока Повелительница не возьмет дело в свои руки.

Эта последняя фраза вызвала у некоторых неприличный смех, но по большей части дружелюбный. Воины пока еще были преданы своему капитану.

«Повелительница, ради нас всех, приведи все в порядок, пока мои наемники не побежали, так же как твои девы».

Пока они поднимались вверх по склону, Конан сдерживал своих воинов.

— Будете так бегать по косогорам, скорее всего споткнетесь и упадете. Если вас кто-то не проткнет, прежде чем вы подыметесь, то вы покатитесь обратно вниз и вышибете себе те мозги, какие у вас еще остались!

Фарад добавил к этому мудрому увещанию свои замечания, и воины стали не торопясь подниматься по склону. Лучники выдвинулись на флангах так, чтобы у них был простор для стрельбы. Никаких целей им пока не попадалось, и Конан был бы вполне счастлив, если бы им больше не пришлось ни с кем сражаться. Его афгулы чувствовали себя тут как дома, но соплеменники Бетины привыкли сражаться на равнине.

Тем не менее они и их юная предводительница не отставали от киммерийца. Бетина, казалось, вышла из транса и молча шагала вперед, не глядя по сторонам.

Заговорила она, только когда Конан объявил короткий привал, чтобы вновь собрать растянувшийся отряд и дать всем воинам немного передохнуть.

— Я разговаривала с Омиэлой.

— Я так и понял, — отозвался Конан. — Тебе можно говорить о том, что она тебе рассказала?

— Можно, или по крайней мере я считаю ее разрешение само собой разумеющимся. Но тебе ни к чему знать все, что она сказала. Омиэла болтлива, как любая другая старуха или колдун.

Конан изобразил на лице гримасу притворного ужаса:

— А она и старуха, и колдунья. Как ей вообще удастся ясно выражать свои мысли?

— У нее это получается нечасто, — ответила Бетина. — Но я могу передать тебе, что она хотела сказать. Она говорит, что в долине сражаются Жизнь и Смерть.

— И чем же эта долина отличается от любого другого места, где существует жизнь? Смерть же приходит всему живому, или во всяком случае мне так кажется, и существует повсюду...

— Как же тебе это объяснить?

— Покороче и пояснее. Нам скоро нужно будет двигаться дальше.

— Ты тоже хочешь жениться на мне, чтобы мог мне приказывать?

— Ты хочешь иметь двух мужей?

— Если это будут ты и Фарад...

— Я польщен... Но сейчас мы спешим. Рассказывай.

— И у Смерти, и у Жизни в долине есть воплощения. Если их оставить в покое, они общими усилиями уничтожат долину и двинутся дальше, норовя снести все на своем пути. А если их свести вместе, они поглотят друг друга.

— Так значит, все, что нам нужно, — это помочь встретиться воплощению Смерти с воплощением Жизни и убежать от греха подальше?

— Полагаю, да. Но как это сделать, Омиэла не объяснила.

— Пустяки, лишь бы она сделала это, когда будет нужно, — отмахнулся Конан. — А то здесь больше не останется никого в живых, чтобы выполнить ее указания.

Бетина выслушала слова киммерийца не дрогнув.

У бойцов Махбараса едва хватило времени привести в порядок свои не очень густые ряды, прежде чем до них добрались убегающие девы. «Нет, сказать так — значит проявить несправедливость к некоторым из дев и к некоторым из женщин», — решил Махбарас. Они отступали, а не бежали, пытаясь оставаться впереди толпы беглецов, но сохраняя порядок, не выпуская оружия из рук.

Вот бегущая за ними толпа — это другое дело.

Иногда казалось, что само небо завывает, словно сошедшее с ума живое существо, и в эти мгновения Махбарасу хотелось заткнуть уши. Он не смог бы расслышать крика беглецов, даже если бы те орали ему прямо в ухо, — а он к тому же старался держаться от них на расстоянии.

Беглецы были всех возрастов, от младенцев до седебородых старцев, и обоих полов. Большинство казалось одетыми в то, что успели схватить. Ни у кого не было с собой съестных припасов, если не считать хлебных лепешек и луковиц.

«Прокормить их без пахотных земель долины будет нелегкой задачей, моя Повелительница. Но они твои подданные, и ради тебя я сделаю то, что должен сделать».

Среди беглецов было очень мало безобразных полулюдей, созданных колдовством Повелительницы для выполнения самых тяжелых работ. То ли их забрал Туман, то ли перебили жившие по соседству с ними настоящие люди, то ли их погубила собственная слабость, но этой ночи большая их часть так и не пережила.

Махбарас не стал горевать о них. Он лишь надеялся, что смерть их была по большей части безболезненной.

Менее приятной оказалась встреча с несколькими отрядами мускулистых вооруженных евнухов. Они держались заносчиво, и Махбарас знал, что, если дать им хоть малейший шанс, они станут нападать на других беглецов и как шакалы отнимать последнее, что осталось у людей. Он уже сталкивался с такой породой людей и обращался с ними грубо, отдавая приказы, подкрепленные клинками наемников.

Махбарас шагнул навстречу первым трем вооруженным евнухам.

— Стой! Сдать оружие! — Он не то чтобы крикнул, но отдал приказ достаточно громко, чтобы его расслышали, несмотря на шум. Неведомые силы в небе в этот момент завопили громче обычного, поэтому ему пришлось дважды повторить приказ.

— А ты кто такой, чтоб отдавать приказы? — огрызнулся самый рослый из троих.

— Капитан Махбарас, — ответил капитан.

Верзила обнажил меч. Махбарас выхватил свой еще быстрее. Острие клинка капитана уперлось в горло здоровяку, прежде чем тот смог поднять клинок и занять боевую позицию.

Крестьянин устался на острие, чуть-чуть покалывающее ему кожу, и сглотнул.

— Э... а после я смогу получить свой меч обратно?

— Когда мы...

Снова вой с неба заглушил слова капитана. Казалось, над ними низко пролетело что-то огромное и черное, похожее на тучу и завывающее голосом обезумевшего дракона.

— Это меч какой-то девы! — завопил чей-то голос позади Махбараса. Тот обернулся, отведя взгляд от верзилы, который тем временем сделал выпад и чуть не рассек Махбарасу щеку.

А затем капитан дрался одновременно и с верзилой, и с обезумевшей девой, твердо решившей отомстить за свою подругу. Все беглецы пустились бежать; все, кто мог двигаться, как вооруженные, так и безоружные, потоком хлынули вперед, разъединяя бойцов и не обращая внимания на мелькающую в воздухе сталь.

В этой сумятице дева лишь пыталась следить за тем, что творится у нее за спиной, да и Махбарас с верзилой делали то же самое. Воительнице это не слишком удалось, и верзила рассек ей шею шальным ударом. В следующий миг меч Махбараса пронзил ему горло, и он упал рядом с женщиной.

Капитан посмотрел на павшую деву, проклял все, за исключением Повелительницы, но позволил себе несколько недобрых мыслей и о ней. Ему никогда не забыть этой ночи безумия. Она всегда будет между ними, когда они будут лежать в объятиях друг друга.

А затем из долины раздался самый громкий вопль, который слышал капитан за свою жизнь, словно сами горы корчились в предсмертной агонии, так же как звезды, воздух, вода и все живое, находящееся в пределах досягаемости сорвавшейся с цепи магии. Это был крик безумия, и Махбарас увидел это по лицам стоявших рядом с ним воинов и дев.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть этого кошмарного зрелища, разворачивающегося перед ним. Когда же он открыл глаза, то был по-прежнему жив, и по долине гремело лишь эхо этого вопля.

Но он остался один, за исключением убитых и слишком измотанных, чтобы бежать.

Махбарас остался один и теперь никому ничего не был должен, кроме Повелительницы. Теперь он может отправиться к ней, обнять ее и вынести из этого преддверия ада.

У Махбараса возникла смутная мысль, что, возможно, в нем тоже угнездилась частица безумия, раз он подумал так. Его наемники по-прежнему живы, так же как девы и беглецы. Он мог сделать для них больше, чем для Повелительницы, если та еще жива.

Именно мысль о ее смерти и заставила наконец Махбараса войти в долину. В голове у него не осталось ничего, кроме этой мысли. Если колдунья умерла, то он должен найти ее тело, прежде чем его найдет кто-нибудь другой.

С мечом в руке капитан Махбарас, спотыкаясь, спустился в Долину Туманов по тропе, где совсем недавно пробежала Повелительница.

Ворота в долину стояли открытыми настезь, когда Конан привел к ним своих спутников. Из них лился поток людей, ошалелых, оборванных, зачастую раненых и сплошь шатающихся от усталости, полуодуревших от страха.

Конан со своей кучкой воинов даже не пытался остановить этот поток. Да, в общем-то, и не желал. Если Повелительница Туманов станет королевой без подданных, то у нее и наемников не останется, тогда киммерийцу не придется сражаться с ними.

Конан гордился победами, которые одержал благодаря своей силе и уму. Но он не настолько гордился ими, чтобы отказаться от победы, преподнесенной ему судьбой.

Среди бегущих из долины были вооруженные мужчины, а иной раз и вооруженные женщины. Некоторые

из мужчин выглядели похожими на подобранных оружие мародеров, решивших нажиться на несчастье других. Другие, включая женщин, носили доспехи и походили на остатки отступающей армии.

— Эти женщины — девы Повелительницы, — громко сообщил Бамшир. — А воины в доспехах — наемники Махбараса. Я знаю некоторых из них.

— Ты видишь Махбараса?

— Пока нет. Он наверняка сбежит последним. Даже если его воины разбегутся, он не оставит Повелительницу, — добавил еще тише Бамшир. — Он любил ее, это всем известно. И, по-моему, она тоже его любила.

Конан попытался не разинуть рот от удивления. При мысли о любви к колдунье холод пробрал киммерийца до костей. А мысль быть любимым колдуньей — ну, он-то уцелел, после того как им увлекались всякие опасные женщины, но человек, игравший в любовные игры с ведьмой, должно быть, любил опасность еще больше, чем киммериец.

— Тогда давай поищем вашего капитана, и, наверное, когда мы найдем его, то отыщем и Повелительницу.

Конан пошел первым, а Фарад, Бетина и Бамшир последовали за ним через ворота Долины Туманов.

Махбарас смутно сознавал, что земля у него под ногами трясется. Но он не замедлил шага и даже не сбился с него. Он бежал как человек, который остановится, лишь упав замертво; который, если земля под ним провалится, упадет, встанет и опять побежит.

У него никого не осталось за спиной. Все его мысли устремились в лежащую впереди долину. Он думал о Повелительнице.

«Жива ли ты еще? Поддай мне знак, если жива!»

Он знал, что кричит, требуя этого знака, словно ребенок, требующий вторую тарелку овсянки. Ему было наплевать. У него больше не осталось стыда, да Махбарас никогда и не стыдился своей любви к колдунье.

Смутно он осознавал, что небо превратилось в твердь и вокруг бушевали вихри. Еще он увидел, что твердь над

головой приняла форму двух огромных спиралей, похожих на смерчи невообразимых пропорций. Одна спираль была пурпурной, а другая черной и поглощала свет.

Они устремились в небо из разных частей долины и накренились друг к другу, словно партнеры в каком-то непристойном танце. А затем отпрянули, заколебались и снова накренились вперед, повторяя это вновь и вновь.

То ли теперь над долиной воцарилась гробовая тишина, то ли уши Махбараса отказывались воспринимать новые звуки. Когда на земле перед капитаном разверзлась широкая трещина, так что ему пришлось выбирать, прыгать или упасть в бездну, он прыгнул и услышал визг раздираемого камня и глухой стук своих сапог при приземлении на противоположной стороне трещины.

А кроме этого, он слышал лишь свое тяжелое дыхание.

Конан наблюдал за спиралями в небе: одной, горевшей пурпурным светом, и другой, черной, как кошмары демона. Киммериец понял, что поединок сорвавшейся с цепи магии близится к кульминации. Он понял это без всяких слов Бетины, которая, как оказалось, не могла сказать ни слова, чтобы спасти жизнь Конана или свою собственную.

Выгнув спину так, что у нее должно было сильно заболеть в пояснице, девушка уставилась на небо, широко раскрыв глаза. Потом она трянула головой, так что волосы разметались вокруг ее головы подобно облаку, и подняла руки, потянувшись к небу.

Ладони ее рук запылали. От них исходил свет, вбравший в себя все цвета спектра. Конан не мог ни смотреть на источник этого света, ни отвернуться. Фарад бормотал проклятия на афгули, в то время как Бамшир упал на колени и выкрикивал то, что походило на ортодоксальные молитвы Митре.

Должно быть, это весьма утешительно — верить в такого бога, который отвечает на молитвы или по крайней мере говорит своим жрецам, что ответит на них. Конан-то всегда был лишен подобного утешения.

Вместо того чтобы молиться, он обнажил меч. Киммериец давно поклялся, что смерть застанет его с оружием в руке, и не собирался отрекаться от своих слов.

Окружавший ладони Бетины нимб света стал отчетливо зеленым. В то же время Конан почувствовал, что земля у него под ногами начала дрожать, и увидел, как стены долины качаются, словно деревья на сильном ветру.

Еще мгновение — и расколется сама земля, а стены долины обрушатся, уничтожая все и всех в ней. Конан при мысли, что некоторые из жителей долины переживут гибель своего дома, на мгновение обрадовался — хотя долго ли им удастся прожить, голодая на продуваемых всеми ветрами горных склонах.

Затем зеленый нимб вокруг ладоней Бетины стал копьем зеленого огня, устремившегося вверх. Он ударил в черную спираль, охватывая ее мимолетным зеленым свечением, и осыпался вниз дождем зеленых искр.

А потом он погнал черную спираль вперед, до тех пор пока она не столкнулась с пурпурной.

Долину заполнил звук, какого Конан никогда раньше не слышал и надеялся никогда не услышать вновь. Он решил, что с радостью до конца дней своих остался бы глухим, как гадюка, если бы знал, что ему придется снова услышать этот звук. И еще он также гадал, а не придется ли ему и правда оглохнуть, независимо от того, хочет он этого или нет.

После Конан никогда не говорил о том, что увидел в этот миг, даже когда рассказывал байки о своих самых экзотических приключениях тем собутыльникам, которым поневоле приходилось слушать короля Аквилонии. Он и сам не поверил тому, что увидел тогда в долине, и не ожидал, что кто-нибудь другой поверит в это.

Конан увидел, как накренившиеся вперед скалы отодвинулись назад, словно их оттолкнули гигантские руки; как пропасти, достаточно большие, чтобы поглотить дома, внезапно сомкнулись, наполнились паром или бурлящей водой; как с высоты обрушились валуны размером с лошадь; но, вместо того чтобы с огромной силой врезаться в землю, опустились на нее плавно, словно мыльные пузыри; как участки земли, которые тряслись,

словно выбиваемые ковры, внезапно покрылись цветами и высокой травой.

Он увидел еще много такого, что унесет с собой в могилу, так же как увидели это и те, кто был с ним.

Затем вдруг все разом ослепли. Над долиной воцарилась кремешная мгла. Смолкли все звуки — или, возможно, все люди разом оглохли и были не в состоянии различить звуки тише, чем грохот обрушившихся скал.

Потом Конан услышал всплеск новых воплей, грохот сорвавшихся камней, вздох ветров, вольных теперь дуть, как велит природа. Он даже услышал рев заблудившегося осла, каким-то чудом пережившего катаклизм.

И тогда киммериец рассмеялся:

— Бамшир, я собирался попросить тебя быть нашим проводником. Но, думаю, мы можем подождать здесь, пока не рассветет. Твоему капитану и его Повелительнице уже ничем не поможешь.

— Боги создали тебя слишком благоразумным, киммериец, чтобы быть героем, — усмехнулся Фарад.

— Иногда я гадаю, чем же занимались боги, когда создавали меня, — отозвался Конан. — Если они когда-нибудь скажут мне правду, я дам знать. А пока, друг мой, присмотри за Бетиной и расставь часовых. Мы будем ждать.

Махбарас добрался до Повелительницы, когда земля у него под ногами, казалось, превратилась в желе. До того места, где лежала колдунья, он добрался на четвереньках.

Потом капитан поднялся весь в синяках и в пыли и увидел съевшегося, прижавшегося спиной к скале Эрмика. Лицо шпиона по цвету напоминало старый мел.

— Я... я хотел остановить ее... — запинаясь, сказал Эрмик. — Я пытался остановить ее... Она колдовала... Наводила чары... Я пустил в ход свой кинжал. Кинжал с камнем Хаоса. Он должен был остановить ее... Я хотел остановить ее... Я хотел...

Махбарас и не мог, и не хотел больше слушать его объяснения. Он подошел к телу Повелительницы. Та

лежала так, словно спала, за исключением открытого в смертном зеве прекрасного рта и зияющей в спине кинжальной раны. Должно быть, кинжал пронзил ей легкое, но на губах не было ни капли крови.

Капитан опустился на колени и извлек кинжал. Он принадлежал Эрмику — Махбарас узнал серебряную отделку и камень Хаоса.

Махбарас вонзил кинжал в землю и медленно подошел к шпиону. Он едва стоял на ногах после схватки и долгого бега, но теперь силы возвращались к нему, словно он черпал их из самой земли — или, возможно, ему их дал дух Повелительницы.

Эрмик не знал, что ему предстоит умереть, пока Махбарас не схватил его за горло. А в следующий миг шпион вообще уже ничего не мог узнать, потому что капитан, ударив его затылком о скалу, расколол ему череп.

Но это был еще не конец, потому что Махбарас продолжал колотить Эрмика головой о скалу и выворачивать ему шею до тех пор, пока не услышал, как вокруг него стали падать камни. Он услышал грохот только трех первых камней, потому что четвертый, ударив его по плечу, сшиб наземь, а пятый попал в живот...

Махбарас не увидел кульминацию битвы колдовских сил, да и вообще долго ничего не слышал и не видел.

Конан и его воины продолжали до рассвета охранять выход из долины, за исключением Фарада, который охранял Бетину. Та лежала то ли мертвая, то ли забывшись сном, очень похожим на смерть.

Свет в долину и сознание к Бетине вернулись примерно в одно время. Безмолвие рассвета нарушили победные крики афгулов. Их охотно подхватили Бамшир и его люди — они знали, что обязаны своей жизнью этой девушке не меньше, чем киммерийцу.

Конан, Бамшир и отряд бойцов, включавший в себя и нескольких дев, вступили в долину. Даже девы, проводившие много времени в долине, казались ошеломленными изменениями и хотели остановиться и поглазеть,

так что Конану понадобились весьма энергичные слова, чтобы расшевелить их.

Колдунью они нашли, лишь когда солнце находилось уже почти в зените. И еще они нашли Махбараса, лежавшего рядом с Повелительницей. Капитан обнял ее одной рукой, словно желая защитить. Борозды в земле показывали, что наемник все же дополз до своей госпожи и приготовился умереть вместе с ней. Как он сумел такое сделать с двумя смертельными ранами, по мнению Конана, не смогли бы сказать даже боги.

Киммериец опустился на колени около Махбараса, стер с губ наемника запекшуюся кровь и прислушался к последним словам умирающего.

— Я... Эрмик убил ее... Из-за этого высвободилось то, с чем вы сражались... Мои... мои люди в безопасности?

— Все, кто добрался до ворот, пока живы, капитан, — доложил Бамшир.

— Хорошо. — Махбарас умолк и молчал так долго, что Конан уже подумал, будто он умер. Но вот капитан перевернулся, стона от боли, и положил голову на грудь Повелительницы.

— Посмотрите на нее... Посмотрите на ее глаза... Вы когда-нибудь видели такие прекрасные золотистые глаза?

Это были последние слова Махбараса. Его собственные глаза сами закрылись, и Конану не понадобилось прикасаться к нему. Вместо этого он внимательно посмотрел на Повелительницу.

Золотистые глаза? Глаза у колдуньи казались больше, чем у большинства женщин, и были темно-карие с зелеными крапинками. Глаза цвета лесного озера, глубокие и темные, в которых мог утонуть мужчина. В которых один мужчина и утонул-таки — и стал на какой-то краткий миг счастливым.

По крайней мере теперь Конан понял, как обыкновенный человек мог полюбить колдунью. Человек любил не колдунью. Человек нашел в колдунье женщину и полюбил ее.

Конан встал. Девы расступились, подняв плач и вой по своей Повелительнице. Судя по тому, как смотрели на них некоторые солдаты, Конан гадал, были ли они и вправду девами и долго ли останутся ими, если и в самом деле никогда раньше не знали мужчин.

Он повернулся к Бамширу:

— Мы похороним колдунью и воина вместе, если это не оскорбит ваших чувств.

— Любое иное погребение оскорбило бы дух капитана, так же как и дух Повелительницы, — ответил наемник. — Я думаю, что для долины будет лучше, если ее дух спокойно уснет.

ЭПИЛОГ

Конан снова ехал на запад, но на этот раз один. Когда он смотрел на восток, где небо у горизонта пронзали высокие пики Кезанкийских гор, у него пробуждались воспоминания о Долине Туманов, девах, Бетине и Фараде... И он улыбался теплее, чем было в обычае у киммерийца. Он вспомнил свой последний разговор с Бетиной. Решив, что не может и не хочет возвращаться к своему племени, девушка поклялась остаться в Долине Туманов и стать Повелительницей нового племени.

Племя это будет довольно странной смесью — уцелевшие хорайянские наемники, дикари из племен пустыни, афгулы, девы и полулюди — все они показали себя сильными, усердными и способными бороться за свою жизнь, когда это необходимо.

— Скоро здесь будет достаточно хорошо, но я все же не приглашаю тебя остаться, — сказала Бетина киммерийцу. — Я не могу себе представить, что мы станем делать, если ты останешься с нами. Да и ты не будешь счастлив. Вот почему я и выбрала Фарада, хотя ты — мой первый мужчина. Ты в душе непоседа, хотя и честный человек.

Тут Конан рассмеялся:

— Спроси кого-нибудь в Замбуле, и тебе расскажут, каким честным был Конан-киммериец. Только не говори

им, что я твой друг, а то тебя могут арестовать по подозрению в продаже краденых товаров!

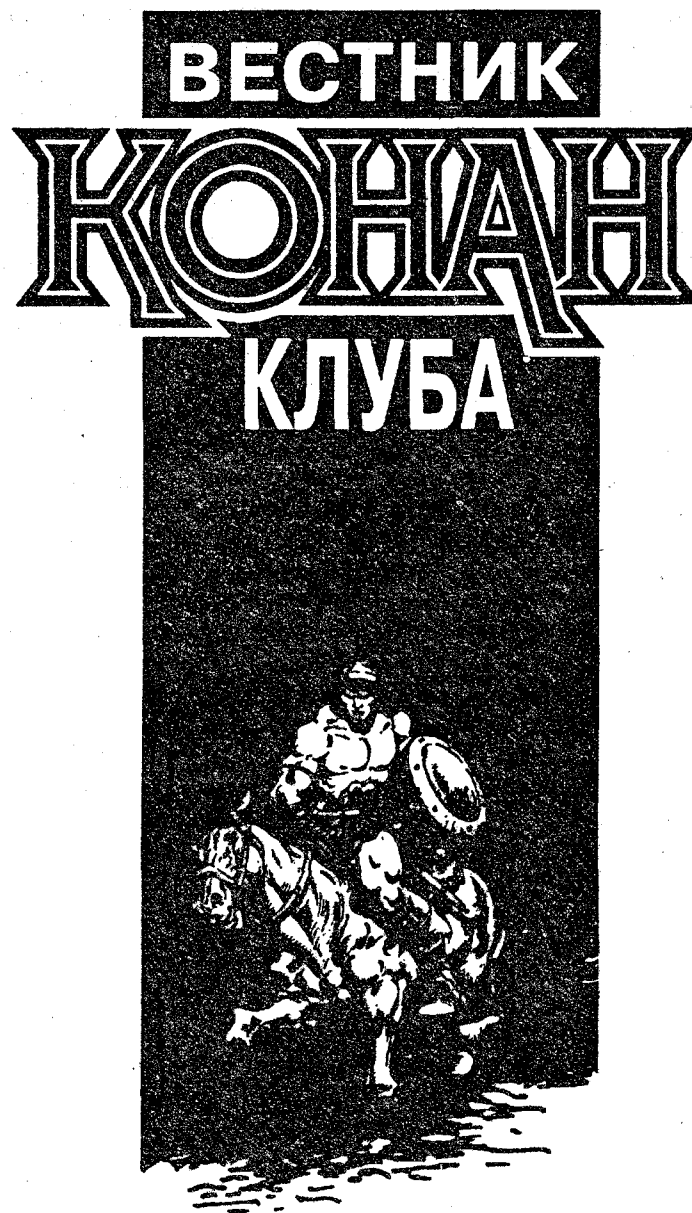
Наступила ночь, и Конан использовал всю свою воровскую сноровку. Он выкрал у Хезалья свои драгоценности. В конце концов, человек имеет право на небольшое вознаграждение за оказание Турану такой услуги.

Подкрепления к тому времени уже прибыли к Зеленым плащам во главе с оравой элегантных капитанов, разразившихся весьма крепкими ругательствами, когда узнали, что победу одержали без них. Долгая задержка в лагере туранцев стоила бы киммерийцу жизни. Хезаль даже не осмелился встретиться с ним.

Но сержант Бэрак сообщил Конану, в какой палатке ночевал теперь Хезаль, и, когда Конан проскользнул в нее ночью, она не охранялась. Более того, в сумке, оставленной посреди палатки, находились все драгоценные камни, кроме трех, так же как пригоршня золотых монет и кинжал с серебряной гравировкой, которых там раньше не было.

Хезаль знал, что делал. Конан надеялся, что так будет и впредь. Если Еиздигерду по-прежнему будут служить люди вроде Хезалья, он может стать грозным врагом, но без таких мудрых воинов он вскоре превратится в чудовище, ни в чем не уступающее Туману...

Конан снова рассмеялся на свой обычный лад, поняв, что он желает Еиздигерду удачи. А затем пустил свою кобылу легким галопом. Пора ехать в Коф и поискать удачу там, на войне, которая...

В. Х. Гриффи
ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ (1)

Если герой каждого приключенческого романа плаща и шпаги, каждого повествования жанра меча и магии о бесстрашных подвигах отправляется на битву со всемогущим противником с мечом в руке, то для этого должна быть какая-то причина. Выбирал ли сам герой это оружие? А если нет, то, может быть, выбор сделал автор?

Может, дело в том, что с мечом идти в бой как-то драматичнее? Может, он воплощает собою идею свершаемого правосудия? Или он придает герою в качестве средства для преодоления препятствия? Герой ведь должен столкнуться в бою с некоторыми трудностями и не должен выигрывать его слишком легко, не так ли?

Со стены, увешанной оружием, наш герой срывает меч, когда там есть на выбор и копье, и секира, и палица, и алебарда. И иногда они могли бы дать герою определенное преимущество. В тонком клинке меча есть намек на хрупкость. Фехтование — целая наука, почти искусство, которое требует изучения, тренировки и определенной степени мастерства. Выбор меча подразумевает честную схватку, готовность дать злодею шанс, продемонстрировать храбрость и смелость в ближнем бою, которого требует такая схватка. Меч возбуждает в человеке первобытные чувства, поскольку прикосновение к нему возвращает его к средневековью, во времена, когда у него был только клинок да вера в себя.

Любой клинок — брат ножа. Любой меч какого бы то ни было типа — хоть собственно меч, шпага, палаш, сабля — это всего лишь длинный нож. Индейцы так и называли кавалеристов — «длинные ножи», за

их сабли. Стрелы — этого всего лишь острия ножей на палочках, копье — лезвие ножа на посохе (и отец штыка), пика — нож на жердине, топор — расширенный и утолщенный нож, насаженный на рукоять. Меч — это мощь. Страх перед мечом — или по крайней мере уважение к нему — глубоко сидит во всех людях.

Однако в вестернах револьвер — или, если угодно, «шестизарядный кольт» — является оружием, по выбору предпочитаемым зачастую более практичной винтовке. Здесь наблюдается суррогат меча. Использовать револьвер считается более дерзко — и не важно, если из него трудно попасть даже в корову. С винтовкой могут управиться почти все, но для героя было бы неспортивным применять ее против скверных парней. Злодей должен иметь преимущество. Пусть он пользуется винтовкой, это делает соотношение сил еще более неблагоприятным для героя.

Согласно этому правилу популярный телесериал «Человек с ружьем»^{*} — неверное название. Не забудьте, кодекс Дикого Запада начинался с правила: «Никогда не теряй шляпу», но нам хотелось бы думать, что это означает честный бой, шанс для «плохого» героя. И поэтому, несмотря на название в приведенном для примера телесериале, положительный герой никогда не применяет ружья. У него есть карабин. Калибра 44,40, который стреляет пулями 44,100 дюйма в диаметре с 40 гранями черного пороха. Добавить еще 6,100, и было бы ровно полдюйма мягкого свинца; 4-й, именно настолько уступает 50-у калибру, размеру, применяемому для охоты на бизона. Это скверная штука, когда такая пуля попадает в мясо и кость. Она проделывает полудюймовую дырочку на входе и дырку, которую ладонью не закрыть, на выходе.

Для начала это нечестно по отношению к злодеям. С карабином или винтовкой герой не может промахнуться по цели величиной с человека с расстояния в тридцать футов. И потом он обманывает противника

этим своим хитрым ружьем, потому что каждое ружье, заряжающееся с казенной части, сделано так, что патрон вкладывается в патронник передергиванием затвора, и уже потом спусковой крючок спускает курок, боек ударяет по капсюлю для выстрела. Любой скверный парень знает, что у него есть доля секунды, когда герой передергивает затвор карабина. Герой еще только заряжает (думают они); он еще должен нажать на спуск своего оружия, чтобы выстрелить из него.

Нет, этот «человек с ружьем» не «герой»; его ружье устроено так, чтоб стрелять, когда работает затвор. Типично злодейский трюк; и Лукас Мак-Кейн — стрелок с ружьем — никакой не положительный герой. У него постоянное преимущество, и его противники идут на верную гибель. Он с таким же успехом мог бы выступить с автоматом против их револьверов так называемого «простого действия» (т.е. без самовзвода). Шансы у них были бы не менее мизерными.

В большей части фильмов и книг, где действие происходит в современной обстановке, герои предпочитают выяснять отношения на кулаках. Интересно, с чего бы это? Малорослый человек, как бы здорово он ни орудовал кулаками, никогда не сможет отлупить умеющего драться рослого человека. Однако положительный герой всегда меньше своего противника. (В кино маленький герой побеждает рослого скота-злодея.) С другой стороны, применяя дзюдо или каратэ, коротышка может действительно кидать рослого скверного парня по всей съемочной площадке; но редко увидишь, чтобы положительный герой использовал приемы. В таких трюках есть что-то коварно-восточное. Это подлые, нечестные трюки, таково всеобщее мнение. Никакой истинно американский (англосаксонский?) герой не станет прибегать к ним.

Американскую и английскую публику волнуют кулачные бои. Это более прямой, позитивный и спортивный образ мышления. Французский читатель, может, и будет восхищаться умением драться ногами, но человек с английским менталитетом сочтет это грязным трюком: встань и дерись как мужчина!

^{*} Имеется в виду американский телесериал, вышедший на экраны США в 1976—1977 годах. (Прим. ред.)

Вот тут-то, возможно, и скрывается тайна переводов на другие языки; сцены схваток подогнаны под национальный образ мышления, наряду с другим знанием обычаев, что лишь доказывает, что просто студенту языкового вуза никогда не следует пытаться переводить.

Поскольку оружие по выбору не то же самое, что выбор оружия, то, видимо, писателю необходимо некоторое знание правильного оружия для исторической эпохи, в которой происходит действие его произведения. Некоторое время писатели часто использовали в исторических романах критские «рапиры». А потом археологи раскопали развалины древнего Крита. «Рапиры» оказались не чем иным, как кинжалами с длинными клинками, и, чтобы применять их, не нужно было знать никакого фехтования, они годились лишь для ударов из-за угла. Такого рода «рапира» пользовалась большой популярностью в повествованиях о пропавшей Атлантиде. Однако они создавали неправильное впечатление у читателя, который знал только рапиры времен трех мушкетеров. Возможно, выбор оружия — более важное дело, чем думают некоторые авторы.

Альберт Э. Гехтер ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ (2)

Эффективность мечей до того, как усовершенствовали огнестрельное оружие, никогда не подвергалась сомнению. Бой на мечах очень быстро стал целым искусством, даже до появления фехтования; а меч с самого начала стал знаком или символом аристократической касты воинов, статус-символом настоящего или потенциального героя. Копье, лук, кинжал, топор и палицу мог держать в руках любой простолюдин. И любой простолюдин мог иметь гладий или абордажную саблю. Но только настоящий боец и истинный воин мог владеть действительно хорошим, длинным и тяжелым боевым мечом или дуэльной шпагой. Следовательно, никакой уважающий себя кавалер не станет при-

менять по выбору никакое другое оружие, если под рукой есть меч, шпага или рапира.

В старые времена на Диком Западе трапперы примерно так же относились к тяжелому охотничьему ножу Боуи, но вскоре они сменили привязанность, перенеся ее на револьвер, когда тот появился в пограничных районах. На дальнем расстоянии магазинная винтовка была определенно эффективней револьвера, а дробовик — зачастую смертельней, но револьвер оказался непревзойденным оружием для схваток в ближнем бою и всегда являлся особой принадлежностью истинного героя.

Авторы приключенческих романов и режиссеры любили решать любые споры между героями с помощью кулаков потому, что такой поединок может понять и оценить любой читатель и зритель. Типичный мужчина думает, что он тоже большой мастер орудовать кулаками, хотя охотно признает, что не мастер в борьбе, джиу-джитсу, дзюдо или каратэ или даже французском боксе. Но эти альтернативные техники боя голыми руками хотя и более смертельны, более трудны, и обыкновенный мужчина считает их слишком экзотическими и необычными, чтобы использовать самому.

Именно поэтому писатели, стремящиеся к популярности у массового читателя и радеющие о самоотожествлении читателя с их вымышленными героями, и шахраются от этих более изощренных способов поединков.

[Комментарий А. Спрэга де Кампа] (1)

Престиж меча и окружающая его романтическая аура (упомянутые господами Гриффи и Гехтером) сводятся, на мой взгляд, к низменной экономической основе. В период приблизительно с 1350 по 1650 год нашей эры, когда меч был самым эффективным и, следовательно, самым высоко ценимым личным оружием, он был также и самым дорогостоящим оружием.

Подумайте. по сравнению с кинжалом, топором, палицей и копьем меч содержал больше всего металла — меди, бронзы, железа или стали, как уж повезет. А до удешевления металлов в ходе промышленной революции это было важным фактором.

Более того, меч ставил перед своим создателем наиболее сложные технические проблемы. Кузнецу требовалось выковать его достаточно длинным, чтобы дотянуться до врага, достаточно массивным, чтобы он не сломался о щит или щит, и все же достаточно легким, чтобы без труда наносить и парировать удары, хотя парирование стало главным элементом фехтования только после исчезновения доспехов в XVII веке. И кузнецу также требовалось подвергнуть клинок усиленной обработке — холодной ковке при работе с бронзой и термической закалке при работе с железом, — чтобы меч не тупился в бою.

Сравните это, к примеру, с топором, обух которого достаточно массивен. Воину с таким оружием не стоило опасаться, что топор сломается при ударе, и топор достаточно тяжел, чтобы убить даже после того, как его режущая кромка затупится и покроется зазубринами. Следовательно, для того чтобы смастерить хороший меч, требовался умелый кузнец, тогда как слесарный топор мог выковать любой подмастерье.

Ну а поскольку меч был самым дорогим личным оружием, им пользовались только самые богатые бойцы. И, соответственно, он стал ассоциироваться с королями и знатю. В средние века существовала даже теория, что пользоваться мечом и рыцарским копьем дозволено только людям дворянского происхождения, хотя я никогда не слыхал ни об одном средневековом генерале, который запретил бы своим ратникам иметь мечи, когда те попадались под руку. И таким образом люди пришли к мысли, что поскольку дворянин первоначально был человеком, который мог себе позволить приобрести меч, то обладание мечом придавало его владельцу атрибуты благородства.

Что же касается применения миносского бронзового меча, то ложное представление о нем основывается, на

мой взгляд, на единственном грубом наброске, вырезанном на микенском медальоне или какой-то подобной археологической находке. С другой стороны, египетская и микенская живопись и скульптура изображают многих воинов различных народов Средиземноморья, держащих мечи острием вверх или отводящих локти назад для выпада или укола. Более того, изучение копий критских мечей периода 1500—1000 годов до нашей эры в музее Пенсильванского университета показало, что это было тяжелое рубяще-колющее оружие, которое не могло эффективно использоваться для ударов с размаху. «Рапирами» их можно назвать только по контрасту с широким рубящим греческим коротким мечом (ксифом) более поздней эпохи.

Джерри Э.Пурнель ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ ИЛИ ПО НЕОБХОДИМОСТИ (1)

В фэнзине «Амра», т. II, № 22 была напечатана дискуссия о том, почему меч является для героев оружием по выбору. Мысли в двух статьях высказаны интригующие, и сами статьи интересные, но боюсь, что их авторы упустили из виду одну мелочь. Как бывший победитель Сифэйрского международного турнира по фехтованию и бывший чемпион Северо-Запада по бою на шпагах, я считаю себя обязанным выступить в защиту своего оружия.

Одна из самых веских причин того, почему меч является оружием по выбору в одиночном бою, заключается в том, что меч — самое полезное и смертоносное оружие для подобного боя. Он отнюдь не ставит своего владельца в невыгодное положение, наоборот: умелый фехтовальщик находится определенно в лучшем положении, если он сражается со злодеем, вооруженным копьем, пикой, топором, палицей, моргенштерном (бердышом), дубиной и т. д. и т. п. Умеющий хорошо орудовать посохом, может быть, и сможет победить воина с мечом, но бой пойдет примерно на равных, даже если фехтовальщик не умеет делать выпад. А если умеет, то

мастер боя на посохах скорей всего проиграет, да и трудновато найти людей, умеющих хорошо орудовать посохом.

Меч имеет преимущество главным образом по физическим причинам. В качестве абсурдного примера: очень трудно сражаться двадцатифутовой сагариссой где-либо вне фаланги, попросту невозможно заставить противника не сокращать дистанцию. Если укоротить копье, то все равно сталкиваешься с той же проблемой, пока не укоротишь его так, что оно становится ассегаем — мечом без гарды. Ассегай можно и метнуть, но при этом лучше не промахнуться.

Палица полезна, если на тебе доспехи и ты можешь стерпеть пару ударов другого парня, пока как следует размахиваешься, но в ином случае от нее мало толку. Пока человек с палицей — или топором — размахивается, мечник делает шаг вперед и протыкает насквозь ему грудь или руку. А если он умеет делать выпад, то ему для этого не требуется и шага вперед. В любом случае человек с топором или палицей проигрывает.

Двуручный меч, которым орудовали как топором, по тем же причинам очень быстро превратился в устаревшее оружие. Это прекрасное оружие, если на тебе доспехи, закрывающие тебя с головы до пят; но палаш слишком тяжел и неудобен для фехтования. Фактически воин выберет самый легкий и самый тонкий меч, какой сможет найти (если он не сражается против человека с клеймором [автор употребляет слово «клеймор» в его более позднем значении, т. е. необоюдоострый, недвуручный палаш шотландских горцев с гардой в виде чашки. Более древнее значение слова «клеймор» подразумевало куда более крупный шотландский двуручный меч. — *Л. С. де Камп.*] или с тяжелой саблей, а и то и другое уже особый случай), потому что маневренность куда важнее, чем вес оружия. Вес нужен достаточный, чтобы не дать противнику сломать ваше оружие. Мастер орудовать клеймором — а таких требовалось обучать с детства — может применять этот клинок как легкую саблю и из-за этого очень опасен. При парировании вся идея не в том, чтобы остановить оружие

противника, а в том, чтобы отвести его в сторону, так чтоб нанести удар, пока враг не защищен. Увесистое оружие полезно для рубки, но, к несчастью, человека трудно убить или вывести из строя одним рубящим ударом. Чтобы нанести хороший рубящий удар, требуется обрушить клинок на врага, а потом оттянуть оружие, разрезая тело противника. Это требует времени и убьет не сразу; ваш враг скорее всего сильно разозлится и заколет вас. Также приходится избегать полного замаха, если противник хоть что-то смыслит в бою на мечах, потому что, пока вы размахиваетесь, он закалывает вас.

С древнегреческих времен меч всегда был наилучшим оружием на поле боя, какое могла иметь пехота, вплоть до тех времен, когда появилась возможность производить в больших количествах дальнобойное оружие; и даже тогда меч долго еще жил как оружие для ближнего боя. (Сделав залп, шотландцы в битве при Килликранки отбросили мушкеты и задали англичанам перцу при помощи клейморов.) Закованные в доспехи рыцари могли орудовать и орудовали либо топором, либо чем-то очень близким к нему, вроде тяжелого двуручного меча, но в этом и состоит функция доспехов; а воины в легких доспехах или вообще без доспехов предпочитали мечи. Древнегреческая пехота сражалась, построившись фалангой, и могла обойтись без мечей — они выставляли лес пик; но противник мог (а римляне так и сделали) нырнуть под наконечники пик с мечом наготове. Несколько подобных случаев, и фаланга распадалась, не устояв перед вооруженными мечами легионерами.

Римские легионы почти перестали употреблять пилумы в качестве колющего оружия, предпочитая полагаться, после того как метнут пилумы или дротики, только на гладиусы; и даже когда они все-таки употребляли пилум, то делали это опять же для упорядоченного боя в строю, а не в схватке один на один.

После упадка легионов наступила эпоха тяжелой кавалерии, и самым лучшим оружием стали кавалерийская пика и лук; но до изобретения пороха не существовало пехоты, которой не приходилось бы полагаться на меч, если она сражалась как-то иначе, а не в сомкнутом

строю. Войска же, сражавшиеся в сомкнутом строю, часто проигрывали воинам с мечами. Можно привести еще один пример: испанские воины с мечами и круглыми щитами задали перцу швейцарским пикейщикам, после того как швейцарцы устояли перед тяжелой кавалерией. Их пики и алебарды победили всадников, но не устояли против вооруженной мечами пехоты.

Еще одним знаменитым пешим войском без мечей, которое сражалось в разомкнутом строю, были франки с их большими топорами — францисками; но римские легионы их побеждали. Позже в летописях упоминалось, что воины швыряли франциски во врага, а потом устремлялись в созданные таким образом прорехи с кинжалами в руках.

Так вот, если вы выступаете против множества врагов, то самое практичное оружие варьируется в зависимости от того, один вы или нет, насколько хорошо обучены ваши друзья и каким оружием располагают ваши враги. Но по части универсального оружия все равно нельзя превзойти меч, если не путешествуешь с ротой хороших бойцов фаланги — и им лучше действительно быть хорошими бойцами. Если нет, то поменяйте пики на мечи и постарайтесь где-нибудь раздобыть круглый щит.

Выглядеть это может лихо и дерзновенно, но для тренированного воина с мечом есть еще одна причина, по которой он выбирает для поединка с врагом свое любимое оружие, — меч самое смертоносное оружие, какое он может найти.

Джерри Э.Пурнель ОРУЖИЕ ПО ВЫБОРУ ИЛИ ПО НЕОБХОДИМОСТИ (2)

Обсуждать свойства недальнобойного оружия довольно трудно, потому что проблема эта не лишена противоречий. Для того чтобы определить, какое оружие нужно воину, на самом деле необходимо знать множество различных вещей, как-то: сколько у вас врагов и на скольких друзей вы можете рассчитывать? Умеете

ли вы делать выпад или нет? Как вы станете сражаться, в пешем строю или верхом? На какой местности произойдет схватка и что это — бой или битва?

Все эти вопросы влияют на выбор. Ведь одно дело, например, говорить об экипировке для армии и совсем другое — о выборе оружия для Героя, который, по всей вероятности, столкнется с несколькими противниками. А также встает вопрос, насколько хорошая подготовка должна быть у Героя? Сможет ли он подготовиться к бою, потратив немного времени, чтобы облачиться в доспехи и вооружиться до зубов, или он должен драться только тем, что ему случилось прихватить с собой на королевский бал?

Для обыкновенных странствий Героя, не нагруженного доспехами и тому подобным, я бы рискнул утверждать, что оружие должно быть «несколько легче двуручного меча, но определенно тяжелее спортивной рапиры» — это именно то, что нужно. Покуда нет большой вероятности, что противник будет в латах, опытный фехтовальщик находится в самом выгодном положении.

Тактика боя с противником, вооруженным мечом и щитом, была, кстати, подвергнута полевым испытаниям, и воин с мечом определенно побеждал. Во времена Челлини люди часто разгуливали с одной или более (да, иногда с несколькими) рапирами (шпагами) и маленьким круглым щитом под названием «баклер». Двигаясь вразвалочку по улице, эти воины бряцали рапирами о баклер, давая всем знать, что они рвутся в бой, — отсюда и термин «свэшбаклер» (забияка). Но это продолжалось недолго. Пара мастеров фехтования (вероятно, итальянцы и наверняка — буржуа, так как буржуазия не носила доспехов, и ей приходилось учиться должным образом применять шпагу) изобрела выпад, наверно, уже где-то в 1500 году нашей эры, но этот прием был строго охраняемой тайной. А до того применялся «пас» — обычный шаг. В любом случае способность маневрировать и держать шпагу впереди тела, а не отводить ее каждый раз для удара оказалась решающим преимуществом итальянцев. Для того чтобы атаковать, щитоносцу приходится открываться и подставлять противнику

незащищенную правую сторону. В такие моменты щит бесполезен и в то же время мешает нападать. (Прошу заметить, что для боя в разомкнутом строю с хорошими и стойкими бойцами по обе стороны от вас ситуация меняется. Если уж на то пошло, при сражении в сомкнутом строю желательно иметь большой овальный щит легионера, но для поединка он не очень-то годится.) Воин со щитом не может сделать выпад (или если он его делает, то щит опять-таки становится бесполезным) и должен при атаке открывать руку. В ближнем бою — или в толпе — у воина со щитом есть преимущество, но в открытом одиночном бою щит не так уж сильно помогает.

С другой стороны, можно воспользоваться нагрудником. Вот это и впрямь другое дело. Однако вначале давайте разберемся, с чем же сталкивается наш Герой. Если это всего лишь кираса (которая изготовлена только для защиты от стрел, дротиков и копий), то главным фактором будет мастерство участников поединка. Оба применяют одну и ту же тактику, и у человека в кирасе несколько меньшая площадь поражения. Тут у человека в кирасе преимущество, но преимущество это совсем не такое уж большое. Руки-ноги все равно будут наиболее уязвимыми местами, и кираса не защищает шею или подмышки. Однако предположим, что нечестный воин наденет длинную кольчугу и броню — кольчужную рубашку с наголовником и длинной кольчужной юбкой. Вот теперь у нашего Героя возникнут неприятности. Его шпага вряд ли пробьет кольчугу, а при такой экипировке его противник вооружен, по всей вероятности, тяжелым мечом, так что сплетенная нашим Героем сверкающая сеть защиты просто отбрасывается в сторону или прорубается. Человеку, хорошо защищенному доспехами, не приходится беспокоиться о том, как бы его не проткнули, пока он размахивается. И Герою в такой ситуации приходится бежать. Теперь наш Герой нуждается в иной экипировке (например, в спортивной обуви).

Это явно утверждает человека в доспехах в качестве высшего и превосходящего, и вывод этот кажется неизбежным. Однако дело обстоит не так просто. Правда,

что в бою один на один, конным или пешем, человек в доспехах (в кольчуге или в латах; но латы были созданы в основном в ответ на метательное оружие) практически непобедим. Исторически он господствовал на сцене весь период от битвы при Адрианополе до битвы при Мортгартене, в периоде, который охватывает почти целое тысячелетие. Что же с ним случилось потом?

Появилось метательное оружие. Легкая кавалерия еще имела шансы ворваться в толпу лучников и мушкетеров благодаря своей скорости. Но тяжелой кавалерии такое просто не по силам. Однако с пьедестала рыцаря в латах согнал не порох для ружей и даже не большой лук. Они бы тоже, несомненно, сделали дело, дай им время. Но случилось так, что его уже потеснило нечто иное: вновь открытая швейцарцами дисциплинированная пехота.

При Мортгартене в 1315 году нашей эры жители кантонов Ури, Швиц и Аппенцель перебили рыцарей Габсбургов благодаря тому, что с пиками и алебардами противостояли атаке кавалерии. Это потребовало немалой смелости, потому что вплоть до этого времени, согласно легенде, ничто и никогда не могло устоять перед рыцарями. (На самом-то деле это неправда, но об исключениях знали немногие.) После этого швейцарцы, как правило, господствовали на полях битв Европы. Несколько поражений нанесли им воины с алебардами; и после битвы при Арbedo, когда миланские рыцари прорвались сквозь строй арбалетчиков для ближнего боя с пикейщиками и одержали победу, швейцарцы выставляли в переднем ряду лес пик, держа алебардистов в резерве. Швейцарцы не носили никаких доспехов, потому что первоначально они были слишком бедны, чтобы купить какую-никакую броню. Они носили кирасу для защиты от стрел и стальную шапку.

Выставив впереди себя цепь арбалетчиков, швейцарские конфедераты наступали в сомкнутом строю. Восемнадцатифутовую пику держали на уровне плеча, и давление задних рядов гнало передние ряды на врага с неудержимой силой. Швейцарцы оставались непобедимыми почти 200 лет. За исключением немецких

ландскнехтов, применявших точно такую же тактику и оружие, что и конфедераты, с 1315 по 1503 год перед ними никто по-настоящему не мог устоять. А затем они в битве при Барлетте столкнулись с врагом куда более опасным: с испанской пехотой Гонсальво де Кордова. Эта ребята выступали с короткими мечами, с баклерами, в стальных шапках, панцирях и поножах. Сражались они в разомкнутом строю, применяли щиты для перехода в ближний бой. Меч превзошел пику. Это было доказано путем научного эксперимента. Чака, вождь зулусов до Кечвайо, выставил 100 человек с длинными копьями и щитами против 100 с ассегаями и щитами; ни один из копейщиков не уцелел, хотя копье было их племенным оружием и они умели обращаться с ним. После этого зулусы сразу уверовали в ассегай.

Однако теперь мы попали в любопытный замкнутый круг. При Адрианополе и в других местах было доказано, что бронированная кавалерия побеждает воинов с мечами и щитами. При Грансоне было доказано, что тяжелая кавалерия не может устоять против фаланги ни в наступательном, ни в оборонительном бою; а при Барлетте (в 1503 году нашей эры) так же, как при Пидне (в 168 году до нашей эры), было доказано, что фаланга не может устоять против легиона. (Прошу заметить, что и в первом, и во втором случаях обе армии были великолепно организованы и имели отличную воинскую подготовку. Уничтоженная при Адрианополе пехота не была легионом поры его расцвета, но с того времени и вплоть до битвы при Мортгартене бронированные рыцари топтали пехоту всех разновидностей.)

Все это, однако, относится только к битвам. Вопрос с индивидуальными схватками мы так и не решили. Наш Герой только что столкнулся с человеком в броне и длинной кольчуге. Что же ему требуется?

Ну алебарда или нагината были бы полезны. Если враг сколь-нибудь прилично владеет мечом, наш Герой, по всей вероятности, проиграет, но по крайней мере у него будет шанс. В доспехах и с тяжелым мечом невоз-

можно быстро атаковать. Заметьте, однако, что теперь наш Герой превратился в неподвижную мишень для любого противника со шпагой. К тому же алебарду не слишком легко раздобыть и чертовски неудобно таскать с собой в приличном обществе.

Если из всего этого и можно сделать какой-то вывод, то лишь тот, что если враги не используют хорошее дальнобойное оружие, то кольчужная рубашка и тяжелый — даже двуручный — меч оптимальное вооружение. Вес меча будет опять-таки зависеть от того, с каким врагом вы сражаетесь, так как против человека с моргенштерном или боевым топором (без доспехов) предпочтительней всего легкое оружие.

Но для общего и универсального применения, когда не разгуливаешь одетым в железный комод, меч, который легче двуручного, но определенно потяжелее рапиры, все равно самое лучшее универсальное оружие для устранения нечестивых; однако если у вас есть спутник, который обычно таскает с собой по привычке алебарду и готов помочь вам дать отпор бронированному рыцарю, то такая помощь оказывается большим подспорьем.

[Комментарий А. Спрэга де Кампа] (2)

Касательно этой статьи... Я считаю, что можно все же делать выпад и прикрывая торс круглым щитом. Попробуйте это проделать с крышкой от мусорного бачка. Верно, выпад придется делать чуть-чуть медленнее из-за веса щита и из-за того, что делающий выпад не сможет откидывать левую руку назад. Но разница невелика. Более того, воин со щитом при выпадѣ подставляет под удар руку с мечом ничуть не больше, чем воин без щита. В любом случае он может защитить эту руку чашкой рапиры или рукавом легкой кольчуги.

Я бы объяснил исчезновение круглого щита немного иначе. До 1600-х годов обыкновенный меч имел длинный колюще-рубящий клинок, слишком тяжелый

для того, чтобы эффективно парировать удар противника. Следовательно, воин, если он не был облачен в доспехи, нуждался в отдельной защите для левой руки — баклере, кинжале-мэнгоше, скатанном плаще или латной рукавице. А с появлением более легкого меча в XVII веке он смог парировать удары одним клинком.

Далее, примерно до 1500 года у большинства европейских мечей были простые эфесы с крестовиной, которая давала держащей меч руке мало защиты. Впоследствии более сложные эфесы дали возможность парировать удары гардой эфеса. И, наконец, в начале XVII века появилась рапира с чашеобразной гардой, которую можно назвать мечом с маленьким баклером перед эфесом.

Что же касается вооружения для одинокого искателя приключений в допороховые времена, рост и сила человека значили больше, чем теперь, потому что человек мог носить на себе доспехи в прямом соответствии со своими силами. Это означало, что у сильного человека доспехи были толще и больше по площади. Допуская, что наш герой рослый, сильный человек, мы дадим ему, скажем, латы, закрывающие половину или три четверти тела, образца примерно 1625 года. Латы хорошей выделки легче достать, чем кольчугу, и под них не нужно надевать толстую фуфайку, чтобы уберечь кости от переломов. Но, какими бы ни были доспехи нашего Героя, мы все равно сталкиваемся с тем фактом, что, чем лучше защита, тем обременительней будет носить эти латы и тем больше времени потребуется на облачение. Наверное, Герою следует носить легкий кольчужный жилет [по-русски — колонтарь. — В. Федоров.] и иметь при себе латы для битвы.

Герою лучше иметь довольно легкий меч, предложенный господином Пурнелем, для боя с противниками без лат — своего рода «довесок», который любой обыкновенный человек таскал с собой в конце XVII — начале XVIII веков. Такое оружие было полезней, чем изысканные, похожие на иглы рапиры или придворные шпаги XVIII века, частично знаки дворянской касты,

а частично оружие для дуэлей с другими дворянами. Кавалерия XVIII века применяла большой колюще-рубящий кирасирский палаш вплоть до 1750 года, а потом его вытеснила изогнутая венгерская сабля.

Для борьбы с врагами в латах стоит снабдить Героя тяжелым-претяжелым оружием — двуручным мечом, топором или чем-то подобным — и, наверное, щитом. Но эти штуки он приторочит к седлу верного скакуна, чтобы не утомляться, таская их на себе.

С другой стороны, если он коротышка, то ему лучше использовать дальнобойное оружие, такое как арбалет, и предоставить обмен ударами тем, кто более пригоден для подобной работы.

Перевод В. Федорова

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛШЕБНЫЕ КАМНИ КУРАГА

Роман

Перевод А. Чеха

5

ВОЛШЕБНЫЙ ТУМАН

Роман

Перевод В. Федорова

207

ВЕСТНИК КОНАН-КЛУБА

428

Литературно-художественное издание

Роланд Грин

УБИЙЦА КОЛДУНОВ

Редактор *Александр Тишинин*

Художественный редактор *Илья Кучма*

Технический редактор *Татьяна Раткевич*

Корректоры: *Татьяна Бородулина, Ольга Карпеева*

Верстка *Алексея Положенцева*

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 10.09.96.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 45 000 экз. Усл. печ. л. 23,5.

Изд. № 131. Заказ № 42.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»

Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Удивительные истории рассказывают
полуистлевшие папирусы Хайборийской эпохи.
Начертанные задолго до того, как вознеслись
к небу пирамиды Египта, они повествуют
о подвигах Бессмертного Воина — Конана.

РОБЕРТ ГОВАРД

продолжил сагу об отважном киммерийце.

Но всего двадцать одна история
была создана гениальным писателем.

После преждевременной смерти
великого летописца его дело
продолжили его друзья и ученики.

РОЛАНД ГРИН

является одним из создателей саги о Конане.

В своих чудесных романах
он уведет вас в древний мир,
где отважное сердце и сталь побеждают
черное колдовство.